

К 200-летию

Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВОСТОК

МОСКВА
ИВ РАН
2019

Ответственные редакторы и составители:

кандидат исторических наук *Н. Г. Романова*
кандидат исторических наук *Т. А. Филиппова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *О. Е. Непомнин* (ИВ РАН)
доктор исторических наук *В. П. Булдаков* (ИРИ РАН)

В 872 **Вторая** мировая война и Восток: (Коллективная монография) /
Отв. ред. и сост. Н.Г. Романова, Т.А. Филиппова; Институт востоко-
ведения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 520 с., 7 илл.

ISBN 978-5-89282-744-7

В коллективной монографии рассматриваются актуальные и малоизученные факты участия стран и народов Востока (Азии и Северной Африки) во Второй мировой войне. Наряду с этим центральное место занимает роль Советского Союза в войне, цена его победы в Великой Отечественной войне как составной части Второй мировой. Авторы касаются вопроса об этнических подразделениях в составе Красной Армии и ряда других недостаточно известных сюжетов. В книгу помещены документальные фотографии, рисунки, карикатуры военных лет, содержатся рассказы о судьбах военнослужащих, пленных, эмигрантов, использованы данные из ранее засекреченных архивов.

Монография рассчитана на ученых, преподавателей, аспирантов, студентов, а также широкий круг читателей, интересующихся проблематикой самой масштабной войны в истории человечества.

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....7

РАЗДЕЛ I. СТРАНЫ ВОСТОКА И СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

СССР и Китай (<i>Ю. В. Чудодеев</i>).....	15
Сотрудничество Японии и Германии (<i>Д. А. Милеев</i>)	46
Корейское сопротивление как фактор победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне (<i>Л. В. Овчинникова</i>)	84
Австралийский Союз в годы Второй мировой войны (<i>Н. С. Скоробогатых</i>).....	101
Советско-монгольское сотрудничество и взаимопомощь (1941–1945) (<i>Е. В. Бойкова</i>)	136
Борьба СССР против проникновения Германии в Афганистан накануне Великой Отечественной войны (<i>Ю. Н. Тихонов</i>).....	161
Иран: успешная операция Красной Армии в 1941 г. (<i>Н. М. Мамедова</i>).....	174
За кулисами англо-иракской войны 1941 года: Черчилль и Гитлер против Сталина (<i>И. Х. Миняжетдинов</i>).....	185
Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии (<i>А. В. Болдырев</i>).....	202
Хмурый рассвет независимости в отблесках победы Советского Союза: Сирия и Ливан в мае–августе 1945 г. (<i>А. В. Сарабьев</i>)	229
Роль и значение израильтян – участников Великой Отечественной войны в общественной жизни государства (<i>Т. А. Карасова</i>).....	259
Операция «Факел» и военные действия союзников: взгляд из Марокко (<i>С. Э. Бабкин</i>)	269
Белград и Рангун – 1944 г. СССР и его союзники: геополитика сотрудничества и соперничества (<i>В. И. Шеремет</i>).....	284
Вторая мировая война и Африка: пролог деколонизации (<i>Н. Г. Щербаков</i>).....	296

РАЗДЕЛ II. УЧАСТИЕ НАРОДОВ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Республики Средней Азии, защищавшие Советский Союз от фашистской Германии (<i>А. Ш. Кадырбаев</i>).....	315
«Легион Туркестан» в составе вермахта и национальные подходы в освещении деятельности этого формирования (<i>А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев</i>)	334
Битва за Кавказ и ее значение: новые подходы и оценки (<i>А. Ю. Безугольный</i>)	349
«Отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон» и национальная политика СССР в 1941–1945 гг. (<i>П. И. Тахнаева</i>)	362
Стойкость и мужество воинов Чечено-Ингушетии в боях под Сталинградом (<i>З. Х. Ибрагимова</i>)	376
Этнонациональные коллизии в советских воинских подразделениях, сражавшихся с немецкими оккупантами (<i>Л. С. Гагазова</i>).....	397

РАЗДЕЛ III. ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕННЫХ. РОЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Кто и как решал судьбу японских военнопленных? (<i>Е. Л. Катасонова</i>).....	417
Перекодировка образа японца в русской и советской сатире эпохи Второй мировой войны (<i>Т. А. Филиппова</i>)	440
Транзит через Африку. Репатриация бывших советских военнопленных в 1944 – начале 1945 г. (<i>В. В. Беляков</i>)	455
Изменение настроений российской эмиграции в Китае после 22 июня 1941 г. (<i>Л. П. Черникова</i>).....	469
Жизнь русских эмигрантов в Марокко (<i>Н. В. Сухов</i>)	481
Служить России. Жизнь Вячеслава Ивановича Пентковского (<i>К. В. Панин-Пентковский</i>)	508
Об авторах.....	516

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение Второй мировой и Великой Отечественной войны занимает одно из важнейших мест в современном российском востоковедении. В 2010 г. из печати вышла коллективная монография «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» (отв. ред. В.В. Наумкин). Приуроченная к 65-летию Победы, она открыла дорогу для целого ряда дальнейших публикаций, в том числе архивных, появившихся, в частности, на страницах журнала «Восточный архив», на тему войны 1939–1945 гг., а также войны 1914–1918 гг. Этапом в работе по военно-исторической тематике можно считать изданный в 2014 г. сборник статей «Первая мировая война в «восточном измерении». Он был подготовлен Отделом истории Востока Института востоковедения РАН и вышел под редакцией Д.Д. Васильева и Т.А. Филипповой.

В основу представленной коллективной монографии легли материалы российской научной конференции «Восток и Вторая мировая война: 70 лет Великой Победы», организованной и проведенной Институтом востоковедения РАН. Среди главных тем, рассмотренных в работе, – анализ исторических процессов, связанных с периодом Второй мировой войны в странах Востока, а также ролью в ней СССР. Значительное место в труде занимают исследования дипломатических и внешнеполитических коллизий военного времени

ПРЕДИСЛОВИЕ

в контексте проблем Азии; отражение военно-политических событий в общественном сознании и исторической памяти народов мира; политические, гуманитарные и экономические аспекты союзнических отношений Советского Союза со странами Востока.

Особое внимание авторы отводят темам, связанным с дискуссионными вопросами государственной политики советского руководства в отношении своего, «внутреннего» Востока в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны. На широкой документальной базе поднимается вопрос об оценке значительного вклада народов Кавказа и Средней Азии в общую Победу над гитлеровской Германией и её союзниками. Ряд материалов коллективной монографии посвящён сравнению геополитических аспектов стратегии воюющих держав на восточных театрах военных действий. В работе также нашли отражение трактовка и интерпретация восточных реалий и образов войны в пропаганде и сатирической печати.

Ряд аспектов, получивших отражение в данной монографии, в частности, вопросы эмиграции и плена, личные судьбы участников событий тех лет, новый формат союзнических отношений в условиях небывалых военных испытаний, подчёркивают глубокий исследовательский интерес авторского коллектива к гуманитарным, историко-психологическим и социокультурным проблемам Второй мировой войны.

Визуальные источники, представленные в книге, – документальные фотографии, рисунки, карикатуры – дают зрительные образы «восточного измерения» войны. Эти свидетельства эпохи выступают как самостоятельный доказательный ряд в рамках исследовательской аналитики, не ограничиваясь ролью простых «иллюстраций». Все это придает книге дополнительное значение, помещая ее в ряд

ПРЕДИСЛОВИЕ

публикаций так называемой «новой визуальности», весьма актуальной в современной мировой историографии и социокультурных исследованиях.

В коллективной работе, посвященной 200-летию отечественного востоковедения, отразилось отношение востоковедного сообщества к роли советского народа во Второй мировой войне и его Победе в Великой Отечественной войне как главным историческим событиям XX века.

Издание состоит из трех разделов. В первом рассмотрены роль стран Востока во Второй мировой войне и взаимодействие с ними Советского Союза. Материал в данном разделе, как, впрочем, и в двух других, расположен в строгой последовательности, обусловленной географическим фактором – движением от Дальнего Востока к Среднему и Ближнему. Открывает раздел материал Ю.В. Чудодеева о сложных и противоречивых советско-китайских отношениях, начиная с рубежа 1920–30-х годов вплоть до 1945 г. Несколько материалов посвящены Японии, в частности, сопротивлению корейского народа как фактору, существенно ослабившему японский милитаристский режим (Л.В. Овчинникова). Хорошо фундированным представляется анализ участия Австралии в войне (Н.С. Скоробогатых). Из материалов по Среднему Востоку привлекают внимание очерки Ю.Н. Тихонова (Липецк) о борьбе СССР против проникновения Германии в Афганистан накануне Великой Отечественной войны и Н.М. Мамедовой о вступлении советских войск в Иран вскоре после нападения на СССР гитлеровской Германии в июне 1941 г. Архивные документы, ставшие доступными в последнее время, позволили по-новому осветить некоторые страницы истории Второй мировой войны на Ближнем Востоке, в частности, англо-иракскую войну весны 1941 года и ее значение для последующих событий (И.Х. Миняжетдинов). Интерес вызовут у читателя

и другие материалы, помещенные в первом разделе, в том числе основанный на широком использовании новых данных анализ переговоров на высоком уровне между Германией и СССР в 1940 г. в контексте советско-турецких отношений (А.В. Болдырев), рассказ о действиях союзников (США и Англии) в Марокко в 1944 г. и участии марокканских войск во Второй мировой войне на ее заключительном этапе (С.Э. Бабкин).

Второй раздел книги посвящен участию народов СССР в Великой Отечественной войне. Все материалы, помещенные в этом разделе, представляют для заинтересованного читателя большой интерес. Стоит, быть может, выделить наиболее необычные сюжеты, такие как деятельность «легиона Туркестан» в составе вермахта и различные подходы к ее освещению (А.Д. Васильев, Д.Д. Васильев), а также материал Л.С. Гатаговой об этнонациональных коллизиях в советских подразделениях, сражавшихся с немецкими оккупантами.

В третьем разделе собраны материалы о судьбах людей в годы войны и после ее окончания. Выделяется сделанный Е.Л. Катасоновой анализ проблемы японских военнопленных. Отголоски тех решений, которые были приняты в последний год Второй мировой войны, по-видимому, до сих пор отражаются на российско-японских взаимосвязях и служат одной из причин (хотя и не главной) отсутствия мирного договора между бывшими противниками. Вызвать сопереживание не является целью других материалов раздела, но как побочный эффект оно появляется при чтении материалов о репатриации бывших советских военнопленных из Египта и Северной Африки (В.В. Беляков), жизни в годы войны русских эмигрантов в Марокко (Н.В. Сухов), настроениях российской эмиграции в Китае в годы Великой Отечественной войны (Л.П. Черникова) и судьбе одного из них – В.П. Пентковского (К.В. Панин-Пентковский).

В заключение хочется выразить уверенность, что проделанная работа будет интересна историкам, изучающим различные аспекты участия стран Востока, а также СССР и других крупных держав в мировых войнах минувшего века, и послужит отправной точкой для новых исследований.

Н.Г. Романова, зам. директора
Института востоковедения РАН, к.и.н.

Т.А. Филиппова, старший научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Раздел I

Страны Востока и СССР во Второй мировой войне

СССР и Китай

Первые очаги Второй мировой войны появились на Востоке, точнее, в Дальневосточном регионе Азии. Они возникли в результате агрессивных действий Японии, и их острие было направлено против Китая. На третьем году мирового экономического кризиса Япония, пользуясь ослаблением позиций ее основных конкурентов на Дальнем Востоке, приступила к реализации своих планов колониальной экспансии в Азии. Почувствовав себя гегемоном целого региона, она решила предпринять шаги для осуществления своей идеи о создании «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии». 18 сентября 1931 г. японская Квантунская армия, подстроив провокационный «маньчжурский инцидент», захватила г. Шэньян (Мукден) и начала оккупацию северо-восточных китайских провинций, создав там базу для дальнейшей агрессии против Китая. Видя неравенство сил, нанкинское правительство Китайской Республики, возглавляемое Чан Кайши, не решилось противостоять японцам, рекомендовав генералу-милитаристу Чжан Сюэлянгу не сопротивляться и отвести войска в Северный Китай. В стиле правоверного традиционалиста Чан Кайши заявлял, что Китай должен «справедливостью встречать насилие, миром встречать варварство, без гнева терпеть унижения, временно всему покориться».

В конце марта 1932 г. Япония завершила оккупацию Северо-Восточного Китая и создала там марионеточное государство Маньчжоу-го, сконцентрировав всю его реальную власть в руках своей военной администрации. 15 сентября японское правительство поспешило признать де-юре Маньчжоу-го и подписать с ним договор о военном союзе, который предоставил Японии право дислоцировать войска в Маньчжурии.

Китайское правительство понимало, что Япония четко нацелилась на Китай и скорее всего не ограничится захватом его северо-восточных провинций. Оно проявляло готовность сражаться с Японией, знало, что всё ведет к затяжной войне, но, учитывая военно-техническую слабость китайской армии и нестабильность в стране (противоборство милитаристских группировок, вооруженный конфликт между Гоминьданом и КПК), настойчиво искало пути вовлечения других государств в войну против Японии и придавало исключительно большое значение поддержке мирового сообщества. Между тем западные державы придерживались политики неучастия в войне на Дальнем Востоке. Агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–1932 гг. получила осуждение со стороны стран Запада лишь на словах. Следуя прогнозам своих аналитиков, руководители западных держав считали, что ближайшей и главной целью японской агрессии станет СССР, рассчитывая в ходе столкновения этих государств решить свои дальневосточные проблемы. Исходя из таких расчетов, западные страны никак не среагировали на демонстративный выход Японии в марте 1933 г. из Лиги Наций, удовлетворенные официальным заявлением главы японской делегации, что Маньчжурия оккупирована с единственной целью – сделать ее плацдармом против расширения советского влияния.

Вытеснение России из Дальневосточного региона Азии стало важным направлением японской политики. Тем более что еще в 20-е годы японские генералы, мечтая о мировом господстве, планировали после подчинения Китая вновь скрестить мечи с Россией, не исключая, впрочем, также и сокрушение Соединенных Штатов. В этих планах, таким образом, уже тогда отразились два агрессивных внешнеполитических направления, планировавшихся японским генералитетом – «северное» (СССР – МНР) и «южное» (зона Тихого океана – США).

На фоне обсуждения в Лиге Наций проблем японо-китайского конфликта Япония продолжала расширять в Китае свои агрессивные действия. В январе 1933 г. после кровопролитных боев японские войска захватили Шанхайгуань – важный стратегический пункт на железной дороге Мукден – Бэйпин, начав наступление в провинции Жэхэ. И хотя китайцам удалось остановить у Великой Китайской стены дальнейшее продвижение японцев, в тот момент они уже не располагали военным потенциалом, чтобы организовать сопротивление агрессору. Нуждаясь в передышке, обе стороны решили заключить соглашение о перемирии (май 1933 г. – соглашение в Тангу). Японская экспансия в Китай велась под флагом идей паназиатизма, усиленно пропагандируемых японскими правящими кругами и внедряемых в массовое сознание не только японского, но и китайского народа. В своем соперничестве с западными державами за влияние в Китае (под флагом борьбы с англо-саксонской идеологией «капитализма и индивидуализма») японцы пропагандировали идею создания «сферы процветания», призывая китайцев принять «освобождение» из рук Японии и стать членом большой конфуцианской семьи с доминирующей ролью Японии. Следует признать, что подобная пропаганда (в частности, японские лозунги «Вон белых

варваров из Азии» или «Азия для азиатов») была весьма действенна и находила отклик в китайском обществе¹.

В октябре 1935 г. японское руководство организовало движение за автономию Северного Китая. Японский проект предполагал вывод войск китайского правительства из этого региона, вербовку недовольных Нанкином китайских политических деятелей, готовых сотрудничать с Токио, давление на Нанкин с целью добиться предоставления особого статуса провинциям Хэбэй, Шаньдун, Шаньси и Чахар. Руководствуясь принципом «управлять китайцами с помощью китайцев» и опираясь на прояпонски настроенных местных китайских политиков и генералов (Тан Эрхэ, Ван Кэминя, Ван Итана, Цзи Сеюаня), японский генералитет явно стремился к отторжению Северного Китая. Японские военные и правящие круги выражали поддержку тем деятелям в Гоминьдане и нанкинском правительстве, которые стремились к сотрудничеству с Японией (прежде всего соперничающей с Чан Кайши группировке Ван Цзинвэя).

События в Северном Китае со всей остротой поставили перед нанкинским правительством вопросы о единстве страны и четком определении политики в отношении Японии. В этой ситуации стоит отдать должное усилиям Чан Кайши, которому удалось преодолеть сопротивление сторонников прояпонской ориентации в своем окружении и на V съезде Гоминьдана (ноябрь 1935 г.) провозгласить курс на усиление Китая как необходимую предпосылку перехода к военным действиям против японских агрессоров. Отметим, что в 1933–1934 гг. по приглашению Чан Кайши в Китай прибыли несколько десятков немецких военных советников (их возглавляли генералы Г. Сект и его помощник А. Фалькенхаузен) для реорганизации армии и военно-промышленного комплекса страны². Нанкин отклонил японское требование об официальном признании

Маньчжоу-го и сумел воспрепятствовать провозглашению автономии Северного Китая по японскому плану (автономии получили не пять, а только две провинции – Хэбэй и Чахар).

На рубеже 20–30-х годов внешняя политика СССР на дальневосточном направлении ориентировалась на поддержание добрососедских отношений и с Китаем, и с Японией. Советско-китайский конфликт 1929 г. на КВЖД и последовавший затем разрыв дипломатических и консульских отношений между СССР и Китайской Республикой облегчил вторжение Японии в Китай. Восстановление в полном объеме отношений между СССР и Китайской Республикой стало одним из прямых последствий японской агрессии в Маньчжурии. При этом советское руководство учитывало, что не только Китай, но и СССР не были готовы к войне с Японией, а тем более к войне (учитывая угрозу со стороны фашистской Германии) на два фронта. Программа модернизации СССР еще только разворачивалась, а советская оборонная стратегия не предусматривала превентивной войны с Японией. В итоге правительство СССР приняло решение нормализовать советско-китайские отношения в полном объеме (декабрь 1932 г.), отложив предложенный китайской стороной вопрос о подписании между двумя странами пакта о ненападении.

Вторжение японских войск в Маньчжурию потребовало от советского руководства принять меры к укреплению обороноспособности дальневосточных рубежей СССР и усилить создание системы международной коллективной безопасности. Осознавая возникшую для страны угрозу, Советский Союз, исходя из своей сугубо оборонительной стратегии, до поры был в состоянии выдвигать скорее дипломатические, чем военные инициативы. В декабре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, намереваясь

использовать эту организацию как трибуну для защиты стран, подвергшихся агрессии извне. К сожалению, призыв СССР и Коминтерна объединить международные силы в борьбе против фашизма не получил поддержки западных держав по причине их идеологической зашоренности.

Одновременно советское правительство принимало меры против втягивания России в войну с Японией. Важным вопросом во взаимоотношениях с Японией для СССР была проблема Маньчжоу-го. Естественно, Москва не могла игнорировать режим Пу И. Между СССР и Маньчжоу-го пролегла линия границы, существовала проблема судоходства по пограничным рекам, на территории Маньчжоу-го сохранялась наша собственность (КВЖД), советская колония там насчитывала 40–45 тыс. человек, защиту жизни и имущества которых должен был решать Советский Союз. И хотя вопрос об официальном признании со стороны руководства СССР маньчжурского режима (чего активно добивалась Япония) де-юре был Москвой снят, де-факто открылись консульства Маньчжоу-го в Чите и Благовещенске. В связи с нагнетанием напряженности японо-маньчжурской стороной вокруг КВЖД советская сторона после двух лет проволочек и провокаций пошла на продажу в ущерб своим экономическим интересам этой железной дороги новым властям Маньчжурии. Отметим, что акция была осуществлена СССР без предварительного согласования с Китаем, что вызвало протесты китайского правительства и замедлило процесс улучшения советско-китайских отношений³.

Естественно, на всё это влияли многие факторы, не в последнюю очередь и историческая память (конфликт на КВЖД), и степень доверия советского и китайского руководства (между И.В. Сталиным и Чан Кайши). Китайское руководство напряженно следило за политикой СССР в отношении Внешней Монголии (где при активной

советской поддержке была создана Монгольская Народная Республика, фактически не подчиняющаяся Китайской Республике), с которой СССР в марте 1936 г. даже подписал Протокол о взаимной помощи и ввел свои воинские подразделения. Формально Внешняя Монголия оставалась в составе Китайской Республики, с чем соглашался и СССР. Одновременно китайское руководство беспокоила политика Москвы в отношении КПК и советских районов, против которых вел активную борьбу Гоминьдан. Однако в условиях продолжавшейся японской агрессии и политикой «дальневосточного Мюнхена» Советский Союз был для Китая единственной страной, на помощь которой он мог рассчитывать. Поэтому руководство Китайской Республики решило активизировать неформальные каналы связи с советским руководством. Так, в Москву был направлен генерал Ян Цзе, которого лично принял И.В. Сталин и который интересовался возможностью поставок советского оружия в Китай (в дальнейшем Ян Цзе был назначен китайским правительством послом Китайской Республики в СССР).

Последующие эмиссары Нанкина (в частности, сын Сунь Ятсена – Сунь Фо) неоднократно зондировали вопрос о возобновлении подлинно дружественных советско-китайских отношений, о подписании советско-китайского договора о ненападении и о военно-технической помощи СССР Китаю. В этой обстановке Чан Кайши решил даже поставить вопрос о возможности возвращения его сына из СССР на родину. (Напомним, что Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, с 1925 г. жил, учился и работал в Москве и на Урале. В марте 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши. В мае 1937 г. Цзян Цзинго вернулся в Китай. В дальнейшем Чан Кайши использовал его в числе других специальных представителей для неформальных контактов с Москвой.)

Усилившаяся к 1936–1937 гг. напряженность в Дальневосточном регионе была связана с активизацией политики умиротворения агрессоров, проводившейся правительствами Запада, и подписанием Германией и Японией 25 ноября 1936 г. Соглашения против Коммунистического интернационала (Антикоминтерновского пакта) в целях завоевания мирового господства и направленного своим острием против СССР. В 1937 г. к нему присоединилась Италия, а за ней и некоторые другие страны, в том числе в феврале 1939 г. подконтрольное Японии марионеточное государство Маньчжоу-го. Вместе с тем заслуживает внимания точка зрения, высказанная в отечественной литературе, о необходимости переоценки этого документа как военного союза агрессивных держав. Антикоминтерновский пакт первоначально выглядел скорее как «протокол о намерениях» (в нем, в частности, не было обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей стороной), хотя, несмотря на свой декларативно идеологический характер, политически пакт был направлен против СССР⁴.

Летом 1937 г. Япония приступила к осуществлению своих планов захвата всего Китая. 7 июля 1937 г., спровоцировав инцидент у моста Лугоуцяо (известного как мост Марко Поло, в 10 км к юго-западу от Пекина), Япония развернула ширококомасштабную агрессию против Китая. Казалось бы, ничто не могло помешать японским агрессорам осуществить идею «одноактной» войны в Китае. Экономическая и техническая отсталость, отсутствие в достаточном объеме иностранной валюты не позволили Китаю обеспечить армию необходимой боевой техникой и вооружением. В начале войны японские войска превосходили армию противника по оснащению огневыми средствами в 4–5 раз, по авиации – в 13 раз, по танкам – в 36 раз. Неудивительно,

что первый этап войны был неблагоприятен для Китая. Под напором превосходящих сил противника китайские войска были вынуждены отойти вглубь страны: в июле, буквально через три недели после начала войны, японские войска захватили Бэйпин (современный Пекин) и Тяньцзинь, в ноябре пал Шанхай, а в декабре 1937 г. они овладели столицей Китайской Республики Нанкином, организовав в городе кровавую резню мирных жителей (в эти дни от рук оккупантов погибло, по разным оценкам, от 60 тыс. до 340 тыс. жителей Нанкина). Китайское правительство во главе с Чан Кайши было вынуждено переехать в Ухань (Ханькоу). Оправдался также расчет японских агрессоров на невмешательство крупнейших западных держав в захватническую войну, начатую Японией.

С началом крупномасштабной японо-китайской войны правительство Чан Кайши, оказывая упорное сопротивление японским агрессорам, проявило готовность сражаться с врагом, подчеркивая свою готовность вести с Японией затяжную войну. Так, выступая 20 июля 1937 г. на конференции в Гуйлине, Чан Кайши заявил: «Будучи слабой нацией, мы должны точно и ясно оценивать и соразмерять свои собственные силы. В течение последних нескольких лет мы терпеливо прилагали усилия, чтобы добиться мира, переносили серьезные трудности и грубые оскорбления для достижения национального возрождения и реконструкции. Хотя мы и слабая нация, но если нас доведут до предела, нам останется лишь одно – собрать все силы, всю нашу энергию, все возможности нашей нации и начать борьбу за национальное существование. Когда это произойдет, ничто не заставит нас остановиться на полпути, чтобы снова говорить о мире... Мы принуждены отразить удар, грозящий нашему существованию...».⁵

Большое влияние на организацию сопротивления японским агрессорам и на процесс принятия политических решений в Китае в связи с начавшейся крупномасштабной войной оказывали два фактора: формирование и функционирования единого фронта Компартии Китая и Гоминьдана, а также ситуация внутри национальной политической верхушки Китайской Республики (противоречия между Чан Кайши и Ван Цзинвэем, иными словами, раскол в Гоминьдане). В связи с начавшейся антияпонской войной отношения между двумя основными политическими силами Китая – Гоминьданом и КПК – приобрели важнейшее значение. Сопротивление Китайской Республики серьезно ослабляла продолжающаяся гражданская война между вооруженными силами нанкинского правительства и китайских коммунистов. КПК (в 1937 г. 40 тыс. членов) контролировала советский район, включавший часть провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся с центром в г. Яньани, ее регулярные воинские подразделения насчитывали более 30 тыс. бойцов. В начале войны руководство КПК сделало ряд заявлений, свидетельствующих о его серьезных намерениях найти компромисс с режимом Чан Кайши (осуществление «народных принципов» Сунь Ятсена, отказ от свержения власти Гоминьдана, вхождение китайской Красной армии в вооруженные силы Национального правительства под верховным командованием его военного совета и т. д.).

13 июля делегация КПК во главе с Чжоу Эньлаем прибыла в курортный район Лушань и передала Чан Кайши Декларацию ЦК КПК об установлении сотрудничества между Гоминьданом и КПК (правда, она была опубликована гоминьдановским правительством только в сентябре 1937 г. после захвата японцами Бэйпина и Тяньцзиня и начала наступления японских войск на Шанхай)⁶. В сложившейся обстановке руководство Гоминьдана также

предприняло шаги, направленные на сотрудничество с КПК и прекращение гражданской войны. Так, оно признало район Шэньси – Ганьсу – Нинся «особым районом Китайской Республики», объявило о реорганизации китайской Красной армии и переименовании ее в 8-ю армию общекитайской Национально-революционной армии. Китайская компартия фактически была легализована, часть коммунистов была освобождена из тюрем, представительства КПК были учреждены в Нанкине, Ухани, Чунцине, 8-й армии в Сиани.

Несмотря на глубоко укоренившееся и сохраняющееся взаимное недоверие у Гоминьдана и КПК, разное видение перспектив развития страны, создававшее основу для новых трений и конфликтов, а также и отсутствие у единого фронта в Китае четкой организационной и юридической формы, – политическое соглашение между двумя партиями в корне изменило ситуацию. От гражданской войны Китай перешел к длительной войне сопротивления японским агрессорам. Единство политических сил стало одной из важнейших причин провала планов японских агрессоров, которые делали ставку на внутренний политический раскол Китая и изоляцию Китайской Республики на международной арене.

Важную роль в создании единого фронта и в укреплении решимости Чан Кайши к сопротивлению Японии играла политика СССР в отношении Китая. Подписанный 21 августа 1937 г. Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой фактически вывел Китай из международной изоляции и гарантировал столь необходимую помощь в условиях практически полного отказа западных держав поддержать Китай в какой-либо форме. На протяжении всей войны сопротивления японской агрессии СССР, не вступая в войну с Японией, оказывал поддержку китайскому государству, стоял за сохранение единого

фронта Гоминьдана и КПК, иными словами, не выступал за раскол Китая. Хотя возникавшая и со временем обострявшаяся конфронтация Гоминьдана и КПК оказывала влияние на советско-китайские отношения.

В связи с развернувшейся агрессией против Китая серьезные надежды Токио возлагал на разногласия внутри Гоминьдана относительно взаимоотношений с Японией. Линии на сопротивление Японии и сотрудничество с КПК (Чан Кайши) противостояла группировка правых гоминьдановцев, выступавших за сотрудничество с Японией (Ван Цзинвэй /1885–1944/). Ван Цзинвэй был не последней фигурой в гоминьдановском руководстве. К началу войны он был заместителем Чан Кайши по ЦИК Гоминьдана и председателем Исполнительного юаня (правительства Китайской Республики). Ван Цзинвэй, пользующийся большим влиянием в партии, соперничал с Чан Кайши за лидерство в Гоминьдане. Выступая под лозунгом «национального сохранения», ради «спасения страны» он стоял на позициях паназиатизма и сотрудничества с Японией, признавая за ней право на руководящую роль в построении «нового порядка в Восточной Азии». Выступая как сторонник «почетного мира» с Японией, Ван Цзинвэй полагал, что война с Японией больше всего выгодна коммунистам, и чтобы избежать поражения, Китаю следует договориться с Токио.

В декабре 1938 г. китайское руководство получило от японского премьера Коноэ Фумимаро условия мира: совместное с Японией и Маньчжоу-го создание «нового порядка» в Азии, развитие дружеских взаимоотношений, совместная борьба с коммунизмом, экономическое сотрудничество, ликвидация на территории Китая иностранных концессий. После того как в Чунцине в очередной раз отвергли эти предложения, японская разведка связалась с Ван Цзинвэем и от имени правительства Японии

предложила ему возглавить «временное правительство» Китая. В декабре 1938 г. Ван Цзинвэй бежал из Чунцина, где в то время базировалось гоминьдановское правительство, в Ханой, а оттуда через Шанхай был доставлен в Токио. Там он принял все японские условия и спустя год, 30 марта 1940 г., возглавил марионеточное «центральное правительство Китая» в оккупированном японцами Нанкине. Ван Цзинвэй был не одинок в своем стремлении сотрудничать с японцами. Вместе с ним ушли такие видные гоминьдановцы, как Чэнь Гунбо, Чжоу Фухай, а также более 40 членов и кандидатов в члены ЦИК Гоминьдана и другие ответственные работники.

Ван Цзинвэй получил из рук японцев лишь пост «исполняющего обязанности председателя» правительства. Место постоянного председателя, как об этом открыто говорилось, было резервировано для Чан Кайши, который отказался войти в состав марионеточного правительства Ван Цзинвэя, отверг любые мирные переговоры, продолжал воевать с Японией, впрочем, так и не объявляя ей войну. И хотя решением ЦИК Гоминьдана Ван Цзинвэй был навечно исключен из партии, его ближайший помощник Чэнь Гунбо до конца войны поддерживал переписку с Чан Кайши⁷. Отметим, что японская пропаганда паназиатизма, под флагом которого Япония осуществляла свою агрессию, была весьма действенна и находила определенный отклик в китайском обществе. Об этом свидетельствует не только факт создания японцами марионеточного режима в Нанкине, но и сформированная Ван Цзинвэем многомиллионная армия, которая воевала в Китае на стороне японцев, использующих ее в карательных операциях, и на определенных этапах по численности даже превышала армию национального правительства Чан Кайши. В ноябре 1941 г. режим Ван Цзинвэя присоединился к Антикоминтерновскому пакту.

Серьезную помощь борющемуся Китаю начал оказывать Советский Союз. Хотя соглашение о первом советском кредите Китаю на сумму 50 млн долл. было оформлено лишь в марте 1938 г., доставка оружия из СССР в Китай началась уже с октября 1937 г. Это был беспрецедентный случай в международной практике, который тем более примечателен, что именно в то время представители китайского правительства вели безрезультатные переговоры с западными державами в надежде получить хоть какую-нибудь помощь. В июле 1938 г. и в июне 1939 г. в Москве были подписаны соглашения о новых кредитах Китаю – соответственно в размерах 50 млн и 150 млн долл. По вопросу их предоставления Китаю в Москву специально приезжал председатель Законодательного юаня Китайской Республики Сунь Фо (сын Сунь Ятсена). В счет советских кредитов, предоставленных в самый критический для страны период, Китай получал вооружение, боеприпасы, нефтепродукты, медикаменты. Всего с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение. О размахе советской помощи вооружением можно судить по объему производившихся перевозок. Грузовые порты Дальневосточного и Черноморского пароходств выделили на эти цели десятки грузовых океанских судов, использовались свыше 5,5 тыс. железнодорожных вагонов, Синьцзянский тракт обслуживало около 5,2 тыс. грузовых автомашин ЗИС-5. Для доставки срочных грузов была организована авиалиния с транспортными самолетами ТБ-3. В 1938–1940 гг. автотракт от Алма-Аты через Синьцзян до Ланьчжоу протяженностью 3 тыс. км в связи с установлением в начале войны полной блокады китайского побережья фактически превратился в «дорогу жизни» для Китая.

Следует учесть, что в течение года японцами были захвачены территории Китая, на которые приходилось более 60% залежей угля, 40% запасов соли, треть сельскохозяйственных угодий⁸.

Помощь Советского Союза была важнейшим фактором отпора Китая японским милитаристам. В начале войны в решающих оборонительных сражениях китайская армия потеряла около 800 тыс. человек (40% личного состава), почти все самолеты, большую часть немногочисленных танков, половину артиллерии и военно-морской флот. Благодаря самоотверженным усилиям СССР Китай не только выстоял под сильным ударом агрессора, но и сумел к середине 1939 г. восстановить и развернуть крупные вооруженные силы: 245 пехотных, 16 кавалерийских, одну механизированную дивизию (всего около 3 млн человек). В ответ на просьбу китайской стороны правительство СССР согласилось отправить в Китай военных советников, специалистов и летчиков-волонтеров. К середине февраля 1939 г. в Китае работали и участвовали в борьбе с агрессорами 3665 советских военных специалистов. В начальный период войны помимо советских людей, обеспечивавших доставку вооружения и других грузов по «дороге жизни», многие советники и специалисты из СССР сражались бок о бок с китайскими воинами непосредственно на фронте.

Первая группа советских военных советников разных специальностей (27 человек) прибыла в Китай в конце мая – начале июня 1938 г. К октябрю 1939 г. их число возросло до 80. Они непосредственно помогали разрабатывать планы операций для отпора японскому наступлению, обучали и готовили китайских военных к боевым действиям против захватчиков. Правда, их рекомендации и пожелания не всегда активно использовались, часто саботировались. Сказывались антисоветские настроения, распространенные

среди многих китайских генералов и военачальников. Тем не менее, помощь советских специалистов во многих случаях существенно влияла на организацию активной обороны китайской армии (в частности, на длительную оборону Ухани в июле – октябре 1938 г. и др.). Среди советников, направленных в Китай, были такие видные советские военачальники, как М.И. Дратвин, А.И. Черепанов, К.М. Качанов, В.И. Чуйков, П.С. Рыбалко, П.Ф. Батицкий, А.Я. Калягин и многие другие.

Особый вклад в укрепление обороноспособности Китая в первые годы войны внесли советские летчики-волонтеры. К концу 1937 г. малочисленная китайская авиация почти утратила свое боевое значение. Это сразу же сказалось на состоянии фронта и тыла. Японские бомбардировщики получили возможность безнаказанно совершать налеты на китайскую территорию. В ответ на настоятельную просьбу гоминьдановского руководства советское правительство приняло решение об отправке в Китай первоклассной по тем временам авиационной техники: истребители И-15 и И-16, скоростные бомбардировщики СБ, тяжелые бомбардировщики ТБ-3, бомбардировщики дальнего действия ДБ-3. Всего в 1937–1941 гг. из СССР в Китай было поставлено 1250 самолетов различных марок в сопровождении большой группы авиационных специалистов. Среди них были летчики, авиатехники, авиамеханики, радисты, метеорологи, начальники аэродромов, шифровальщики, шоферы, инженеры, рабочие бригад по сборке самолетов, врачи. В октябре 1937 г. начал действовать «воздушный мост» Алма-Ата – Ланьчжоу – Ханькоу. Уже сам перелет в Китай, часто сопряженный с риском для жизни, был серьезным испытанием воли и мужества советских людей. Трасса проходила через пустынные и гористые районы Северо-Западного Китая. Промежуточные аэродромы

не были приспособлены для приема тяжелых воздушных машин типа СБ, между ними отсутствовала связь, не было сведений о метеоусловиях⁹. Еще бóльшие трудности ожидали наших летчиков в Китае: им пришлось воевать в незнакомой и сложной обстановке, камуфлировать свое присутствие, переодеваться перед боевым вылетом в китайскую летную форму, наносить на советские боевые машины опознавательные знаки китайских ВВС. Сказывалось отсутствие надежной противовоздушной обороны.

Советские летчики вступили в бой с японцами сразу же после приземления на нанкинском аэродроме 21 ноября 1937 г. В дальнейшем на истребителях И-15 и И-16 они принимали активное участие в боях за Ухань. Всего около 200 советских летчиков-добровольцев участвовало в обороне Ухани от авианалетов противника. Эффективно действовали и советские бомбардировщики. Так, 23 февраля 1938 г. группа советских бомбардировщиков под командованием Ф.П. Польшина (28 машин) совершила налет на японский аэродром близ Тайбэя на о. Тайвань, где они уничтожили 40 новых японских истребителей¹⁰. Советниками китайской авиации и организаторами боевых действий в небе Китая были выдающиеся советские военачальники П.Н. Анисимов, П.Ф. Жигарев, Ф.П. Польшин, П.В. Рычагов, А.Г. Рытов, Г.И. Тхор, Т.Т. Хрюкин и др. Многие из них до этого участвовали в боевых действиях против франкистов в Испании. Совершая чудеса героизма и самопожертвования, они вынесли на своих плечах тяжесть многих воздушных сражений в Китае. Более 200 советских летчиков погибли в воздушных боях в китайском небе. (В одном из парков Ханькоу китайцы создали мемориал, где были похоронены 14 советских летчиков-волонтеров, погибших в те годы в китайском небе.)

Конечно, помощь СССР Китаю не была односторонней, помогая Китаю, Советский Союз преследовал и свои жизненно важные интересы. Оказывая сопротивление японской армии, Китай оттягивал на себя значительную часть сил, которые могли бы быть использованы Японией против СССР. Китайско-японская война, таким образом, была одним из факторов, затруднявших реализацию японских планов нападения на СССР. Не будет преувеличением сказать, что во время этой войны фактически сложилось стратегическое партнерство СССР и Китайской Республики. Но при этом полного совпадения жизненных интересов СССР и Китая в войне с Японией на том этапе быть не могло. Ведь Китаю уже была навязана война, и он, не объявляя в ответ войну Японии и включившись в затяжную войну с ней, был заинтересован в ее скорейшем окончании при условии сохранения своей национальной государственности. В этой связи, учитывая слабость страны и нестабильность политической ситуации, руководство Китая активно выступало за вовлечение держав, прежде всего СССР, в войну против Японии. Но Советский Союз, помогая Китаю, не был готов объявить войну Японии из солидарности с Китаем. Взаимодействие СССР с КПК также осложняло развитие советско-китайских отношений. Так, в конце 1939 г., получив информацию о конфликте в провинции Шаньси между войсками Гоминьдана и КПК, Советский Союз приостановил военные поставки Китаю, что, естественно, не вызвало положительной реакции у руководства Китайской Республики.

С октября 1938 г. начался новый этап японо-китайской войны, характеризовавшийся стратегией затяжной войны, отдельными локальными столкновениями и усилением политического наступления Японии на гоминьдановское правительство в попытке найти с ним точки

соприкосновения на антикоммунистической основе. Не сумев добиться реализации своих планов посредством молниеносной войны, японское командование приняло решение о прекращении широкомасштабных наступательных операций в Китае и сосредоточении усилий по организации на захваченных территориях китайской администрации, подконтрольной Японии. По апрель 1944 г. в японо-китайской войне наблюдалось затишье, своего рода равновесие сил, когда обе противоборствующие стороны пытались сохранить силы для дальнейших баталий. Япония постоянно пыталась прощупать обороноспособность СССР. Тем более что японское руководство чрезвычайно раздражала активная помощь Китайской Республике со стороны Советского Союза. Чтобы продемонстрировать свое раздражение политикой СССР, руководство Японии еще раньше пошло на резкое обострение советско-японских отношений. Звеньями этого процесса стали события на оз. Хасан (1938), а затем на р. Халхин-Гол (1939).

Первый эпизод был связан с попыткой советских пограничников уточнить линию разграничений с Маньчжоу-го в Посьетском районе Приморского края, недалеко от оз. Хасан. Конфликту с японцами предшествовало бегство в Маньчжоу-го в июне 1938 г. видного деятеля местной советской администрации – начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Генриха Люшкова, располагавшего ценной для японцев информацией. Активные действия советских пограничников, решивших организовать охрану и демаркировать участок данной пограничной зоны, вызвала нервную реакцию командования Квантунской армии и последовавшую за этим череду пограничных стычек. Развернувшиеся военные действия успешно закончились для советских войск, которыми руководил командующий Дальневосточным фронтом маршал В.К. Блюхер¹¹.

Конфликт в районе оз. Хасан не перерос в войну между СССР и Японией, обе стороны к ней не стремились, и отношения между ними не были прерваны. Более масштабную проверку Красной Армии на прочность (после череды репрессий в СССР) командование Квантунской армии организовало в районе р. Халхин-Гол в мае–сентябре 1939 г. Конфликт в этом районе перерос в локальную войну, которую формально вели Маньчжоу-го и Монгольская Народная Республика, но фактически – СССР и Япония. Отношения между двумя странами обострились до предела.

Хотя поводом к конфликту послужила небольшая спорная территория – пустынный район шириной всего в несколько километров между Маньчжоу-го и МНР, но каждая из противоборствующих сторон преследовала в ходе боевых действий важные политико-стратегические цели: Япония примеривалась к возможному варианту оккупации Монголии и войне против СССР; Советский Союз в противовес этому хотел продемонстрировать свою возросшую боевую силу и активно защитить своего союзника – МНР. В случае возможного захвата территории МНР Япония получала стратегическую инициативу в противоборстве с СССР (угроза перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, открыв выход японским вооруженным силам в Забайкалье и т. п.).

Еще в августе 1937 г. силы Красной Армии были дислоцированы на территории Монголии. Между тем японская военщина нагнала, угрожая устанавливать силовым путем недемаркированные рубежи между Маньчжоу-го и МНР по своему усмотрению. Летом 1939 г. советско-монгольские войска были преобразованы в 1-ю армейскую группу, во главе которой был поставлен Г.К. Жуков, будущий маршал, в то время командир армейского корпуса. Японцам угрожали внушительные военные силы: 57 тыс. солдат

и офицеров, 542 орудия и минометов, 498 танков, 515 истребителей и бомбардировщиков¹². В результате в августе 1939 г. четырехмесячное вооруженное противостояние завершилось серьезным поражением Квантунской армии. Победа на Халхин-Голе резко снизила экстремистский накал у японских сторонников войны против Советского союза, что сыграло свою роль два года спустя, летом 1941-го. Впрочем, и Советский Союз не был заинтересован в продолжении и расширении конфликта, согласившись на предложение Токио заключить перемирие. (Окончательно конфликт на Халхин-Голе урегулировали после долгих переговоров только в мае 1942 г., было заключено соглашение о демаркации границы в спорном районе.)

1 сентября 1939 г. Германия развязала войну в Европе, что повлекло за собой большие изменения в международной обстановке и политике государств во всем мире. В связи с войной в Европе Чан Кайши заявил о продолжении сопротивления японской агрессии до восстановления суверенитета, территориальной и административной целостности Китая. Он подтвердил желание Китая защищать устав Лиги Наций, международные договоры и отказ Китая от присоединения к Антикоминтерновскому пакту. В тот период не только СССР опасался агрессивных шагов Японии, но и Япония опасалась военных акций со стороны СССР, особенно после заключения советско-германского договора о ненападении («пакта Молотова – Риббентропа»). Япония не могла простить Германии этого договора, сочтя, что он лишал ее возможности открыть «второй фронт» против СССР и приобрести азиатскую часть Советского Союза. В конце 1940 г. при одобрительном отношении И.В. Сталина в Москве даже обсуждался вопрос о возможности присоединения СССР к Тройственному пакту Японии, Германии и Италии, заключенному 25 сентября 1940 г. (фактически

это был пакт о военном союзе, предполагавший в дальнейшем передел мира в интересах подписавших его стран). Правда, вскоре СССР отказался к нему присоединиться.

Нейтрализация более чем реальной угрозы со стороны Японии была в этот период одной из важнейших задач советской дипломатии. Советскому Союзу приходилось действовать и учитывать сложное взаимодействие с Германией, Японией и Китайской Республикой. В результате СССР отказался подписать договор о ненападении, предложенный Японией, которая увязывала свой жест с отказом советской стороны от предоставления помощи Китаю. В итоге 13 апреля 1941 г. И. В. Сталиным и прибывшим в Москву японским министром иностранных дел Мацуока Есукэ был подписан только пакт о нейтралитете. В специальной декларации, подписанной и опубликованной вместе с этим соглашением, правительство СССР пошло на компромисс, заявив об уважении территориальной целостности и неприкосновенности Маньчжоу-го. В ответ аналогичное заявление в отношении МНР сделала Япония. 25 апреля пакт был одновременно ратифицирован Верховным Советом СССР и императором Японии¹³.

Подписание этого пакта было крайне отрицательно воспринято руководством Китайской Республики, которое продолжало рассчитывать на расширение масштабов советской помощи и вовлечение СССР в войну с Японией. Естественно, что каждая сторона думала о своих интересах, понимая их по-своему. Тем не менее, советско-китайские отношения продолжали развиваться в конструктивном ключе, хотя период их активного взаимодействия закончился в связи с расширением войны в Европе и началом Великой Отечественной войны. На них влияла и угроза СССР со стороны Японии, а также непрекращающиеся столкновения между воинскими частями КПК и Гоминьдана, что

неизбежно проецировалось в той или иной мере на советско-китайские отношения. Характерно, что в связи с началом Великой Отечественной войны ни Гоминьдан, ни КПК не расширили масштабы своих активных военных действий против Японии, что, конечно, отвечало бы интересам СССР, опасавшегося открытия против него второго фронта на Востоке. Правда, 2 июля 1941 г. правительство Чан Кайши разорвало дипломатические отношения с Германией и Италией и заявило о присоединении Китая к антифашистскому блоку, но не в связи с нападением фашистской коалиции на СССР, а в ответ на признание Германией марионеточного прояпонского правительства Ван Цзинвэя Центральным правительством Китая. Вместе с тем в телеграмме И.В. Сталину Чан Кайши заявил о поддержке СССР в связи с агрессией нацистской Германии и пожелал полной победы в войне с ней.

В середине 1943 г. Москва приняла решение в одностороннем порядке отозвать всех своих военных советников из Китая, мотивируя это решение тем, что специалисты нужны на советско-германском фронте. Правительство Китайской Республики не раз обращалось к СССР с просьбой отменить это решение или прислать замену отзываемым специалистам, однако эти просьбы оставались без ответа. К концу 1943 г. советские военные советники покинули Китай¹⁴. В начале 40-х годов в азиатской стратегии Японии все бóльшую роль начинает играть противостояние с США и Великобританией, которые после вступления японского экспедиционного корпуса в Индокитай в июле 1941 г. ввели против нее экономические санкции. Во внешней политике США начала возрастать роль китайского направления. В изменившейся международной обстановке японское командование пересмотрело свои планы нападения на СССР. В японском руководстве победили сторонники

южного направления дальнейшей японской экспансии. Поворотным моментом стало нападение 7 декабря 1941 г. Японии на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор. Япония спешила нейтрализовать силовое противодействие со стороны США для захвата стран Индокитая и островов Тихого океана. В свою очередь, поспешив обозначить свою внешнеполитическую позицию, гоминьдановское правительство официально объявило войну Японии, Германии и Италии. 26 декабря 1941 г. был заключен договор о военном союзе между Китаем, Великобританией и США.

Углубление американо-китайского сотрудничества сопровождалось поставками США Китаю по ленд-лизу военной техники и предоставлением займов китайской стороне. Весной 1942 г. американский генерал Дж. Стилуэлл был назначен военным советником Чан Кайши, начальником его личного штаба и одновременно заместителем главнокомандующего союзными войсками на китайском театре военных действий. На территорию Китая были введены подразделения американских войск, строились аэродромы для приема авиации США. В январе 1942 г. американцы назначили Чан Кайши главнокомандующим союзными войсками на китайском театре военных действий, включающем кроме Китая территории Таиланда, Малайи, Бирмы и Французского Индокитая.

Япония скорректировала свою политику управления оккупированными территориями в Китае, придав большую легитимность марионеточным режимам. В частности, был провозглашен принцип равенства в отношениях Токио с режимом Ван Цзинвэя. В декабре 1942 г. он даже нанес официальный визит в Токио, где ему был организован торжественный прием. Подчеркивая принцип равноправия, Япония вернула режиму Ван Цзинвэя ряд международных селтльментов в Шанхае, отказалась от прав

экстерриториальности. В благодарность 9 января 1943 г. ванцзинвэевское правительство объявило войну США и Англии. Подписав со своей марионеткой «договор о союзе», японское руководство сделало шаг на пути укрепления военной самостоятельности режима Ван Цзинвэя, разрешив увеличить его армию до 550 тыс. человек, которую японцы активно использовали в карательных операциях на оккупированной территории Китая.

В свою очередь, правительство Чан Кайши стремилось использовать контакты с США, чтобы повысить свой авторитет и влияние в международных делах. Заинтересованные в сохранении Китая в числе воюющих держав, США и Англия подписали с правительством Чан Кайши договоры, в которых (по аналогии с жестом Японии в отношении режима Ван Цзинвэя) также отказались от прав экстерриториальности. Впрочем, отношения между союзниками не были безоблачными. Чан Кайши периодически выражал недовольство недостаточными суммами американской помощи, в свою очередь, западные союзники Китайской Республики обвиняли гоминьдановское руководство в некомпетентности, коррупции и пассивном ведении боевых действий против Японии. Вместе с тем США не раз демонстрировали свое дружественное отношение к Китаю. Важным событием на пути повышения международного престижа Китая стала Каирская конференция (22 ноября – 1 декабря 1943 г.), в которой приняли участие главы правительств США, Англии и Китая. В Каирской декларации Китай характеризовался как одна из великих мировых держав. Это была большая дипломатическая победа Китая. Декларация провозглашала возвращение Китаю территорий, отторгнутых у него, – Маньчжурии, Тайваня и Пескадорских островов. В дальнейшем Китай также принимал участие в составлении Устава ООН, подписанного 26 июня 1945 г.

4–11 февраля 1945 г. в Ялте в Ливадийском дворце состоялась встреча глав правительств трех великих держав антигитлеровской коалиции с участием И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Соглашение по международным проблемам, связанным с Китаем, было принято в Ялте без участия Китая. В тот период в силу внутренних и внешних причин СССР не был готов к диалогу с Чан Кайши. Принятое на Ялтинской конференции и зафиксированное в соглашении обязательство СССР объявить войну Японии спустя три месяца после капитуляции Германии, по настоянию И.В. Сталина, должно было храниться в строжайшей тайне (существовали веские основания предполагать, что эта информация через окружение Чан Кайши могла дойти до японских резидентов в Китае). СССР оговорил свое решение вступить в войну против Японии некоторыми условиями: сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР), возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней Курильских островов, интернационализация торгового порта Далянь (Дальний), восстановление аренды военно-морской базы Порт-Артур (Люйшунь), совместная эксплуатация КВЖД и ЮМЖД.

Вместе с тем правительство СССР выразило готовность заключить с правительством Чан Кайши договор о дружбе и союзе. Переговоры о заключении этого договора продолжались в Москве полтора месяца (с 30 июня по 14 августа 1945 г.). Китайскую делегацию возглавлял председатель Исполнительного Юаня Китайской Республики Сун Цзывэнь (кстати, в то время один из богатейших людей Китая), советскую – И.В. Сталин, что подчеркивало значимость этих переговоров для СССР. Советско-китайские переговоры в Москве носили сложный характер. Наиболее категорично китайская сторона выступала против признания независимости Внешней Монголии (МНР). Переговоры

завершились подписанием 14 августа 1945 г. советско-китайского Договора о дружбе и сотрудничестве. Обе стороны обязались вести войну против Японии до полной победы, уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга, не вмешиваться во внутренние дела, не заключать каких-либо союзов и не принимать участие в каких-либо коалициях, направленных против другой стороны. Важным было признание правительством Чан Кайши Монгольской Народной Республики. В свою очередь, правительство СССР обязалось в течение трех месяцев после капитуляции Японии вывести свои войска из северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии), за исключением Порт-Артура и Дальнего.

8 августа 1945 г., еще до завершения советско-китайских переговоров, точно в соответствии с договоренностью, достигнутой в Ялте, Советский Союз объявил войну Японии. 9 августа советские войска в составе трех фронтов общей численностью свыше 1 млн человек перешли границу Маньчжоу-го и начали наступление на японские позиции в Маньчжурии. Здесь им противостояли отборные части Квантунской армии, располагавшие мощной системой долговременной обороны. Военная инфраструктура в этом районе была рассчитана на пребывание в боеготовности более 1,5 млн человек. С учетом Квантунской армии у Японии под ружьем на тот момент было около 7 млн человек¹⁵. Конечно, для советских войск, вошедших в Северо-Восточный Китай (ими командовал маршал Советского Союза А.М. Василевский), это не была легкая военная прогулка. Однако такого ожесточенного сопротивления, которое весной 1945 г. советская армия встретила на Западе, на Востоке не было.

Япония была деморализована американскими атомными бомбардировками японских городов Хиросима и Нагасаки (новый американский президент Гарри Трумэн

грозил забросать Японию атомными бомбами), а также появившимися сообщениями об обсуждении в японских верхах вопроса о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил перед союзниками. Японский император Хирохито еще в июле 1945 г. собрал японский Высший совет по руководству войной (в нем было 6 членов), где решался этот вопрос. Голоса разделились поровну, решающим стал голос императора, который дал «добро» на капитуляцию при условии сохранения в Японии монархии. По вопросу капитуляции Хирохито специально выступил по радио (японцы впервые слышали голос своего императора), а 15 августа издал эдикт о прекращении военных действий и безоговорочной капитуляции Японии. Подчиняясь воле императора, главнокомандующий Квантунской армии генерал Ямада Отодзо отдал приказ о прекращении военных действий и сдаче оружия.

В течение недели советская сторона принимала капитуляцию отдельных частей и подразделений японской армии, правда на отдельных участках бои продолжались. В ходе операций в Северо-Восточном Китае советское командование часто использовало метод десантирования своих частей. Так, в ночь с 18 на 19 августа 1945 г. воздушно-десантное подразделение советских войск высадилось на аэродроме в Шэньяне (Мукдене), захватив в плен императора Маньчжоу-го Пу И (которого японцы планировали вывести в Японию), его свиту, а также сопровождавших Пу И японских генералов. Вместо Японии Пу И попал в Читу, где был арестован советскими властями и затем направлен в спецлагерь под Хабаровском, где провел в заключении 5 лет¹⁶.

Во второй половине августа 1945 г. вся территория Маньчжурии, а также провинция Суйюань и территория бывшей Внутренней Монголии, Корея (до 38-й параллели), Южный Сахалин, Курильские острова были освобождены

от оккупантов. В свою очередь, 28 августа 1945 г. американские войска начали высаживаться на японских островах. 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, правительство Японии подписало Акт о безоговорочной капитуляции. От имени японского императора акт подписал Сигэмицу Мамору, от США – генерал Дуглас Макартур, от СССР – генерал-лейтенант К. Деревянко, от Великобритании – адмирал Брюс Фрэйзер, от Китайской Республики – генерал Сюй Юйчан, а также представители других союзных стран. Советские войска оставались на территории Северо-Восточного Китая до 3 мая 1946 г. Отношения между советским командованием в Маньчжурии и правительством Чан Кайши строились с учетом советско-китайского договора о дружбе и союзе.

В связи с темой вступления СССР в войну с Японией хотелось бы затронуть один момент в советско-японских отношениях того времени. Объявив войну Японии в августе 1945 г., Советский Союз фактически денонсировал пакт о нейтралитете с Японией, подписанный в апреле 1941 г. А между тем Япония, исходя из положений пакта (срок его действия заканчивался только через год), рассчитывала на посреднические усилия СССР в деле выхода из войны и заключения мира, который предусматривал бы сохранение императорской системы. Выясняется, что японские правящие круги, понимая, что война проиграна, тем не менее, сопротивлялись безоговорочной капитуляции, до последнего рассчитывая на посредничество Москвы. И определенные основания у японцев были – ведь Потсдамская декларация США, Англии и Китая о безоговорочной капитуляции Японии (июль 1945 г.) была принята без СССР. По мнению некоторых отечественных политологов, советские руководители (в первую очередь И.В. Сталин) исходили не из состояния

отношений с Японией, а из общего видения ситуации в регионе и в мире, списав на том этапе Японию со счетов ввиду обстановки, сложившейся на последнем этапе мировой войны. Однако фактическое нарушение СССР пакта о нейтралитете ухудшило атмосферу, в которой в дальнейшем формировались отношения между Москвой и Токио.

Период Второй мировой войны был судьбоносным и СССР, и для Китая. Речь шла об их существовании на мировой арене в качестве самостоятельных государств. И фашистская Германия, и империалистическая Япония, выдвигая на первый план насилие для утверждения своего политического диктата, в то время несли «культуру варваров» ради уничтожения других культур. Борьба с этими античеловеческими поползновениями объединяла СССР и Китай, их жизненные интересы оказались взаимосвязаны. Итак, Вторая мировая война, начавшись на Востоке, завершилась также на Востоке. Ее последним трагическим актом стал разгром империалистической Японии. Вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке значительно ускорило окончание войны с Японией. При ином повороте событий война могла бы затянуться на неопределенно длительное время.

Официальным партнером СССР в Китае в годы войны было Национальное правительство, правящая партия Гоминьдан. Ее лидер Чан Кайши – сложная и противоречивая фигура в истории Китая. Он был готов довести войну с Японией до победного конца и сделать Китай влиятельной державой мира. Поддержка Советским Союзом идеи единства в Китае помогла китайскому народу удержать страну в общем фронте союзных держав во Второй мировой войне и определила успехи Китая в системе международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010; Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М., 2000. С. 113–114.
2. Каткова З.Д. Чан Кайши и его немецкие советники / Общество и государство в Китае. Вып. 42. Ч. 3. М., 2012.
3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. Китайская Республика (1912–1949). М., 2013. С. 287, 291–293.
4. Чудодеев Ю.В. Россия – Китай: стратегическое партнерство на современном этапе (проблемы и перспективы). М., 2011. С. 148–149.
5. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. С. 132–133.
6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. С. 343–349.
7. Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945). М., 1988. С. 104–105; Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. – 30–40-е годы XX в.). М., 2001. С. 274–283.
8. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. С. 359.
9. В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1986. С. 265, 369.
10. См.: Калягин А.Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М., 1979. С. 66–70; В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. С. 41–47, 221–224.
11. Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. М., 2013.
12. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. С. 16.
13. Там же. С. 97.
14. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. С. 400–401.
15. Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). М., 1978. С. 408.
16. Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М., 2013. С. 371.

Сотрудничество Японии и Германии

Вторая мировая война стала эпохальным событием XX в., принесшим многомиллионные человеческие жертвы, разрушившим прежнюю систему международных отношений, изменившим судьбы народов и стран, в результате чего произошло глобальное переустройство мира. Этот конфликт нашел свое отражение в масштабном вовлечении стран Востока в войну, во время которой европейские метрополии использовали все возможные ресурсы своих азиатских владений для противостояния на европейском театре военных действий (что можно было наблюдать и в Первую мировую войну), но в гораздо большем прямом участии азиатских государств в вооруженной борьбе. Япония, которая в Первую мировую войну смогла удачно распорядиться международной конъюнктурой, приняв ограниченное участие в конфликте и при этом получить большую выгоду, в новых условиях также теперь стояла перед необходимостью преодолевать прямое сопротивление великих держав на пути к господству в регионе. На Дальнем Востоке бушевал кровавый конфликт между Японией и Китаем, который начался в 1931 г. с японской агрессии Маньчжурии и постепенно разросся до японо-китайской войны. Устремления Японии не ограничивались Поднебесной, что, с одной стороны, нашло отражение в череде пограничных конфликтов с СССР, с другой стороны, все четче вырисовывалась

перспектива столкновения с США, Великобританией и другими европейскими державами, имеющими территориальные владения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В таких условиях одной из важнейших задач японской дипломатии стал поиск поддержки государства, заинтересованного в переделе мира и способного стать союзником Токио в этом процессе. В Европе Германия и Италия сформировали ось и активно расшатывали устои Версальско-Вашингтонского мироустройства. К середине тридцатых годов XX в. началось дипломатическое сближение Японии с Германией. В ходе продолжительных переговоров между их представителями постепенно стали формироваться предложения, которые могли лечь в основание будущего военно-политического союза.

Осмысление места и роли Востока во Второй мировой войне является важной задачей, стоящей перед историками. Решение этой масштабной задачи невозможно без детального рассмотрения причин, мотивов принятия решений, хода боевых действий, дипломатических маневров Японии на протяжении войны. Для составления адекватного представления о политике Японии необходимо учитывать ситуацию, сложившуюся в годы войны в Восточной Азии, а это невозможно, если не учитывать хотя бы в основных чертах реальный характер, главные направления, объем, динамику сотрудничества между Японией и Германией в тот период.

К началу Второй мировой войны Япония находилась в сложной внешнеполитической ситуации, так как она прочно увязла в схватке с Китаем. Разгром японской армии Красной Армией в районе Халхин-Гола вызывал опасение ведения войны на два фронта и совпал с заключением советско-германского пакта, что не просто усилило позицию СССР, но и заморозило на неопределенный срок развитие контактов с Германией, которая должна была стать

союзником Японии в борьбе против Советского Союза. Отношения с США ухудшались из-за соперничества над Азией, и только с Великобританией наметилось улучшение политического климата в связи с заключением соглашения Арита – Крейги.

В такой обстановке необходима была перезагрузка политической линии Японии. 30 августа 1939 г. к власти пришел новый кабинет генерала Абэ Набуюки, который вёл более осторожный внешнеполитический курс. В декларации «Невмешательство в войну в Европе» от 4 сентября 1939 г. было заявлено: «Япония не намерена участвовать в войне, которая только что вспыхнула, и будет концентрировать свои усилия на разрешении китайского инцидента»¹. Германская дипломатия старалась преодолеть возникшую отчужденность в двусторонних отношениях. В начале сентября 1939 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп, беседа с японским послом Осима в Берлине, заявил, что поражение Германии позволит коалиции западных держав подорвать позиции Японии в Китае. Далее Риббентроп предложил посредничество в улучшении отношений с СССР².

Как только началась война в Европе, 1 сентября 1939 г., командующий германским флотом адмирал Эрих Редер на встрече с капитаном Хидео Кодзима спросил о том, как Япония понимает свой статус нейтрального государства. Германия хотела получать топливо и материалы из Японии. В ноябре Редер официально обратился с предложением о сотрудничестве с японским флотом через военноморского атташе в Берлине контр-адмирала Киити Эндо. Германия была заинтересована в том, чтобы Япония оказывала содействие немецким военным кораблям, действующим в Тихом океане. Позиция руководства японских ВМС заключалась в том, чтобы поддерживать дружественные

отношения с Германией, расширять обмен информацией и технологиями двух стран, но соблюдать осторожность в сотрудничестве с немецкими ВМС, чтобы не спровоцировать Великобританию или Соединенные Штаты на более жесткий курс. В ноябре–декабре 1939 г. Япония, стремясь остаться в стороне от разгорающейся войны, ответила отказом на запрос германской стороны о возможности захода в свои порты немецких вспомогательных крейсеров и подводных лодок³. Она готова была предоставить порты только для транзита грузов при условии сохранения нейтралитета⁴. В середине декабря 1939 г. германская сторона отправила запрос, в котором она просила Японию указать подходящие порты для перевалки грузов и для технического обслуживания боевых кораблей. Япония предложила Германии пункты: на Маршалловых, Каролинских и Алеутских островах⁵.

В связи с тем, что кабинет Абэ не смог разрешить «китайский вопрос» – главную задачу правительства, а также экономические проблемы, правительство ушло в отставку. В январе 1940 г. был сформирован кабинет во главе с Ёнаи, который намеревался продолжать курс на невмешательство в европейскую войну. Новый кабинет, используя дипломатические переговоры, стремился добиться всяческих уступок от Великобритании, находящейся в тяжёлом положении. Япония не хотела идти и на дальнейшее обострение своих отношений с Америкой. Что касается СССР, то кабинет Ёнаи занимал позицию выжидания. Японское правительство стремилось поддерживать дружеские связи с партнёрами по Антикоминтерновскому пакту. В начале февраля 1940 г. Риббентроп телеграфировал германскому послу в Токио Отту о том, что его работа должна быть направлена по линии укрепления дружбы Японии с Германией и установления дружбы Японии с СССР, а также

противодействовать какому бы то ни было присоединению Японии к Англии и другим странам⁶.

Посол Отт рекомендовал МИДу: в целях отрыва Японии от Великобритании Германия должна пойти на некоторые серьезные экономические уступки Японии. Ответом германского правительства был категорический отказ. Тем временем Германия в результате блицкрига на континенте разгромила всех западноевропейских противников. Эти события произвели сильное впечатление на господствующие круги Японии, что с большим удовольствием констатировал в своих донесениях в Берлин германский посол в Токио. В Японии резко укрепили позиции прогерманские группировки. Они хотели использовать мощь немецкой армии для усиления влияния Японии на Дальнем Востоке. Это нашло отражение в политике правительства. 19 июля 1940 г. в преддверии капитуляции Франции японский посол в Берлине Курусу передал германскому МИДу пожелание своего правительства установить более дружеские связи с Германией⁷.

12 июля 1940 г. японским и германским представителями был составлен предварительный план «Усиления гармонии между Японией, Германией и Италией». Причины возобновления переговоров были объяснены представителем министерства иностранных дел Анода. Задача Японии – избежать участия в европейской войне и в то же время «склонить Германию признать свободу действий Японии во французском Индокитае, Голландской Ост-Индии и на островах Южных морей»⁸. Также было решено, что Япония не вступит в войну в данное время, если даже Германия и будет этого требовать⁹. В проекте были выработаны обязательства сторон. Германия обещала: 1. не вмешиваться в вопросы статуса Индокитая, Индонезии и других стран Южных морей и признать, что этот район находится

в сфере влияния японского политического руководства; 2. оказать поддержку в разрешении «китайского вопроса»; 3. благоприятно рассмотреть вопрос о японской торговле и других экономических отношениях с Европой и Африкой. Япония, в свою очередь, обещала Германии: 1. содействовать германской политике в Европе и в Африке и поддерживать немецкий «новый порядок»; 2. принять ряд мер к тому, чтобы ограничить свободу действий Британской империи в её восточных владениях; 3. поставлять необходимое сырьё из подконтрольных территорий и предоставить там льготы. План был одобрен на совещании представителей военного и морского министерств и МИД Японии¹⁰.

В японском обществе произошли серьёзные изменения в отношении к ситуации в Европе: превалировало желание «вскочить в поезд», пока не поздно¹¹. Открывшиеся возможности перед японской дипломатией в силу изменения расстановки сил на европейском театре после капитуляции Франции требовали поиска премьер-министра, облеченного доверием заинтересованных сил и способного реализовывать новый политический курс японской империи. Под давлением армии кабинет Ёнаи ушел в отставку, 22 июля 1940 г. был сформирован кабинет принца Коноэ Фумимаро¹². Министром иностранных дел был назначен Мацуока Ёсукэ. Риббентроп писал: «В его лице к рулю власти пришел государственный деятель, отстаивающий идею тесного сплочения Японии с державами оси»¹³.

Мацуока стал решительно вести переговоры с Германией и Италией о заключении союза, в котором он хотел видеть такую же долгосрочную основу японской внешней политики, какой некогда был англо-японский союз. 30 июля при непосредственном участии Мацуока был составлен меморандум «Об укреплении сотрудничества между Японией, Германией и Италией», за которым последовали

проекты, разработанные армией и флотом¹⁴. Несмотря на отдельные расхождения, все они намечали план действий с целью заключить военно-политический союз. Германия тоже была заинтересована в быстром заключении пакта, поскольку в стране началась подготовка к войне против Советского Союза. 21 июля 1940 г. распоряжением Гитлера началась разработка плана «Барбаросса», а Англия ответила отказом на предложение о мире, направленное Черчиллю Гитлером 22 июля 1940 г. Риббентроп по этому поводу писал: «Эта решимость противной стороны бескомпромиссно вести войну до конца стала определять нашу политику в отношении не только Италии, но и Японии»¹⁵.

В Японию отправился доверенный представитель Риббентропа Штаммер, который должен был начать переговоры о союзе¹⁶. На совещании у премьер-министра Коноэ с участием военного министра Тодзио, Мацуока и морского министра Оикава в преддверии визита Штаммера была выработана инструкция с основными целями соглашения: «Япония, Италия, Германия признают общность взглядов относительно построения “нового порядка”. Определялась зона “жизненного пространства” Японии, в которую входили японские подмандатные острова, Китай, Французский Индокитай, Голландская Ост-Индия, Таиланд, Бирма, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Новая Каледония и другие территории». Зоной «жизненного пространства» Германии и Италии была определена Европа и Африка; Япония не участвует в европейской войне. Насколько возможно, подрывает влияние Англии в этом районе, облегчая положение союзников. Германия и Италия не участвуют в войне в Китае, но оказывают экономическую и политическую помощь; Япония, Германия и Италия развивают торгово-экономические связи. В отношении СССР предусматривалось заключить особое соглашение о совместных действиях

трёх держав, если во время переговорного процесса выяснятся намерения Германии и Италии начать войну против Советского Союза; Позиция Японии в отношении США – не допустить вмешательства Америки в дела Восточного полушария¹⁷. В этой инструкции четко просматривается стремление Японии разрешить свои основные внешнеполитические проблемы, касающиеся как отношений с США, СССР, Англией, так и противоречий с Германией.

9 сентября 1940 г. начались японо-германские переговоры. Японскую сторону представлял министр иностранных дел Мацуока, Германию – спецпредставитель Штаммер и посол Отт. Штаммер сделал акцент на том обстоятельстве, что Япония в отличие от Германии вряд ли сможет избежать войны с США в ближайшее время, при достижении соглашения Германия и Италия свяжут США в Атлантическом океане и сразу начнут снабжать Японию вооружениями¹⁸. Вопрос обсуждался на конференции четырех министров, Флот предложил внести в текст поправки, гарантировавшие самостоятельность Японии в принятии решения о вступлении в войну в случае германо-американского конфликта. Кроме того, он предложил особо оговорить необходимость улучшения отношений с СССР. На этих условиях флот давал согласие на союз. Япония, стремясь избежать войны с США в неподходящее для себя время, соглашалась лишь на признание формулы об оказании помощи Германии и Италии в случае прямого нападения¹⁹.

19 сентября проект пакта был одобрен Императорской конференцией. Отвечая на вопросы начальника генерального штаба флота принца Фусими и председателя Тайного совета Хара, Мацуока заявил, что Япония берет на себя обязательство автоматического вступления в войну в случае нападения на ее союзников, но на практике оставляет за собой право решать, когда и как это сделать. Он же

подчеркнул, что Германия готова содействовать нормализации японо-советских отношений. 26 сентября пакт обсуждался в Тайном совете в присутствии императора. Министр иностранных дел резюмировал цели заключаемого соглашения: «В настоящий момент наша Империя должна объединиться с Германией и Италией и улучшить отношения с Советским Союзом, переломить международную ситуацию в свою пользу и сделать все, чтобы не допустить войны между Японией и Америкой». Мацуока дал разъяснения позиции стран союзников по отношению к СССР: «Хотя договор о ненападении и существует, Япония поддерживает Германию в случае её войны с СССР, а Германия поможет в случае столкновения Японии с СССР... Даже, если мы наблюдаем улучшение русско-японских отношений, оно вряд ли продлится более трёх лет»²⁰.

После докладов министров началось обсуждение. Наиболее серьезные опасения он вызвал у бывшего министра иностранных дел Исии, давнего противника сближения с Германией и Италией, который опасался, что Германия извлечет из договора максимальную выгоду для себя за счет других, апеллировал к прошлому, в котором союзники Германии подвергали себя непредвиденным бедствиям, а то и вовсе переставали существовать: «Нельзя поверить, что нацистская Германия под руководством Гитлера может быть верным союзником Японии на долгое время...». Однако в итоге обсуждения решение было принято единогласно²¹.

27 сентября 1940 г. представители Японии, Германии и Италии подписали Тройственный пакт, в котором было закреплено руководящее положение Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе, Японии в установлении «нового порядка» в Великой Восточной Азии. В третьей статье стороны соглашались осуществлять взаимное сотрудничество, если одна из трех договаривающихся

сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами. В пятой статье Япония, Германия и Италия подтверждают, что «указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом..»²². Пятая статья в ходе длительного обсуждения была согласована между сторонами. Она завуалировала антисоветскую направленность Тройственного пакта. Риббентроп дал такую оценку документу: «Эта палка будет иметь два конца – против России и против Америки»²³.

В секретном протоколе, приложенном к пакту, предусматривалось создание комиссий объединённой военной, военно-морской и по экономическим вопросам, обмен изобретениями и проектами военного характера, предусматривалось также взаимное снабжение военным снаряжением²⁴. Заключение трёхстороннего пакта стало ещё одним шагом на пути развязывания мировой войны. Японские правящие круги осознавали стремление Германии использовать страну для достижения целей немецкой дипломатии. Это видно из длительности японо-германских переговоров, которые продолжались с 1938 по 1940 г. Только совещания пяти министров по вопросам японо-германских отношений собиралось более 70 раз²⁵. Но Япония стремилась к доминированию в Азии в соответствии с лозунгом «хакко ити у», а Англия и США выступали главными конкурентами. Германия сокрушала метрополии, контролирующие колонии в Юго-Восточной Азии, а Япония стремилась воспользоваться ситуацией, взяв их под контроль. Немецкая сторона была заинтересована в скорейшем вовлечении

Японии в войну с Великобританией. К этому времени Германия, ведя подготовку к нападению на СССР, была заинтересована в обеспечении своего тыла от удара со стороны вооружённых сил Англии. Япония, по расчетам немецких стратегов, должна была своими совместными с Германией действиями привести Британскую империю к поражению или, по крайней мере, ослабить её на то время, которое понадобится Германии для победы над СССР. Этой цели были посвящены все шаги гитлеровской дипломатии на переговорах с Японией.

С заключением трехстороннего альянса между Японией, Германией и Италией в сентябре 1940 г. военное сотрудничество между ними стало давать свои результаты: порты Иокогама и Кобэ стали использовать для поддержки операций германских кораблей. Судостроительные верфи и заводы в Осаке и Кобэ ремонтировали и поддерживали в рабочем состоянии немецкие суда снабжения и рейдеров²⁶. Так, в конце 1940 г. успехом стал захват рейдером «Атлантис» транспортного судна «Автомедон», которое помимо грузов перевозило и секретные документы британского командования²⁷. Военно-морской атташе Веннекер телеграфировал выдержки содержимого британского доклада германскому военно-морскому командованию и попросил разрешения поделиться ими с Токио. Японскому военно-морскому атташе в Берлине, капитану Тадао Екои, была предоставлена информация о документе, из которого следовало, что отправка флота на Дальний Восток была для Британии невозможна; в случае вторжения Японии во Французский Индокитай и Таиланд Британия не объявит войну Японии; в случае войны против Японии Великобритания придется неизбежно отказаться от Гонконга. Веннекер 12 декабря передал содержание английского меморандума вице-адмиралу Нобутаке Кондо, заместителю начальника

Военно-морского генерального штаба. Кондо выразил благодарность за бесценную информацию и отметил, что «такое значительное ослабление Британской империи не было определено ранее»²⁸.

3 февраля 1941 г. произошла прощальная встреча Гитлера с послом Японии в Берлине Курусу, который отбывал на родину, а его преемником стал старый друг Германии Осима. Гитлер заявил о том, что Япония и Германия не являются конкурентами. Отказываясь от претензий в Восточной Азии, Гитлер, указывая Японии на её главных противников, Англию и США, сказал: «Другие страны, например Россия, не являются сейчас врагом, но представляют угрозу для обеих стран»²⁹. Тогда же, 3 февраля 1941 г., в Токио по предложению министра иностранных дел Японии Мацуока были утверждены «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Японцы не знали, что идея присоединения СССР к Тройственному пакту провалилась ещё во время советско-германских переговоров в ноябре 1940 г., так как немцы не сочли нужным поставить Японию в известность об этом.

10 февраля 1940 г. Мацуока заявил послу Отту, что он принимает приглашение германского правительства и в марте сможет выехать в Берлин³⁰. Темами будущих бесед он назвал: предотвращение вступления США в войну; вопрос о превентивной атаке на Сингапур в случае неизбежности войны; налаживание контактов с Чан Кайши для совместной борьбы против коммунистов; отношения с Россией³¹. В ходе дипломатической подготовки визита Мацуока в Берлин глава МИД Германии Риббентроп провёл беседу с новым послом Японии в Германии Осима. Встреча состоялась 23 февраля 1941 г. Риббентроп, оптимистично оценивая обстановку, заявил, что война выиграна и в интересах Японии в сотрудничестве с Германией вступить в войну

и занять удобную позицию на Дальнем Востоке³². Указывая на благоприятную ситуацию, созданную немецкими войсками, МИД Германии впервые предложил так называемый «сингапурский вариант»: «Решающий удар должен быть нанесён Сингапуру, для того чтобы уничтожить ключевую позицию Англии в Восточной Азии. Занятие Сингапура должно произойти молниеносно, если можно, то вообще без объявления войны, в самый мирный период. Все это быстро решит войну в нашу пользу и удержит Америку от вступления в войну»³³.

Японский посол поддержал это мнение и сообщил, что подготовка к захвату Сингапура уже ведётся. Осима рассказал также о планах боевых действий против Гонконга и Филиппин (последних – в случае вступления в войну США)³⁴. Риббентроп не одобрил планы нападения на Филиппины. Немцы хотели избежать вступления США в войну. Осима указал на необходимость высвобождения японских войск с китайского фронта для действий на других направлениях. Риббентроп ответил, что Германия хочет поддержать Японию и в китайском урегулировании усилением Ван Цзин-вэя³⁵. Эта беседа показала ясные задачи германской дипломатии в отношении Японии. Немцы хотели как можно быстрее ускорить её вступление в войну с тем, чтобы боевые действия японской армии в английских колониях в Азии окончательно подорвали способность Великобритании сопротивляться.

5 марта 1941 г. в Берлине была издана совершенно секретная директива № 24 «О сотрудничестве с Японией», в которой конкретизировалась позиция Германии в отношениях с Японией: «Целью сотрудничества, основанного на Тройственном пакте с Японией, является заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке». Директивой предполагалась передача

Японии информации по военно-экономическим и техническим вопросам. Основное содержание документа сводилось к следующему: необходимо в короткие сроки разгромить Англию и тем самым предотвратить вступление США в войну. Япония должна захватить те территории, которые необходимы для продолжения потребления природных богатств странами оси, а также захватить главный опорный пункт Великобритании на Дальнем Востоке – Сингапур, что будет важнейшим условием успеха в войне. Военные комиссии, которые создавались в соответствии с тройственным соглашением, должны были заниматься только вопросами экономической войны. Японской стороне не следовало предоставлять никаких данных по подготовке «плана Барбаросса». Директиву подписал начальник штаба верховного командования вооруженных сил Германии Кейтель³⁶.

Готовясь к визиту Мацуока в Германию, немцы разработали подробную программу ведения переговоров. В меморандуме, подготовленном статс-секретарём МИД Вайцеккером, обозначалась наиболее важная проблема переговоров – определение сроков вступления Японии в войну против Англии. Для ускорения вступления Японии в войну предлагалось пойти на уступки: отказаться от претензий на Голландскую Ост-Индию, усилить поддержку Японии в Китае. Посол Германии в Токио Отт передал слова начальника Генерального штаба армии генерала Сугияма: «Условием для ускорения подготовки к нападению должна являться свобода от страха перед Россией». Отт предлагал своему правительству пойти на уступки в экономической сфере и попытаться ликвидировать угрозу со стороны России³⁷.

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. По пути в Берлин 24 марта 1941 г. во время пребывания в Москве Мацуока предложил советской стороне заключить советско-японский

пакт о ненападении. Министру были высказаны соображения о целесообразности заключения пакта о нейтралитете. 26 марта Мацуока прибыл в Берлин. 27 марта состоялась встреча главы МИД Японии с Гитлером и Риббентропом, который дал оценку военному положению Германии: «Ось является абсолютным хозяином положения на всём континенте Европы»³⁸. Далее беседа была посвящена отношениям с СССР. Риббентроп проинформировал японского министра о том, что «нынешние отношения с Россией являются корректными, но не очень дружелюбными». Мацуока уточнил, не думает ли фюрер о возможности русско-германо-японского союза. Риббентроп ответил: «Тесное сотрудничество с Россией абсолютно невозможно. Германия не будет провоцировать Россию, но если политика Сталина не будет в согласии с тем, что фюрер рассматривает как правильное направление, то он сокрушит Россию»³⁹. Мацуока ответил, что Япония также не намерена провоцировать СССР.

На очередной встрече с главой МИД Германии 31 марта 1941 г. Мацуока задал зондирующий вопрос Риббентропу: «Задержаться ли на обратном пути в Москве, чтобы начать переговоры с русскими о заключении договора о ненападении или нейтралитете?». Риббентроп посоветовал Мацуока «...не затрагивать этот вопрос в Москве, так как он был бы не совсем уместен в данное время»⁴⁰. Немецкая сторона не сообщала конкретных данных о подготовке нападения на Советский Союз. Гитлер пропагандировал выгоды «сингапурского варианта», считая, что «сложилась уникальная ситуация, при которой Япония с наименьшим риском может вступить в войну против Англии. Англия занята в Европе, США не готовы к войне, Россия не вмешивается»⁴¹. Японский министр заявил, что «проблема Южных морей не может быть решена Японией без захвата Сингапура»⁴². Мацуока пообещал, что нападение на Сингапур

произойдет, и даже обсуждались детали операции, о которой стало известно полковнику Нагаи, сопровождавшего Мацуока в его визите по Европе. Полковник Нагаи доложил об этом в Токио. Мацуока был ознакомлен с ответом верховного командования вооружённых сил Японии, из которого следовало, что недопустимо принять на себя обязательства военного характера. Мацуока пришлось дезавуировать свои слова⁴³.

На этих же переговорах обсуждался вопрос участия США в войне. На вопрос Мацуока о позиции Германии по отношению к США, если эта страна не будет поддерживать Англию, немецкий министр ответил: «Германия не имеет ни малейшего интереса воевать против США». Мацуока ответил, что «Япония сделает всё, что в её силах, чтобы избежать участия США в войне»⁴⁴. Несмотря на то что германский МИД подготовил большой перечень экономических проблем, которые должны были быть затронуты на переговорах⁴⁵, гитлеровское правительство, добиваясь ускоренного вступления Японии в войну, ограничилось согласованием доставки в Лиссабон или Францию ограниченного груза каучука. В военном дневнике верховного командования вооружёнными силами Германии коротко зафиксировано: «Визит Министра иностранных дел Мацуока. Фюрер и Риббентроп поощряют действия японских сил против Сингапура. Нет никакой увязки с планом “Барбаросса”»⁴⁶.

Переговоры продемонстрировали, что, несмотря на наличие Тройственного пакта, и усилия Гитлера и Риббентропа, Япония не взяла на себя никаких конкретных обязательств в вопросе вступления в войну против Англии. На обратном пути Мацуока вторично посетил Москву для заключения пакта о нейтралитете с Советским Союзом, что позволяло Токио переключить внимание на продвижения в южном

направлении. Другим направлением японской дипломатии стали в апреле 1941 г. встречи между США и Японией на уровне секретных межправительственных переговоров. Повышение статуса переговорного процесса являлось следствием продолжающегося обострения многолетнего соперничества между Японией и США на Дальнем Востоке и Тихом океане. Соединённые Штаты не могли смириться с потерей перспективного и огромного по объёму китайского рынка из-за контроля японцев над экономикой Китая. Японское продвижение в район Юго-Восточной Азии ставило под удар поставки стратегического сырья из этого региона в США. Угроза войны с Германией в Атлантике заставляла американское правительство искать способы ослабления и расшатывания японо-германского союза. Неудача переговоров была вызвана жесткой позицией США и нежеланием Японии отказаться от агрессии и гегемонии в Китае.

Посол Японии в Германии Осима 16 апреля 1941 г., уже после подписания советско-японского пакта о нейтралитете, направил телеграмму в Токио, в которой излагалось содержание беседы с главой МИД Германии. В беседе с Осима Риббентроп заявил: «В зависимости от поведения СССР Германия, возможно, начнёт против него войну даже в течение этого года...»⁴⁷. Исходя из информации, полученной в Берлине, Осима решил, что Германия нападёт на СССР в течение мая–октября 1941 г. 22 апреля 1941 г. в Токио вернулся представитель японского Генерального штаба полковник Нагаи, он передал сообщение Осима: «Настроение в отношении Советов ухудшилось. Видимо, уже принято решение о войне против СССР»⁴⁸. Японский военный атташе в Берлине Итиро Саканиси 13 мая передал информацию, полученную от руководителя армейской разведки генерала Мацуи. Генерал Мацуи сообщал о возможности развязывания в ближайшее время германо-советской войны⁴⁹.

20 мая 1941 г. посол Осима передал Мацуока слова статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Вайцзеккера: «...Немецкое правительство придало большое значение заявлению министра иностранных дел Мацуока, сделанному Отту, о том, что в случае русско-германской войны Япония нападет на Советский Союз»⁵⁰. 23 мая 1941 г. в ответ на запрос, сделанный Мацуока, Риббентроп сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев»⁵¹. 6 июня 1941 г. последовало новое сообщение посла Осима премьер-министру Японии Коноэ: «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава. Гитлер дал понять о своём желании видеть Японию участником войны против Советского Союза»⁵².

Начало советско-германской войны обострило противоречия между группировками в правящих кругах Японии. 22 июня Мацуока на встрече с императором заявил: «Сейчас, когда началась советско-германская война, Япония должна объединить свои усилия с Германией и напасть на Советский Союз. Для этого лучше воздержаться на время от продвижения на юг»⁵³. Военный министр Тодзё поддерживал Мацуока. Премьер-министр Коноэ считал, что война Германии с Россией развязывает руки Японии для продвижения на юг, с ним соглашался хранитель императорской печати, маркиз Кидо. Сложилась ситуация, когда в армии были сторонники немедленного нападения на СССР, а командование флота, учитывая состояние обороны на Тихоокеанском театре, не склонялось в пользу этой идеи⁵⁴. С 25 июня по 1 июля 1941 г. на императорском совещании состоялось согласование позиции по вопросу начала войны. 27 июня Мацуока заявил: «Что касается пакта о нейтралитете, то с самого начала имелось в виду, что от него можно отказаться»⁵⁵.

28 июня 1941 г. посол Отт направил телеграмму Риббентропу, в которой сообщал, что, «по данным, полученным от представителей японских вооружённых сил, началась интенсивная подготовка к нападению на СССР». По мнению посла, требовалось для завершения этой подготовки не менее 6 недель⁵⁶. 30 июня Отт вручил Мацуока меморандум Риббентропа. В документе говорилось, что война приведёт к окончательному решению всей проблемы России, в результате Германия сможет использовать ресурсы Советского Союза для победы над Англией. В этой ситуации Япония может установить «новый порядок» в Восточной Азии. Немцы указывали на то, что подготовка продвижения на Юг не завершена, было бы полезно для Японии окончательно устранить угрозу со стороны России. В заключение Риббентроп утверждал, что быстрое поражение СССР сделает бессмысленным участие США в войне⁵⁷. 2 июля на императорском совещании был принят основополагающий документ под названием «Главные пункты государственной политики империи». В документе было записано: «Хотя наше отношение к советско-германской войне определяется духом оси Рим – Берлин – Токио, мы некоторое время не будем в неё вмешиваться, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для ведения войны против Советского Союза»⁵⁸.

Во второй части решения императорского совещания указывалось, что, «если Соединенные Штаты всё же вступят в войну, империя будет действовать в соответствии с пактом трёх держав. Однако время и методы использования вооружённых сил будут решены ею самостоятельно»⁵⁹. Таким образом, на совещании от 2 июля победили сторонники теории «спелой хурмы» (ожидание благоприятного случая для проведения военных действий против СССР). Важным было то, что Япония оставляла за собой право

решения времени и направления удара. Японское правительство ознакомило Германию с содержанием документа, принятого на императорском совещании. Гитлеровская Германия старалась ускорить начало военных действий на Дальнем Востоке. В состоявшейся 9 июля беседе Риббентропа с послом Осима германский министр подчеркнул, что назрела необходимость ведения совместной войны: «...Никогда больше Японии не представится такой удобный случай уничтожить раз и навсегда русского колосса в Восточной Азии»⁶⁰. Чтобы ускорить вступление Японии в войну с СССР, Риббентропом немецкому послу в Токио были предоставлены неограниченные полномочия⁶¹.

Японцы ожидали падения Москвы и Ленинграда. Упорное сопротивление советских войск срывало сроки блицкрига. Японское военное командование проанализировало итоги сражения под Смоленском и пришло к выводу, что «...независимо от будущих изменений в германо-советской войне в текущем году (1941) оружие против Советского Союза не применять»⁶². 4 сентября 1941 г. посол Отт доложил в Берлин, что «императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза»⁶³.

Другой проблемой, беспокоящей немецких дипломатов, был вопрос урегулирования японо-американских отношений в ходе проходивших переговоров. Однако оккупация Южного Индокитая Японией вызвала новое обострение японо-американских отношений. США заморозили японские фонды, запретили вывоз в Японию многих видов сырья. 6 сентября 1941 г. состоялась конференция представителей армии, флота и МИД с участием императора. На ней было принято важное решение, закреплённое в документе под названием «Принципы осуществления государственной политики империи», в котором говорилось, что

«империя исполнена решимости при необходимости вступить в войну с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией, завершив подготовку к войне ориентировочно в последней декаде октября. В случае отсутствия перспектив удовлетворения наших требований к первой декаде октября дипломатическими средствами мы примем незамедлительное решение о начале боевых действий»⁶⁴.

Решение вопроса о войне или мире по требованию военных должно было быть принято не позднее 15 ноября. В подготовленных военным министерством и министерством военно-морского флота к совещанию справочных материалах было написано: «Необходимо достичь с Германией и Италией соглашения о том, чтобы они не заключали одностороннего мирного договора с Соединенными Штатами и Великобританией. Япония, Германия и Италия должны совместными усилиями поставить Великобританию на колени. В то же время мы должны позаботиться о том, чтобы исключить возможность отказа от проведения операций на Юге лишь потому, что это может показаться нежелательным для Германии и Италии»⁶⁵. 5 ноября 1941 г. императорская конференция приняла решение усилить сотрудничество с державами оси. 8 ноября секретным приказом был определён день начала войны против США. МИД Японии решил уточнить позицию Германии в случае японо-американской войны. Риббентроп 21 ноября 1941 г. заверил японского представителя, что Германия при таких обстоятельствах вступит в войну против США. Осима получил 2 декабря указание из Токио срочно начать переговоры о договоре с Германией, гарантирующем невозможность заключения сепаратного мира. В тот же день Осима посетил Риббентропа и сделал ему предложение заключить этот договор. 5 декабря Риббентроп дал официальное согласие на предложение Японии и представил

немецкий вариант документа⁶⁶. 7 декабря глава МИД Японии Того сообщил Осима о согласии японского правительства с германским проектом договора, но отметил, что война может возникнуть до формального заключения соглашения. В связи с этим Того поручил Осима сообщить Риббентропу, что Япония ожидает немедленного участия стран оси в войне, даже если война с США начнётся до подписания договора. Японцы не хотели заранее информировать немцев о дате нападения на Америку. По этой причине Осима узнал о нападении японской авиации на Перл-Харбор из сообщения лондонского радио⁶⁷. 8 декабря он смог официально подтвердить Риббентропу сообщение о нападении на военно-морскую базу США и потребовал вступления Германии в войну с США.

Риббентроп и Осима вместе со своими помощниками выработали новый проект трехстороннего договора. В первой статье содержалось обязательство вести войну до победы. Вторая статья гласила, что заключить перемирие не предоставляется возможным. В третьей статье говорилось об обязательствах Германии, Италии и Японии тесно сотрудничать в целях установления «нового порядка»⁶⁸. 10 декабря текст его был согласован между тремя державами. В окончательном варианте договора была подправлена третья статья. Исправления заключались в оговорке, что конкретные условия и формы сотрудничества трёх держав после победы в войне для установления во всем мире «нового порядка» подлежат уточнению в соответствующий благоприятный момент. 11 декабря 1941 г., выполняя взятые на себя обязательства, Германия и Италия объявили войну США⁶⁹. Однако в Германии явно опасались возможного договора Японии с Америкой. Этим и объясняется то, что, несмотря на советско-германскую войну, Гитлер вступил в войну с США и немецкая дипломатия поддерживала

своими действиями японскую сторону. Нападение на Перл-Харбор окончательно и бесповоротно привязало Японию к странам оси.

Начальник штаба германского верховного командования свидетельствовал: «Йодль и я присутствовали в тот вечер, когда единственный раз за всё время войны он (Гитлер) ворвался к нам в комнату с телеграммой в руках. У меня создалось впечатление, что, по мнению фюрера, война между Японией и Америкой внезапно спасла его от кошмарного бремени, она, безусловно, принесла нам некоторое облегчение от последствий необъявленной войны Америки с нами»⁷⁰. Кроме того, война на Тихом океане отвлекала внимание от последствий битвы под Москвой. По мнению Гитлера, «японцы совершили нападение на Перл-Харбор в самый благоприятный момент, т. к. в это время каждый немец был морально подавлен неожиданным отступлением немецких войск»⁷¹.

Дальнейшим закреплением договоров от 27 сентября 1940 г. и 11 декабря 1941 г. стало военное соглашение, подписанное 18 января 1942 г. представителями Генштабов Японии, Италии и Германии. Это соглашение было предложено японской стороной. Победа Японии в первый месяц войны и поражение немцев под Москвой создавали, по мнению японской стороны, условия для подписания соглашения. В нем предусматривалось разграничение сфер влияния между союзниками. Генштаб Германии в принципе одобрил японский проект и внес предложение «заключить договор, а определение линии разграничения отложить до более выгодного для Германии момента!»⁷². Начальник политического отдела МИДа Германии Верман считал неприемлемыми японские требования о линиях и рекомендовал ограничить их зонами военных операций⁷³. Подписанное военное соглашение предусматривало разделение зон

операций между участниками договора. В зону действия Японии входили воды на восток от 70° восточной долготы к западному побережью американского континента, так же как и сам континент, Австралия и острова, которые расположены в этих водах. Кроме того, в указанную зону входил и сам азиатский континент восточнее 70° восточной долготы, что включало и советскую территорию, протянувшуюся почти до Уральского хребта⁷⁴.

В зону действия Германии и Италии входили акватории западнее 70° восточной долготы к восточному берегу американского континента, а также территории, которые здесь расположены. Кроме того, входили Ближний Восток, Средний Восток и Европа западнее 70° восточной долготы и советские территории, включая Урал, и территория СССР на запад от него. Предусматривалось, что по Индийскому океану пока не будет заключено специальное соглашение и различные операции могут производиться даже за линиями границ указанных зон⁷⁵. В соглашении намечались и конкретные планы действий. Япония, проводя операции на Тихом океане и Южных морях, брала на себя задачу уничтожения важнейших баз Англии, США и Голландии в «Великой Восточной Азии» и оккупации их владений. Она обязалась уничтожать находящиеся в Тихом и Индийском океанах американские и английские военные силы. На случай если американский и английский флоты будут сосредоточены в Атлантике, Япония должна была усилить удары по кораблям противника на всей площади Тихого и Индийского океанов, а также перебросить часть своих сил в Атлантику для прямого сотрудничества с германскими и итальянскими флотами⁷⁶.

Германия и Италия обязывались ликвидировать главные базы Англии и США в зоне своей ответственности, послать флот в Тихий океан на помощь Японии.

В соглашении предусматривалось поддержание контактов в целях осуществления важных оперативных планов, широкого сотрудничества в области ведения экономической войны, обмена информацией, установления транспортных коммуникаций. В соответствии с пактом 1942 г. начались переговоры, на которых обсуждался план совместных действий Японии и Германии с целью соединения вооруженных сил в Индии или Персидском заливе. Германская армия должна была прорваться на Средний Восток, а японские войска – в Индию. План предусматривал встречное наступление по маршруту Кавказ – Иран – Индия – Бирма.

В феврале 1942 г. командование японского флота определило направление боевых действий. Вариант нападения на о. Цейлон помимо военных целей отвечал стремлению Японии соединиться со странами оси. Получив текст военного соглашения, начальник штаба Объединенного флота контр-адмирал Угаки пришел к выводу, что Япония больше поможет союзникам, выработав самостоятельную стратегию. План нападения японского флота на о. Цейлон был окончательно отклонен, так как армия отказалась от предоставления сухопутных частей для десанта, мотивируя это необходимостью быть готовой к нападению на СССР в преддверии ожидаемого успешного наступления немцев на Кавказ⁷⁷. Но германские войска не смогли прорваться в Закавказье, а японцы застряли в Бирме.

С момента заключения военного соглашения 1942 г. японская сторона стремилась привлечь германский военно-морской флот к боевым действиям в районе Индийского океана. После тяжелого поражения японского военно-морского флота в сражении с американскими силами при атолле Мидуэй Япония не могла рассчитывать на завершение войны в ближайшей перспективе. В декабре 1942 г. японская сторона передала через военно-морского атташе

Германии в Токио предложение использовать находившиеся в сфере ее оккупации порты Пенанг и Сабанг в качестве баз германских подводных лодок⁷⁸. Немецкая сторона указала, что базирование возможно только при условии снабжения этих портов по немецким стандартам. После проведения подготовки японская сторона вновь несколько раз повторила своё пожелание прислать ей германские подлодки⁷⁹. По признанию командующего ВМС Германии Карла Деница, германское командование отклоняло японские предложения до тех пор, пока в Атлантическом океане подлодки успешно действовали: «...Стремясь перенести действия подводных лодок в менее опасные районы, я принял решение направить их в Индийский океан»⁸⁰.

В конце июня 1943 г. в Индийский океан было направлено несколько лодок серий IXC и IXD-2. В Германии была сформирована группа подводных лодок «Дальний Восток» из состава 33-й флотилии. Подлодки базировались на японских базах в Сингапуре, Пенанге, Джакарте, Сурабате, а с января 1945 г. – в Кобэ⁸¹. Соединение находилось в оперативном подчинении у немецкого военного атташе в Японии. За время боев немцы потеряли 10 подводных лодок⁸². В директиве императорской ставки Японии от 21 июля 1944 г. приказывалось «оказывать содействие германским подводным лодкам в их операциях против судоходства в Индийском океане»⁸³. Японская сторона высоко оценивала вклад германских подводных сил в совместную борьбу в Индийском океане. Контр-адмирал Хисаси Итиока докладывал военно-морскому министру Симада: «Что касается немецких подводных лодок, отправленных для совместных операций Японии и Германии в Индийском океане, то... они оказали большую помощь в проведении японо-германских объединенных операций, которые помогли успешному осуществлению стратегического плана нарушения

плана перевозок в районе Индийского океана»⁸⁴. По данным, приведенным в историко-статистическом исследовании Роувера, 187 судов союзников всех типов подверглись атаке германских подводных лодок в Индийском океане⁸⁵.

Военная обстановка не позволяла Японии и Германии иметь постоянную связь, способную удовлетворить экономические, сырьевые потребности стран. Так, в 1942 г. было принято решение: «С целью усиления военного потенциала наладить доставку из Германии судов и важных материалов, в которых империя испытывает крайнюю нужду, принять особые меры для обеспечения Германии теми материалами, в которых она нуждается». Японское правительство рассчитывало получить от Германии 1 млн т железа и 500 тыс. т судов. Однако после консультаций к 26 сентября японской стороне стало очевидно, что Германия может отправить только 10 тыс. т специальных видов стали⁸⁶. Кроме того, страны иногда выступали как конкуренты за получение дефицитного сырья, так как японские предприятия из-за его нехватки приостанавливали работу своих предприятий⁸⁷.

Между декабрем 1941 г. и июнем 1943 г. из Европы на Дальний Восток было направлено 22 судна. С декабря 1940 г. по октябрь 1943 г. с Дальнего Востока в Европу отправлено 37 кораблей, прорвавших блокаду. Были доставлены этими кораблями 45 тыс. т каучука, а также хинин, йод, опиум, олово и вольфрам⁸⁸. Всего Германия получила из Японии 260 тыс. т грузов. Япония получила из Германии 60 тыс. т грузов, но доля высокотехнологичных и редких грузов в общем потоке была выше. В последующее время меры союзников по изоляции партнеров по оси сделали невозможным всякую связь посредством надводных кораблей. Задачи транспортировки особо ценных грузов, технической документации и важных пассажиров в условиях превосходства флотов противника были возложены

на подводные лодки стран оси. Тоннаж грузов редко превышал 200 т на одну подлодку (ПЛ). Но даже для ПЛ путь в 15 тыс. миль от Японского побережья до портов оккупированной Франции был чрезвычайно опасным⁸⁹.

Наибольший эффект для стран оси мог быть достигнут от сотрудничества в разработке новых систем вооружений и трансфер технологий. Гитлер подарил японскому императору 2 немецкие лодки типа IXС в качестве моделей. На японских ПЛ в германских базах устанавливали станции радиотехнической разведки FuMb-3, радиолокационные станции (РЛС) FuMo-29, зенитные автоматы М-42⁹⁰. На германской ПЛ в Японию вернулись адмирал Номура и ряд других офицеров связи. Перед капитуляцией Германии из Берлина были вывезены видные японские военные инженеры, конструктор кораблей Х. Томонага и авиаконструктор М. Сёдзи. Благодаря технической документации, переданной немцами, Япония смогла заметно сократить свое отставание в радиолокации уже в 1944 г. На вооружение японских военных кораблей стали поступать модернизированные РЛС. Передача немцами позиционно-поточного метода кораблестроения позволила ускорить вступление кораблей в строй и их массовую закладку на верфях. Используя данный метод, в Японии строили подлодки серий SS, ST, STS, созданные на базе чертежей немецких лодок новейшей конструкции типа XXI, XXIII, карликовые лодки серии D (флоту было построено 180 ед.) и подлодки типа Кайрю, экипажи которых состояли из смертников (флоту было построено 244 ед.)⁹¹.

Немало германских разработок было применено японцами и в авиации. В 1943 г. поступил самолет Ki-61, разработанный на основе немецкого истребителя Me-109, оснащенный лицензионной версией двигателя фирмы Даймлер-Бенц DB601, вооруженный немецкой авиационной пушкой

фирмы Маузер MG151/20 (за время войны было произведено 2750 ед.)⁹². В течение августа 1943 г. немцы отправили на своих ПЛ в Японию 800 MG151/20 для истребителя Ki-61⁹³. Инженеры фирмы Кавасаки при разработке истребителя Ki-100 воспользовались техническим решением, примененным конструкторами истребителя FW-190, самолет был закуплен в Германии и изучен японскими специалистами⁹⁴. Немецкая авиационная промышленность добилась успеха в разработке новых моделей истребителей, оснащенных реактивными двигателями. Осенью 1943 г. германская сторона для демонстрации своих достижений пригласила на один из первых испытательных полетов самолетов японских дипломатов. Характеристики новых истребителей оказали сильное впечатление на японцев. После переговоров в марте 1944 г. Япония купила за 20 млн марок лицензию на производство истребителей Me-163, Me-262A-1 и турбореактивного двигателя BMW-003. Адаптация под японские технологические условия этих образцов авиационной техники была завершена летом 1945 г., когда островная империя приблизилась к полному разгрому и они не смогли повлиять на ход боевых действий⁹⁵.

Японцы не изменяли свою позицию ожидания благоприятного момента для начала агрессии против СССР, оказывая ощутимую поддержку немецкой армии, создавая угрозу советским границам, что сковывало 25% советских войск на Дальнем Востоке. Этот аргумент приводили и сами японцы в ходе переговоров. В телеграмме от 27 июня 1942 г. текст, которой был одобрен на совместном совещании правительства и Верховной ставки, послу Японии предписывалось передать германской стороне, в частности, следующее, что «..переход Японии в этих условиях к активным мерам против Советского Союза излишне распылил бы силы Японии и отнюдь не повлек бы за собой

благоприятной с точки зрения общего положения обстановки. Благодаря этому она и до сих пор сколько возможно сковывала Советский Союз на Востоке и в дальнейшем рассчитывает делать это»⁹⁶. С 1 по 7 августа 1942 г. генерал-лейтенант Осима посетил южный сектор восточного фронта германских войск. В донесении в Токио посол отметил, что немецкие генералы и офицеры «настроены очень оптимистично», планируют захват Сталинграда, Кавказа и в целом «до конца зимы считают возможным в основном уничтожить главные силы Красной Армии и захватить бо́льшую часть Европейской части СССР»⁹⁷. Как видно из сообщения Осима, немецкие визави посла пытались создать представление о скором крахе СССР и тем самым подтолкнуть Японию к войне с Советским Союзом. Однако Токио не спешил начать войну, оставаясь верным стратегии «спелой хурмы».

Японский Генеральный штаб обещал германским военным «проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза». Японская сторона активно сотрудничала с немецкой разведкой в области шпионажа против СССР. Это подтвердил в своих показаниях Нохара, сообщив, что сведения о численности и дислокации советской армии, а также данные о промышленности СССР поступали немецким военным в течение 1941–1945 гг.⁹⁸ Надо отметить, что разведки оси добывали и обменивались данными о всех своих противниках. Японские ВМФ активно противодействовали судоходству, 178 судов было задержано на различные сроки, 18 судов было потоплено⁹⁹.

После поражения немцев под Сталинградом у Японии окончательно рухнули надежды на создание благоприятной ситуации для нападения на СССР. 6 марта 1943 г. японский посол в Берлине Осима сообщил Риббентропу, что «...в виду сложившейся в настоящее время военной обстановки японское правительство не может вступить в войну»¹⁰⁰. Причины,

по которым Япония не вступила в войну с СССР, заключались в том, что героическое сопротивление советского народа немецкой агрессии сорвало планы японских милитаристов, выжидавших момента крушения Советского Союза как исходной предпосылки начала захвата советских территорий. Осенью 1943 г. японская дипломатия предприняла шаги, направленные на заключение сепаратного мира между СССР и Германией. Эта инициатива не удалась. Отношения между Японией и Германией во второй половине войны приобрели формальный характер. 15 и 18 мая 1945 г. японское правительство заявило о том, что из-за безоговорочной капитуляции Германии дезавуируются пакт от 27 сентября 1940 г., соглашение от 11 декабря 1941 г., а также другие соглашения, заключенные в течение 1938–1944 гг.¹⁰¹

В целом, анализируя отношения Японии и Германии, можно отметить, что наиболее важной и эффективной была внешнеполитическая сфера сотрудничества. Япония, являясь одной из великих держав – создателей Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, столкнулась с тем, что в рамках этой системы она ограничена в экспансии в Китае и наталкивается в осуществлении своей континентальной политики на противодействие своих бывших союзников по Первой мировой войне. Без контроля над ресурсами, которыми располагал Китай по консолидированному мнению японских правящих кругов, Япония была обречена на усиливающееся отставание в развитии от основных держав. С начала тридцатых годов XX в. Япония методично и целенаправленно стала разрушать межвоенную систему международных отношений. Учитывая относительную ограниченность потенциала, официальному Токио для достижения поставленной задачи необходимы были союзники, и первым кандидатом на эту роль стала Германия,

ущемленная по итогам прошедшей войны и заинтересованная в повышении собственного международного статуса.

Несмотря на то что японские лидеры пошли на заключение японо-германского союза на добровольной основе, Япония всегда стремилась к свободе рук и действовала в собственных интересах. Исходя из острой необходимости Германии иметь мощного союзника на Дальнем Востоке, японские дипломаты добивались возможно больших уступок в вопросах экономики и политики. Действуя таким образом, Япония вытеснила Германию из Китая, проникла в Индокитай, связала договорным обязательством нацистское правительство вступить в войну против США. Гитлеровское правительство не смогло добиться вступления Японии в войну против СССР в необходимый момент. В то же время Япония оказывала значительную помощь Германии в борьбе с Советским Союзом, сковывая его силы на Дальнем Востоке. Экспансия Японии в регион Южных морей преследовала двойную цель: расширение своей ресурсной базы и изоляцию Китая. В это время политика США приобретала все более выраженный антияпонский характер.

Значение вспыхнувшей японо-американской войны для Германии было неоднозначно. С одной стороны, немцам пришлось вступить в войну с мощной державой, что не входило в ближайшие планы, с другой стороны, была снята угроза перехода Японии в стан врагов. Германия также надеялась и пыталась использовать Японию для своих целей. Стороны демонстрировали недоверие к политике друг друга, но общие интересы переформатирования существующей системы международных отношений сводили в союз столь сложных партнеров. Атмосфера подозрения к союзнику по оси хорошо иллюстрирует высказывание Гитлера в беседе с Йодлем 5 апреля 1943 г.: «Вы не должны верить тому, что говорят японцы. Я не верю ни единому их слову. Они ничего

не рассказали нам о своих кораблях и вдруг оказались там с самыми большими боевыми кораблями в мире. Они ничего не рассказывали об авианосцах, и вот откуда ни возьмись у них самое большое количество авианосцев. Они ни слова не сказали, говорю вам, ни слова. Если у них действительно есть какие-то планы, мы никогда о них не услышим, а если они скажут нам, что планируют операцию на севере, я скорее сделаю вывод, что что-то затевается на юге»¹⁰².

Подписанное военное соглашение 1942 г. продемонстрировало, что стороны в период своих наибольших военных успехов не были готовы договориться об эффективных совместных действиях. За весь период войны японской и германской армиям не удалось добиться согласованности в боевых операциях. Действия обеих армий были направлены на решение собственных задач и в минимальной степени ориентированы на своих союзников. В начале 1942 г., когда страны оси добились наибольших успехов на азиатских и африканских театрах военных действий, они не смогли договориться о скоординированных совместных операциях, направленных на соединение в районе Индийского океана. Примеры совместных действий на уровне взаимодействия родов вооруженных сил носили локальный характер. По сути, они исчерпывались действиями подводных сил в Индийском океане. Экономическое сотрудничество было тоже недостаточно успешным, учитывая географическую отдаленность стран оси, усугубленную блокадой противников. Сотрудничество Японии с Германией в военно-технической сфере хотя и способствовало техническому прогрессу в отрасли, но не могло переломить тенденцию к техническому превосходству западных союзников.

Рассматривая отношения Японии и Германии, можно отметить парадокс: противоречия между ними были сильны настолько, что не позволили выйти на оптимальный для стран

оси уровень сотрудничества, но были слабее, чем японо-американские противоречия, которые вышли на стратегический уровень и эволюционировали в военный конфликт. Героическая борьба Советского Союза, сорвавшая планы блицкрига Германии и её сателлитов при одновременном сохранении крупной боеспособной группировки советских войск на Дальнем Востоке, готовой к отражению агрессии со стороны Японской империи, не оставила ей шансов совершить успешное нападение на СССР. Одновременно с этим обострялось японо-американское противостояние, которое перешло в открытые военные действия с нападением японских вооруженных сил на американские военные базы, расположенные в АТР, что привело к схватке с США. После этого война окончательно превратилась в мировой конфликт.

Подводя итог сотрудничества Японии и Германии в годы войны, надо отметить, что Токио стремился создать условия для проведения агрессии в наиболее удобных для него обстоятельствах. Опора Токио на европейского союзника позволяла занимать жесткую позицию в переговорах с США. Со своей стороны, Германия возлагала надежды на союз с Японией при планировании нападения на СССР, рассчитывая, что Япония ударит по СССР на Дальнем Востоке. Однако Япония, исходя из своих стратегических соображений, выбрала другое направление агрессии, ударив по западным участникам антигитлеровской коалиции. Поражение Германии в Европе предопределило скорый крах и Японии, поскольку означало сосредоточение военной мощи англо-саксонских государств и СССР против японских сил. Союз держав оси нес человечеству очевидную угрозу порабощения народов, заложил контур агрессии, привел к колоссальным человеческим, культурным, экономическим жертвам в ходе Второй мировой войны, и его разгром является величайшим достижением СССР, США, Великобритании и других государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 – декабрь 1941 гг.). М., 1959. С. 12.
2. Кутаков Л. К. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 153–154.
3. B. Martin Zur Vorgeschichte des deutsch-japanischen Kriegsbündnisses // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 21 (1970). S. 613.
4. Eiji Seki Mrs Ferguson's Tea-set, Japan, and the Second World War The Global Consequences following Germany's Sinking of the SS Automedon in 1940. Global Oriental 2007. P. 75.
5. Ed. John Chapman, The Price of Admiralty, The War Diary of The German Naval Attaché in Japan, 1939–1943, Saltire Press. Vol. II & III, 23 August 1940 to 9 September 1941, 1982. P. 77–78.
6. Военная разведка информирует Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. А. Гаврилов. М., 2008. С. 366.
7. Martin B. Zur Vorgeschichte des deutsch-japanischen Kriegsbündnisses... Op. cit. S. 614.
8. Израилян В. Л., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История возникновения и краха. М., 1967. С. 82.
9. Там же. С. 83.
10. Гольдберг Д. И. Указ. соч. С. 61.
11. Того Сигенори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 210–211.
12. История войны на Тихом океане. М., 1958. Т. 3. С. 65.
13. Риббентроп И. фон. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998. С. 226.
14. Тайхэйё сэнсо-э-но мити: кайсэй гайко си (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Токио, 1963. Т. 5. С. 346–349; 350–357.
15. Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 227.
16. Тайхэйё сэнсо-э-но мити... Указ. соч. Т. 5. С. 199.

17. Official Records from the International Military Tribunal for the Far East, 1945–1948 (далее IMTFE) Special Collections, Arthur J. Morris Law Library, University of Virginia Law School: <http://www.law.virginia.edu/html/librariansite/specialcollections.htm> дата обращения 25.02.2016
18. Ibid.
19. Исраилян В.Л., Кутаков Л.К. Указ. соч. С. 87.
20. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950. С. 242.
21. Цит. по: Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. М., 2004. С. 288–289.
22. История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 363–364.
23. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 242.
24. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1989. Т. 3. С. 588–589.
25. Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси. История современной Японии. М., 1955. С. 238.
26. Eiji Seki Op.cit. P. 78.
27. Рогге Б. Рейдер «Атлантис». Самый результативный корабль германского ВМФ. 1939–1941 гг. М., 2006. С. 180.
28. Eiji Seki Op.cit. P. 85–87.
29. DGFP. Vol. XII. P. 9.
30. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т. 3. С. 621.
31. DGFP, D. Vol. XII. P. 71–73.
32. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т. 3. С. 625.
33. Schroede Paul. The Axis alliance and Japanese-American relations. Ithaca 1958. 1941. P. 128–129.
34. Krebs Gerhard. Japans deutschlandpolitik 1935–1941. Hamburg, 1984. S. 522.
35. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т. 3. С. 628.
36. Там же. Т. 3. С. 629–630.
37. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т. 3. С. 629.
38. Там же. Т. 3. С. 635.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же. Т. 3. С. 636.
42. Там же. Т. 3. С. 640.
43. Там же. Т. 3. С. 641.
44. Там же.

45. DGFP. Vol. XII, doc. № 190.
46. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtfiihrungsstab) 1940–1945. Hans-Adolf Jacobsen B. 1: Frankfurt am Main, 1965. S. 1199.
47. Тайхэйе сэнсо э но мити. Указ. соч. Т. 5. С. 305.
48. Там же. С. 306.
49. Тайхэйе сэнсо э но мити. Указ. соч. Т. 7. С. 214.
50. IMTFE. Op. cit.
51. Такусиро Хаттори Япония в войне 1941–1945. С. 43.
52. IMTFE. Op. cit.
53. Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917–1945 гг. М., 1973. С. 178.
54. Того Сигэнори. Указ. соч. С. 252.
55. Тайхэйе сэнсо э но мити. Указ. соч. Т. 5. С. 313.
56. IMTFE. Op.cit.
57. Тайхэйе сэнсо э но мити. Указ. соч. Т. 5. С. 315–316.
58. Того Сигэнори. Указ. соч. С. 500.
59. Там же. С. 501.
60. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. М., 1955. Т. I. С. 420.
61. Гольдберг Д.И. Указ. соч. С. 159.
62. Тайхэйе сэнсо си.Токио, 1972. Т. 4. С. 98.
63. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 244–245.
64. Цит. по: Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. Факты. Документы. М., 2003. С. 349.
65. Там же. С. 354.
66. ADAP 1918–1945. Serie E1941–1945. B. 1. Gottingen, 1969. S. 22.
67. Израилян В.Л., Кутаков Л.К. Указ. соч. С. 251.
68. ADAP 1918–1945. Serie E1941–1945. B. 1. Gottingen, 1969. S. 25.
69. Ibid. S. 26.
70. Keitel W. The Memoirs of Field-Marshal Keitel. L., 1965. P. 234.
71. Hitlers Secret Conversations. New-York, 1953. P. 396.
72. ADAP 1918–1945. Serie E1941–1945. B. 1. Gottingen, 1969. S. 26.
73. Ibid. S. 27.
74. Dreckler K. Deutschland – China – Japan. Das Dilemma der deutschen Fernostpolitik. B., 1964. S. 105.
75. Ibid.

76. Ibid.
77. Футида М., Окумия М. Сражение у атолла Мидуэй. М., 1958. С. 81–84.
78. Дениц К. Подводный флот рейха. Смоленск, 1999. С. 412.
79. Там же.
80. Дениц К. Указ. соч. С. 412.
81. Dorr Carpenter & Norman Polmar. Submarines of the Imperial Japanese Navy. L., 1986. P. 37.
82. Еремеев Л. М., Шергин А. П. Подводные лодки иностранных флотов во Второй мировой войне. Оперативно-статистические материалы. М., 1964. С. 97, 178, 200.
83. Мировые войны XX века. Вторая мировая война: Документы и материалы. 4 кн. М., 2002. С. 567.
84. Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 486.
85. Подсчитано по: Роувер Ю. Субмарины, несущие смерть. Победы подводных лодок стран гитлеровской Оси. М., 2004. С. 263–277.
86. Хаттори Т. Указ. соч. С. 361.
87. The «Magic» Background Of Pearl Harbor. Vol. 2. С. 543–544.
88. Вудворд Д. Тайные рейдеры. М., 2004. С. 254–255.
89. Мотицура Х. Потопленные. М., 2001. С. 490, 618.
90. Апальков Ю. В. Боевые корабли японского флота 10.1918–8.1945 гг. Подводные лодки. СПб., 1999. С. 140.
91. Там же. С. 194, 202, 213.
92. Kampfflugzeuge Daten, fakten, technik. Rasttat, 2001. S. 59.
93. William Green, Gordon Swanborough. Japanese Army Fighters. London, 1976. P. 30.
94. Francillon, Rene J. Japanese Aircraft of the Pacific War. L., 1970. P. 129.
95. Ibid. P. 404–406, 443–444; Хорикоси Д., Окумия М., Кайдин М. Японская авиация во Второй мировой войне. М., 1999. С. 359.
96. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Кн. 1. Т. 3. М., 2003. С. 568–569.
97. Мировые войны XX века. Указ. соч. С. 252–253.
98. Кошкин А. А. Крах стратегии... Указ. соч. С. 152–153.
99. Там же. 1989. С. 156.
100. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т. 3. С. 602.
101. Jones F. C. Japans New Order in East Asia. London – New-York – Toronto, 1954. P. 434.
102. Варлимонт В. В ставке Гитлера. М., 2005. С. 232.

Л. В. Овчинникова

Корейское сопротивление как фактор победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне

Корея неоднократно подвергалась попыткам Японии захватить территорию страны. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония установила над Кореей протекторат, а с 1910 г. превратила ее в свою колонию, которая просуществовала до 1945 г. После разгрома Японии во Второй мировой войне Корея освободилась от японского господства.

Большой интерес у исследователей представляет отрезок истории колониального периода страны и корейского сопротивления японским оккупантам. Благодаря возможностям изучить служебные, секретные материалы и документы, выпущенные японским генерал-губернаторством в Сеуле в 20-х и 30-х гг., можно воссоздать социально-политическую картину колониальной Кореи. Это прежде всего материалы полиции, суда, прокуратуры, рассчитанные на очень узкий круг чиновников японской колониальной администрации, издания носили прагматические и прикладные цели. К ним относились: «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» («Сайкин-ни окэру тё:сэн дзиан дзё:кё:», Сеул, 1939 г. и 1943 г.); сборники «Вестников идеологии» («Сисо: ихо:»), выпуски за 1934 г. № 12, 1936 г. № 6, 1937 г. № 11, 1938 г. № 14 и 16); секретные

справочные издания «Корейская полиция» («Тё:сэн кэйсацу», Сеул, 1938 г.) и «Словарь тайной полиции» («Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн», Сеул, 1935 г.). Отметим и обзорные издания генерал-губернаторства «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тё:сэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё», Сеул, 1938 г.), куда входили материалы – «Общественные учреждения и мероприятия», «Движение за возрождение корейской деревни», «Внешняя торговля Кореи», «Промышленные ресурсы Кореи», «Справочник по бюджету генерал-губернаторства», «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи». Необходимо отметить и публикации «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюнэнси», Сеул, 1940 г.), «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси», Сеул, 1935 г.), «Обстановка в Корее» («Тё:сэн дзидзё: Сеул, 1941 г., 1943 г.) и другие публикации.

Эти источники позволяют увидеть колониальную Корею; они не только показывают методы управления и контроля японских властей, но также рассказывают об антияпонском сопротивлении, о борьбе корейцев за обретение независимости. Интересны и материалы советской прессы 20-х и 30-х гг., а также монографии советских корееведов, содержание этих трудов представлено в капитальном труде «История Кореи», том 2, 1974 г. Можно отметить монографию Хан Ёнью «История Кореи», 2010 г., и труды американских исследователей Р. Скалапино, Ли Чжонсиа, Со Дэсука¹.

При исследовании темы корейского сопротивления в период японского колониального господства необходимо рассмотреть все его этапы (1910–1945). Из обширного арсенала содержащихся в японских изданиях сведений хотелось бы проанализировать те, которые помогают рассмотреть основные этапы борьбы корейского народа за обретение независимости. Интересна и их трактовка

авторами японских изданий. Думается, что при рассмотрении этой темы условно можно выделить следующее:

- I. Подъем корейской освободительной борьбы в начале Новейшего периода истории. Выступление 1919 г. Зарождение и развитие социалистического движения в Корее, его зарубежный период (1919–1925).
- II. Создание Компартии Кореи. Потенции и зачатки единого фронта патриотических сил Кореи. Июньская демонстрация 1926 г. Образование общества «Синганхве» (Общество новых деяний) (1925–1928).
- III. Левосектантский курс мирового революционного движения в конце 20-х – начале 30-х гг. VI Конгресс Коминтерна. Ультралевизна и сектантство в борьбе корейских патриотов, их трагические последствия и уроки. Роспуск «Синганхве» (1929–1935).
- IV. Изменение тактики корейского освободительного движения накануне и после VII Конгресса Коминтерна. Патриотическое подполье в стране. Борьба корейских партизан в Маньчжурии (1935–1939).
- V. Корейское сопротивление в годы Второй мировой войны.

Как же излагают и трактуют источники события каждого из этих этапов? К началу Новейшего периода истории в Корее сложились условия для подъема народной борьбы за освобождения. Исследуемые материалы раскрывают степень нищеты, бесправия и протеста широких слоев населения в обстановке «сабельного режима». Издания генерал-губернаторства приводят сведения о «Первомартовском» выступлении 1919 г. Движение за провозглашение независимости распространилось по всей территории Кореи. Руководителями и участниками его были представители интеллигенции, молодежи и учащихся, предприниматели,

крестьяне, религиозные деятели. «Первомартовское» выступление было жестоко подавлено².

После событий 1919 г. японская администрация была вынуждена сменить методы управления и контроля в Корее на политику «культурного управления». В этот период в зоне борьбы за национальное освобождение образовалось два течения: правое, унаследовавшее традиции движения за первоочередное накопление «реальных сил», за предложение автономии и левое, выступившее против примирения с японскими властями и за развертывание активной борьбы. В данный период оба крыла национально-освободительного движения – левое и правое – охватило состояние кризиса, но в то же время наблюдалось стремление к созданию единого фронта. Одним из свидетельств этой тенденции стала июньская демонстрация 1926 г., проходившая под лозунгом борьбы за независимость Кореи и ставшая заметной вехой в борьбе за освобождение. Движение за сотрудничество между правыми и левыми проявилось в деятельности с 1927 г. «Синганхве». Инициаторами его создания были члены националистических групп и компартия, представители христианских организаций, старой ветви «Чхондогё», буддистов. Оно имело 140 отделений по всей стране и насчитывало свыше 40 тыс. членов³.

30-е годы стали особым этапом в борьбе корейцев за свое освобождение. С одной стороны, в рассматриваемое время нарастают милитаристские устремления Японии и связанные с этим меры по обеспечению спокойствия в Корее, созданию прочного тыла, особенно после захвата Маньчжурии и усиления подготовки к «большой» войне. Придавая особое значение Корее как плацдарму продвижения на материк и, естественно, «успокоению» народа колонии, японская администрация усилила полицейский террор, отбирала у народа остатки тех частичных свобод, которые

была вынуждена провозгласить после движения 1919 г., ужесточила карательные акции в отношении антиколониальных и антивоенных сил Кореи. С другой стороны, освободительная борьба в Корее в данный период приобрела новые черты. Это прежде всего касается леворадикального движения – в нем усилились левацкие ультраревolutionонные настроения, отход от наметившегося единства действий с буржуазно-патриотическими силами, что было в первую очередь отражением установок VI Конгресса Коминтерна.

Японские издания приводят сведения об огромном числе так называемых «красных» рабочих и крестьянских союзах, подпольных организациях интеллигенции, учащихся, которые наряду с борьбой за независимость Кореи выдвигали на первый план беспочвенные лозунги «коммунизации» Кореи, строительства там социалистического общества. Материалы позволяют классифицировать эти союзы по профессиональному и социальному принципу, определить содержание их требований и задач, методы и формы деятельности, преимущественно насильственные, «левые» по-прежнему рассматривались японской администрацией как влиятельная, активная сила освободительной борьбы. Умеренное крыло интеллигенции – «центристы», часть которых хотя и входила в «красные» союзы, но не поддерживала их ультралевацкий курс, выступали за первоочередность национально-освободительных задач и блокирование с националистами-патриотами разных политических направлений. «Центристы» старались сочетать подпольную работу с легальной, вели культурно-просветительскую деятельность, особенно в деревне, были в контакте с «красными» союзами трудящихся, участвовали в их выступлениях, хотя не были сторонниками насильственных форм борьбы. Они ратовали за духовное развитие деревни

и корейского общества. К сожалению, тогда не они играли ведущую роль в левом движении.

Эти годы велась и партизанская борьба; по материалам японских служебных изданий можно сделать вывод, что по сравнению с 20-и активность партизан в первой половине 30-х гг. снижается. «Во время маньчжурских событий, – говорится в книге «Состояние общественного спокойствия...», – в Маньчжурии насчитывалось около 50 тыс. партизан; затем с созданием маньчжурского государства усилились объединенные действия против них японо-маньчжурских войск и полиции, и к концу марта того же года (1931) число партизан сократилось до 10 тыс. С началом китайских событий активность партизан возросла, и число их превысило 16 тыс. человек»⁴. Японские издания сообщают ценные сведения о методах подавления партизанских выступлений, об акциях полиции и жандармерии. Подчеркивается, что они были «самыми решительными». В пограничных с Маньчжурией провинциях действовала наиболее широкая сеть подпольных групп, созданных для дезорганизации корейского тыла⁵.

Вторая половина 30-х гг. была периодом серьезных перемен в мире. Менялась обстановка и в зоне корейской освободительной борьбы. Подготовка Японии к войне с Китаем и ее развязывание усилила бдительность в колонии, ужесточились репрессии в отношении к населению. Материалы японских изданий свидетельствуют, что к середине 30-х гг. центр партизанского движения переместился в Маньчжурию, так как в Корее, наводненной японскими войсками, действия партизан были почти невозможны. Именно Маньчжурия стала активной ареной антияпонской борьбы корейцев-партизан. Партизанская борьба велась там еще с начала XX в., здесь действовали «Армия справедливости» (Ыйбён) и «Армия независимости» (Топпункун). Точнее говоря,

это были не армии – так называли совокупность отрядов, организаторами и руководителями которых были члены националистических групп. Способствовали ведению партизанской борьбы и географическое положение, непосредственная близость к Корее, особенности ландшафта. К 1935 г. в Маньчжурии проживало около 1 млн корейцев, многие из которых включились в антияпонскую борьбу. Кроме того, там обосновалось значительное число коммунистов, которые до роспуска корейской компартии (1925) входили в нее как составная часть. Позже (в марте 1930 г.) они объявили о своем слиянии с компартией Китая. Отряды корейских коммунистов-партизан вошли в Китайскую освободительную армию. Компартия Китая со своей стороны была кровно заинтересована в том, чтобы корейский тыл становился всё более беспокойным, чтобы в борьбе против японской армии участвовали все силы.

Помощь компартии Китая корейским коммунистам-партизанам концентрировалась главным образом на «кадровом» фронте». Китайцы в основном были комиссарами в корейских партизанских отрядах, участвовали в подготовке пропагандистских и агитационных материалов, листовок, обращений⁶. Как уже отмечалось, решения VII Конгресса Коминтерна оказало воздействие на освободительную борьбу китайского и корейского народов. Это нашло отражение в создании «Общества возрождения отечества» (декларировалось как организации единого фронта).

Обратимся к характеристике партизанской борьбы во второй половине 30-х гг., данной японскими изданиями. К примеру, «Состояние общественного спокойствия» сообщает, что приблизительно до 1935 г. коммунисты и партизанские группы действовали раздельно, без всякой связи между собой. Однако в 1935 г. КПК опубликовала так называемую декларацию «8.1» («Спасение страны и борьба

с Японией»), объединив на базе прежней Северо-восточной Народно-революционной армии все партизанские группы, находившиеся в Маньчжурии. Преобразовав эти силы в Объединенную Северо-восточную антияпонскую армию, КПК подчинила ее своему руководству. Каждой группе или дивизии был определен свой участок действий; в каждое такое подразделение были посланы политработники. Таким образом, установилась прочная связь партии и партизанских групп. Находившийся по ту сторону границы от провинции южная Хамгён маньчжурский уезд Чанбай был определён районом действий 6-й дивизии 2-й армии в составе анти-японской объединенной армии. Командиром был назначен Ким Ир Сен. В районах действий 6-й дивизии под его руководством совершались частые рейды, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, похищениями отдельных лиц и нанесением им ранений. По указанию Коминтерна и Компартии Китая, эта дивизия, как и другие подобные соединения, развернула работу по расширению организаций анти-японского фронта»⁷.

Связь партизан с «Обществом возрождения отечества» (ОВО) указывает на то, что между ними были тесные контакты, несмотря на усилившиеся репрессии японских властей. Политработники, посланные в Корею руководством партизан, часто работали с коммунистами и подпольными организациями, которые функционировали в стране. К примеру в книге «Состояние общественного спокойствия...» сказано, что «Ким Ир Сен привлек некоторых радикалов из пограничного района Южная Хамген волости Унхын, поручил им развернуть там активную деятельность»⁸. В том же издании говорится, что политработники 6-й дивизии были командированы на важные военные базы Кореи в Ханным, Хамхын, Вонсан, Синьджу, а также на другие пункты в провинции Северная Пхэнан, Южная и Северная

Хамген (более 10 пунктов), где были созданы антияпонские организации. Наиболее широкая их сеть была в пограничных районах провинции Южная Хамген и в районе Хыннам, где проводились аресты, казалось бы окончательно разгромившие эти организации. На деле оказалось не совсем так⁹. В числе якобы разгромленных, но продолжавших функционировать, организаций названы «Союз освобождения корейской нации», «Корейское общество возрождения отечества», «Лига истинных друзей», «Антияпонская лига» и т. д. Число сторонников этих организаций после арестов составляло 200 человек¹⁰. Впрочем, можно полагать, что это были ячейки «Общества возрождения отечества», которые, как следует из источников и литературы, действовали под разными названиями. По сведениям японских изданий, «партизаны нападали на военные объекты, нарушали связь, совершали диверсии на железных дорогах, срывали важные работы военного характера, разоружали японские гарнизоны»¹¹. Для борьбы с партизанами полицией Японии была установлена тесная связь с полицейскими органами Маньчжурии, приняты японской полицией в Корею совместные меры, проводились массовые аресты¹².

Издание «Состояние общественного спокойствия...» констатирует, что «1937 г. отмечен возросшей активностью партизанских отрядов». Специфику этого периода оно определяет следующим образом:

1. Непосредственное руководство базировавшейся в Маньчжурии корейской антияпонской объединенной армии коммунистов и партизан со стороны Китая.
2. Развитие движения по созданию народного фронта, ставившего целью борьбу с Японией.

3. Активизация в Корее и Маньчжурии деятельности подпольных антияпонских организаций и большое число их членов.
4. Непрерывающаяся деятельность группы Ким Ир Сена.
5. Значительное усиление подрывной работы партизан в период китайских событий.
6. Убийство многих лиц якобы реакционных (прояпонских) элементов.
7. Массовое участие женщин в антияпонском движении.
8. Действия партизан «имеют самое непосредственное отношение к происходящим в настоящее время событиям. Если не будут проведены аресты, всё это может привести к дезорганизации тыла, результатов которой следует опасаться»¹³.

Партизаны продолжали действовать и во время усилившейся подготовки Японии к войне против СССР, когда в 1938 г. в районе озера Хасан и в 1939 г. в Монголии, у реки Халхин-гол имели место японские провокации. В это время в промышленных центрах Северной Кореи усилились саботаж и диверсии на военных объектах, были случаи ухода рабочих в партизанские отряды. Как сообщают японские издания, и ранее аналогичные факты имели место и в других районах северной Кореи¹⁴.

Борба корейцев за освобождение от японского колониализма в 30-е годы была представлена двумя потоками: движением непосредственно в стране и действиями партизан, база которых находилась в Маньчжурии. Исследователи часто ставили вопрос о том, какой поток был главным. Одни утверждали, что главным была партизанская борьба в Маньчжурии, другие считали главным все-таки, хотя и ослабленным, сопротивление в самой Корее. Эти предложения не стоит противопоставлять, так как они были

взаимосвязаны и подпитывали друг друга. В 30-е годы мы наблюдаем антияпонские настроения и выступления, деятельность немногочисленного, но мобильного и мужественного подполья. Оно в не меньшей степени тревожило японскую администрацию, чем действия партизан. Об этом говорит и само соотношение материалов в японских служебных изданиях по обоим потокам борьбы. О действиях партизан их не так много. При этом внимание японских властей приковано не к ущербу, который они наносили японским подразделениям – он был, думается, незначителен, а к напряжению, создаваемому партизанами в японских тылах.

Корейские партизанские подразделения рассматриваются закрытыми изданиями японской администрации как составная часть Китайской освободительной армии. С этим трудно спорить. Но подходя к оценке событий объективно, всесторонне, нельзя отрицать и того, что корейские партизаны – члены китайской компартии – одновременно ставили и задачи достижения корейской независимости. Это нашло отражение в разработанных ими документах, особенно в программе «Общества возрождения отечества». Судя по материалам, ОВО имело филиалы по стране, но общенациональной организацией, консолидирующей все разнообразные силы против колониализма и войны, оно не стало. Важными и интересными представляются японские материалы, позволяющие исследовать феномен Ким Ир Сена. Что касается его роли в корейском освободительном движении 30-е гг., то из сведений японских изданий явствует, что он был активным участником, но отнюдь не руководителем общенационального масштаба, не идеологом и не героем. Он не участвовал непосредственно и в операциях по освобождению Кореи Красной Армией от японского колониализма

осенью 1945 г. Однако личность Ким Ир Сена требует специального изучения.

Вторая мировая война изменила ситуацию в корейском освободительном движении. Его основной задачей было сплочение всех антияпонских сил. Япония, увязшая в агрессии против Китая, продолжала готовиться к «большой» войне. Обстановку в мире усложнила начавшаяся в 1941 г. агрессия Японии на юге и юго-востоке Азии. Весь этот период японские колониальные власти сочетали военно-полицейский террор и идеологическую экспансию, насаждая паназиатизм, расово-шовинистические идеи, лозунг «Азия для азиатов» под эгидой Японии, как нации, якобы призванной историей стать руководителем «сферы совместного процветания». Эта политика проникла во все поры общественной жизни, и особенно глубоко в бытовые сферы. Деятельность союзов по мобилизации сил нации, «патриотических групп» (доносы, обязательная подача сведений в полицию обо всех подозрительных лицах и т. п.) порождала у населения подозрительность, недоверие, враждебность, разобщение людей.

Если впервые время после событий 1919 год именуется периодом «культурного управления», временем «бархатной кошачьей лапки», то период Второй мировой войны правомерно характеризовать как сочетание полицейского террора и политико-идеологической обработки населения, меняющейся в зависимости от перемен обстановки на фронтах. Естественно, все антияпонские, антиколониальные выступления в Корее были строго запрещены. Но сопротивление японскому колониальному господству в самой Корее продолжалось. Роль китайской зарубежной базы корейской освободительной борьбы резко снизилась. Руководители крупных отрядов перебрались в Советский Союз, а мелкие партизанские группы действовали непосредственно в Корее.

Руководили ими и другими малочисленными организациями и их выступлениями из подполья преимущественно члены леворадикальных патриотических групп. Действовавшие подпольные группы проявляли большое мужество и стойкость. В это время наметилась тенденция к тому, что потоки национально-освободительного движения снова сливались. Из Северо-Восточного Китая в Корею время от времени тайно перебирались члены партизанских отрядов, соединялись с местными леворадикальными группами, вместе с ними они проводили среди населения разъяснительную работу. Иногда партизаны привозили листовки, брошюры, информационные листки, рассказывающие о текущих событиях, о японской агрессии, о положении на фронтах.

В годы войны возникали различные группы, провозглашавшие своей задачей освобождение Кореи от колониального господства. Например, сеульская группа, возглавляемая Пак Хон Йоном, деятельность которой выходила за рамки столицы, а также другие, более мелкие леворадикальные группы. В их задачи входило установление связей с патриотами-националистами, но даже наладить между ними контакты в условиях полицейского террора было очень сложно. В августе 1944 г. Ё Ун Хёном был создан «Союз возрождения государства», провозгласивший одной из своих задач «создание объединенного антияпонского фронта». Союз просуществовал недолго, но сумел оставить свой след в антияпонском сопротивлении корейского народа. Продолжали свою деятельность и корейцы-патриоты в Китае. Ким Ду Бон, Чхве Чханик и другие создали там в качестве организации единого фронта «Лигу независимости Кореи».

В годы Второй мировой войны открытые формы борьбы, массовые выступления были невозможны. Что же происходило в военные годы в самой Корее? Несмотря на запреты властей, иногда на страницы легальных газет проникали

сведения о растущем брожении в стране. Так, широко практиковался саботаж рабочих на заводах, шахтах, в портах, на транспорте. В промышленных районах Пхеньяна, Чхонджина, Хыннама, несмотря на строжайший запрет властей, проходили стачки. Тогда же получили распространение диверсии на военных заводах и шахтах; взрывы, организованные рабочими на военных предприятиях, аэродромах, железных дорогах, в портах. Выводились из строя станки, оборудование. Это была одна из форм борьбы с оккупационным режимом. Японские власти отводили Корею важную роль в обслуживании войны, поэтому выведение из строя военных объектов, диверсии на транспорте, срыв выполнения военных заказов наносили серьезный ущерб японскому милитаризму.

Брожение происходило не только в городе, но и в деревне. Усилилось в годы войны недовольство крестьян. Весной 1943 г. в городах прошли «рисовые волнения». Ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия, рост налогов и другие тяготы военного времени вызывали недовольство. Так, в 1941 г. было отмечено более 4850 арендных конфликтов, в которых участвовали 10,4 тыс. человек¹⁵. Сопротивление крестьян властям выражалось в невыполнении программы военных обложений, плана поставок риса. Протест в разных слоях населения вызвали закон о всеобщей воинской повинности для корейцев и закон об их трудовой мобилизации. Многие из студентов не вняли призывам колониальных властей и ушли в горы к партизанам. В своеобразные демонстрации протеста превращались проводы корейцев, отправляемых в Японию по трудовой мобилизации. Примером такого протеста стало одно из крупных выступлений, которое произошло летом 1944 г. на привокзальной площади Сеула, жестко подавленное полицией. Уклонившиеся от мобилизации вливались в отряды сопротивления,

разбирали железнодорожные пути, организовывали диверсии. Массовые аресты, облавы, полицейские угрозы создавали в стране обстановку предельной напряженности, но не могли ослабить народное сопротивление. Оно уходило все глубже в подполье.

Призывы властей «думать, говорить и писать по-японски, ибо это необходимо для участия Кореи в построении Великой Восточной Азии» не встречали ожидаемого ими отклика. В движении против ассимиляторских акций оккупантов участвовала прогрессивная корейская интеллигенция. Нараставшие в колонии недовольство и волнения вынудили японские власти принять дополнительные меры по «успокоению корейского тыла». Был разработан закон о политических правах корейцев, предусматривалось некоторое улучшение условий их жизни в Корее и Японии, был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав и провозглашены другие меры. Тем не менее продолжались выступления интеллигенции, студенчества. Отказ многих студентов идти добровольцами в японскую армию расценивался национальными силами как крупная антивоенная, патриотическая акция. Для борьбы с ней власти задабривали молодежь, заигрывали с ней, в то же время запугивали ее и наказывали.

Следует отметить, что настроение молодежи, студентов, как и профессуры, не было единым и однозначным. Антияпонские, антивоенные настроения были не у всех, некоторые группы находились в плену идеологической пропаганды. Часть интеллигенции продолжала ориентироваться на ожидаемую помощь США. Профессура, которая призывала студентов идти служить в японскую армию, во многих работах отечественных корееведов расценивалась однозначно как антипатриотическая. Вероятно, это было не так. Часть преподавателей и профессоров действительно

стала прояпонской силой. Другие же в условиях жестокого военно-полицейского режима, чтобы выжить, выполняли требования властей, но оставались при этом патриотами. Была и такая часть элиты, которая искренне надеялась, что победа Японии принесет корейскому народу если не свободу, то какое-то облегчение, верила лозунгам единства метрополии и колонии.

В период Второй мировой войны в Корее действовало патриотическое подполье. На первый взгляд могло казаться, что оно полностью стерто с лица земли японскими карательными органами. Но ослабленное, малочисленное, обескровленное, оно все же продолжало жить. Антияпонские выступления во время войны проходили по следующим основным направлениям: борьба отрядов сопротивления и партизанских групп; саботаж и забастовки на предприятиях, диверсионные акты на железных дорогах; движение протеста против призыва в японскую армию, отказ студентов ехать в Японию по трудовой мобилизации. Партизаны, разбившись на небольшие группы, продолжали борьбу.

Необходимо отметить, что корейское подполье, действовавшее внутри страны, группы и организации, ведущие свою деятельность за пределами страны, в том числе и партизаны в Маньчжурии, внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость. Сопротивление корейцев подтачивало японское колониальное господство и стало одним из факторов победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеются в виду монографии американских историков: Lee Chong-Sic. *The Politics of Korean Nationalism*, Berkeley, 1963; Suh Dae-Sook. *Documents of Korean Communist Movement*. Princeton, 1969; Lee Chong-Sic, Scalapino Robert *Communism in Korea*. Berkeley, 1972 и др.
2. См.: История Кореи. М., 1974. М. Т. 2. С. 37–58.
3. Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время. Сеул, 1939. С. 74.
4. Там же. С. 412–413.
5. Там же.
6. Американские авторы, в частности Со Дэсук, Скалапино, Ли Чжон-сик, пишут о крайне натянутых отношениях между корейцами и китайцами в партизанских отрядах, об их соперничестве, вражде и пр. Японские источники не сообщают об этом.
7. Состояние общественного спокойствия... С. 409–410.
8. Там же. С. 410.
9. Там же.
10. Там же. С. 422.
11. Вестник идеологии. 1937. № . 11. С. 9–14.
12. Там же.
13. Состояние общественного спокойствия... С. 418–419.
14. Вестник идеологии. 1937. № 11. С. 84–85, 92.
15. История Кореи. Т. 2. С. 144.

Австралийский Союз в годы Второй мировой войны

До настоящего времени в трудах отечественных ученых, занимающихся исследованием Второй мировой войны, главное внимание – что вполне объяснимо – уделяется событиям на европейском театре военных действий¹. Но эта война была действительно мировой не только по масштабам, но и по своей географии. И для многих народов Восточного полушария, причем не только Азии, но и Северной Америки и Австралии, главным с декабря 1941 г. стал Тихоокеанский театр военных действий, где им пришлось столкнуться с мощным напором императорской Японии.

Австралийскому Союзу (АС) довелось принять участие и в борьбе против Германии и Италии, и – главным образом – отразить нападение японцев на свои рубежи с севера. Трагедия перипетий тех лет до сих пор вызывает споры среди австралийского научного сообщества: одни его представители считают «битву за Австралию» событием национального масштаба, другие убеждены, что страхи японского вторжения были преувеличены современниками, напуганными перспективой войны с японским милитаризмом на собственной территории. Архивы и фонды военных музеев АС дают прекрасную возможность еще раз обратиться к одной из самых драматических страниц истории этой страны.

Вторая мировая война началась для Австралии 3 сентября 1939 г. Премьер-министр Р. Г. Мензис обратился к нации с заявлением о том, что страна будет сражаться с фашизмом на стороне метрополии: «Моя печальная обязанность – официально сообщить вам, что в связи с вторжением Германии в Польшу Великобритания объявила немцам войну, а в результате Австралия также находится в состоянии войны. Нет более тяжелой задачи, которая может выпасть на долю демократического лидера, чем делать такое заявление»². В секретной переписке со своими дипломатами он с тревогой размышлял о будущем, понимая, что борьба будет длительной и трудной, а опора на Лондон весьма шаткая: «В отношении Японии в последнее время у меня растущее чувство, что если для нас Дальний Восток – главная проблема, то для Уайтхолла он представляет собой малую толику, а британское правительство более озабочено делами в Китае... В Австралии никто не сомневается в справедливости наших действий... и в то же время никто не питает никаких иллюзий относительно этого»³, – подводил он грустный итог.

В преддверии войны правительство Австралии активнее стало проводить свою внешнеполитическую деятельность. В первую очередь было сделано все возможное для скорейшего углубления двусторонних контактов как с Великобританией, так и с другими доминионами – Канадой, Южной Африкой и Новой Зеландией. В марте 1940 г. было открыто посольство АС в США, связям с которыми Мензис придавал большое значение. Он был уверен, что «в течение следующих года или двух Вашингтон займет ключевые позиции в сложившейся ситуации»⁴. Это предчувствие премьер-министра не обмануло. Все большее внимание австралийских политиков стал занимать и СССР, позиция в отношении которого была весьма осторожной. С одной стороны, наша страна с массой допущений рассматривалась

как потенциальный союзник: «Нам кажется вполне возможным, что хотя Германия и Россия теперь делят территорию Польши, тем не менее, они могут и поссориться по поводу этого дележа», – писал премьер-министр⁵. С другой стороны, в конце сентября 1939 г. правительство АС вслед за Великобританией вполне серьезно рассматривало вопрос, что следует предпринять в случае, если СССР вступит в войну на стороне Германии⁶. Одновременно приходилось вести и дипломатическую игру с Японией. В ее нейтральность в разразившейся войне, несмотря на открытие посольства АС в Токио и сохранявшиеся достаточно интенсивные торговые связи между двумя странами, не верил уже никто. Австралийские дипломаты подчеркивали необходимость продолжения такого курса: «Политики должны держать в руке оружие, с помощью которого можно отказать в поставках товаров, жизненно необходимых для Японии, как стимул, заставляющий Японию вести себя хорошо»⁷. Таким образом, на внешнеполитическом поле было сделано максимум возможного, чтобы обеспечить дипломатические основы безопасности Австралии.

В первые дни войны по просьбе правительства Великобритании о военной помощи началось формирование австралийского экспедиционного корпуса, в который входили части военно-морского флота и военные профессионалы различных специальностей. Вскоре из 20 тыс. добровольцев были сформированы Австралийские имперские силы (АИС). Призыв из Лондона заканчивался утверждением, что «непосредственной задачей теперь является помощь Великобритании на европейском театре» военных действий⁸. Интересы метрополии на начальном этапе войны оставались приоритетными и для Р. Мензиса, и правительства обеих стран по-прежнему возлагали свои основные надежды на британскую военно-морскую базу в Сингапуре как

опорную точку в системе защиты АС, и на поддержку со стороны США. Британское адмиралтейство уверяло, что «принимает на себя полную ответственность за оборону Австралии или Сингапура от японской крупномасштабной атаки и располагает силами именно для этих целей»⁹.

Вследствие этого отправленные за океан на помощь Британии австралийские дивизии принимали участие в самых сложных сражениях на Ближнем Востоке и в Европе. Как и во время Первой мировой войны, отправленные на фронт австралийцы называли себя «анзаками» и «диггерами»*, словно наследуя славу отцов и дедов¹⁰. Поскольку боевые действия австралийских экспедиционных войск очень подробно описаны и изучены в многотомном официальном исследовании «Австралия в войне 1939–1945»¹¹, я ограничусь здесь кратким изложением основных фактов. Операции 1940–1942 гг. проходили с переменным успехом. Австралийские летчики участвовали в тяжелой «битве за Англию». моряки обеспечивали господство британского флота в Средиземном море и защищали Суэцкий канал. В Северной Африке австралийцы участвовали во взятии городов Бардия, Тобрук, Бенгази и сопровождали колонны пленных итальянцев. Вскоре на помощь своим незадачливым союзникам сюда подошли немцы, и АИС предстояло столкнуться в Западной пустыне с германской механизированной машиной и сражаться с войсками под командованием знаменитого «лиса пустыни» – генерал-фельдмаршала Э. Роммеля. Части австралийцев семь месяцев выдерживали осаду, будучи зажатыми в городе Тобрук. Немецкая пропаганда окрестила их «крысами Тобрука», но им-то и удалось

---

* Анзаки – от АНЗАК (Австрало-Новозеландский Армейский Корпус), так называли военные формирования, состоявшие из австралийцев и новозеландцев, храбро воевавших на фронтах Первой мировой войны. Диггеры – те же солдаты, одним из основных занятий которых было рытье окопов (от английского глагола to dig – «рыть, копать»).

остановить и задержать наступление превосходивших сил противника. По настоянию австралийского генерала Т. Блейми британское командование вынуждено было заменить здесь австралийцев другими подразделениями союзников, а основные силы анзаков были впоследствии сконцентрированы в Сирии, которую летом 1941 г. им удалось отвоевать у противника¹².

В апреле–мае 1941 г. части австралийцев перебросили на юг Европы, но бои в Греции и на Крите носили совсем иной характер. К тому времени в Афинах уже хозяйничали немцы, и в результате крайне неудачных действий командования анзаки потеряли большое число личного состава и почти все тяжелое вооружение. Так же трудно пришлось им при обороне острова Крит. Блейми предупредили об участии его солдат слишком поздно, чтобы можно было что-то исправить в военных планах, которые он считал не очень удачными. Закончилось все катастрофой для британцев, австралийцев и новозеландцев, попавших в мясорубку в Коринфе. А эвакуация с Крита была хуже, чем разгром при Дюнкерке. Скандальным было отсутствие всякого прикрытия с воздуха, необходимого при подобных операциях. Тем обиднее выглядит все это в наши дни, когда стали известны подробности одной из наибольших удач британской разведки, сумевшей к лету 1941 г. разгадать секретные шифры немецких сообщений¹³.

Это значительно облегчало ведение контропераций для союзников, но необходимость сохранять эти знания в наистрожайшей тайне достигалась У. Черчиллем за счет того, что он ни с кем не делился полученными данными. Он знал о планах Германии произвести высадку на Крите и предпочел сыграть в неведение, но не выдать свой источник информации. В результате здесь погибли 15 тыс. союзников, и половина

из 7 тыс. австралийцев попала в плен. Цензура в АС благо- разумно сократила число потерь до 2 тыс. человек¹⁴.

В самой же АС стержнем внутренней политики стала перестройка жизни страны на военный лад. В соответствии с указами правительства о мерах военного времени утвер- ждались состав членов Военного кабинета, комитета началь- ников штабов, военных департаментов, а также сопутствующих им служб связи, обеспечения и т.п.¹⁵ Начался перевод всего хозяйственного механизма на оборонные рельсы, что нашло свое отражение в первую очередь в усилении госу- дарственного регулирования экономики и расширении функций центрального правительства. Необходимо было обеспечить безопасность континента, развернуть прежде всего производства, удовлетворявшие нужды военного вре- мени, и наладить бесперебойное снабжение боевых частей. В свете поставленных задач поощрялось развитие отраслей, связанных с военными поставками: производство обору- дования для машиностроения, точных приборов, самолето- строения и стрелкового оружия. Был специально создан департамент по делам военной организации промышлен- ности, который возглавил один из самых способных менед- жеров своего времени Э. Льюис¹⁶. Возлагавшиеся на него надежды он оправдал. На первом заседании вновь создан- ного учреждения 25 июня 1941 г. Льюис озвучил потреб- ности страны в вооружениях, подчеркнув, в частности, что армии будут нужны более 1,9 тыс. орудий (полевых, проти- вотанковых, зенитных), 1,7 тыс. минометов, 2 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок и соответствующее количество бое- припасов. Меньше чем через месяц правительство выделило на это 98,2 млн ф. стерлингов. Были построены 35 новых военных предприятий и еще 77 переоборудованы под нужды военного времени, страна бесперебойно снабжалась всем необходимым. Всячески поощрялись научные исследования

и разработки, особенно в военной и смежных областях. Достаточно сказать, что в период 1939–1945 гг. в АС ежегодно регистрировалось в среднем более 4 тыс. патентов на различные изобретения¹⁷.

Что было особо важным – уровень личного потребления населения изменился в цифровом измерении незначительно¹⁸. В первую очередь это объясняется конверсией австралийской экономики. Уменьшившаяся в 3,1 раза занятость в гражданских отраслях с лихвой компенсировалась более чем двукратным ее ростом, во-первых, в военном производстве, а во-вторых, в сельском хозяйстве¹⁹. Но не следует думать, будто война вообще не сказалась на жизни австралийцев: были введены контроль над ценами, распределение по квотам горючего, одежды, основных продуктов питания. В результате жесткого нормирования продаж бензина на дорогах страны почти исчезли частные автомобили. У правительства появились права объявлять любой район АС опасной зоной и вводить на его территории режим ЧП, оно могло установить также принудительную трудовую повинность для строительства объектов оборонного значения – аэродромов, дорог и т.п.

В это время на многих производствах, в том числе и военных, начали работать австралийские женщины, заменившие ушедших на фронт мужчин. Очень интересно описывала свой опыт работы на одном из таких заводов известная австралийская общественница Дж. Стрит. Четко организованный график труда обеспечивал непрерывное производство снарядов, и Управление по приему женщин на работу повысило им заработную плату до 90% от окладов мужчин (вместо прежних 54%). Но руководство предприятия отказалось платить по новым ставкам, и только под угрозой забастовки и после обращения к федеральному правительству спор был урегулирован в пользу представительниц

слабого пола²⁰. Введение обязательной военной подготовки мужской части населения для несения внутренней службы, отмененной в годы Великой депрессии, и призыв на действительную военную службу прошли без какого-либо сопротивления в обществе. А многие женщины ушли на фронт добровольно в составе Службы медсестер австралийской армии, спасая раненых, а порой и погибая вместе с ними под бомбежками. Выжившие сестры милосердия были отмечены правительственными наградами²¹. Оставшиеся дома тоже не были в стороне от общего дела, внося свой посильный вклад в победу. Они служили во вспомогательных армейских частях, работали в трудовых отрядах на производстве и в сельском хозяйстве²². Именно военные годы стали поворотными в самосознании австралиек и подстегнули их решимость бороться за реальное экономическое равноправие с мужчинами. Женщины Австралии впервые ощутили важность своей роли в жизни страны, работали в общественных организациях и все активнее выступали в защиту своих прав.

В стране вводился строгий контроль над передвижением иностранцев, все подозреваемые в сочувствии к противнику были интернированы. Порой в категории подозрительных, как это часто бывало, попали и люди совсем безобидные: беженцы от нацизма из Германии, члены секты свидетелей Иеговы и т.п. В 1939 г. были введены в действие постановления о национальной безопасности, и в результате к 1942 г. почти 7 тыс. немцев, итальянцев и японцев очутились в 18 специальных лагерях для интернированных, развернутых в южных районах страны. Стоит отметить, что среди них не нашлось предателей, и многие из оказавшихся там людей взялись добровольно помогать местным фермерам, которые в годы войны испытывали недостаток рабочих рук²³.

После подписания советско-германского пакта о ненападении и изменения позиции Коминтерна, приславшего новые инструкции всем своим членам о борьбе с любыми противниками СССР, австралийскому правительству пришлось вести борьбу с саботажем, к которому призывала своих сторонников Москва. Логическим продолжением стало принятие в 1940 г. закона о запрете деятельности Коммунистической партии Австралии (КПА), поддержавшей пакт Молотова – Риббентропа и решения Коминтерна. Даже Австралийская лейбористская партия (АЛП), лояльнее других политических сил относившаяся к коммунистам, не выступила в их защиту. Положение дел изменилось только летом 1941 г. после нападения на СССР его недавнего союзника – фашистской Германии и перехода Москвы к сотрудничеству с Великобританией и США в рамках создававшейся антифашистской коалиции.

Со временем трудности и ограничения военного времени, жесткая централизация управления, пробританская ориентация Мензиса и его непримиримый антикоммунизм в условиях все нараставшей опасности для страны вызывали неприязнь у многих австралийцев. Даже в рядах возглавляемой премьер-министром коалиции все ярче проявлялись расхождения во взглядах, особенно со стороны его союзников-аграриев. В августе 1941 г. Р. Мензис подал прошение об отставке, всего 40 дней на посту премьер-министра находился лидер аграриев А. Фэдден, а в результате объединения левых сил на выборах в октябре 1941 г. к власти пришло лейбористское правительство Дж. Кертина. Спокойный и вдумчивый политик, обладавший богатым опытом работы в журналистике и профсоюзах, он стал именно тем лидером, который сумел сплотить нацию и обеспечить в итоге ее победу²⁴. В команду нового премьер-министра входили такие известные в стране люди, как Б. Чифли, получивший

портфель министра финансов, и Г. В. Эватт, ставший министром иностранных дел и генеральным прокурором.

Война тем временем подбиралась и к австралийским берегам. В ноябре 1941 г. в водах неподалеку от Западной Австралии затонул австралийский крейсер «Сидней». Погибли 645 членов экипажа. В своих воспоминаниях командующий флотом Германии адмирал В. Маршалль указал, что виновником случившегося был немецкий крейсер «Корморан», который после установки минных заграждений у берегов Индии отправился в австралийские территориальные воды, где с ним и столкнулся австралийский корабль. Его команда «пережила, вероятно, много неприятных минут, когда безобидный на вид торговый пароход внезапно сбросил маскировку и начал осыпать “Сидней” 150-мм снарядами», – с явным удовольствием отмечал адмирал²⁵.

Положение дел особенно усугубилось с вступлением в войну Японии. Тихоокеанский театр военных действий стал для АС угрожающей реальностью. Премьер-министр Дж. Кертин предупредил сограждан, что они оказались лицом к лицу с «самым тяжелым часом нашей истории» и призвал «каждого австралийца, мужчин и женщин, выполнять предписанные им задачи с полной решительностью и мужеством»²⁶. Он также незамедлительно объявил о своей готовности радикальным образом пересмотреть военные и политические доктрины страны. «Без каких-либо колебаний и промедлений я совершенно четко заявляю, что Австралия смотрит на Америку, свободная от угрызений совести относительно наших традиционных связей с Соединенным Королевством... Мы приложим все наши усилия для выработки плана обороны, где главное место займут США, который поможет нам продержаться до тех пор, пока события не повернутся против нашего врага»²⁷.

В Австралии тем временем вновь вспомнили о меморандуме японского генерала и премьер-министра Г. Танаки, где излагались планы захвата и колонизации Японией обширной зоны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), включавший Китай, ЮВА, Австралию и прилегающие к ним острова. Хотя в наши дни доказано, что эта версия меморандума – фальшивка²⁸, в начале 1940-х гг. в АС упорно распространялись слухи, будто правительство Мензиса ведет переговоры с японскими агентами об уступке Японии всей территории страны к северу от линии, разделяющей Австралию на широте чуть севернее Брисбена. Конечно, вопрос о существовании такого плана до наших дней остается спорным. В 2002 г. главный историк австралийского Военного мемориала П. Стэнли опубликовал статью с выразительным заголовком: «Он (не) приходит на юг: вторжение, которого не было». В ней он отмечал, что «австралийцы боялись перспективы вторжения с самого начала белой колонизации», и в 1942 г. все, казалось, подтверждало эти опасения. Подобная точка зрения доныне находит своих сторонников: 95% участников проведенного им опроса подтвердили существование такой угрозы в военные годы и назвали Дж. Кертина «великим военным лидером», который спас страну от японцев. Однако ученый считает, что все страхи были искусственно преувеличены федеральным правительством для оказания нажима на правящие круги союзников с целью получения от них помощи²⁹.

Впрочем, далеко не все его коллеги разделяют эту точку зрения, опираясь на хранящиеся в архивах документы о планах японской оккупации Австралии. Так, в бумагах американского генерала Д. Макартура излагалась возможность отступления австралийских ВС на юг: Перт и Дарвин отдавались на милость врага, а линия обороны проходила по границам от Брисбена до Мельбурна. Но подобный оборот

событий выглядит столь ужасным, что многие до сих пор отказываются верить в его возможность. К слову, сам генерал Макартур считал подобный сценарий маловероятным*. Тем не менее, в разгар боевых действий у берегов АС, австралийские военные допускали возможность ведения военных действий на территории континента; более того, с учетом слабости резервов в 1942 г., главные соединения сосредоточивались на южных рубежах, а сил на укрепление сохранявшихся военных опорных пунктов на севере уже не хватало. Это был, по сути, резервный план на случай крайних обстоятельств, вторжения и продвижения японцев на юг, сценарий худшего варианта. По мнению же Макартура и австралийских высших военных чинов, передовая линия обороны должна была лежать на подступах к Австралии, в Новой Гвинее, и этот план в конечном счете и был осуществлен³⁰.

Первый год пребывания лейбористов у власти оказался самым тяжелым для всех. Японии за 5 месяцев удалось захватить всю Юго-Восточную Азию и получить в свое распоряжение богатейшие ресурсы, ранее принадлежавшие британской, французской и голландской колониальным империям. В Малайю была отправлена 8-я австралийская дивизия, но это уже не играло решающей роли. В феврале 1942 г. пал Сингапур, бывший главным стратегическим пунктом в системе обороны Австралии. Японская авиация разгромила военные корабли англичан, отправленные из Сингапура по приказу У. Черчилля навстречу японцам. Всего за один час погибло 840 моряков, включая командовавшего соединением вице-адмирала сэра Тома Филлипса, что стало одним из самых страшных поражений британского военного флота в годы войны. Хорошо известная британскому и австралийскому командованию неспособность Сингапура

---

* Это обстоятельство позволило П. Стэнли в упомянутой выше работе назвать «линию Брисбена» еще одним военным мифом.

к сопротивлению и стала причиной практически мгновенного успеха японцев.

Стратегия Лондона «сначала Германия» привела к тому, что защитники ее владений в ЮВА оказались без поддержки, без связи и без защиты верховного командования. Японцы подвергли Сингапур бомбардировке, а через 7 дней гарнизон сдался на милость победителя. Британцы считали, что эта катастрофа стала результатом неспособности австралийцев воевать, а последние, напротив, упрекали британское командование в полной некомпетентности. Но документы были положены под сукно, и в то время никто так и не стал выяснять правду о случившемся. Скорее всего, правы те, кто полагают, что истоки этого разгрома были обусловлены просчетами в стратегии британского командования еще во второй половине 1930-х гг.³¹ Однако виновными в случившемся историки не без основания считают события той «самой крупной и одной из самых позорных капитуляций» в английской истории³².

В результате падения Сингапура были уничтожены оба флагмана британского флота, 15 тыс. австралийских солдат попали в японский плен и впоследствии испытали на себе все ужасы пребывания во «власти самураев». В концентрационных лагерях голод, пытки, расстрелы соседствовали с показательными убийствами, когда офицеры охраны ради демонстрации военной удали отрубали головы беззащитным людям. Эти зверства продолжались до самого освобождения пленных, даже после того, как официальная Япония подписала акт о капитуляции. В результате из 8,7 тыс. австралийцев, побывавших в плену в Германии и Италии, умерли 264 человека, а из 22,4 тыс. австралийских военнопленных в Японии погибли 8 тыс. Результатом такого отношения к военнопленным стало то, что даже много лет спустя, в середине 1990-х гг., 39% австралийцев смотрели

на Страну восходящего солнца «сквозь призму агрессии военного времени»³³.

Истинным героем и легендой Австралии стал попавший вместе со своим госпиталем в плен к японцам военный врач Э. Э. Данлоп. Японцы заметили его организаторские способности и использовали их, назначив Данлопа куратором лагерей военнопленных на острове Ява, в Чанжи, а затем на строительстве бирманско-тайландской железной дороги. Он лечил своих товарищей по несчастью, подбадривал и поддерживал их, был, по словам выживших благодаря его помощи, «маяком святости во вселенной сумасшествия и страданий». В 1988 г. соотечественники включили его в число 200 великих австралийцев³⁴. Вспоминая годы японского плена, известный политик Т. Юрен говорил, что только присущий его согражданам коллективизм спас их в нечеловеческих условиях. Он рассказывал, как после работы пленные австралийцы собирались, чтобы послушать стихи одного из самых любимых своих поэтов «Банджо» Патерсона, которые читал пленный майор Аллан Вуд: «Этот великий храбрый майор-оззи захватил своих слушателей. Никогда ни до, ни после я не слышал, чтобы “Парня со Снежной реки” декламировали с такой мощью. Это усиливало мою любовь к нашей стране и заставляло меня гордиться тем, что я австралиец»³⁵.

Не успели жители континента опомниться от шока, вызванного крахом их надежд на защиту со стороны Сингапура, как новая беда настигла их уже у себя дома. Уже в середине февраля 1942 г. практически одновременно японская авиация бомбила Дарвин и другие города северного побережья Австралии, а чуть позже подводные лодки японцев видели в акватории Сиднейского залива. Австралийцы к этому не были готовы: в 1936 г. военные стратеги, глядя на карту, исключали вероятность нападения Японии на их страну, так как

расстояние между государствами было огромным. Поэтому города АС оставались незащищенными, а появление в небе 188 японских бомбардировщиков даже свидетелям налета казалось ирреальным. Стоявшие в порту Дарвина 45 военных кораблей стали идеальной мишенью, за 45 минут 8 из них были потоплены, 14 подожжены, уничтожено 24 самолета, 243 человека убиты; японцы при этом потеряли лишь 5 самолетов. Бомбардировка Дарвина вошла в японские учебники по военному искусству, а для жителей Южного континента стала «австралийским Перл-Харбором»³⁶.

В какой-то мере эти события нашли свое отражение в снятом в 2007 г. кинофильме «Австралия». Для жителей континента то, что случилось тогда, стало страницей «национального позора». В городе началась паника, плана эвакуации не было, ситуацию в городе можно было смело характеризовать: «спасайся, кто как может». По воспоминаниям очевидцев, «сотня японцев, вооруженных сковородками, могла бы оккупировать Австралию в тот день»³⁷. В течение последовавших 20 месяцев японцы совершили 64 рейда на Северную территорию, из которых 46 пришлись на Дарвин – главную базу австралийских ВМС в этом районе. Ужасен был налет японцев на г. Брум в Западной Австралии. Там под огнем противника оказались не только самолеты военной авиации, но и голландские беженцы с о. Ява – в основном женщины и дети, ожидавшие эвакуации в восточные штаты АС. До сих пор точное число жертв этой атаки не установлено³⁸. Положение становилось критическим. Оставшиеся в АС 30 тыс. солдат не могли обеспечить безопасность огромного континента, и первого военнопленного – пилота японской авиации, чей самолет потерпел крушение на острове Мелвилл, – в плен взяли аборигены, немало изумив его знанием японского языка, которому они научились у живших здесь до войны японских ловцов жемчуга³⁹.

Перед правительством стояла самая важная задача – обеспечить оборону собственной страны. Вскоре после поражения в Малайе Дж. Кертин заявил, что «падение Сингапура открывает битву за Австралию»⁴⁰. Премьер-министру АС с большим трудом, преодолевая сопротивление У. Черчилля, удалось добиться возвращения домой части австралийских экспедиционных сил. Лондон в первую очередь стремился защитить Бирму, Индию и Цейлон; определяя основы своей позиции в это время, Черчилль писал: «Руки прочь от Британской империи! – это наша заповедь»⁴¹. Такого же понимания первостепенной важности европейских событий он ожидал и от Австралии и Новой Зеландии⁴². При этом британский премьер грозил использовать свои личные контакты с Ф. Д. Рузвельтом и просил его отказать в помощи австралийцам, если те не согласятся защищать британские интересы. Однако Дж. Кертин не пошел на попятную – идти было уже некуда: те войска, которые он имел в своем распоряжении, не смогли бы сдержать врага, случись ему высадиться на австралийском побережье⁴³.

Все эти события не только полностью развеяли веру в непобедимость британской военной мощи, но и значительно осложнили отношения с метрополией. Кризис стратегии «имперского единства», которую пыталась проводить Великобритания, достиг своего апогея. Все это подтолкнуло лейбористов АС к срочному отказу от ориентации исключительно на союз с метрополией: теперь ставка делалась на ближайших соседей по региону – США и Новую Зеландию (НЗ). Через посольство АС в Вашингтоне Кертин обратился за помощью к правительству Соединенных Штатов. После долгих и непростых переговоров, в ходе которых австралийцы еще раз убедились, что и американская сторона прежде всего преследует собственные цели и меньше всего намерена считаться с ними⁴⁴,

соответствующие договоренности о взаимной помощи все-таки были достигнуты. В декабре 1941 г. первые американские солдаты высадились в АС, а в феврале 1942 г. Рузвельт решил сделать Австралию своей главной базой в юго-западной части Тихого океана⁴⁵.

Чуть позже, в октябре 1942 г., парламент АС ратифицировал принятый еще в 1931 г. Вестминстерский статут, и Дж. Кертин выдвинул новую концепцию отношений с Лондоном – доктрину «имперского партнерства». В 1943 г. он предложил создать «имперский совет» – командование вооруженными силами Британского Содружества в юго-западной части Тихого океана, рассчитывая, что этот совет будет играть важную роль. Однако так далеко Великобритания не пошла, что также не способствовало укреплению связей между союзниками⁴⁶.

Главнокомандующим союзными войсками в южной части Тихого океана был назначен известный генерал Д. Макартур, герой американского сопротивления японцам на Филиппинах, с которым Кертина связывали взаимные личные симпатии. И хотя относительно этого военачальника в Австралии имелись определенные сомнения⁴⁷, альтернативы ему не было. С австралийской стороны бразды военного правления были переданы в руки генерала Т. Блейми. Кадровый военный, начинавший свою карьеру еще в годы Первой мировой войны, он имел колоссальный опыт управления войсками. С начала Второй мировой он успел повоевать в Египте и на Ближнем Востоке, а затем вернулся защищать Австралию. Все историки сходятся на том, что главной чертой характера Блейми можно считать его стремление отстоять самостоятельность австралийского командования как от британского диктата, так и от давления со стороны США⁴⁸.

Еще до приезда Макартура правительство Новой Зеландии также присоединилось к АС и США, прислав свои воинские подразделения. Основной стратегической задачей главнокомандующий ставил изоляцию главных сил японцев в Рабауле (о-в Новая Британия) с тем, чтобы постепенно сжимать кольцо вокруг них, наращивая силы и продвигаясь вперед от одного опорного пункта к другому. Штаб-квартира объединенного командования поначалу располагалась в Мельбурне, и в его распоряжении оказались как вооруженные формирования АС, к 1944 г. насчитывавшие 480 тыс. человек, так и богатые ресурсы этой страны. До 90% продовольствия союзные войска получали от АС в рамках заключенного соглашения о «взаимном ленд-лизе», строились аэродромы, учебные полигоны, новые оборонные предприятия⁴⁹.

Нельзя сказать, что этот союз был по душе всем австралийцам. Властный, авторитарный стиль руководства Макарута был малосимпатичен большинству его австралийских подчиненных; да и американские солдаты вели себя порой провоцирующе, что приводило к нешуточным столкновениям с союзниками в местах их дислокации на Зеленом континенте. К середине 1943 г. в АС были переброшены около 180 тыс. американских военнослужащих, выгодно отличавшихся от скромных австралийцев высоким жалованием, нарядной униформой и вольным обращением с местными девицами. Все это вызывало неприязненные чувства местных жителей. Так, например, власти АС долгое время старались не вспоминать закончившиеся потасовкой и стрельбой столкновения австралийских и американских солдат (в ходе которых досталось и местному населению) в столице штата Квинсленд в ноябре 1942 г., получившие в прессе весьма выразительное название «битвы при Брисбене». За годы войны более миллиона американских военнослужащих

находились на территории Австралии, и большинство из них прошли через Брисбен. Недаром этот город «превратился в острое послевоенной американизации австралийского общества». Манеры американцев и ажиотаж, который они вызывали у местных девиц, раздражали спокойных и несколько провинциальных оззи. «Наши парни чувствовали себя отверженными в их собственном городе», – отметил один из офицеров, расследовавших причины массовых беспорядков. Вполне понятно, что власти АС не хотели широкой огласки этого инцидента, справедливо опасаясь, что он может нанести серьезный удар по военному сотрудничеству двух стран⁵⁰.

Подобного рода стычки имели место и в других городах страны. Подтверждение сказанному можно обнаружить в мемуарах Дж. Стрит. Первоначальное ожидание американцев как союзников в войне против Японии («Мы готовы были встретить американских солдат как братьев») быстро сменилось недоумением и отторжением. По прибытии в порты АС американцы «вели себя так, словно Австралия – переданная им британская колония... Их военная полиция без стеснения избивала людей дубинками, швыряла в грузовики и выбрасывала оттуда, как мешки с зерном». «Они сорили деньгами и искали “веселых девочек”... Офицеры вели себя не лучше солдат». В итоге, по ее словам, «через некоторое время мы начали понимать, что для среднего белого американца все остальные люди независимо от цвета их кожи – туземцы, с которыми можно обращаться так, как ему заблагорассудится. Постепенно мы стали воспринимать пребывание американцев в Австралии как один из переживаемых страной ужасов войны»⁵¹. Жителям Сиднея запомнился случай, когда в один из баров города ввалился пьяный янки и заорал: «Я здесь, ублюдки-оззи. Пришел спасать вас от япошек». Не лучше вела себя порой и американская

военная полиция, призванная следить за порядком в местах дислокации армейских подразделений. Дело доходило до того, что иногда американским и австралийским солдатам приходилось объединяться, чтобы дать отпор распоясавшимся представителям военной полиции⁵².

Но складывавшаяся на фронтах ситуация сделала сотрудничество с США неизбежным. К тому же полководческие и организаторские способности главнокомандующего, его полное соответствие занимаемому посту и четко скоординированные действия ВС союзных держав принесли и другие, более ожидаемые плоды. Вскоре в мае 1942 г. объединенные силы союзников разбили японцев в Коралловом море. Все исследователи подчеркивают необычность этой операции: впервые в истории два флота сражались на расстоянии свыше 100 миль, не видя друг друга⁵³. Согласно тщательно разработанному плану, в течение нескольких дней в результате массированного удара авиации японским ВМС были нанесены серьезные потери: уничтожены два авианосца и 11 кораблей. Пострадали и участвовавшие в сражении корабли США. Тем не менее, японцам не удалось достичь их основной цели – захватить Порт-Морсби, главный административный центр АС в Новой Гвинее. В результате битвы в Коралловом море они были отброшены к Рабаулу, что означало поворотный пункт в ходе войны: японское продвижение на юг было остановлено⁵⁴.

Интересные подробности выяснили американские исследователи военной истории относительно планов ведения войны Японией. Фактически японцы и сами не ожидали в начале 1940-х гг. столь легкой победы в ЮВА, а потому «были не готовы к размаху своих успехов и находились в растерянности, что делать дальше»⁵⁵. Кроме того, в военных кругах Токио действительно шли споры относительно того, высаживаться ли на территорию АС: представители

ВМФ требовали вторжения, армия понимала, что сил на полноценную оккупацию огромного континента у нее нет. Было принято решение, используя захваченные острова Тихого океана, отрезать АС от США, разрушив возможность единого военного отпора⁵⁶.

Но хотя у Японии не было конкретных планов оккупации АС – это требовало от Страны восходящего солнца колоссальных и непосильных затрат – тревога и страх относительно возможного, как им казалось, японского вторжения у австралийцев не рассеивались. Особенно этому способствовали рейды подводных лодок. Ночью 31 мая 1942 г. три японские сверхмалые подлодки, с экипажами по два человека, прошли через оборонные линии Сиднейского порта и потопили один из кораблей, стоявших на рейде. Эти малютки были частью специального подразделения из 5 крупных субмарин, дрейфовавшего всего в 35 милях от побережья штата Новый Южный Уэльс (НЮУ). Три из них были оборудованы мини-подлодками, а две – самолетами-гидропланами. Накануне нападения, 23 и 30 мая, эти самолеты провели никем не замеченные разведывательные полеты над территорией Сиднея. И когда американские и австралийские корабли попытались уничтожить противника во время нападения 31 мая, им удалось потопить лишь одну подлодку, чей экипаж покончил с собой выстрелами в голову. С воинскими почестями их тела были сожжены, и по распоряжению австралийского правительства прах был отправлен родственникам в Японию.

Спустя неделю две более крупные субмарины появились у берегов Сиднея и Ньюкасла; одна из них обстреляла побережье со стороны Бондай-бич, но половина торпед, предназначенных для поражения кораблей, не взорвалась. Тем не менее, часть домов в городе пострадала, и их владельцы тут же отправились за получением страховки

на случай ущерба в условиях войны. Остальные решили уехать подальше от опасности и либо закрыли свои жилища, либо продали их тут же появившимся желающим. Большинство из смельчаков, не боявшихся японских налетов, были европейские беженцы, и после окончания войны их покупки оказались в большой цене. По мнению историков, «урон был мал, и атаки, похоже, вызвали больше изумления, чем паники»⁵⁷. В целом же военные действия японцев подтолкнули австралийское правительство к еще более решительным шагам по укреплению обороноспособности и внешнеполитических позиций их страны. В частности, в мае 1942 г. было подписано первое торговое соглашение между АС и СССР, а в октябре того же года установлены дипломатические отношения на уровне миссий.

Дальнейший ход событий начал вселять надежду на скорое изменение положения к лучшему. Блестящая победа американцев в битве при Мидуэе в июле 1942 г. ознаменовала перелом в ходе войны на Тихом океане; по словам историков, «когда дым сражения рассеялся, для Восходящего солнца Японии начался закат»⁵⁸. Стало окончательно ясно, что Японии не удалось разрушить военный союз АС, США и НЗ. И еще за месяц до того австралийцы, с присущим им оптимизмом, учредили Комитет по вопросам лучшего проведения демобилизации, хотя до победы было еще очень далеко. Им еще предстояли тяжелые бои на территории о-ва Новая Гвинея, которые считаются «одной из самых трудных кампаний в их военной истории»⁵⁹.

Японское командование силами 13-тысячного контингента Сил Южных морей планировало пройти остров с севера на юг и захватить Порт-Морсби, открывавший прямой путь в Австралию. Единственным препятствием к осуществлению этого плана были австралийские подразделения милиции, насчитывавшие несколько сот человек, с боями

державшие ставшую печально знаменитой дороге Кокода (или Кокодский тракт), по которой наступали численно превосходившие их японцы. Стоит подчеркнуть, что сама дорога, местами похожая больше на тропу в джунглях, была проходима главным образом только пешком. Это очень затрудняло передвижение солдат, влияло на численность войск, их снабжение и тип боевых действий. Битва за дорогу Кокода, в районе к северу от административного центра Порт-Морсби, в ноябре 1942—январе 1943 гг. стала одним из самых тяжелых эпизодов в боях на Новой Гвинее. Приказ Макартура гласил: взять территорию под свой контроль как можно быстрее, не считаясь с потерями. Численность противостоящих японских войск при этом была занижена почти в 2,5 раза, и у присланных сюда австралийских частей не было навыка войны в тропиках, условия которых были сами по себе трудными для европейцев: жара, ливни, малярия. Притом большинство из них были так называемыми «шоколадными солдатыками» – молодыми людьми, средний возраст которых не превышал 21 года. «Шоколадки», как их именовали в Австралии, не имели профессиональной подготовки и попадали сюда порой помимо их воли. Прекрасно понимая трудность выполнения этой задачи, принявший на себя командование операциями на острове генерал Т. Блейми вынужден был напутствовать подчиненных: «Вы хотите домой, но многим из вас придется умереть здесь»⁶⁰. К сожалению, он оказался прав.

Слабо вооруженные и практически необученные австралийские парни противостояли прекрасно подготовленной и в 5 раз превосходившей их по численности армии японцев, пока не подоспело подкрепление из США. Их упорство и храбрость удивляли даже противника. Они сражались, не имея порой ни подкреплений, ни времени на передышку, в условиях навязанной им японцами, по сути,

партизанской практики, когда линию фронта заменяли внезапные вылазки противника в самых неожиданных ситуациях⁶¹. В ходе этих боев погибли около 4 тыс. австралийских военнослужащих, а оставшиеся в живых участники впоследствии сравнивали случившееся с мясорубкой на Галлиполи в 1915 г. Поэтому слова командующего Блейми, упрекнувшего оставшихся в живых в том, что они сражались недостаточно упорно, были восприняты как обидные и несправедливые обвинения⁶².

Сражения на Новой Гвинее в итоге стали знаковыми для страны. Хотя бои, в которых анзаки участвовали, например, на Соломоновых островах и Борнео, по своим масштабам и численности потерь превосходили новогвинейские операции⁶³, их значимость в сознании австралийцев была и остается выше, так как здесь «битва за Австралию» шла в непосредственной близости от ее рубежей.

В одном строю с белыми австралийцами сражались призванные в армию солдаты-аборигены и папуасы, которые добровольно помогали отправлять в тыл раненых, за что и получили от австралийцев прозвище «курчавые ангелы»⁶⁴. Специалисты по истории коренного населения Австралии утверждают, что именно в годы Второй мировой войны решительным образом изменилось отношение белых австралийцев к аборигенам: в них наконец-то увидели соратников. Некоторые историки полагают, что немалую роль сыграл и наглядный пример США, где в армии наряду с белыми американцами служили и негры⁶⁵. Впрочем, этот пример скорее воспринимался негативно австралийцами: расовая дискриминация, проявлявшаяся, как они наблюдали, в американской военной среде, лишь подчеркивала несправедливость, с которой они сами относились к аборигенам в их родной стране. А между тем сражавшиеся с ними бок о бок черные австралийцы вели себя более чем достойно.

В первые годы войны был сформирован специальный батальон легкой кавалерии о-ов Торресова пролива – единственный батальон в австралийской истории, который состоял из более чем 800 добровольцев – коренных жителей островов и континента. Нависшая над страной угроза заставила правительство пересмотреть действовавший до 1941 г. закон, запрещавший набирать в армию лиц «не белого происхождения». Командир батальона впоследствии с большой симпатией вспоминал своих подчиненных как прекрасных трудолюбивых солдат, и они были физически, морально и интеллектуально много выше среднего уровня людей, набранных из других сообществ, – будь то австралийцы, новозеландцы, индийцы или британцы: «За это я персонально ручаюсь. Умные и от природы яркие, они быстро и легко учились различным военным навыкам кавалерийского батальона». Однако выплаты жалования солдатам-аборигенам в 1944 г. составляли 66% от уровня, который получали их белые сослуживцы; до полного признания гражданских прав аборигенов оставалось более 20 лет⁶⁶.

Все эти события происходили на фоне непрекращавшихся столкновений и споров между генералами Макартуром и Блейми, обвинявших друг друга в череде неудач в Новой Гвинее, стремившихся сохранить лицо и удерживать власть в своих руках. По словам Ф. Найтли, страстям, кипевшим вокруг них, амбициям и интригам «мог бы позавидовать древний Рим». Блейми впоследствии обвиняли в том, что он заставлял людей идти в атаку ради быстрых побед, не считаясь с потерями. Неудивительно признание одного из чудом выживших в Новой Гвинее «шоколадок»: «Мы думали, что все войны такие. Плохо организованы»⁶⁷. Однако впоследствии эти ошибки были учтены, исправлены, и системы снабжения и координации действий функционировали без сбоев.

Участие союзников в «странной войне» в Европе, на Ближнем Востоке и на подступах к Австралии освещала целая группа австралийских военных журналистов, работавших в те годы в штате британских газет и на радио. Несмотря на жесткую военную цензуру, им удавалось донести до читателя и слушателя в тылу суть происходившего на фронте, которую они знали как никто другой, ибо делили с солдатами, о которых писали, все тяготы окопной жизни. Поэтому с большим уважением австралийцы чтят память военного фотокорреспондента Д. Пейрера. «Я видел войну и я знаю, через что проходят ваши любимые и братья. Если бы только каждый в Австралии мог осознать, что наша страна в опасности, что японцы – хорошо вооруженный и опасный враг, мы смогли бы забыть о тривиальных вещах и идти вперед к победе над ними», – говорил он в своем фильме «Линия фронта – Кокода». Это – первый австралийский фильм, удостоенный премии Оскар в 1943 г. и показанный во всех странах союзников. Заслугой Пейрера считают не только показ ужасов войны, но и укрепление предания о боевом братстве анзаков в годы Второй мировой войны, а также дружественных связей между АС и Новой Гвинеей. Именно он в своих лентах снял эпизоды боевого сотрудничества австралийцев и папуасов. В сентябре 1944 г. в возрасте 32 лет Пейрер погиб под шквальным огнем японских пулеметчиков⁶⁸. Его фильмы и репортажи помогли восстановить честь австралийских солдат, сражавшихся здесь и заслуживших славу «героев, которые спасли Австралию».

После 1943 г. участие АС в военных действиях в районе Тихого океана стало постепенно сокращаться. Были освобождены от японцев Новая Гвинея, Филиппины, Молуккские о-ва. В 1945 г. австралийцы воевали с японцами в боях на острове Борнео (Калимантан), которые стали последними крупными сражениями с их участием. Угрозы безопасности

стране больше не существовало. Последняя штаб-квартира объединенного командования во главе с Д. Макартуром располагалась в 1945 г. уже в Маниле. Под актом о капитуляции Японии, после преодоления серьезных разногласий с американскими партнерами, поставил свою подпись и генерал Блейми, который находился 2 сентября 1945 г. на борту крейсера «Миссури» в Токийском заливе в качестве представителя Австралии. Неделью спустя он принял официальную капитуляцию генерала Т. Фусатаро, командовавшего второй японской армией. Несмотря на достаточно противоречивые оценки деятельности Блейми-военачальника, авторитет его как одного из наиболее ярких полководцев Второй мировой войны оставался непререкаем. Уже после окончания боевых действий ему присвоили звание фельдмаршала. Когда в 1951 г. его не стало, хоронить полководца на улицы Мельбурна вышли 250 тыс. его соотечественников⁶⁹.

Конец войны ознаменовало и дальнейшее сближение АС со своей соседкой – Новой Зеландией. Прежние недоразумения, казалось, уходили в прошлое. По словам исследователей, «Вторая мировая война положила конец имперской фазе австрало-новозеландских отношений. Общая опасность быстро превысила политические расхождения, заставив оба правительства работать в более тесном контакте»⁷⁰. В период совместной борьбы против Японии установленные военно-политические связи лишь развивались, и в январе 1944 г. в Канберре было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве, заложившее основы самых тесных политических отношений между соседними государствами. Правительства обеих стран выразили «желание поддерживать и укреплять тесные и сердечные отношения», предусматривали постоянный обмен информацией, представляющей взаимный интерес, в первую очередь в области безопасности и обороны. В круг общих проблем входили

вопросы международной политики, региональной безопасности, экономическая и политическая кооперация в прилегающей к ним акватории Тихого океана, а находившиеся здесь острова рассматривались как зона влияния преимущественно АС и НЗ. Предусматривалось установление регулярного авиасообщения между ними и остальным миром. Для решения столь широкого круга вопросов планировалось учредить Региональную комиссию Южных морей с включением в ее состав представителей Великобритании, США и Франции, задачей которой становилось «обеспечение общей политической линии в вопросах социального, экономического и политического развития, нацеленной на достижение благосостояния всех живущих здесь народов».

Конкретные проблемы послевоенного устройства в регионе предлагалось вынести на обсуждение международной конференции с участием всех заинтересованных сторон⁷¹. Во многом заключение такого соглашения определило и рамки послевоенных отношений этих стран, и восприятие австралийцами «киви» (самоназвание новозеландцев) в целом как «дружественного народа, который разделяет их стиль жизни»⁷². Это соглашение вошло в историю как Канберрский пакт и расценивалось как «применение доктрины Монро для южной части Тихого океана... и попытка распространить принципы Атлантической хартии и доктрины опеки на территории всех тихоокеанских островов под колониальным управлением»⁷³.

В ноябре 1944 г. на Веллингтонской конференции правительства АС и Новой Зеландии разработали совместную платформу действий на предстоящей конференции в Сан-Франциско. Взгляды на послевоенное переустройство мира неоднократно высказывались представителями австралийского правительства и в основных чертах совпадали с мнением их новозеландских коллег.

И подобное единство мнений было закономерным. Ведь еще в начале ноября 1939 г. в послании премьер-министра Новой Зеландии М. Дж. Сэвиджа австралийскому правительству высказывались аналогичные идеи: «Мы не должны ждать до тех пор, пока истощение и ожесточение войны делает невозможным заключение мира на равных и разумных условиях, но напротив, необходимо предпринять самые ранние попытки начать искренние и конструктивные переговоры о мире». В интересах обеспечения всеобщего мира глава новозеландского правительства предлагал «каждой нации поступиться некоторыми элементами своего суверенитета в пользу международного органа в рамках системы коллективной безопасности или, по крайней мере, Федерации европейских государств». Кроме того, в том послании просматривался еще один постулат, который стал основой сближения АС и НЗ: «Нам следует настаивать, что первым условием мира будет то, что малые нации и народы должны получить гарантии их свободы». Подводя итоги, М. Дж. Сэвидж отмечал, что «конечные цели союзников» включали, помимо прочего, требования поставить агрессию вне закона, «заменить силу на дискуссию и переговоры», гарантировать безопасность каждой нации, всеобщее разоружение, а также «улучшение благосостояния масс людей»⁷⁴. Сходные взгляды высказывали и его австралийские коллеги: Р. Мензис тогда же подчеркивал следующее: «Сомнительно, чтобы ковенант Лиги Наций мог быть использован как основа для нового мирового порядка в конце нынешней войны. Новый политический статут, куда все нации могли войти на основе равенства как члены-учредители, представляется желательной целью, соображения относительно которой должны быть высказаны до окончания войны»⁷⁵.

Эти предварительные наброски получили более полное воплощение в тексте совместного заявления АС и НЗ

в ноябре 1944 г. Обе страны «желали играть полновесную роль в основании Всеобщей Международной Организации с целью сохранения международного мира и безопасности и продвижения благосостояния людей», для чего требовалось создать «эффективную и долговременную систему коллективной безопасности». При этом особо подчеркивалось, что «успех такой Организации будет зависеть от лидерства Великих Держав, но важно и то, что все члены должны активно участвовать в общем контроле и направлении ее деятельности»⁷⁶. Изложенные в упомянутых документах принципы стали базой сотрудничества двух стран на долгие годы вперед и основой их совместных действий в рамках ООН.

Итак, война была закончена, и это событие можно считать вторым рубежом австралийской новейшей истории. Никогда ранее страна не участвовала в столь масштабных военных операциях, и никогда дотоле враг не подходил вплотную к ее берегам. За годы участия АС в военных действиях в армию было призвано 726,5 тыс. мужчин и женщин, что составляло 10,3% тогдашнего населения Австралии. О ее людских потерях дают представление статистические данные таблицы.

Потери Австралии во Второй мировой войне

Детализация	В боевых действиях против Германии	В боевых действиях против Японии	Всего
Убитые (в т. ч. умершие от ран, погибшие в плену, пропавшие без вести)	9572	17501	26623
Раненые, искалеченные	9480	13997	23477
Побывавшие в плену	7919	14345	22264

Составлено по: Australia in the War of 1939–1945. Vol. VII – The Final Campaigns. APPENDIX 7. SOME STATISTICS. P. 633–634.

Главным уроком Второй мировой войны для австралийцев стала в первую очередь необходимость пересмотра многих основ их политической системы, казавшихся до того времени незыблемыми. АС утратил иллюзии относительно собственной неуязвимости и непобедимой мощи Британской империи, обрел новых союзников и свои взгляды на мировой порядок. США, Новая Зеландия и Южно-Тихоокеанский регион стали в целом основными ориентирами для австралийской дипломатии. Обретя политическую самостоятельность в международных делах, АС выступал как один из самых активных членов-учредителей ООН. Многие австралийцы изменили свое мнение относительно соседей по континенту и региону, вопросы демографии и регулирования народонаселения стали как никогда актуальными не только для ученых, но и для политиков. Более значимое место в стране постепенно занимали женщины. Эти и другие перемены нашли непосредственное отражение в жизни послевоенной Австралии. Но приведший страну к победе Дж. Кертин не увидел ее плодов: он умер летом 1945 г., не дожив до капитуляции Японии всего несколько месяцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: История международных отношений. В 3-х томах / Под ред. академика А. В. Торкунова и профессора М. М. Наринского. М., 2012.
2. Цит. по: Hasluck P. The Government and the People 1939–1941. Vol.1. Canberra, 1965. P. 152.
3. Mr R. G. Menzies, Prime Minister, to Mr S. M. Bruce, High Commissioner in London. Letter (extract) CANBERRA, 11 September 1939. SECRET // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Publications (www.info.dfat.gov.au). Далее: DFAT.
4. Mr R. G. Menzies, Prime Minister, to Mr S. M. Bruce, High Commissioner in London. Cablegram unnumbered n.d. [c. 15 September 1939], SECRET AND PERSONAL // DFAT.
5. Mr R. G. Menzies, Prime Minister, to Mr S. M. Bruce, High Commissioner in London. Cablegram unnumbered 19 September 1939, SECRET // DFAT.
6. Подробнее о австрало-советских отношениях в годы Второй мировой войны см.: Скоробогатых Н. С. Австралия – СССР в 1940-е годы: динамика отношений. Часть 1. Военные угрозы и дипломатия // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXIV. М., 2014. С. 129–151.
7. Mr S. M. Bruce, High Commissioner in London, to Mr R. G. Menzies, Prime Minister. Cablegram 551 LONDON, 12 October 1939, 6.01 p.m. FOR PRIME MINISTER SECRET // DFAT.
8. Mr A. Eden, U. K. Secretary of State for Dominion Affairs, to Sir Geoffrey Whiskard, U. K. High Commissioner to Australia. Cablegram 191 (extracts) LONDON, 8 September 1939 MOST SECRET // DFAT.
9. Mr R. G. Casey, Minister for Supply and Development, to Mr R. G. Menzies, Prime Minister. Cablegram C26 LONDON, 17 November 1939. MOST SECRET FOR PRIME MINISTER // DFAT.
10. См.: Clark Ch. M. A Short History of Australia. Melbourne, 1983. P. 208–209.
11. Australia in the War of 1939–1945. Series 1 – Army. Vols. I–VII. Canberra: Australian War Memorial, 1953–1966 (https://www.awm.gov.au/histories/second_world_war).
12. См. подробнее: Australia in the War of 1939–1945. Vol. II – Greece, Crete and Syria. P. 544–550 (<https://static.awm.gov.au/images/collection/pdf/RCDIG1070048-1-.pdf>).
13. См. об этом: Трухановский В. Г. Черчилль. М., 2003. С. 308.

14. Barnard M. A History of Australia. Sydney, 1978. P. 557.
15. См: Cabinet Minute 194 MELBOURNE, 26 September 1939. DIRECTION OF THE WAR // DFAT.
16. См. о нем подробнее: Famous Australians. Richmond, 1983. P. 438–446.
17. Australia in the War of 1939–1945. Series 4 – Civil. Vol. V – The Role of Science and Industry (https://www.awm.gov.au/histories/second_world_war/AWMOHWW2/Civil/Vol5/).
18. Малаховский К. В. История Австралии. М., 1980. С. 210–211.
19. Рассчитано по: Australia in the War of 1939–1945. Series 4 – Civil. Vol. V – The Role of Science and Industry. P. 221 (https://www.awm.gov.au/histories/second_world_war/AWMOHWW2/Civil/Vol5/).
20. См.: Стрит Дж. В поисках правды. М., 1967. С. 166–170.
21. См.: «Avenge the nurses!» (<https://www.awm.gov.au/exhibitions/underattack/bombed/centaur.asp>).
22. См.: The Home Front at War (<http://www.anzacday.org.au/history/ww2/bfa/homefront.html>).
23. Enemy aliens and prisoners of war (<https://www.awm.gov.au/exhibitions/underattack/bombed/enemy.asp>).
24. См. о нем: Clark Ch. M. A Short History of Australia. P. 207.
25. Маршалль В., Эдвардс Б. Война на море. Внимание: рейдеры. Смоленск, 2004. С. 81.
26. Curtin's call to action (<https://www.awm.gov.au/exhibitions/underattack/bombed/curtin.asp>).
27. Цит. по: Barnard M. History of Australia. P. 558–559.
28. См.: Кириченко А. А., Черевко К. Е. Советско-японская война 9 августа – 2 сентября 1945 г. рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). Гл. 1. М., 2006.
29. См.: Stanley Peter. “He’s (not) Coming South”: the invasion that wasn’t. (https://www.awm.gov.au/sites/default/files/media/conference/2002/stanley_paper.pdf).
30. Australia in the War of 1939–1945. Vol. V – South–West Pacific Area. P. 7–9 (<https://static.awm.gov.au/images/collection/pdf/RCDIG1070130-1-.pdf>).
31. См.: Скоробогатых Н. С. Становление внешнеполитического курса Австралийского Союза в 1930-х гг. // Британские доминионы: история и современность. Выпуск 3. Красноярск, 2011. С. 5–27.
32. Тейлор А. Вторая мировая война // Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 475.

33. См. подробнее: *The Bulletin*, April 27, 1999. P. 43; February 21, 1995. P. 29, 32.
34. См.: Macintyre S. *A Concise History of Australia*. Cambridge, 2005. P. 195.
35. Цит. по: Knightley P. *Australia. A Biography of a Nation*. L., 2001. P. 212.
36. *Australia in the War of 1939–1945. Vol. V – South–West Pacific Area*, p. 69–72 (<https://static.awm.gov.au/images/collection/pdf/RCDIG1070130-1-.pdf>).
37. Цит. по: *The Bulletin*, February 18, 1992. P. 37.
38. Air raids. Broome (<http://www.ww2australia.gov.au/underattack/broome.html>).
39. *The Bulletin*, February 18, 1992. P. 37.
40. Reid R. 1942 – An Overview of the Battle for Australia. (<http://www.anzacday.org.au/history/ww2/bfa/overview.html>).
41. Цит по: Трухановский В. Г. Черчилль. М., 2003. С. 336.
42. Роббинс К. Черчилль. Ростов-на-Дону, 1997. С. 248.
43. См. подробнее: Knightley P. *Australia*. P. 190–191.
44. Мартынов А. И., Русакова О. К. Австралия в международных отношениях XX века. М., 1978. С. 64–65.
45. Reid R. 1942 – An Overview of the Battle for Australia (<http://www.anzacday.org.au/history/ww2/bfa/overview.html>).
46. См. подробнее: Жарова О. В. Австралийский лейборизм после Второй мировой войны. М., 1987. С. 19–20.
47. Knightley P. *Australia*. P. 192.
48. *The Bulletin*, July 4, 2006. P. 73.
49. См. подробнее: Robertson J. *Australia at War 1939–1945*. L., 1975. P. 127.
50. См.: *The Bulletin*, November 30, 1999. P. 52.
51. Стрит Дж. В поисках правды. С. 172, 173.
52. См.: Knightley P. *Australia*. P. 200, 201.
53. Тейлор А. Вторая мировая война // *Вторая мировая война: два взгляда*. М., 1995. С. 475.
54. *Australia in the War of 1939–1945. Vol. V – South–West Pacific Area*. P. 83, 89, 111, 112 (<https://static.awm.gov.au/images/collection/pdf/RCDIG1070130-1-.pdf>).
55. Knightley P. *Australia*. P. 196.
56. Reid R. 1942 – An Overview of the Battle for Australia (<http://www.anzacday.org.au/history/ww2/bfa/overview.html>).
57. Sydney, June 1942 (<https://www.awm.gov.au/exhibitions/underattack/bombed/sydney.asp>).

58. Прандж Г. Чудо у острова Мидуэй // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 240.
59. Barnard M. A History of Australia. P. 562.
60. The Bulletin, December 6, 1994.
61. Подробности сражения у дороги Кокода см: Australia in the War of 1939–1945. Vol. V – South–West Pacific Area, chapter 4 (<https://static.awm.gov.au/images/collection/pdf/RCDIG1070130-1-.pdf>).
62. The Bulletin, November 16, 1999. P. 40–41; July 4, 2006. P. 73. Обида была тем сильнее, ибо солдаты понимали, что их военное и политическое руководство играло «подчиненную роль по отношению к Соединенным Штатам, заменив Мать Британию на Дядю Сэма» (Knightley P. Australia. P. 204).
63. Рассчитано по: Australia in the War of 1939–1945. Vol. VII – The Final Campaigns. APPENDIX 7. SOME STATISTICS. P. 635 (<https://static.awm.gov.au/images/collection/pdf/RCDIG1070310-1-.pdf>).
64. См.: The Kokoda Track (<http://www.anzacday.org.au/history/ww2/bfa/kokoda.html>).
65. Роуз Ф. Аборигены Австралии (их прошлое и настоящее). М., 1981. С. 88.
66. Seekee V. Island Defenders. (http://www.anzacday.org.au/history/ww2/bfa/island_defenders.html).
67. Цит. по: Knightley P. Australia. P. 208, 210.
68. См. подробнее: The Bulletin, July 4, 2006. P. 99.
69. The Bulletin, July 4, 2006. P. 73.
70. Australia, New Zealand, and the Pacific Islands since the First World War. Ed. by Livingston W.S. and Louis R. Canberra, 1979. P. 52.
71. Полный текст соглашения см.: New Zealand Foreign Policy. Statements and Documents 1943–1957. Wellington, 1972. P. 48–54.
72. The Sydney Morning Herald, June 5, 2002.
73. Australia, New Zealand, and the Pacific Islands since the First World War. P. 54.
74. Mr M. J. Savage, N. Z. Prime Minister, to Commonwealth Government. Cablegram unnumbered WELLINGTON, 5 November 1939, 9.15 a.m. MOST SECRET // DFAT.
75. Mr R. G. Menzies, Prime Minister, to Mr S. M. Bruce, High Commissioner in London. Cablegram 77 21 October 1939, SECRET // DFAT.
76. New Zealand Foreign Policy. Statements and Documents 1943–1957. Wellington, 1972. P. 80, 81.

Советско-монгольское сотрудничество и взаимопомощь (1941–1945)*

По мнению некоторых исследователей, Вторая мировая война началась в 1939 г. на Востоке, во время боевых действий на Халхин-Голе¹. Бои здесь были не локальным конфликтом, а крупномасштабными военными действиями, став одним из очагов грядущей большой войны. Именно в 1939 г. советские и монгольские войска получили опыт боевого взаимодействия, а народы двух стран – опыт военной поддержки друг друга.

Прошло менее двух лет после победы советских и монгольских войск в боях против японской армии, и Советский Союз был втянут в новую войну – широкомасштабные военные действия на своих западных рубежах. Монголия, наверное, как ни одна другая страна, понимала, что в такое время важно оказать моральную и материальную поддержку своему союзнику. 22 июня 1941 г., сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Монгольская Народная Республика официально заявила о том, что она будет верна обязательствам, принятым на себя по Протоколу о взаимной помощи, заключенному между СССР и МНР 12 марта 1936 г.² Согласно статье 2 этого Протокола, правительства Советского Союза и Монголии взяли на себя обязательство

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-21-03008-ОГОН «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

«в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь». Таким образом, в первые дни войны Монголия была единственной страной, прямо поддержавшей Советский Союз в борьбе против фашистской Германии. Как верно заметил академик С. Л. Тихвинский, «правительства Великобритании и США, преодолевая свои традиционные антикоммунистические и антисоветские взгляды, не спеша, с оглядкой на ход военных действий на советско-германском фронте, еще только приступали к разработке планов оказания помощи нашей стране. А братский народ Монголии и его правительство незамедлительно пришли нам на помощь»³.

22 июня 1941 г. на совместном заседании Президиума Малого хурала, Совета Министров МНР и Президиума ЦК МНРП было принято постановление, в котором говорилось: «Правительство МНР и Президиум ЦК МНРП заверяют народы Советского Союза и трудящихся всех стран мира, что они непоколебимо будут продолжать укрепление дружбы с советским народом, окажут необходимую помощь СССР в победоносном ведении отечественной войны, которую навязал ему германский фашизм»⁴. В постановлении также было подчеркнуто, что монгольский народ «готов рука об руку с советским народом грудью встать на защиту свободы и независимости» СССР⁵. 23 июня в Улан-Баторе состоялся всенародный митинг, на котором выступил председатель Совета Министров МНР маршал Х. Чойбалсан. Он призвал монгольский народ неуклонно укреплять экономическую и оборонную мощь своей страны и всемерно поддержать Советский Союз.

С первого дня Великой Отечественной войны Монголия рассматривала помощь Советскому Союзу как свою основную задачу; она перевела свою экономику на военный режим и развернула движение по оказанию добровольной

помощи Красной Армии, начав жить и работать под девизом «Все для фронта, все для Победы!». В сентябре 1941 г. в соответствии с постановлением монгольского правительства была образована Центральная комиссия по оказанию помощи СССР, задачей которой стала организация отправки «собранных от монгольских аратов и рабочих подарков для красноармейцев, героически воевавших против немецких фашистов»⁶. Также были созданы местные

Маршал МНР Х. Чойбалсан выступает на заседании
Центральной комиссии по сбору подарков для красноармейцев (1943 г.)

Источник: <http://www.olloo.mn/n/42157.html>

комиссии в каждом аймаке страны, на предприятиях, в государственных организациях и учебных заведениях. Монголия не принимала непосредственного участия в Великой Отечественной войне, однако ее жители справедливо считали, что их страна является глубоким тылом Советского Союза, и делали все возможное, чтобы поддержать фронт⁷.

Движение по оказанию помощи советскому народу охватило все слои населения Монголии. Инициаторами сбора средств для помощи Советскому Союзу стали рабочие и служащие Улан-Баторского промкомбината и столичной теплоэлектростанции⁸. Жители страны вносили в фонд помощи Красной Армии деньги, золотые и серебряные украшения и другие ценности, теплую одежду, продукты питания. С июля 1941 г. по июль 1942 г. монгольские граждане добровольно внесли более 7 млн 705 тыс. тугриков в фонд помощи Красной Армии. С декабря 1942 г. по март 1943 г. в фонд поступило 8,3 млн тугриков наличными⁹.

Валенки, приготовленные для отправки на фронт
в Советский Союз (1943 г.)

Источник: <http://www.olloo.mn/n/42157.html>

В аймаках и сомонах были организованы бригады по заготовке пушнины и мяса. Было создано несколько сотен мастерских по пошиву теплой одежды для бойцов

РККА. Многие медицинские работники и простые люди добровольно становились донорами, сдавая кровь для раненых красноармейцев. Профсоюзные и молодежные организации устраивали субботники, средства от которых вносились в фонд помощи Красной Армии. Рабочие многих предприятий, отказываясь от выходных дней и очередных отпусков, трудились сверхурочно, перевыполняли месячные и квартальные планы, а выпущенную продукцию и заработанные за это время деньги передавали в фонд помощи. Во всех кочевьях в семьях собирали подарки фронтовикам. Каждый труженик считал своим долгом послать подарок на фронт для воевавших советских солдат и офицеров. Многие жители Монголии писали письма красноармейцам, выражая им свою поддержку.

С 1941 по 1945 г. из МНР в Советский Союз было отправлено десять эшелонов с подарками, которые собирали жители Монголии – это были полушубки, меховые шапки, валенки, продуктовые посылки и др. (всего на сумму более 25,3 млн тугриков)¹⁰. Первый такой эшелон с подарками для бойцов и командиров Красной Армии был направлен в Советский Союз в ноябре 1941 г. – к 24-й годовщине Октябрьской социалистической революции. На фронт было доставлено 15 тыс. полушубков, столько же меховых телогреек, полторы тысячи пар валенок, 6000 шерстяных свитеров, меховые рукавицы и жилеты, одеяла из выделанной овчины, продовольственные товары и др. (на общую сумму 587 тыс. тугриков). Второй эшелон с подарками и продовольствием был отправлен из Монголии уже в феврале 1942 г. Он состоял из 37 вагонов, загруженных продовольствием (мясо, колбаса, хлебобулочные изделия, масло, водка, различные консервы и кондитерские изделия, а также папиросы) и теплыми вещами¹¹. Эшелон сопровождала монгольская делегация в составе семи человек во главе с первым

заместителем премьер-министра Монголии С. Лувсаном. Делегация выехала на Западный фронт, где встрети-лась с командующим Г. К. Жуковым, посетила расположе-ние воинских частей, а также освобожденные от фашистов города¹². Монгольские делегации сопровождали все эше-

Отправка эшелона с подарками из Монголии в Советский Союз (1943 г.)

Источник: <http://www.olloo.mn/n/42157.html>

лоны с подарками, направлявшиеся в Советский Союз. Так, в декабре 1942 г. делегация во главе с премьер-министром Монголии маршалом Х. Чойбалсаном привезла подарки, размещавшиеся в 215 вагонах. Члены делегации выезжали на Центральный фронт, в расположение 50-й и 16-й армий. Находясь в штабе 16-й армии, Чойбалсан объявил о своем решении передать этой армии 1000 лошадей от себя лично¹³.

Особую роль в Великой Отечественной войне играла кавалерия. Конница была полноценным и эффективным участником войны от первого до последнего её дня. Например, в Берлинской операции участвовало 12 конных дивизий, почти 100 тыс. кавалеристов. В первый год войны из-за

Бойцы Красной Армии с монгольскими лошадьми
в годы Великой Отечественной войны

Источник: <http://chuham.mn/index.php?newsid=9444>

стремительного наступления противника СССР потерял почти половину лошадиного поголовья – к июню 1941 г. в нашей стране насчитывалось 17,5 млн лошадей, а к осени 1942 г. на территории, не захваченной противником, их осталось всего 9 млн включая жеребят, не способных работать¹⁴. В такой ситуации у СССР, помимо собственного сельского хозяйства, оказался единственный дополнительный источник лошадей – Монголия. Одной из важнейших форм

помощи Монголии фронту была закупка у населения и безвозмездная передача лошадей для нужд Красной Армии. Поставки лошадей из Монголии начались уже в 1941 г., а с марта 1942 г. монгольские власти осуществляли плановую заготовку лошадей для СССР. Летом 1942 г. монгольское правительство закупило более 100 тыс. лошадей; свыше 6 тыс. лошадей были безвозмездно подарены аратами.

В сентябре 1943 г. Совет Министров МНР и ЦК МНРП приняли постановление «Об оказании помощи населению районов Советского Союза, пострадавших от немецко-фашистских оккупантов». В постановлении содержался призыв к аратам Монголии добровольно жертвовать рабочих лошадей. В 1944 г. Красной Армии было подарено 10 тыс. лошадей. А всего за четыре года войны в Советский Союз их было поставлено более 500 тыс. В 1941–1945 гг. такое число лошадей СССР мог получить только из Монголии; они поставлялись по условной цене, в основном взаимозачетом за монгольские долги по займам, предоставленным Советским Союзом. Таким образом, окупились довоенные экономические вложения СССР в Монголию. Кроме того, более 32 тыс. монгольских лошадей – то есть на шесть кавалерийских дивизий военного времени – было передано в качестве подарков от монгольских аратов¹⁵.

Неприхотливые и выносливые монгольские лошади были прекрасно приспособлены для экстремальных фронтовых условий; на них советские кавалеристы дошли до Берлина¹⁶. Фактически в 1943–1945 гг. каждая пятая лошадь на фронте была монгольской¹⁷. В конце войны в Монголии была организована закупка лошадей и племенного скота для передачи в дар колхозам освобожденных районов СССР. После окончания войны в Советский Союз из Монголии было направлено 40 тыс. голов скота и передано более 5 млн тугриков на нужды восстановления экономики в районах, освобожденных

от немецкой оккупации. Кроме того, в феврале 1946 г. монгольские трудящиеся перевели более 5 млн тугриков в фонд помощи советским гражданам – жертвам войны¹⁸.

Важное место в снабжении Красной Армии и гражданского населения в годы войны занимали поставки мяса из Монголии. Всего его было отправлено около 500 тыс. т. Для сравнения – из США в Советский Союз за годы войны было поставлено 665 тыс. т мясных консервов. Население Монголии составляло в 1940-е годы 819 тыс. человек, а в СССР было отправлено мяса немногим меньше, чем из одной из самых богатых и крупнейших стран мира. Такая мобилизация ресурсов дала о себе знать – зимой 1944 г. в Монголии начался голод. Кроме того, в 1942 г. резко снизилось поголовье скота. До 1941 г. оно, начиная с 1937 г., непрерывно увеличивалось (1937 г. – 23,2 млн голов, 1938 г. – 25,6 млн, 1939 г. – 26,0 млн, 1940 г. – 26,2 млн, 1941 г. – 27,3 млн). В 1942 г. поголовье скота составляло 24,3 млн голов, однако итоги переписи поголовья скота в 1943 г. показали дальнейшее его снижение: в стране насчитывалось 23,3 млн голов¹⁹.

Из Монголии на всем протяжении войны в Советский Союз шел еще один стратегический товар – шерсть, из которой шили солдатские шинели. Из США в годы войны поступило 54 тыс. т шерсти, из Монголии – 64 тыс. т. Каждая пятая шинель в 1942–1945 гг. была изготовлена из монгольского материала. Монголия была также важнейшим источником кожевенного сырья и пушнины. Поставки меховых полушубков, меховых шапок, рукавиц и валенок начались уже осенью 1941 г. К 7 ноября 1941 г. монгольским зимним обмундированием были полностью оснащены несколько советских пехотных дивизий из резервов, готовящихся к контрнаступлению под Москвой. В Монголии находился единственный доступный СССР в годы войны промышленный источник вольфрама, самого тугоплавкого металла на Земле, без которого было невозможно делать

снаряды, способные пробить броню немецких танков. Советский Союз получал вольфрам из Монголии.

На фронтах Великой Отечественной войны воевали танковая бригада «Революционная Монголия» и авиационная эскадрилья «Монгольский арат». На 25-й сессии Малого хурала МНР, состоявшейся в январе 1942 г., было принято постановление, в котором монгольскому правительству поручалось организовать сбор средств для формирования танковой бригады «Революционная Монголия». В качестве вклада монгольского народа в дело разгрома фашистской Германии в Банк внешней торговли СССР на постройку этой танковой бригады было передано 300 кг золота, 100 тыс. долл. и 2,5 млн тугриков²⁰, собранных монгольскими аратами, рабочими и интеллигенцией²¹.

Передача бойцам Красной Армии танковой колонны
«Революционная Монголия», построенной на средства
монгольского народа (январь 1943 г.)

Источник: <https://topwar.ru/139632-kak-mongoliya-pomogla-pobedit-gitlera.html>

12 января 1943 г. делегация МНР во главе с премьер-министром страны маршалом Х. Чойбалсаном торжественно передала 112-й отдельной ордена Боевого Красного Знамени танковой бригаде танковую колонну «Революционная Монголия», в составе которой находилось 53 танка (21 танк Т-70 и 32 танка Т-34), построенных в СССР на средства монгольских трудящихся. На танковых башнях было нанесено название бригады и надписи – от каких аймаков были подарены машины. Также на боевых машинах было написано, кто был

Маршал Х. Чойбалсан вручает бойцу Красной Армии именной танк «Маршал Чойбалсан», приобретенный на его собственные средства. Танк входил в состав танковой колонны «Революционная Монголия» (1943 г.)

Источник: <http://russian7.ru/post/kak-mongoly-srazhalis-s-fashistami/>

их дарителем: «От Большого хурала», «От Малого хурала», «Монгольский арат», «Монгольский чекист», «От ЦК Монгольской народно-революционной партии», «От интеллигенции МНР», «От советских граждан в МНР», «От Совета

Министров МНР», «От Монгольского революционного союза молодежи», «От монгольских женщин». Были также «именные» танки: «Сухэ-Батор», «Хатан-Батор Максаржаб», «Маршал Чойбалсан». Позже 112-я бригада была переименована в 44-ю гвардейскую танковую бригаду, которая прошла славный боевой путь из Подмосковья до Берлина. Указом Президиума Малого хурала МНР от 18 января 1944 г. бригада была награждена орденом Боевого Красного Знамени МНР.

В марте 1943 г. 26-я сессия Малого хурала МНР приняла решение организовать по всей стране сбор средств для создания авиаэскадрильи «Монгольский арат» и преподнести ее в дар Красной Армии. К июлю 1943 г. из личных средств монголов было собрано 2 млн тугриков, которые были переданы советскому руководству для постройки боевых самолетов. 25 сентября 1943 г. на полевом аэродроме в районе станции Вязовая Смоленской области авиаэскадрилья, состоявшая из 12 боевых самолетов «Ла-5», была торжественно передана на вооружение Красной Армии. В годы войны монгольское правительство полностью взяло на себя содержание личного состава танковой бригады «Революционная Монголия» и эскадрильи «Монгольский арат»; кроме того, оно трижды дополнительно переводило по 2 млн тугриков командирам и бойцам этих подразделений на вооружение и содержание²².

В марте 1944 г. монгольские студенты, обучавшиеся в московских вузах, организовали сбор средств на постройку танка «Монгольский студент». Они собрали более 23 тыс. руб. и обратились к монгольским студентам, обучавшимся на родине, с призывом принять участие в сборе средств на строительство танка. Этот призыв поддержали студенты Монгольского государственного университета и других учебных заведений и собрали более 25 тыс. тугриков. Монгольские студенты и курсанты, обучавшиеся в годы войны

Герой Советского Союза летчик А. И. Майоров в кабине самолета, входившего в состав авиаэскадрильи «Монгольский арат», построенной на средства монгольского народа (июль 1944 г.).

Источник: <https://topwar.ru/74604-pomosch-stepey-mongoly-vernye-soyuzniki-velikoy-otechestvennoy.html>

в СССР, принимали активное участие в защите Москвы, в выявлении вражеских разведчиков и диверсантов, охране аэродромов, создании противотанковых заграждений, рытье окопов, обезвреживании и тушении зажигательных бомб, сбрасываемых вражескими самолетами, оказании помощи раненым военнослужащим в тех городах СССР, где они обучались. Многие из них стали донорами крови для бойцов Красной Армии.

В первые дни войны 300 советских граждан из числа проживавших в Монголии соотечественников ушли добровольцами на фронт. Вместе с советскими солдатами они участвовали в обороне Москвы и других крупных сражениях Великой Отечественной войны. Всего около 5000 наших соотечественников, проживавших тогда на территории Монголии или находившихся в этой стране в командировках, воевали на фронтах с фашистами. В ноябре 1943 г. Президиум Малого хурала МНР принял постановление о назначении и выплате пособий семьям советских граждан, постоянно проживавших в МНР до войны и призванных из МНР в ряды Красной Армии. Прежде всего это постановление касалось советских специалистов, работавших до войны в Монголии по приглашению монгольского правительства.

Согласно постановлению, семьи служивших на фронтах Великой Отечественной войны советских граждан получали в военное время пособия от монгольского правительства. Монголия оказывала этим гражданам, а также членам их семей материальную помощь, выплачивая им пенсии и пособия²³. Члены семей военнослужащих обеспечивались жилой площадью, дровами и углем по государственным ценам; в случае если в семьях имелись нетрудоспособные, им предоставлялись 50% скидки по оплате квартплаты и электричества и другие льготы. Вернувшимся с фронта инвалидам – советским гражданам, постоянно проживавшим в МНР, а также семьям постоянно проживавших в этой стране советских граждан, призванных на фронт и погибших там, выдавалась специальная пенсия, и они обеспечивались жильем²⁴. В фонд помощи красноармейцам-инвалидам войны и детям-сиротам было передано 5 млн тугриков²⁵.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на трудности военного времени, не прерывалось советско-монгольское экономическое, научное и культурное

сотрудничество. Советский Союз продолжал оказывать Монголии помощь в развитии промышленности и транспорта, образования, в подготовке специалистов. Однако в начале войны СССР был вынужден значительно сократить общий объем экспорта в МНР (в том числе автомашин, запчастей для них, автобензина, керосина, различных масел и других видов нефтепродуктов и др.). Всего за годы войны импорт из Советского Союза автомашин, нефтепродуктов и металлоизделий сократился в 4,5 раза. Почти в два раза уменьшились поставки хлопчатобумажных тканей, готовой одежды, бумаги, табачных и кондитерских изделий.

Ноябрьский (1941) пленум ЦК МНРП принял постановление «Об использовании местных ресурсов МНР и развитии производства предметов и товаров широкого потребления». Пленум указал на необходимость развития пищевой промышленности, увеличения производства товаров широкого потребления, расширения производства строительных материалов и одновременно сокращения поставок из СССР, включая промышленное и строительное оборудование. В то же время Советский Союз продолжал поставлять в Монголию товары, которые не производила ее национальная промышленность, прежде всего электротехническое и радиотехническое оборудование, оборудование для легкой и пищевой промышленности, металлорежущие станки и инструменты. Это позволяло предприятиям работать в обычном режиме.

Со своей стороны, Монголия, мобилизовав внутренние ресурсы, увеличила экспорт в СССР продукции животноводства и приняла меры к сокращению импорта товаров, необходимых для советского фронта. Вовлечение в оборот дополнительных внутренних ресурсов рассматривалось в Монголии как важнейшая форма помощи фронту. Советский Союз продолжал оказывать Монголии помощь

в строительстве транспортных, промышленных и других объектов. В годы войны при помощи СССР в МНР были построены шерстомойная фабрика, цех по производству алебаstra, спичечная фабрика, деревообрабатывающий комбинат. При содействии Советского Союза в 1941–1945 гг. были сооружены шоссейная дорога Чойбалсан – Улдза, 65 мостов через реки Селенга, Завхан, Кобдо и др., расширена шерстомойная фабрика при Улан-Баторском промкомбинате, начато строительство мясокомбината²⁶.

В июне 1941 г. СССР и МНР заключили межправительственное соглашение о помощи в развитии угольной промышленности Монголии. При содействии советских специалистов в 1941–1942 гг. на востоке страны были проведены геологоразведочные работы, в результате которых были выявлены богатые запасы бурого угля и построено несколько шахт. С 1941 по 1946 г. добыча угля в МНР увеличилась более чем на 70%. В 1941–1945 гг. Комитет наук Монголии при помощи советских геологов провел 12 геологоразведочных экспедиций; были открыты месторождения каменного угля, железа, олова, серы, меди, золота, вольфрама, флюорита и других полезных ископаемых²⁷.

Продолжало развиваться советско-монгольское научное сотрудничество. В 1940–1942 гг. совместная пастбищная экспедиция АН СССР и Комитета наук МНР изучала состояние кормовой базы сельского хозяйства в четырех аймаках Монголии. По результатам экспедиции советские ученые составили карту пастбищных угодий восточной части Гоби. В 1943 г. была организована специальная советско-монгольская экспедиция по изучению редких и цветных металлов²⁸.

В годы войны продолжилось обучение монгольских студентов в учебных заведениях Советского Союза. 22 июля 1941 г. было заключено двустороннее соглашение,

в соответствии с которым советское правительство принимало на себя половину расходов на обучение и содержание учащихся из МНР в гражданских учебных заведениях СССР. Вторую половину расходов брало на себя правительство МНР²⁹. В 1941 г. в советские военные академии и училища было принято 93 монгольских военнослужащих. За годы войны число слушателей военных учебных заведений из Монголии увеличилось более чем в 3 раза. 5 октября 1942 г. произошло важное событие в истории страны – в Улан-Баторе при поддержке Советского Союза был открыт Монгольский государственный университет (МонГУ). По линии Комитета по делам высшей школы СССР в Монголию направлялись научные работники по 7 специальностям; также Комитет подарил оборудование для ряда учебных лабораторий МонГУ. Советские специалисты работали в Комитете искусств и Комитете наук МНР, в музыкально-драматическом театре, на студии Монголкино, в цирке, уделяя особое внимание подготовке национальных творческих кадров. В годы войны советскими и монгольскими кинематографистами был создан художественный фильм «Его зовут Сухэ-Батор». Премьера фильма состоялась в октябре 1942 г. в Москве.

Укреплялось советско-монгольское военное сотрудничество. В начале 1940-х гг. СССР, принимая во внимание приближавшуюся войну в Европе и все более осложнявшуюся обстановку на Дальнем Востоке, продолжал помогать Монголии поддерживать ее обороноспособность. В 1941–1945 гг. Монголия получила от Советского Союза помощь для укрепления обороны страны (оружие, технику, боеприпасы) в общей сложности в размере 100 млн руб.³⁰ В первые годы войны в частях Монгольской народно-революционной армии (МНРА) работало около 500 инструкторов Красной Армии (командиры и политработники)³¹. К Главкому МНР

был прикомандирован военный советник, одновременно являвшийся начальником штаба МНРА. В 1943 г. в Улан-Баторе была открыта офицерская школа, готовившая командирские кадры со средним образованием. В МНР была расквартирована 1-я Армейская группа Красной Армии. До окончания Второй мировой войны по просьбе монгольского правительства в Монголии продолжали находиться части 17-й армии Советского Союза, которую он содержал за свой счет. Пребывание советских армейских подразделений в Монголии, несомненно, сдерживало агрессивные устремления Японии. Советские военные части стояли на страже монгольских границ. МНР была готова направить свои войсковые соединения на советско-германский фронт, однако в условиях существовавшей опасности нападения Японии на Советский Союз и Монголию монгольской армии было важнее оставаться на своих позициях в стране, чтобы в случае непосредственной опасности помочь советским войскам отразить нападение противника.

Своеобразной формой помощи со стороны МНР было укрепление собственной армии. В 1941–1944 гг. численность вооруженных сил МНР была увеличена в четыре раза; 20 сентября 1944 г. был принят новый закон о всеобщей воинской повинности, согласно которому все взрослое мужское население страны было обязано нести военную службу. Во время Великой Отечественной войны Монголия тратила на свои вооруженные силы свыше 50% госбюджета. Монгольская народно-революционная армия рассматривалась как дополнительный сдерживающий фактор против Квантунской армии, помимо войск 17-й армии РККА, дислоцированной на территории МНР на протяжении всей войны. Таким образом, в ходе войны монгольская армия играла важную стратегическую роль на Дальнем Востоке, став дополнительным противовесом японским

вооруженным силам в этом регионе. Это дало возможность СССР забрать с Дальнего Востока несколько дивизий, которые стали заметной величиной даже в масштабах огромного советско-германского фронта.

В годы Великой Отечественной войны Монголия оказала Советскому Союзу неоценимую помощь – экономическую и военную: передавала денежные средства, теплую одежду для фронта, продовольствие, скот; приобрела на средства монгольского населения танковую колонну и авиаэскадрилью. МНР обеспечивала одну треть всей материальной помощи, поступавшей в СССР. Монгольский народ, мобилизовав все свои ресурсы и возможности, за четыре года войны собрал и передал Советскому Союзу средства, равные трехлетнему бюджету своей страны. За весь военный период Монголия оказала Красной Армии и советскому народу материальную помощь на сумму 435 млн тугриков³². Помощь Монголии была высоко оценена советским руководством. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1944 г. советские государственные награды за заслуги в деле организации помощи советскому народу получили руководители монгольского государства. Орденом Ленина были награждены премьер-министр Х. Чойбалсан, генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цэдэнбал, председатель Президиума Малого хурала Г. Бумцэнд, орденом Трудового Красного Знамени – секретари ЦК МНРП Ч. Сурэнжав, С. Янжмаа, Д. Дамба и заместитель Совета министров МНР С. Лувсан, орденом Красной Звезды – Ж. Чойдог, Б. Тогмид, Ж. Аюурзана.

После окончания войны в Европе в мае 1945 г. ситуация на Дальнем Востоке продолжала оставаться довольно сложной. 26 июля 1945 г. США, Великобритания и Китай выступили с заявлением, в котором потребовали безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил. Это требование

было Японией отклонено. Советское правительство, верное своему долгу, присоединилось к заявлению союзников от 26 июля. В заявлении наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова японскому послу в Москве от 8 августа 1945 г. было сказано, что, исходя из своих обязательств, принятых на Ялтинской и Потсдамской конференциях руководителей СССР, США и Великобритании, с 9 августа Советский Союз считает себя в состоянии войны с Японией.

В июле 1945 г. Х. Чойбалсан посетил СССР, где провел переговоры с советским правительством о том, в какой форме Монголия будет принимать участие в военных действиях против Японии. Было принято решение о совместном участии советских и монгольских войск в военной кампании на Дальнем Востоке. 10 августа 1945 г. Малый хурал и правительство МНР, согласно своим обязательствам по Протоколу о взаимопомощи между МНР и СССР (1936), приняли решение об объявлении войны империалистической Японии – союзнице гитлеровской Германии. Для участия в военных действиях против Японии Монголия выставила армию численностью 80 тыс. человек. Араты передали для нужд монгольской армии более 20 тыс. лошадей. В Декларации об объявлении войны Японии было сказано, что Малый хурал и правительство МНР готовы «внести свой вклад в дело Объединенных Наций» и «объявляют священную войну Японии»³³. В стране была проведена мобилизация, которой подлежали все военнообязанные и офицерский состав запаса в возрасте от 21 до 45 лет включительно. Части МНРА под командованием маршала Х. Чойбалсана участвовали в боевых операциях Забайкальского фронта, которым командовал маршал Р. Я. Малиновский. В состав этого фронта входила советско-монгольская конно-механизированная группа под командованием генерала И. А. Плиева.

Основные удары планировалось нанести на двух направлениях: Долоннор – Жэхэ и Калган. Согласно плану фронтовой операции, мощный удар главными силами с Тамцаг-Булакского выступа на территории МНР планировалось нанести в направлении Чаньчуня и Шэньяна. Советско-монгольская группа, действуя на правом фланге, должна была, прикрывая главные силы фронта от возможных фланговых ударов с юго-востока, в предельно короткие сроки пересечь пустыню Гоби, с боями преодолеть Хинган и отрезать Квантунскую армию от Северного Китая. Монгольская армия вместе с советскими войсками совершила девятисоткилометровый марш по безводным пустынным районам Гоби и Северного Китая (Внутренней Монголии). 16 августа советские и монгольские войска взяли город Долоннор и приступили к выполнению новой боевой задачи: штурму г. Жэхэ, расположенного у Великой Китайской стены. Жэхэ был освобожден 20 августа. 21 августа был взят г. Калган, а 23 августа японские войска прекратили сопротивление.

Военная кампания на Дальнем Востоке была недолгой, однако по размаху, динамичности и конечным результатам она занимает одно из важнейших мест среди кампаний Второй мировой войны. Разгром Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии. В войне на Дальнем Востоке Монголия потеряла 2039 солдат и офицеров, 78 солдат пропали без вести. Материальный ущерб, нанесенный Монголии в этой войне, составил 205 млн тугриков³⁴. Всего же материальные потери Монголии в ходе военных действий с 1939 по 1945 г. определены в 322 млн тугриков³⁵.

После окончания боевых действий на Дальнем Востоке, в которых принимали участие командиры и бойцы Монгольской народно-революционной армии, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 октября 1945 г. за умелое руководство боевыми операциями и проявленные в боевых

операциях доблесть и мужество высшими наградами Советского Союза были награждены командиры МНРА: орденом Красного Знамени – 14 человек, орденом Суворова 2-й степени – 2, орденом Отечественной войны 1-й степени – 3, орденом Отечественной войны 2-й степени – 13, орденом Красной Звезды – 89, орденом Славы 3-й степени – 7, медалью «За отвагу» – 48, медалью «За боевые заслуги» – 80 человек. За помощь советской армии в разгроме японских милитаристов летом 1945 г. и умелое руководство боевыми операциями монгольской армии главнокомандующий МНРА маршал Х. Чойбалсан был награжден орденом Суворова 1-й степени. Согласно постановлению Президиума Малого хурала МНР от 26 сентября 1945 г. за умелое руководство боевыми операциями на Дальнем Востоке орденами МНР были награждены генералы и офицеры Красной Армии, в том числе орденом Боевого Красного Знамени МНР – 28 человек. Всего государственные награды Монголии за вклад в дело разгрома германского фашизма и японского милитаризма получили 800 советских генералов, офицеров и солдат.

Монгольская армия не принимала непосредственного участия в сражениях на советско-германском фронте, однако ее помощь Красной Армии можно рассматривать как опосредствованное участие во Второй мировой войне в Европе на стороне антигитлеровской коалиции. Более четырех лет, с первого дня Великой Отечественной войны и до ее окончания, Монголия была надежным тылом советской армии. Монголы помогали Советскому Союзу всем, чем могли. Помощь и моральная поддержка воевавшего против фашистской Германии Советского Союза являлась вкладом Монголии в борьбу против фашизма и милитаризма. В канун празднования 70-летия Победы в соответствии с указом Президента РФ В. В. Путина, 347 монгольских

ветеранов были награждены юбилейной медалью «70 лет Победы в Великой Отечественной войне». Среди награжденных были и российские граждане, постоянно проживающие в Монголии. Нельзя не согласиться со словами госсекретаря Министерства обороны Монголии генерал-майора З. Болдбаатара, сказавшего, что Великая Отечественная война стала одной из золотых страниц дружбы между народами России и Монголии³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Рачков М. П. Война на Халхин-Голе 1939 года (май – сентябрь) как начало Второй мировой войны: новый подход // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Кн. 4. Улан-Батор: Иркутск, 2015. С. 19–32.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974. С. 136–137.
3. Тихвинский С. Л. Помним помощь монгольских друзей (К 50-летию Великой Победы) // Тихвинский С. Л. Век стремительных перемен. М., 2005. С. 225.
4. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М., 1979. С. 2.
5. Там же.
6. Хишигт Н. Движение монгольского народа за помощь фронту Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 54.
7. Цэдэв Н., Мунхбат Д. Монголия – Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // <http://pero-altay.ru/istoriya/363-mongoliya-krasnoj-armii-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945gg>
8. Лувсанбалдан Э. Дэлхийн II дайны үеийн Монгол Улс [Монголия во Второй мировой войне]. Улаанбаатар, 2015. С. 60.
9. История Монголии. XX век. М., 2007. С. 171.

10. Монголын ард түмэн: Бүхнийг фронтод, бүгдийг ялалтын төлөө / Монгольский народ: Все для фронта, все для победы / Mongolian people: All for front and all for victory. Составители: Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, Ч. Болд, Ч. Баасанжаргал. Улаанбаатар, 2015. С. 6, 10–11.
11. БНМАУ, Зөвлөлт эх орны дайны үед. Баримт бичгийн эмхтгэл [МНР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник документов]. Улаанбаатар, 1954. С. 68.
12. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. 2. М.: Улан-Удэ, 2008. С. 116.
13. Там же. С. 123–124.
14. Волынец А. Великая Отечественная – последняя война кавалерии // <http://rusplt.ru/wow/add/velikaya-otechestvennaya--poslednyaya-voyna-kavalerii-16619.html>
15. Монгол улсын түүх [История Монголии]. Т. 5. Улаанбаатар, 2003. С. 233.
16. Лувсанбалдан Э. Указ. соч. С. 74.
17. В 2017 г. в Москве, в Парке Победы на Поклонной горе был открыт памятник, символизирующий братскую помощь Монголии Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. Памятник является даром России от Монголии по случаю 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Бронзовая скульптура изображает монгольских лошадей, тянущих за собой артиллерийское орудие по фронтовому бездорожью. Монумент создали монгольский скульптор А. Очирболд и российские архитекторы А. К. Тихонов и В. В. Перфильев.
18. Цаплин Ф. С. Советско-монгольское содружество в годы Второй мировой войны. М., 1964. С. 27.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 288. Л. 2–3.
20. По курсу 1943 г. 1 тугрик равнялся 1 руб. 26 коп.
21. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. 2. М.: Улан-Удэ, 2008. С. 119.
22. Хишигт Н. Указ. соч. С. 60.
23. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М., 1979. С. 62–64.
24. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. 2. М.: Улан-Удэ, 2008. С. 138–141.
25. Всемирная история в 10 томах. Т. 10. М., 1965. С. 538.
26. История Монголии. XX век. М., 2007. С. 167.
27. Там же. С. 167–168.

28. Болдбаатар Ж., Батбаяр Д. Монголо-советские культурные отношения в период Второй мировой войны // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 88.
29. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М., 1979. С. 6.
30. Монгол улсын түүх. Т. 5. С. 246.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 42. Л. 74.
32. Монгол улсын түүх. Т. 5. С. 233.
33. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. 2. М.: Улан-Удэ, 2008. С. 151.
34. Цеденбал Ю. Исторический путь развития социалистической Монголии. Улан-Батор, 1976. С. 31.
35. Монгол улсын түүх. Т. 5. С. 252.
36. Монголия сегодня. 25.03.2015.

Борьба СССР против проникновения Германии в Афганистан накануне Великой Отечественной войны

История советско-афганских отношений в 1935–1941 гг. все еще изобилует значительным числом белых пятен, которые не позволяют воссоздать объективную и достаточно полную картину контрмер, принятых СССР для обеспечения безопасности своих южных рубежей накануне Великой Отечественной войны. Важнейшей составляющей этой политики было стремление Советского Союза ограничить экспансию фашистской Германии в Афганистан, грозившую дестабилизировать обстановку в Центральной Азии¹. Противоречия между Германией и СССР в Афганистане обострились еще до прихода Гитлера к власти. Деятельность немецких фирм препятствовала укреплению позиций СССР в Северном Афганистане. Данный факт не мог радовать советское руководство, но в Кремле осознавали, что Веймарская республика не являлась потенциальным «государством-агрессором». Ситуация резко изменилась с момента установления фашистской диктатуры в Германии.

Во второй половине 30-х гг. фашистская Германия осуществила в Афганистане экономический и дипломатический прорыв, обеспечив себе прочные позиции в экономической и политической сферах этой страны. Благодаря крупным кредитам, предоставленным афганскому правительству

(в 1935 г. – 6,5 млн марок, в 1939 г. – 55 млн), Германия смогла увеличить свой экспорт в Афганистан с 1,2 млн марок в 1935 г. до 7,6 млн в 1939 г.² К 1939 г. доля немецких фирм в импорте Афганистаном промышленного оборудования составила 89%³. СССР активно начал бороться против германской экспансии в Афганистан при первых признаках активизации политики Третьего рейха в этой стране. Уже 14 марта 1935 г. советский посол в Кабуле Л. Старк получил указание возобновить переговоры с афганским правительством о заключении торгового договора и «каракулевой конвенции». В это время Старку стало известно о предоставлении Германией многомиллионного кредита в марках Афганистану и выделении немцами одному из самых крупных афганских шеркетов (компания) «Асхами» займа в 500 тыс. марок. В связи с этим 24 марта 1935 г. советский посол отправил в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) донесение, в котором просил ускорить переговоры о заключении торгового договора, так как «афганцы все больше увязываются с немцами и японцами»⁴. К маю благодаря усилиям советских дипломатов удалось достигнуть договоренности с афганским министром иностранных дел Файзом Мухаммад-ханом о том, что торговые переговоры будут идти на базе советского проекта, предусматривавшего обязательство Кабула «не продавать шерсти и хлопка указанных районов [Северного Афганистана. – *Авт.*] какой-либо третьей стране»⁵. Таким образом, СССР уже в 1935 г. попытался экономическими методами не допустить усиления позиций германских фирм в северных афганских провинциях.

Переговоры о торговом договоре затянулись на целый год. Афганская сторона, используя исключительно благоприятную для себя политическую ситуацию, смогла добиться выгодных условий. СССР был вынужден снизить цены

на свои товары, в результате чего подписанный 26 апреля 1936 г. в Кабуле торговый договор на три года обеспечил Афганистану ежегодную прибыль на сумму 3,5–4 млн золотых рублей⁶. Довольный этим результатом афганский премьер-министр Хашим-хан после подписания этого соглашения дал согласие на продление на 10 лет советско-афганского Договора о нейтралитете и взаимном ненападении (Кабульского пакта) 1931 г. 29 мая 1936 г. этот важный для поддержания стабильности в Центральной Азии документ был подписан в Москве Файз Мухаммад-ханом.

Однако курс Хашим-хана на сближение с Германией остался неизменным. В мае 1936 г. советское посольство получило сведения, что афганское правительство собирается закупить крупную партию вооружения у немцев. В итоге 10 июля 1936 г. было подписано соглашение между Германией и Афганистаном в военной сфере. Берлин предоставил афганскому правительству кредит на закупку вооружения на сумму 15 млн марок, а также обязался направить в Кабул своих военных советников⁷. Не имея возможности предотвратить это соглашение, СССР в 1936 г. все же смог добиться от Афганистана обещания не приглашать германских офицеров для реформирования афганской армии. 7 июля 1936 г. поверенный в делах СССР в Афганистане С. Сычев заявил Файз Мухаммад-хану, что афганскому правительству следовало бы учитывать агрессивную политику Германии и Японии в отношении СССР и приглашать военных инструкторов не из этих стран, а из других, как Франция, Турция и Чехословакия⁸. Однако в октябре 1936 г. афганский министр иностранных дел все же попытался в Женеве добиться согласия советского наркома иностранных дел М. Литвинова на приглашение немецких советников в Афганистан. Получив жесткий отказ, Файз Мухаммад-хан заявил, что афганское правительство ограничится

использованием турецких инструкторов, а немецких военных специалистов приглашать не будет⁹.

С июля 1936 г. немецкая авиакомпания «Люфтганза» открыла полеты по маршруту Берлин – Багдад – Тегеран – Тегеран – Кабул. В дальнейшем Германия планировала создать авиалинию между Берлином и Токио. В августе 1937 г. два пассажирских «юнкерса» перелетели из Афганистана в Синьцзян, но из-за противодействия китайских властей и СССР вынуждены были вернуться назад¹⁰. Успехи фашистской Германии в Афганистане были бы еще значительнее, если бы СССР не использовал для защиты своих интересов два мощных рычага воздействия на правительство Хашим-хана: острую нужду афганских скотоводов в пастбищах на советской территории и неурегулированность пограничного вопроса. Закрыв в начале 1936 г. советско-афганскую границу для перегона стад, СССР поставил афганских скотоводов в крайне затруднительное положение – пастбищ в Северном Афганистане для возросшего в 1920–1930-х гг. поголовья овец, в первую очередь, каракулевых, не хватало. В связи с этим афганское правительство хотело добиться от СССР разрешения на выпас на его территории 3–4 млн овец. Экспорт каракуля являлся для Афганистана важнейшим источником валюты, поэтому Хашим-хан и его окружение прилагали все усилия, чтобы не произошло падения экспорта этого мехового сырья. Советская сторона выдвигала условия, на которые афганцы не шли.

На наш взгляд, эти вопросы Сталин мог решить одним росчерком пера, но опыт заключения советско-афганского торгового договора 1936 г. свидетельствовал, что Хашим-хан не свернет сотрудничества с фашистской Германией, поэтому предоставлять афганским скотоводам новые льготы, да еще в ущерб развитию каракулеводства в среднеазиатских республиках, советскому правительству не имело

смысла. В связи с этим в 1937 г. переговоры о пастбищной конвенции были прерваны, но из-за настойчивых просьб афганцев возобновлены в 1938 г. Положительного результата эти переговоры не принесли, и афганцы были вынуждены значительно сократить поголовье овец.

В 1937–1939 гг. афганское правительство хотело воспользоваться осложнившейся международной ситуацией для решения пограничной проблемы с СССР в свою пользу. Затянувшийся территориальный спор и проблема водного участка советско-афганской границы длительное время осложняли отношения между Москвой и Кабулом. Правительство Хашим-хана использовало любой удобный случай для обсуждения с советскими дипломатами пограничных проблем. Понимая важность решения целого комплекса пограничных вопросов между СССР и Афганистаном, советское правительство было готово найти взаимовыгодный компромисс с Кабулом. Однако переговоры о водной границе воспринимались советскими дипломатами как интриги Германии и ее союзников в Афганистане. Все это привело к тому, что советско-афганские переговоры затянулись, а в 1937–1938 гг. отношения между Москвой и Кабулом заметно ухудшились.

В 1937 г. Германии удалось заключить с афганским правительством соглашение о разведке полезных ископаемых, которое предусматривало присутствие немецких специалистов в Северном Афганистане и участие германских фирм в разработке открытых месторождений. Особенно большие надежды афганцы возлагали на добычу золота в этом районе. В ответ в Кремле было принято решение о закрытии афганских консульств в Мерве и Ташкенте и прекращение деятельности консульств Советского Союза в Герате, Мазари-Шарифе и Меймене¹¹. В апреле 1938 г. консульства были ликвидированы. Этот шаг советского руководства

был воспринят крайне негативно афганскими политиками и населением. В окружении Хашим-хана закрытие консульств восприняли как свертывание СССР отношений с Афганистаном, а среди простых афганцев распространились слухи о возможной войне с северным соседом. В результате советский демарш значительно подорвал авторитет правительства Хашим-хана, которое было вынуждено разрешить работу немецких специалистов лишь в южных афганских провинциях. В начале 1938 г. новый советский посол в Кабуле К. А. Михайлов с удовлетворением докладывал в НКВД, что «факт закрытия здесь наших консульств заставил афганское правительство сильно призадуматься»¹².

Политбюро ЦК ВКП (б) 25 апреля 1938 г. обсудило вопрос о заключении между Берлином и Кабулом в 1937 г. соглашения о разведке афганских полезных ископаемых. Послу К. А. Михайлову было дано указание не допустить появления немцев в районе советско-афганской границы. С этой целью Афганистану предлагалась «помощь по разведке золота, олова, никеля, меди и пр. с тем, чтобы, в случае успешных результатов геологической разведки, эксплуатация будущих предприятий производилась нами и Афганистаном на смешанных началах, или одним Афганистаном, при условии неиспользования в этих предприятиях других иностранцев, кроме советских граждан, а также при условии предоставления нам преимущественного права на приобретение продукции этих предприятий»¹³. Вскоре эти предложения были доведены до сведения афганского правительства, но оно их отвергло.

Стремление СССР обеспечить безопасность своих южных рубежей, сохранив хорошие отношения с Афганистаном, было продемонстрировано во время «авантюры Шами Пира», которая резко ухудшила отношения правительства Хашим-хана с Великобританией. В этой ситуации

оно вынуждено было обратиться за помощью к СССР, и она была своевременно предоставлена. Посол К. А. Михайлов в связи с этим писал наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову: «Так или иначе, но в этот трудный для афганцев период времени мы сумели афганцам еще раз показать, что с нашей стороны они имеют друзей. 1. Мы усилили свой экспорт бензина и сахара, 2. Мы облегчили афганским шоферам и возчикам доступ на наши торговые базы, 3. Мы передаем афганцам для наказания арестованных нами японских шпионов из числа афганских купцов и тем удовлетворяем большую просьбу афганпра. 4. Мы возобновили переговоры с афганцами о пастбищной конвенции, 5. Начали переговоры о торговом договоре. Мне кажется, все эти обстоятельства будут благоприятствовать дальнейшему сближению афганцев с нами»¹⁴.

Советская помощь Афганистану в период ухудшения отношений с Великобританией была вознаграждена: К. А. Михайлову удалось в 1938 г. заключить с Хашим-ханом устное «джентльменское» соглашение, согласно которому вдоль советско-афганской границы была создана 30-километровая особая зона, в которую въезд для иностранцев, находившихся в Афганистане, будет закрыт. Эти договоренности сыграли большую роль в срыве планов Германии и ее союзников использовать афганскую территорию как плацдарм для подрывной деятельности против СССР. Однако Хашим-хан, видимо, расценил желание СССР при любых обстоятельствах сохранить хорошие отношения с Афганистаном как признак слабости советского правительства накануне новой мировой войны, поэтому в начале 1939 г. обстановка на советско-афганской границе обострилась из-за попытки афганцев явочным порядком начать хозяйственное освоение речных островов, принадлежавших СССР. Это неизбежно привело к вооруженным пограничным конфликтам.

В этой обстановке переговоры в Кабуле о водной границе по р. Амударье и р. Пянджу вновь зашли в тупик. Новые уступки советского правительства в ходе реализации торгового договора эффекта не дали, хотя афганский Национальный банк в 1939 г. задолжал «Совафганторгу» 7,5 млн золотых рублей, а советские внешнеторговые организации, несмотря на это, все же увеличили поставки товаров в Афганистан¹⁵.

Сам Хашим-хан уже не верил в достижение желанного для афганцев результата переговоров о водной границе. Узнав о подписании 23 августа 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа, он заявил, что теперь Афганистан вряд ли получит от СССР то, на что мог рассчитывать. Дальнейшее развитие событий доказало его правоту. Начавшаяся Вторая мировая война сразу же вовлекла Афганистан в интриги воюющих держав, среди которых наибольшую активность в отношении этой страны и Индии проявляла фашистская Германия. В международной ситуации, когда Афганистан оказался в центре столкновения интересов великих держав и мог пострадать от этого, крайне сложно и медленно решались важные вопросы двусторонних отношений между СССР и этой страной. Так, в условиях усилившегося германского влияния в Кабуле затянулся и обострился вопрос подписания соглашения о будущей советско-афганской границе. 4 января 1940 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло окончательное решение по этому вопросу. Кремль предлагал следующее компромиссное решение:

1. Советское правительство согласно принять предложение афганского правительства о замене новым договором советско-афганского договора, заключенного в Москве 28 февраля 1921 г., как устаревшего, или отмене его.
2. Выдвинутое афганским правительством предложение аннулировать соответствующие документы, запрещающие

афганской стороне отводить воды реки Кушки, севернее Чхильдухтера, советское правительство не считает возможным принять, так как в случае отвода воды из указанной реки был бы нанесен весьма существенный ущерб интересам пограничных жителей этого района – гражданам Туркменской ССР. 3. В отношении сооружения плотины на реке Мургаб советское правительство не будет возражать против отказа от своего права строить указанную плотину и, тем самым, согласно отменить относящиеся к данному вопросу постановления протоколов англо-русского разграничения 1885–1888 гг., при том, однако, условии, что: а) афганская сторона согласится также не прибегать к сооружению плотины в пограничном участке реки Мургаб; б) количество воды, поступавшее до сих пор на советскую территорию из реки Мургаб, будет сохранено на нынешнем уровне. 4. Советское правительство, в соответствии с предложениями афганского правительства о редемаркации сухопутных участков советско-афганской границы от Зюльфагара до Хамаба, а также на Памире, согласно заключить особое соглашение по этому вопросу, положив в основу редемаркации сухопутной границы от Зюльфагара до Хамаба все окончательные постановления, зафиксированные в протоколе и картах англо-русского разграничения 1885–1888 гг., подписанных тогда же соответствующей Смешанной комиссией. В основу редемаркации сухопутного участка от озера Зор-Куль (Виктория) до пункта соединения границы СССР, Афганистана и Китая советское правительство предлагает положить документы и карты англо-русского разграничения, состоявшегося в 1895 г. и тогда же подписанного соответствующей Смешанной комиссией. 5. Что же касается вопроса о водной советско-афганской границе на реках Аму-Дарья и Пяндж, то советское правительство считает обсуждение этого вопроса

в данный момент преждевременным и готово вернуться к нему после окончательного решения вопроса о сухопутной границе»¹⁶.

Вскоре в виде меморандума ответ советского правительства на афганские предложения, сделанные в 1939 г., был передан в Кабул. В итоге пограничная проблема между СССР и Афганистаном не была решена вплоть до конца Второй мировой войны.

В 1940 г. Германия и Япония вновь попытались согласованными усилиями открыть авиалинию Берлин – Токио. В течение этого года японская сторона настойчиво добивалась от Кабула разрешения на полеты самолетов по маршруту Токио – Шанхай – Синьцзян – Кабул, а немцы хотели возобновить деятельность «Люфтганзы» в Афганистане. В Берлине рассчитывали добиться от Москвы разрешения на пролет германских самолетов через советскую территорию. В случае согласия СССР на открытие немецкой авиалинии Берлин – Кабул полеты «юнкерсов» должны были проходить по двум маршрутам: 1. Берлин – Москва – Севастополь – Турция – Иран – Герат – Кабул; 2. Берлин – Москва – Ташкент – Термез – Кабул. Видимо, немцев больше устраивал первый вариант, так как в Герат был отправлен их специалист для проведения подготовительных работ на местном аэродроме, незадолго до этого построенного германскими инженерами¹⁷. Однако планы создания авиалинии между Германией и Японией вновь провалились: афганское и советское правительства отказали странам оси в их просьбе. Данный факт свидетельствовал о том, что советскому правительству удалось накануне нападения Третьего рейха на СССР добиться от правительства Хашим-хана соблюдения Афганистаном нейтралитета, что сорвало германские планы использовать афганскую территорию для подрывной деятельности против советских

среднеазиатских республик. Этим в основном была решена стратегическая задача обеспечения безопасности южных рубежей и тыла Советского Союза в годы Великой Отечественной войны.

**Протокол № 60 заседания Политбюро
ЦК ВКП (б) от 25 апреля 1938 г.
Решение Политбюро от 2 апреля 1938 г.***

39. Об Афганистане.

1. Поручить НКВД и НКВТ вести переговоры с афганским правительством о заключении торгового договора, построив торговые отношения на принципе нетто-баланса и предусмотрев в договоре подписание советским и афганским правительством ежегодных протоколов, определяющих размеры и условия товарооборота на следующий год.
2. Считать целесообразным заключить с Афганистаном каракулевую конвенцию и утвердить представленный проект этой конвенции.
3. Предоставить Афганистану по торговому договору транзит из Афганистана на запад тех его товаров, которых мы у него не закупает, и одновременно предоставить транзит из западных государств в Афганистан всех товаров сверх покрываемой нами потребности Афганистана.
4. В целях борьбы с проникновением фашистских государств в Афганистан, разрешить НКВТ и Наркомашу вступать в соглашения с фирмами стран, конкурирующих с фашистскими государствами (Чехословакия, Франция, Швеция и др.), о сотрудничестве на афганском рынке на следующих условиях:
  - а) предоставление конфиденциальных скидок с действующих транзитных тарифов СССР на перевозку оборудования и материалов, поставляемых этими фирмами в Афганистан, с оплатой перевозок в валюте;

---

* В такой последовательности указаны даты в документе.

- б) кооперирование в строительстве с тем, что эти фирмы берут у афганцев подряд на строительство в целом, а мы доставляем им частично или целиком оборудование и другие материалы.
5. Предложить т. Михайлову** попытаться сорвать афгано-германское соглашение о разведке ископаемых в Сев. Афганистане, предложив Афганистану с этой целью нашу техническую помощь по разведке золота, олова, никеля, меди и пр. с тем, чтобы, в случае успешных результатов геологической разведки, эксплуатация будущих предприятий производилась нами и Афганистаном на смешанных началах, или одним Афганистаном, при условии неиспользования в этих предприятиях других иностранцев, кроме советских граждан, а также при условии предоставления нам преимущественного права на приобретение продукции этих предприятий.

Выписки посланы:

т.т. Литвинову, Чвялеву***, Молотову – все. Брускину**** – [§] 4.
Секретарь ЦК И. Сталин

*(Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 5–6. Машинописный текст. Подпись – факсимиле,
скреплена печатью ЦК ВКП(б).)*

* Нетто-баланс предусматривает равенство стоимости экспорта и импорта.

** Михайлов Константин Михайлович (1904–1985) – советский дипломат. 1937–1943 гг. – посол в Афганистане. 1943–1944 гг. – посол в Иране. 1944–1946 гг. – зав. Отделом латиноамериканских стран НКВД. 1947–1950 гг. зав. Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР.

*** Чвялев Евгений Денисович (1898–1940) – советский государственный деятель. 1929 г. – уполномоченный Союзкино в торговом представительстве в Германии. 1930–1931 гг. – зав. Иностранным отделом ВСНХ УССР. С июля 1931 г. – слушатель экономического института Красной профессуры. 1934–1936 гг. – аспирант Академии внешней торговли. С октября 1937 г. – замнаркома внешней торговли СССР. Январь – ноябрь 1938 г. – нарком внешней торговли СССР. С декабря 1938 г. – преподаватель Академии внешней торговли. Репрессирован.

**** Брускин Александр Давидович (1897–1939) – советский государственный деятель. До 1936 г. был директором Челябинского тракторного завода. 1936–1937 гг. – замнаркома тяжелой промышленности СССР. 1937–1938 гг. – нарком машиностроения СССР. Репрессирован.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья не претендует на освещение всех эпизодов советско-афганских отношений, связанных с германским проникновением в Центральную Азию. О политике Третьего рейха в Афганистане см. подробнее: Hauner M. *India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War.* Stuttgart, 1981; Тихонов Ю. *Афганская война Сталина.* М., 2008.
2. Glasneck J., Kircheisen I. *Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg.* Berlin, 1968. S. 188.
3. *Государственный капитализм в странах Востока.* М., 1960. С. 111.
4. Архив внешней политики МИД РФ (далее – АВП РФ). Ф. 071. 1935/1936. Оп. 18. П. 178. Д. 6. Л. 15.
5. Донесение поверенного в делах СССР в Афганистане С. Сычева заместителю наркома иностранных дел Б. Стомонякову. 31.05. 1936 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1936. Оп. 18. П. 179. Д. 14. Л. 20.
6. Доклад советского посла в Афганистане Сквирского «Японо-германское проникновение в Афганистан и борьба с ним». 12.10.1936 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1936. Оп. 18. П. 178. Д. 3. Л. 122.
7. Glasneck J., Kircheisen I. *Op. cit.* S. 188.
8. АВП РФ. Ф. 071. 1936. Оп. 18. П. 178. Д. 6. Л. 142.
9. Кроме этого афганское правительство приказало своим офицерам, обучавшимся в Турции, продолжить курс переподготовки в Германии.
10. Hauner M. *Op. cit.* P.78.
11. Протокол № 56 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11.12. 1937 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 97.
12. АВП РФ. Ф. 09. 1938. Оп. 29. П. 119. Д. 47948. Л. 53.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 5–6.
14. АВП РФ. Ф. 071. 1938. Оп. 20. П. 185. Д. 5. Л. 42.
15. АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 188. Д. 2. Л. 94.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 165.
17. Политико-экономический доклад по Афганистану за 1940 г. Апрель 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 100, 119.

Иран: успешная операция Красной Армии в 1941 г.

После начала Второй мировой войны Иран как арена возможных военных действий рассматривался и Германией, и Великобританией, и СССР. Советский Союз не исключал того, что иранская территория может быть использована против него как Германией (хотя тогда она была союзником СССР), так и ее противниками. Великобритания считала вероятным, что резко усилившееся влияние Германии в 1937–1940 гг. в Иране может даже привести к государственному перевороту в нем, что заставит последний отказаться от заявленного нейтралитета¹.

О значении, которое придавалось Ирану разными странами до и после начала Второй мировой войны, отчетливо свидетельствовали советско-германские переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине. Одной из тем, которые обсуждались в ходе этих переговоров, стала иранская. Германия предложила текст соглашения о сферах влияния (между Германией, Италией, Японией и Советским Союзом), по которому Иран попадал в сферу влияния СССР. Хотя Советский Союз не присоединился к этому соглашению, а Германия больше к этому проекту не возвращалась, тем не менее, в Иран просочились слухи о готовящемся разделе мира и о том, что Советский Союз в ближайшее время захватит северную часть Ирана с согласия Германии. К тому же и посол СССР в Иране

неоднократно обращался к иранским властям с просьбой предоставить СССР возможность использовать иранские аэродромы в приграничных районах, а также участки Трансиранской железной дороги для обеспечения защиты своих приграничных районов в случае нападения противника. О каком противнике шла речь – можно было толковать по-разному, так как между СССР и Германией тогда был заключен пакт Молотова – Риббентропа. Но когда Германия напала на Советский Союз и уже в первые дни после нападения Англия и США заявили о поддержке СССР, Иран стал нужен для транзита поставляемой союзниками помощи.

Стало также очевидным, что Иран нужен и Германии, чтобы сделать его плацдармом для войны на Кавказе против СССР и на Ближнем Востоке – против Англии. Кроме того, Германия рассчитывала на участие Ирана в войне против СССР. 25 июня 1941 г. Берлин в своей ноте потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии. На конец 1941 – начало 1942 г. намечалось осуществление немецким командованием плана «Ориент» – захват Индии через Кавказ и Иран. Англия, став союзником СССР, сразу же стала говорить о необходимости ввода войск в Иран, что также отвечало и интересам СССР. Юридической основой мог быть только договор 1921 г., в котором (ст. 5 и ст. 6) предусматривалось право ввода войск в случае угрозы СССР или ее союзникам. Это понимал и Иран, поэтому 26 июня 1941 г. он вновь заявил о своем нейтралитете. Но просьбы разрешить транзит военных грузов отклонил. В Иране оставалось сильным влияние немцев, к тому же были явными успехи немецкой армии, которая в августе приближалась к Москве. И в такой ситуации Иран не спешил ответить согласием на транспортировку военных грузов через свою территорию. Более того, 15 августа в Иране объявили всеобщую мобилизацию.

Сталин 21 августа 1941 г. принимает предложение Великобритании о проведении военной операции. Это решение во многом остается загадкой. Ведь в Иране во время войны стояли 3 советские армии. Немецкая агентура, конечно, была, но не столь многочисленная, как об этом говорилось после операции. Значимость Ирана как транзитного пути возросла только в 1942 г., после гибели конвоя PQ-17. И, тем не менее, нельзя сказать, что ввод войск был совсем неожиданным. Советский штаб ВВС еще в мае 1940 г. был снабжен картами, планами, фотоснимками иранских городов – Тебриза, Казвина. В январе 1941 г. в Москве был выпущен объемный (216 страниц) «Технико-экономический обзор по Южному Азербайджану»², в котором были собраны данные, касающиеся экономики, географии и населения. В июле – августе советская разведка собрала полные сведения о численности иранских войск в Азербайджане, их дислокации, командном составе, боеспособности. Напряженность в отношениях нарастала. Раньше на два месяца – 20 августа – состоялся выпуск военных школ и училищ, и шах, выступая перед выпускниками, среди которых был и его сын Али Реза, говорил о том, что «армия и офицерство должны очень внимательно следить за ходом событий и в нужный момент быть готовыми ко всякого рода жертвам»³.

Подготовка к вводу, несмотря на крайне напряженную обстановку и быстрое продвижение немецких войск к Москве, была очень тщательной. Один из участников ввода советских войск рассказывал, что накануне их даже переодели в женские платья, чтобы безопаснее перейти границу и разведать подходы к населенным пунктам, и при этом запретили разговаривать. Иранская армия рассматривалась как серьезный противник, на ее оснащение и подготовку расходовались практически все концессионные платежи Англо-иранской нефтяной компании, монополизировавшей добычу

и продажу иранской нефти. В 1938 г. была введена всеобщая воинская повинность. Иранская армия насчитывала к 1941 г., по разным данным, от 200 до 350 тыс. человек, не считая жандармерии⁴.

22 августа готовится «Обращение советского командования к иранскому народу», а Государственный Комитет Обороны издал приказ, по которому части войск Среднеазиатского и Закавказского военных округов стали готовиться к переходу советско-иранской границы и вступлению в Иран ранним утром (в 3 ч. 30 мин.) 25 августа 1941 г.

В.М. Молотов, вызвав к себе иранского посла в Москве М. Саеда, вручил ему ноту советского правительства, извещавшую о вводе Красной Армии в Иран. Одновременно аналогичные заявления были вручены в Тегеране послами СССР и Великобритании премьер-министру Ирана. Так началась первая совместная операция союзников под кодовым названием «Согласие» – «Countenance» (иногда переводится как «Сочувствие»). Наступление советских войск началось на рассвете 25 августа 1941 г., пограничные части (65 групп) перешли границу Ирана, за ними пошли передовые отряды соединений фронта и авиация. Со стороны Закавказья вступили войска 44-й и 47-й армий Закавказского фронта, а уже 27 августа – войска 53-й армии со стороны Средней Азии.

Двигались по трем направлениям. Первая колонна – через р. Аракс, она заняла иранскую Джульфу, города Маку, Хой и вышла к побережью озера Урмия⁵. Второе направление – вдоль Каспия на Астару, затем порт Энзели, Ардебиль, Решт и далее – на Казвин, почти до Тегерана. В операции успешно участвовала Каспийская военная флотилия, занявшая порты на Каспии. Участвовало и около 30 судов торгового флота, которые перевозили войска, лошадей, вооружение. Каспийская флотилия тремя залпами подавила

артиллерийский обстрел наших судов. Третья колонна советских войск (53-я армия) продвигалась со стороны Туркмении к Мешхеду и восточным каспийским портам. Перед этим разбрасывались листовки с таким содержанием:

**«Обращение Красной Армии к иранским туркменам.
Прочитай и передай для чтения другим**

Дорогие братья! В этот момент, когда советские войска во имя защиты Ирана и Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков вынуждены войти на территорию Ирана, мы обращаемся к вам как к своим дорогим братьям и говорим: многие годы мы были с вами соседями, жили в дружбе. Мы вас уважали и вам помогали. Гитлер и его злобные подручные, которые захватили много стран и поработили многие народы, протянули свои окровавленные руки к Ирану и хотят напасть на Советский Союз с территории Ирана. Сегодня мы обращаемся к вам потому, что мы хотим предотвратить кровопролитие между нами и вами, поскольку мы являемся единокровными братьями.

Уничтожайте тех, кто призывает вас к войне против Советского Союза»⁶.

Главный удар нанесла 47-я армия под командованием генерала В. Новикова (через Аракс на Джульфу и Тебриз. Это была хорошо подготовленная армия, личный состав был адаптирован к местным условиям и занимался боевой подготовкой на аналогичном рельефе местности. С юга одновременно начали наступления английские войска.

Реза-шах издал указ о приведении иранской армии в боевую готовность, создал ставку верховного главнокомандующего (шах являлся таковым согласно конституции), были разосланы приказы всем воинским частям о сопротивлении войскам СССР и Англии. Но никакой информации для населения фактически не было, иранские историки писали, что больше сведений иранское население получало из разбрасываемых советскими самолетами

листовок, в которых объяснялись цели вступления войск союзников в Иран⁷. Иранская армия, несмотря на многочисленность и оснащенность современным вооружением, не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Только за первые два часа операции было ликвидировано больше 120 пограничных постов, 16 ротных гарнизонов, 5 постов по охране Аракса. Уже 29 августа была занята Урмия, и в этот же день после боев – Энзели (Пехлеви), следом Решт, затем Тебриз. Успешно действовала авиация, уничтожив военные аэродромы, самолеты противника, военный городок в Реште. Операция «Согласие» прошла успешно. Красная Армия оказалась более подготовленной к боевым действиям, чем иранская, хотя еще и не была столь мощной, как в последующие годы войны. Иран стал во многом реальным полигоном, высветившим проблемы ведения войны, в результате чего войска приобретали опыт.

Успех операции и быстрого продвижения войск заключался и в том, что наши войска шли по северу страны, населенный национальными меньшинствами Ирана – курдами, армянами, ассирийцами, азербайджанцами, туркменами, многочисленными еврейскими общинами. Многие из них воспринимали Красную Армию как армию-освободительницу. В Тебризе, например, население вышло на улицу с цветами.

27 августа местные газеты опубликовали первую и последнюю сводку генштаба иранской армии. Уже 28 августа правительство сменилось, и новый премьер-министр Али Форуги, видный ученый и президент Академии наук Ирана, отдал войскам приказ прекратить сопротивление. Собравшийся в этот день на внеочередное заседание меджлис утвердил этот приказ Форуги. Прошло всего 3 дня после ввода войск.

Уже 29 августа в районе Казвина позиции советских и английских войск сблизились. Но Реза-шах пытался

не допустить ввода войск в столицу. В Тегеран были стянуты танковые войска, пехота, авиация. 30 августа в Тегеране было введено военное положение, было объявлено о создании военных трибуналов, иранские военные власти получили право обыска жилищ и ареста подозрительных лиц, были запрещены собрания и т. п. Но это привело к обратному результату: в Тегеране началась паника, закрылся базар, не хватало хлеба, стали расти цены на продовольствие. Некоторые тегеранцы перебирались в Исфаган. Премьер-министр выступил со специальным заявлением, заверив, что населению и правительству ничто не угрожает. Одновременно Али Форуги вступил в прямые переговоры с СССР и Англией. 7 сентября в Казвине произошла встреча советских и английских войск⁸, что имело большой демонстративный успех. На следующий день, 8 сентября 1941 г., между союзниками и Ираном было заключено Соглашение, определившее дислокацию советских и английских войск на иранской территории. В Соглашении подтверждался нейтралитет Ирана, разрешение на транзит военных грузов в СССР, а также оказание экономической помощи иранскому государству. На следующий день меджлис утвердил это Соглашение. Но выполнение его во многом зависело от позиции Реза-шаха. Наилучшим выходом из сложившейся ситуации стала договоренность об отречении шаха от престола в обмен на то, что союзники признают право на престол его сына. 15 сентября шах снял с себя полномочия главнокомандующего, а 16 сентября подписал акт отречения, передав престол своему сыну Мохаммаду Реза, который станет последним шахом из династии Пехлеви (вплоть до исламской революции 1979 г.).

17 сентября⁹, когда Реза-шах покинул столицу, туда вступили советские войска. Долгие годы работавший после эмиграции из Ирана в Институте востоковедения Ш.М. Бади,

в августе 1941 г. командовавший одним из воинских подразделений, рассказывал, как ранним утром его разбудил солдат, крича, что русские танки стоят у расположения их части. Это было настолько невероятно, что Ш. Бади ему не поверил, пока не увидел звезды на танках. И это штрих и к тому, насколько грамотно действовали советские войска, и насколько плохо было поставлено дело с информацией в иранской армии. На следующий день в Тегеран были введены английские части. Так победоносно и почти бескровно закончился ввод союзных войск в Иран. Потери были невелики. Данные разнятся, но многие историки считают, что в течение 25–30 августа наши войска потеряли около 40 человек убитыми, свыше 150 было ранено. Потери иранцев были вдвое больше, иранские солдаты и офицеры массово сдавались в плен. Советское командование уже 9 сентября 1941 г. приняло решение об освобождении из плена всех иранских солдат. Сразу же через Иран пошли военные поставки союзников на фронт. Уже в 1941 г. в Иране стала работать советская транспортная комиссия по организации движения транзитных грузов для СССР, с начала 1942 г. через Иран стали переправляться американские самолеты разного типа, затем поставки по ленд-лизу. Кроме этого, в СССР начали поставаться и многие иранские товары. Чтобы привлечь иранское население, уже в сентябре (к примеру, в Тебризе) появились продовольствие и ткани из СССР.

Видимо, принятая накануне Второй мировой войны военная доктрина СССР о том, что в случае войны действия будут вестись на территории врага, оказалась в какой-то мере успешно реализованной в Иране. Но защищаться, вероятно, всегда сложнее, чем нападать. Была прекрасно проведена разведка, грамотно спланирована вся операция. Необходимо отметить, что те военные подразделения, которые получили боевое крещение в Иране, очень

хорошо проявили себя на других фронтах. В. Шеленберг в своих воспоминаниях признавал: «Немецкое руководство не могло понять, как русские смогли при столь напряженной обстановке в августе 1941 г. высвободить силы, чтобы совместно с англичанами оккупировать Иран»¹⁰. Успех наших войск был бы, конечно, не столь впечатляющим, если бы не отношение к нам населения. В Иране армянские и ассирийские общины собирали пожертвования в пользу советских войск, это была действительно большая поддержка (ассирийцы собрали деньги на самолет). Когда в конце июля–начале августа 1941 г. в Хое было созвано совещание верхушки некоторых курдских племен, на котором представитель немецкого командования уговаривал курдов организовать вооруженные отряды для борьбы против советских войск, курды наотрез отказались это делать.

Благодаря советскому командованию в первые дни и даже месяцы после ввода войск был обеспечен контроль над разноплеменным населением Северного Ирана. Консул США в Тебризе признавал, что «сдержанность советских офицеров и рядовых, отсутствие пьянства и нарушений общественного порядка, минимум вмешательства в дела гражданской администрации произвели глубокое впечатление на население Ирана»¹¹. Но нельзя, конечно, не сказать о том, что в отношениях национальных меньшинств к вводу войск проявились и сепаратистские тенденции. Все они ждали либо автономий, либо создания независимых государств. Недаром уже в октябре 1941 г. в Тебриз прибыл тогдашний министр внутренних дел Ирана генерал Джаханбани, который говорил о необходимости противостояния азербайджанской идеи просоветским настроениям. Любопытно, что генерал станет впоследствии председателем Общества ирано-советской дружбы.

Нельзя не сказать и о вкладе в успех операции востоковедов, сотрудников разведки, таких как будущий академик С. Тихвинский и М. Ушомирский, а также и о крупном ученом, работнике нашего института Д.С. Комиссарове. Когда началась война, он работал в иранском посольстве, и ему была поставлена задача: убедить население тех мест, где будет проходить высадка десанта, в том, что советская армия не борется с иранским народом и не открывает огня, чтобы избежать жертв. Д.С. Комиссарову удалось уговорить коменданта порта Ноушахр сдать город без боя, дав клятву, что если иранские войска не будут стрелять, то советские моряки никого не тронут. В одну из спецгрупп, действовавших в Иранском Курдистане, входил сын Лаврентия Берия – Серго Берия.

Операция союзников «Согласие» длилась всего 6 дней и стала самой «бескровной» за все военные годы. Ее успех в немалой степени осложнил продвижение немецких войск на Кавказ, на южные территории Советского Союза и далее в Иран и Индию. Иран стал первым иностранным государством, куда в ходе Великой Отечественной вошла Красная Армия. А иранская операция стала первой успешной операцией той войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иран заявил о своем нейтралитете 4 сентября 1939 г. и после нападения Германии на СССР 26 июня 1941 г.
2. Гасанлы, Джамиль. СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006. С. 167.
3. Оришев А. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М., 2009. С. 159.
4. Попов М. В. Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана // Ученые записки Института востоковедения. Том VIII. Иранский сборник. М., 1953. С. 12.
5. Махдави А. Х. Сийасат-е хареджи-йе иран дар доуран-е пахлави. 1300–1357. С. 71–72.
6. Махдиян М. Х. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XXI века). М., 2014. С. 60–61 (приводится текст одной из листовок).
7. Попов М. В. Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана // Ученые записки Института востоковедения. Т. VIII. Иранский сборник. М., 1953. С. 16.
8. Оришев А. Б. В августе 1941-го. М., 2011. С. 196.
9. Сначала он выехал в Исфаган, затем в Бендер-Аббас, откуда на пароходе в Бомбей. Затем был отправлен фактически в ссылку под британским наблюдением – на остров Маврикий, затем в Африку, где умер в 1944 г. в Йоханнесбурге. Был похоронен в Египте, но в 1950 г. перезахоронен в Рее, недалеко от Тегерана.
10. Магомедханов В. М. Экспансия нацистской Германии в Иран и курдское национально-освободительное движение (1930–1940-е годы) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 608.
11. М. Реза Годс. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С. 164.

За кулисами англо-иракской войны 1941 года: Черчилль и Гитлер против Сталина

В современной научной литературе, посвященной англо-иракской войне 1941 г., сложилась парадоксальная ситуация. В период с начала 90-х гг. XX века и по настоящее время, когда стали открываться архивы и были рассекречены ранее неизвестные документы, практически не появилось принципиально новых работ по этой теме. Исключение составили малочисленные исследования, анализирующие ее отдельные аспекты. Но вместе с тем эта тема получила достаточно широкое освещение в работах предшествующего периода. Иначе говоря, в наши дни довольно большой пласт новых источников по истории англо-иракской войны остается невостребованным. Как следствие, степень изученности темы находится на уровне пятидесятилетней давности. На основе архивных документов и фактов, которые стали известны широкой научной общественности в последнее время¹, рассмотрим под несколько другим углом феномен англо-иракской войны 1941 г.

В связи с этим нельзя не отметить, что ревизия отдельных событий Второй мировой войны – характерная черта сегодняшнего времени. И это не удивительно! Ведь история этой кровопролитной войны до сих пор хранит много неразгаданных тайн. По сей день остаётся большое число тем и вопросов, вокруг которых исследователи ведут острые

споры, пытаясь доказать или опровергнуть те или иные теории, предлагая современные трактовки уже известных исторических событий. С введением в научный оборот новых архивных документов некоторые события того времени, которым прежде не придавалось должного значения, стали обретать большую историческую актуальность. В результате научной ревизии и пересмотру начали подвергаться и хорошо знакомые факты, получая порой неожиданное прочтение или совершенно новый смысл.

К хорошо известным, но давно не пересматривавшимся событиям Второй мировой войны можно отнести и англо-иракскую войну 1941 г. Считается, что исторический сюжет этой войны занимает незначительное место и многими военными историками воспринимается как один из второстепенных эпизодов. Но, как представляется, эта тема еще ждет своего исследователя, который сможет дать окончательную объективную оценку её значимости. Имеющиеся работы не могут претендовать на полноту освещения всех вопросов, которые перед учеными ставит историческая наука, поскольку они были сделаны во времена, когда большая часть архивных источников по этой теме была засекречена. Необходимо отметить, что большинство существующих работ роднит один подход, в рамках которого причины и ход англо-иракской войны объясняются главным образом внутренними обстоятельствами политического развития Иракского Королевства, борьбой иракцев с английским колониализмом, временным усилением политического влияния нацистов в Ираке.

Несмотря на вовлеченность в эти события одновременно трёх мировых держав – Англии, Германии и СССР – в литературе еще не возникало попыток рассматривать англо-иракскую войну, нацистский план «Барбаросса» и английскую операцию «Пайк» как звенья одной цепи, поместив их

в более широкий контекст военно-политического противостояния трех держав на ближневосточном театре военных действий. Большинство российских историков, например объясняя мотивы внешнеполитического поведения Москвы накануне немецкого вторжения, как правило, не берут в расчет ближневосточный фактор. Между тем за кажущейся прозаичностью иракской эпопеи скрывалась сложная и многослойная военно-политическая интрига. Как свидетельствуют архивные документы, иракские события были составным элементом многоходовых стратегических комбинаций держав накануне нападения Германии на СССР. Так, в мае 1941 г. Великобритания готовилась к отражению нападения Красной Армии на Ирак. В свою очередь, советское руководство находилось в ожидании вторжения английских войск с территории Ирака и инициировало подготовительные меры оборонительно-наступательного характера на Кавказе. В то же время масло в огонь напряженных отношений между двумя державами подливал ловкий манипулятор – фашистская Германия, которая стремилась столкнуть Англию и СССР, пытаясь использовать для этого иракскую карту.

Исследование событий в этом контексте, на наш взгляд, позволяет получить ответы на многие спорные вопросы. Почему Великобритания, находясь в состоянии войны с Германией, спокойно наблюдала за подготовкой нацистами «антианглийского» переворота в Ираке, не вмешиваясь в этот процесс, хотя могла остановить заговорщиков на любом этапе? Или почему А. Гитлер, будучи непосредственным заказчиком государственного переворота в Ираке, так и не оказал серьезной военной помощи иракской армии, выступившей против английских войск? Почему, наконец, иракские путчисты в самый ответственный момент запустили механизм самоликвидации созданного ими движения сопротивления?

Операция «Барбаросса»: иракский фактор

В 1940–1941 гг. германское руководство целиком сосредоточилось на подготовке к «Восточному походу». Для молниеносной и эффективной реализации своего завоевательного проекта оно проводило беспрецедентную кампанию по дезинформации советского руководства на всех уровнях, включая разведслужбы. В частности, штабом оперативного руководства вермахта был издан специальный указ от 15.02.1941 г. «О мероприятиях по дезинформации». Согласно этому документу, необходимо было делать все возможное, чтобы ввести Россию в заблуждение и убедить ее в том, что Германия сосредоточила все свои усилия на подготовке главного вторжения в Англию, в том числе через ее ближневосточные владения². В связи с этим в тогдашней иностранной прессе стала особо муссироваться информация о подготавливаемом Германией наступлении на «английский» Ирак с целью оккупации его нефтяных месторождений.

На самом высоком межправительственном уровне Берлин инициировал секретные переговоры с Москвой о разграничении сфер влияния. В ходе этого процесса немецкая сторона пыталась убедить советское руководство в том, что СССР, в частности, «может извлечь большие выгоды при перераспределении территорий Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря». Одновременно с переговорами советскому руководству всячески внушалась мысль о том, что план «Барбаросса» – это крупнейший в истории войн отвлекающий маневр, который служит для маскировки последних приготовлений к вторжению в ближневосточные владения Британской империи. На этом основании нацисты

вели переговоры с Кремлем о возможности пропуска германских войск через Украину и Кавказ для прохода на территорию Ирана и Ирака.

Необходимо особо отметить, что в рамках плана «Барбаросса» важной задачей Германии было не только отвлечь внимание Москвы от военных приготовлений вермахта непосредственно у советских границ, но и попытаться спровоцировать войну между СССР и Англией на ближневосточном театре военных действий. Для этой цели Берлин умело дезинформировал каждую из сторон об их агрессивных намерениях друг против друга. Так, в Лондон поступала информация о том, что Советский Союз вот-вот вторгнется в арабские владения Великобритании, а в Москву приходили данные немецкой разведки о том, что Англия планирует захватить советские кавказские нефтепромыслы. При этом в большей части сообщений подобного рода, так или иначе, фигурировал Ирак, на территории которого, кстати говоря, находились английские военные базы. В результате и СССР, и Великобритания в ходе подготовки к возможному военному конфликту друг с другом разработали военные операции, в которых Ираку отводилось важное военно-стратегическое значение. Ведь Ирак находился чуть более чем в трехстах километрах от советских южных границ.

Еще одним элементом гитлеровской кампании по стравливанию СССР и Англии была подготовка восстаний, заговоров и государственных переворотов в некоторых ближневосточных странах, имевших важное военно-стратегическое значение для обеих держав. Эта стратегия, в частности, предполагала организацию восстания в Иране или в одной из арабских стран, которые находятся вблизи советских границ. Например, один из планов заключался в том, чтобы экстремистские приверженцы оси подняли

восстание в Иране, что должно было привести к тому, что советские войска вошли бы в Иран с севера, а английская армия – с юга. В результате одновременное вторжение армий двух держав в Иран, за влияние на который они вели борьбу ещё с XIX века, неизбежно должно было привести к войне между ними. Аналогичный сценарий был подготовлен и для Ирака, предполагавший организацию в этой стране внутригосударственного переворота с участием пронацистских политиков, антианглийское вооруженное восстание, а также затягивание в англо-иракскую войну СССР, развязав тем самым англо-советский военный конфликт.

В рамках своих установок Берлин, манипулируя антианглийскими настроениями в самом Ираке, с помощью их лидера Рашида Али аль-Гайлани, срежиссировал государственный переворот, антибританское национально-освободительное восстание, вылившееся в англо-иракскую тридцатидневную войну (01.05. – 31.05.41). При подготовке восстания, следуя немецким инструкциям, иракские путчисты активно пытались втянуть Москву в этот процесс, настойчиво обращаясь к ней за оказанием военной и дипломатической поддержки³. Нет сомнения в том, что, прося у Кремля помощи, Р. Гайлани действовал не самостоятельно, его плотно опекали немецкие союзники в лице аккредитованного с 1932 г. в Багдаде германского посланника и высокопоставленного сотрудника фашистского абвера генерала Артура Борга. Именно этот человек, действовавший также под именем «доктора Фрица Гроббы», по свидетельству многих исследователей, был первым неофициальным советником Р. Гайлани во многих его политических и дипломатических акциях. Примечательно, что в ходе переговоров с Москвой Рашид Гайлани использовал два дипломатических канала: немецкий и турецкий.

Иракская партия: защита Сталина против королевского гамбита Гитлера

Архивные документы и многочисленные факты говорят о том, что И. Сталин не разгадал коварный замысел А. Гитлера, поверил в его ближневосточные проекты и, будучи на тот момент в союзнических с ним отношениях, решил осторожно поддержать гитлеровскую инициативу в Ираке. В ходе советско-германских переговоров Кремль согласился с предложением Берлина «перераспределить территории Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря». В частности, 25 ноября 1940 г. В.М. Молотов сообщил в Берлин условия, на которых Советский Союз был готов принять проект 4 держав, но при одном условии, согласно которому очень важным для СССР будет считаться район к югу от Батума и Баку в направлении к Персидскому заливу. Очевидно, что в этой ситуации одним из главных факторов, повлиявших на согласие Москвы, была задача обеспечения безопасности южных границ своего государства в условиях подготовки Великобританией совместно с Францией бомбового удара с территории Ирака по кавказским нефтепромыслам. С подачи Берлина в Кремле знали об общих планах западных союзников относительно бомбардировки и оккупации нефтеносных районов Кавказа. В действительности И. Сталин до последней минуты не верил в возможность реального нападения Германии на СССР, считая, что Гитлер и его генералитет не такие дураки, чтобы воевать одновременно на два фронта. В то же время Сталин был абсолютно уверен в захватнических намерениях Англии в отношении СССР. Он неоднократно подчеркивал, что Англия требует себе Азербайджан, Баку – нефть, Франция – Грузию. И это

его убеждение имело под собой вполне реальное основание: в его памяти еще свежи были воспоминания об английской оккупации Кавказа.

Москва дипломатически поддержала путчистов, признав законным новое правительство Ирака. Так, в октябре 1940 г. по инициативе вновь созданного коалиционного правительства Рашида аль-Гайлани в Анкаре начались секретные переговоры между Советским Союзом и Ираком об установлении дипотношений. Переговоры с перерывами продолжались восемь месяцев, в течение которых иракцы пытались торговаться и требовали от советского правительства опубликования письменной декларации о признании независимости некоторых арабских стран, в том числе и Ирака. В итоге Москва решила «дать добро», и 16 мая 1941 г. в Анкаре, в здании посольства СССР между советским послом в Турции А.С. Виноградовым и иракским послом Камилем аль-Гайлани (братом Рашида аль-Гайлани) состоялось подписание и обмен нотами по поводу установления дипломатических, консульских и торговых отношений между СССР и Королевством Ирак. В связи с этим стоит отметить, что еще за неделю до заключения официальных отношений с Ираком, 7 мая 1941 г., Постановлением Центрального Комитета ВКП(б) полномочным представителем СССР в Ираке был утвержден В.Я. Ерофеев – советник полпредства Союза ССР в Турции.

В пользу того, что решение Москвы об установлении дипотношений было результатом не сочувствия иракским путчистам, а желанием поддержать союзнический Берлин, говорит тот факт, что в Москве Рашида аль-Гайлани не любили. Судя по документам РГАСПИ, с 30-х гг. этот человек находился в черном списке Кремля иракских деятелей, которые проводили политику подавления коммунистического и демократического движения в Ираке. Р. аль-Гайлани

прославился борьбой с коммунизмом и преследованием членов иракской компартии. В 1935 г. он занял пост министра внутренних дел, в результате чего иракская компартия, которую Москва усердно пыталась создать на протяжении многих лет, была почти полностью разгромлена: многие рядовые партийцы и большинство членов ЦК были арестованы⁴. Но, несмотря даже на эти факты, Кремль признал правительство Р. аль-Гайлани в мае 1941 г. Одновременно с этим Иосиф Сталин начал проводить военные приготовления для возможного участия в военных действиях на ближневосточном театре Второй мировой войны.

Еще в начале 1940 г. Комитетом обороны СССР были утверждены меры по усилению войск Закавказского и Северо-Кавказского военных округов⁵. Так, 10 января 1940 г. в Баку была переброшена 31-я стрелковая дивизия из Северо-Кавказского военного округа⁶. С 20 февраля командование советских ВВС занималось выработкой мер по усилению ПВО Баку⁷. В начале апреля 1940 г. в Закавказье стали прибывать войска с финского фронта. В итоге число частей и подразделений зенитной артиллерии округа возросло с 6 до 37 единиц⁸, а численность военно-воздушных сил округа увеличилась с 246 самолетов на 1 марта до 1023 на 1 июня⁹. В то же время в результате укрепления обороноспособности округа штатная численность войск ЗакВО возросла с 15 февраля по 1 июня в 3,2 раза¹⁰. Командование ВВС РККА получило указание Генштаба о том, что Среднеазиатский (СаВО), Закавказский (ЗакВО) и Одесский (ОдВО) военные округа «приобретают особое важное оперативное значение»¹¹. В связи с этим приказом командующего ВВС дальнебомбардировочными авиаполками ЗакВО и ОдВО в строгой секретности были разработаны специальные оборонительно-наступательные меры с целью ведения боевых

действий на территории Ирака, Палестины, Египта, Сирии, Турции и Ирана¹².

Что касается непосредственно Ирака, то 7 апреля 1940 г. командование ВВС просило Разведуправление Народного комиссариата обороны (НКО) передать штабу ВВС материалы по району Мосул – Киркук, в том числе и те, которые можно достать в Берлине через военного атташе. Так, 23 апреля в штаб ЗакВО из 5-го Управления НКО были высланы разведматериалы, в частности по Ираку¹³, в том числе 78 подробнейших карт района Мосул – Киркук, сделанных в период 40-го, а также карты Багдада¹⁴. Следует еще раз подчеркнуть, что эти военные карты иракских территорий были доставлены из Берлина, что в некоторой степени косвенно подтверждает факт проведения советско-германских переговоров по Ближнему Востоку. Примечательно, что ровно за день до установления советско-иракских отношений в Анкаре, 15 мая 1941 г., то есть в самый разгар англо-иракской войны, СМИ Ирака передали якобы сообщение ТАСС о том, что советское правительство объявило набор добровольцев (летчиков) в иракские ВВС¹⁵.

Следующий эпизод красноречиво характеризует позицию Москвы по отношению к иракским событиям. По данным американского историка палестинского происхождения Ханна Батато, в самый разгар англо-иракского противостояния и вскоре после установления дипотношений с СССР Юнис ас-Сабави, занимавший пост министра экономики в мятежном правительстве, вылетел в Тегеран. Там он обратился в советское посольство с просьбой срочно проинформировать Москву о желании и готовности иракских националистов сотрудничать с СССР для разгрома английской армии в Ираке. Интересно, что по времени это обращение совпало с проходившими в Анкаре советско-германскими консультациями по Ближнему Востоку. Москва серьезно

отнеслась к предложению Юниса ас-Сабави и начала подготовку к отправке в Москву его и еще четырех полковников, принявших участие в организации переворота, для обсуждения дальнейших деталей¹⁶. Но тогда переправить их не удалось, так как английская разведка смогла перехватить большую часть заговорщиков, в том числе и Юниса ас-Сабави.

Важно отметить, что было еще одно неофициальное направление советской внешней политики, в рамках которого Москва косвенно поддержала иракцев в ходе англо-иракской войны. Это коминтерновский канал в Ираке, через который Москва уже много лет имела связи с иракскими коммунистами и националистами. Посредством Коминтерна Москва работала над созданием коммунистических структур в Ираке, тесно сотрудничавших с демократическим крылом националистической оппозиции. Кремль оказывал большое влияние на процесс становления и развития этой политической организации, которую он активно использовал в своей иракской политике. С 20-х г. XX века Кремль пытался проводить по отношению к Ираку политику революционного экспорта, направленную прежде всего на поддержку анти-английского национально-освободительного движения. Используя, в частности, нелегальные ресурсы Коминтерна, Москва развивала и тайные отношения с лидерами иракской национально-патриотической оппозиции (в частности, группы «Ахали»), которые нередко занимали важные государственные посты (например, Абу ат-Тимман и Камиль аль-Чадарчи). В архивах сохранились документы отдельных представителей иракской компартии, содержащие некоторые подробности партизанской войны, которую организовали и вели коммунисты совместно с националистами против прибывших в Ирак английских вооруженных сил.

Для ученых, анализирующих отрезок этого времени, представляет интерес сообщение члена иракской компартии

Касима Хасана, который в июне 1941 г. оказался в СССР. Согласно его сведениям, в период развития движения Рашида Али Гайлани в Ираке действовала группа, которой руководили он и Юнис ас-Сабави. Эта группа, по словам Касима Хасана, хотела вступить в переговоры с советским посольством в Тегеране. В конце концов Касиму и Юнису удалось встретиться с советским послом. В ходе переговоров, которые продолжались 5 часов, они заявили, что без помощи Советского Союза арабы не смогут обрести независимость. По итогам встречи, как информировал Касим Хасан, было решено послать его в СССР для более детальных переговоров с советским правительством¹⁷.

По словам Касима Хасана, он и его группа принимали активное участие в организации переворота, возглавляемого Рашидом аль-Гайлани. Во время боев с английской оккупационной армией Касим Хасан был одним из организаторов партизанского движения. Вот как он описывал эти события: «Когда иракская армия начала отступать, все прогрессивные и коммунистические элементы сформировали партизанские группы, которые начали вести борьбу вблизи города Фаллуджа, на берегу реки Евфрат, который был оккупирован британскими войсками»¹⁸. «22 мая войска (английские. – *И.М.*) были уже в пути по направлению к Багдаду. В это время 4 министра сбежали из страны. Все профашистские и реакционные элементы прекратили борьбу или сбежали. Все революционные элементы, возглавляемые Юнисом ас-Сабави, решили продолжать борьбу и требовать помощи от Советского Союза, а не от фашистской Германии...»¹⁹. И далее: «В это время все прогрессивные и революционные элементы, руководимые партией, решили создать революционное правительство, во главе которого был бы Юнис ас-Сабави... Мы объявили по радио, что Юнис ас-Сабави является главой правительства. Мы были готовы

начать переговоры с британским правительством при условии, если оно согласится оставить нашу страну независимой. В этот же день предатели развернули массовые аресты прогрессивных и революционных элементов в стране. Было арестовано больше 1000 человек. Предатели пригласили Юниса ас-Сабави, руководителей революционного и партизанского движения для переговоров, а затем всех арестовали и выслали в Иран»²⁰.

Иракский Рубикон Черчилля

Несмотря на вероломство операции «Барбаросса» и нехитрые попытки И. Сталина играть на англо-германских противоречиях, тем не менее Лондон превзошел обоих своих противников в коварстве и военной хитрости. Благодаря иракским событиям английское руководство одним выстрелом убило сразу двух зайцев. Во-первых, переворот и восстание в Ираке содействовали достижению главной установки английской внешней политики, которая заключалась в том, чтобы направить агрессию Германии на Восток, против СССР. Известно, что с 1937 г. главным направлением внешней политики Британии становится линия на военнополитическое и экономическое «умиротворение» Германии за счет стран Восточной Европы и СССР. Кроме восточноевропейского направления был еще и прилегающий к СССР обширный регион Ближнего и Среднего Востока, где британская дипломатия также усиленно занималась тем, что Невилл Чемберлен, тогдашний премьер-министр, называл «развернуть» Гитлера. Разумеется, в сторону Советского Союза, поэтому в Ираке Германия получила некоторую свободу действий, своего рода «карт-бланш». Такая ситуация в Ираке была временным и регулируемым явлением,

полностью согласуемым с британской политикой «умиротворения» фашистских целей, направленных главным образом на захват территориального пространства России.

Нет сомнения в том, что английская разведка прекрасно знала о готовящейся операции «Барбаросса» и понимала истинное предназначение организованного Берлином в Ираке переворота как отвлекающего маневра. Оставалось только грамотно подыграть Берлину, что и было сделано. При всех своих возможностях в Ираке англичане не стали трогать заговорщиков, предоставив им полную свободу действий. Кроме того, Лондон применил мощную информационную бомбу о сверхсекретной операции «Пайк», разработанной английским командованием при сотрудничестве с французскими военными. Операция «Пайк» – это кодовое название английских военных планов, включавших различные военно-стратегические мероприятия по нападению на советские кавказские нефтепромыслы в Грозном, Баку и Майкопе²¹. Все было сделано таким образом, что в определенный момент эти планы нападения на советские нефтепромыслы были якобы случайно потеряны (а на самом деле подкинута) английскими спецслужбами, став достоянием сначала немецкой разведки, а затем и мировой общественности.

В итоге вся эта англо-германская игра в Ираке во многом дезориентировала И. Сталина, который, с одной стороны, поверил в агрессивные планы Англии против СССР, а с другой – поверил намерениям Гитлера ударить в первую очередь по английским владениям на Ближнем Востоке, и в частности в Ираке. Благодаря «постановочному» восстанию в Ираке Великобритания смогла полностью утвердить там свое военное присутствие и вновь ввести туда стотысячную армию. Примечательно, что это было сделано в рамках всё той же операции «Пайк», цель и задачи которой к этому моменту

получили новое содержание. Теперь операция была нацелена на защиту английских военных, политических и экономических интересов в Ираке от предполагаемых, по мнению англичан, агрессивных поползновений СССР. Показательно, что через несколько месяцев после описываемых событий эта же армия оккупировала уже часть территории соседнего Ирана.

Другими словами, установление дипломатических отношений между СССР и Королевством Ирак в мае 1941 г., советско-германские переговоры по Ближнему Востоку, военные приготовления советских ВВС на Кавказе, а также поднятая в западных и арабских средствах массовой информации «шумиха» вокруг намерений Москвы поддержать восставшую иракскую армию развязали руки партии войны в английском правительстве. Благодаря всем этим фактам сторонники войны смогли своевременно получить согласие парламента на вторичную оккупацию Ирака, которая в итоге продлилась до второй половины 50-х гг. XX века.

Необходимо отметить, что представленная в статье попытка анализа вышеописанных событий позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, изученные факты свидетельствуют о том, что срежиссированные Берлином в 1941 г. «иракский антианглийский переворот» и «англо-иракская война» являлись именно составными элементами операции «Барбаросса». Во-вторых, рассматриваемые иракские события 1941 г., несомненно, оказали влияние на формирование у советского руководства искаженного восприятия военно-политической реальности и международной обстановки на Ближнем Востоке накануне вторжения гитлеровской Германии в СССР. В-третьих, исследование проблемы в международном контексте показало, что гитлеровская «постановка» в Ираке, которую Москва приняла за чистую монету, в целом сыграла немаловажную роль в успешном проведении операции «Барбаросса» на её начальном этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впервые интерес к этой теме возник у автора после работы с документальными материалами Российского государственного военного архива. В его фондах удалось обнаружить большой комплекс документов Генерального штаба Красной Армии, связанных с оборонительными мероприятиями, проводимыми в связи с подготовкой английским и французским военным руководством в 1940–1941 гг. авиаудара по нефтепромысловым объектам советского Кавказа. К ним, в частности, относятся документы Топографического отделения Управления войсками Северо-Кавказского военного округа (фонд 25896), которые включают подробные топографические карты района Мосул-Киркук (78 листов), датированные 1940-м годом. Эти архивные материалы дают определенное представление о позиции советского руководства в отношении Ирака в условиях военно-политического, дипломатического и информационного противостояния великих держав в начальный период Второй мировой войны.
2. 1941 год. В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М., 1998. С. 661–664. «Указание штаба оперативного руководства ОКВ ((Oberkommando der Wehrmacht) Главное командование вооруженными силами Германии) о мероприятиях по дезинформации».
3. Более подробно об этом см.: Миняжетдинов И.Х. Россия – Ирак: из истории становления отношений // Азия и Африка сегодня. 2005. № 6. С. 49–53.
4. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 64 «Личное дело Рашид Али Гайлани». Л. 1–20.
5. 1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М., 1998. С. 608.
6. РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 1933. Л. 21–22.
7. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2002. С. 215.
8. РГВА, Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2112. Л. 61.
9. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 216.
10. Там же. С. 215.
11. Там же. С. 216.

12. Там же. Мельтюхов М.И. ссылается на документы РГВА: Ф. 29. Оп. 34. Д. 578. Л. 2–7. 9–17; Л. 1. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 1479. Л. 6–8, 13–14.
13. РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 1479. Л. 6–8, 13–14.
14. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 492–504.
15. Arab World. Political and Diplomatic History of the Arab World. Vol. 1–1900–1941. May 15; Lukasz Hirszowicz. The Third Reich and The Arab East. L., 1966. P. 169.
16. Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton (N. J.), 1978. P. 455–459.
17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 3 Личное дело «Зогер Наим (Касим Хасан)». Л. 63.
18. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 3836. Л. 46–50.
19. Там же.
20. Там же.
21. Osborn Patrick R. Operation Pike: Britain versus the Soviet Union, 1939–1941. 2000. P. 139–219.

А. В. Болдырев

Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии

В Западной Европе с 1 сентября 1939 г. уже шла Вторая мировая война, развязанная фашистской Германией, оккупировавшей Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию и другие европейские государства. К 1940 г. Третий рейх обратил свое пристальное внимание на две страны на Востоке – СССР и Турцию¹. К этому времени советско-турецкие отношения претерпели изменения: от многопланового сотрудничества с СССР в 1920–1930 гг. и ориентации в основном на СССР в вопросах внешней политики Турецкая Республика переходила к политике балансирования².

К 1938 г. в советско-турецких отношениях наметилась тенденция к сближению, поскольку Турции не удалось путем заключения отдельных договоров с Италией стабилизировать ситуацию в районе Балкан.

Захват Италией в 1938 г. Албании вместе с постепенным германским проникновением в Румынию создавали угрожающую ситуацию для Стамбула и Проливов. Опасность эта усиливалась в случае оккупации Италией и Германией Греции и Болгарии. В результате турецкое правительство с готовностью откликнулось на предложение СССР начать консультации по вопросу заключения союзного пакта о взаимопомощи против агрессии, основа которого должна была

состоять в совместной обороне Проливов³. Советско-турецкий договор предполагалось заключить по аналогии с наметавшимся в то время англо-турецким пактом о взаимопомощи в Средиземноморье.

В начале августа 1939 г. между СССР Турцией была достигнута принципиальная договоренность о начале переговоров по заключению двустороннего пакта о сотрудничестве в Проливах, Черном море и Средиземноморье. При этом сама Турция рассчитывала, что ее ответственность будет ограничена зоной Проливов и турецкими территориальными водами в Восточном Средиземноморье⁴. Таким образом, безопасность Черного моря отодвигалась на второй план. В то же время подписание пакта Молотова – Риббентропа сузило базу переговоров, убрав из сферы действия договора Балканы (включая Европейскую Турцию – Стамбул. – *А.В.*) и участие Турции в войне на стороне антигерманского блока⁵. Последнее было неприемлемо для Турции, так как означало ее отказ от союзных обязательств по отношению к Англии и Франции в Средиземноморье. Помощь же СССР Турции подразумевалась только в случае нападения на нее со стороны Черного моря и в Проливах. При этом СССР добивался совместной с Турцией обороны Проливов⁶. Все это сделало бесперспективным для Турции заключение договора с СССР, поскольку данный договор, лишая ее англо-французской помощи в Средиземноморье, не обеспечивал безопасности турецкой территории со стороны Балкан.

Быстрое подписание после неудачных переговоров в Москве англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи 19 октября 1939 г. показывало, что Турция была готова к подобному развитию событий. Договор гарантировал Турции помощь в случае нападения на нее какой-либо европейской державы или конфликта в Средиземноморье

и обязывал Турцию предоставить помощь своим союзникам в этой акватории при аналогичных обстоятельствах⁷. Согласно дополнительному протоколу, Турция не могла быть втянута в какую-либо военную акцию, направленную против СССР⁸.

Подписав договор с Великобританией и Францией, Турция гарантировала безопасность своей территории и Проливов со стороны стран Средиземного моря. Что касается безопасности Черного моря, Босфора и Дарданелл, то они были защищены их международным статусом. Турция рассчитывала на то, что в условиях военного времени СССР не поставит вопрос о ревизии конвенции о Проливах 1936 г. Тем не менее вовлечение Турции в орбиту английского влияния (после поражения Франции в 1940 г. договор 1939 г. из англо-франко-турецкого превратился в англо-турецкий), что вызвало недовольство СССР. Кроме того, Советский Союз считал, что конвенция в Монтрё не в полной мере учитывала интересы советской стороны, касающиеся положений военной части документов. Все это вело к пересмотру СССР своего отношения к конвенции пока только в неофициальной форме.

Итак, к 1940 г. в советско-турецких отношениях наступил период охлаждения. Во второй половине 1930-х гг. Анкара стремилась обеспечить безопасность Европейской Турции и сохранить конвенцию 1936 г. о Проливах. Ввиду этого ключевое значение приобрели проблемы Средиземноморья, а на повестку дня встала необходимость укрепления отношений с Великобританией и Францией. В итоге Турция хотела избежать вовлечения в мировой конфликт путем заключения коллективных договоров о взаимопомощи (неудивительно поэтому, что единственным поводом для вступления в войну для Турции было вторжение в Проливы). Балансирование между англо-французским блоком,

странами оси и СССР стало в то время единственно возможной для Анкары политикой. Однако эта же политика объективно вела к советско-турецким осложнениям. СССР был не удовлетворен недостаточно «закрытым» статусом Черного моря. Это усугублялось усилившимся прозападным направлением в политике Турции, гаранта режима Черноморских проливов. В этих условиях взаимные противоречия могли быть смягчены частичной ревизией военных статей конвенции Монтрё (путем отдельного советско-турецкого соглашения) или *постоянным* учетом Турцией интересов СССР в вопросе о Проливах. Однако политика балансирования, проводимая Анкарой, исключала такую возможность, что ставило СССР перед необходимостью искать иные способы получения контроля над Босфором и Дарданеллами.

Ситуацией решила воспользоваться Германия, прекрасно осведомленная о нарастании советско-турецких противоречий. Со второй половины 1930-х гг. Берлин энергично укреплял свое присутствие в Турции. Во время берлинских переговоров в июле 1938 г. глава германского внешнеполитического ведомства И. Риббентроп предложил генеральному секретарю министерства иностранных дел Турции Н. Менемджиоглу присоединиться к блоку Берлин – Токио – Рим или заключить договор о нейтралитете. В конечном итоге немцам пришлось довольствоваться германо-турецким торговым соглашением (25 июля 1938 г.). Однако уже в декабре 1938 г. министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу поставил в известность временного поверенного в делах СССР в Турции О.И. Никитникову о том, что в ответ на предложение турецкого правительства присоединиться к конвенции Монтрё германская сторона стала настаивать на заключении двустороннего германо-турецкого договора о Проливах⁹.

Подобная инициатива была несомненной провокацией, направленной на срыв советско-турецкого сближения,

поскольку Германия не была даже участницей конвенции 1936 г. Это прекрасно осознавали в Анкаре, решив проинформировать Москву о германских предложениях. Неудача московских переговоров между СССР и Турцией подвигла германскую дипломатию на повторение «проливной» комбинации. На сей раз – в отношении СССР.

Цели советско-германской встречи состояли в определении перспектив дальнейшего сотрудничества (Германия) и выяснении точек зрения по ряду накопившихся проблем (СССР). 13 октября 1940 г. И. Риббентроп направил письмо на имя И.В. Сталина с приглашением народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова посетить Берлин. В письме, по словам исследователя Т.В. Лавровой, «в неопределенной и общей форме» затрагивалась идея о присоединении СССР к Тройственному пакту (Германия, Италия, Япония), заключенному 27 сентября 1940 г. и участия СССР в разделе британских владений¹⁰. В Москве также осознавали необходимость встречи в верхах. Несмотря на обещания, Германия не выводила свои войска из Финляндии, по всей западной границе с СССР происходило наращивание германских войск, к тому же Германия расширяла свое влияние на Балканах¹¹. Письмо Риббентропа обсуждалось у Сталина, и было принято решение о визите Молотова в германскую столицу. 10 ноября 1940 г. советская делегация во главе с Молотовым выехала в Берлин.

Переговоры Молотова с высшим германским руководством происходили 12 и 13 ноября (текст переговоров протоколировала германская сторона). 12 ноября состоялась предварительная встреча Молотова с Риббентропом. В ходе ее германский министр отметил, что «Германия с Россией уже разграничили свои сферы влияния, и после того, как Новый порядок окончательно установится в Западной Европе, она [Германия] также приступит

к расширению жизненного пространства в южном направлении, т. е. в районах бывших германских колоний в Центральной Африке ... Он, Имперский Министр иностранных дел, интересуется, не повернет ли в будущем на юг и Россия для получения естественного выхода в открытое море, который так важен для России. Это, заявил в заключение Имперский Министр иностранных дел, *и есть та великая идея* (выделено нами. – А.Б.), которая в течение последних месяцев часто обсуждалась им с Фюрером, и которая, в связи с визитом в Берлин, теперь излагается Молотову». На вопрос Молотова, что именно имел в виду Риббентроп, последний заявил, что «Англия ведет безумную политику, за которую ей когда-нибудь придется расплачиваться. Германия поэтому уверена, что в статусе Британских имперских владений произойдут большие изменения. Вопрос теперь в том, могут ли они продолжать работать вместе и в будущем, и может ли Советская Россия извлечь соответствующие выгоды из нового порядка вещей в Британской империи, т. е. не будет ли для России наиболее выгодным выход к морю через Персидский залив и Аравийское море, и не могут ли быть в то же самое время реализованы и другие устремления России в этой части Азии, в которой Германия абсолютно не заинтересована».

Затем был поднят вопрос о Турции. Риббентроп отметил, что «до сих пор эта страна находилась в своего рода союзе с Англией и Францией. Франция устранена в силу своего поражения, а ценность Англии как союзника становится все более и более сомнительной. Поэтому Турция вполне разумно в последние месяцы свела свои отношения с Англией до уровня, который на практике означает не более чем формальный нейтралитет. Вопрос состоит в том, какие интересы Россия имеет в Турции. В связи с неминуемым окончанием войны, в чем заинтересованы все страны,

включая Россию, Турция, как он уверен, будет вынуждена постепенно освобождаться от связей с Англией. Он, Имперский Министр иностранных дел, не может сейчас окончательно разрабатывать детали, но он уверен, что с выработкой Россией, Германией, Италией и Японией общей платформы Турция должна будет со временем примкнуть к этим странам. Пока что он не обсуждал с турками эти вопросы прямо. Он только заявил в конфиденциальной беседе с турецким послом, что будет приветствовать такое развитие событий, при котором Турция, придерживаясь своей сегодняшней политической линии, придет к абсолютному нейтралитету. Он также добавил, что у Германии нет каких бы то ни было притязаний на турецкие территории».

Далее Риббентроп заявил, «что в этой связи он прекрасно понимает неудовлетворенность России Конвенцией в Монтрё о Проливах. Германия неудовлетворена еще больше, так как вообще не была туда включена. Лично он, Имперский Министр иностранных дел, считает, что Конвенция в Монтрё ... должна исчезнуть и быть заменена чем-нибудь новым. Это новое соглашение должно быть заключено теми державами, которые особенно заинтересованы в данном вопросе, прежде всего Россией, Турцией, Италией и Германией. Совершенно понятно, что советская Россия не может быть удовлетворена настоящим положением вещей. Германия находит вполне приемлемой мысль о том, что на Черном море советская Россия и прилегающие [черноморские] государства должны иметь определенные привилегии по сравнению с другими странами мира... Новое соглашение с Турцией о Проливах, кроме всего прочего, должно будет дать России некоторые особые привилегии, деталей которых он в данный момент еще не может касаться, но которые в принципе предоставят военным кораблям и торговому флоту Советского Союза более свободный, чем

до сих пор, доступ к Средиземноморью. Россия заслужила это». По мнению Риббентропа, «представлялось целесообразным, чтобы Россия, Германия и Италия придерживались общей политики по отношению к Турции, чтобы эта страна, не ударив в грязь лицом в своих собственных глазах, освободилась от связей с Англией, которым не слишком симпатизируют все три страны. Турция, поэтому, не только станет фактором в коалиции стран, выступающих против эскалации войны и за скорейшее установление мира, но и будет готова добровольно отбросить Конвенцию в Монтрё и совместно с тремя странами [Германией, Италией и СССР] заключить новую конвенцию о Проливах, которая удовлетворит справедливые требования всех сторон и даст России определенные особые привилегии. В этом случае они могут совместно решить, возможно ли признать территориальную неприкосновенность Турции»¹².

В заключение переговоров Риббентроп подчеркнул, что его предложения не носят конкретного характера, поскольку поставленные им вопросы будет лично обсуждать с Молотовым А. Гитлер. Встреча Молотова с Гитлером состоялась в этот же день. Последний не внес ничего принципиально нового в круг обсуждаемых вопросов, лишь обозначил необходимость разграничить с Советским Союзом сферы влияния для того, чтобы избежать столкновения интересов. В качестве примера подобного столкновения приводились Балканы, которые, по словам Гитлера, не являлись сферой жизненных интересов Германии, однако из-за войны с Англией *временно* вошли в зону влияния Германии. Затем Гитлер спросил Молотова «о том, каким образом Россия намерена обеспечить свои интересы на Черном море и в Проливах. Германия будет готова в любой момент помочь России улучшить ее положение в Проливах». В ответ Молотов заявил о необходимости уточнения

целей Тройственного пакта, роли в нем СССР, а также отметил необходимость учесть советские интересы на Балканах (Болгария, Румыния), в Турции и на Черном море. Ответ Гитлера, что целями пакта является «урегулирование состояния дел в Европе в соответствии с естественными интересами европейских стран», поэтому «он счел возможным связаться с Советской Россией с целью соглашения по вопросу о Черном море, Балканах и Турции», явно не устроил Молотова. Одобрив в принципе концепцию Пакта и возможность участия в нем СССР, советский дипломат еще раз подчеркнул, что цели пакта должны быть определены более точно¹³.

13 ноября состоялась третья встреча на «высшем» уровне. В ходе нее Гитлер вновь поставил вопрос о вступлении СССР в Тройственный пакт, заявив, что после капитуляции Англии «Россия получит доступ к незамерзающему и действительно открытому [Индийскому] океану... Все страны, которые, возможно, заинтересованы в обанкротившемся владении, должны прекратить все разногласия между собой и сосредоточиться исключительно на разделе Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии». Молотов ответил, что он с интересом выслушал соображения Гитлера и со всем согласен, однако «главным является то, что сначала нужно урегулировать германо-русское сотрудничество, к которому позднее могут подключиться Италия и Япония. В связи с этим не должно быть никаких изменений в том, что уже было намечено; нужно лишь продумать продолжение начатого». Прежде всего Молотов хотел обсудить вопросы, касающиеся Турции, а также Болгарии и Румынии¹⁴ – важных стран для СССР как черноморской державы. Затем Молотов начал говорить о Проливах, назвав их, сославшись на опыт Крымской и Гражданской войн, «историческими воротами Англии для нападения на Советский Союз. Ситуация теперь

для России еще более опасная, так как англичане получили плацдарм в Греции. По соображениям безопасности отношения между СССР и другими черноморскими державами имеют большое значение». В связи с этим Молотов спросил Гитлера, «как посмотрит Германия на предоставление Россией Болгарии, независимому государству, *расположенному к Проливам ближе всех* (выделено нами. – А.В.), гарантий на точно таких же условиях, на которых Германия и Италия дали их Румынии».

На вопрос Молотова относительно позиции Германии по вопросу о Проливах Гитлер ответил, что Риббентроп уже рассматривал эту проблему и «что он предусмотрел пересмотр Конвенции в Монтрёв в пользу Советского Союза». На повторный вопрос Молотова о позиции Германии по поводу предоставления СССР гарантий Болгарии (т. е. заключения с ней союзного пакта) Гитлер ответил, «что если гарантии будут предоставлены на тех же условиях, что и германо-итальянские гарантии Румынии, то сначала возникнет вопрос о том, запрашивала ли о таких гарантиях сама Болгария. Он не знает о каких-либо запросах Болгарии на эту тему. Кроме того, он, конечно, должен будет узнать мнение Италии, и только после этого он сможет сделать какое-либо заявление сам. Однако считает ли Россия, что у нее есть шанс гарантировать в достаточной степени свои черноморские интересы в случае пересмотра Конвенции в Монтрёв? Он не ждет немедленного ответа на этот вопрос, так как он знает, что Молотов сначала должен обсудить это со Сталиным». Молотов ответил, что «в этом вопросе у России только одна цель. Она хочет гарантировать себя от нападения через Проливы и хочет урегулировать этот вопрос с Турцией; гарантии Болгарии облегчат ситуацию. Как черноморская держава Россия имеет право на такую безопасность и уверена, что она сможет найти у Турции понимание в данном вопросе».

В ответ Гитлер заявил, что «это примерно совпадает с германской точкой зрения, согласно которой только военные корабли России смогут проходить через Дарданеллы свободно, тогда как для всех остальных военных судов Проливы будут закрыты». Кроме того, Молотов добавил, что «Россия хочет гарантировать себя от удара со стороны Проливов не только на бумаге, но и на деле, и он уверен, что она [Россия] сможет достичь с Турцией договоренности по этому вопросу. *В связи с этим он снова вернулся к вопросу о русских гарантиях Болгарии* (выделено нами. – А.Б.) и повторил, что внутренний режим страны останется нетронутым, в то время как, с другой стороны, Россия готова гарантировать Болгарии выход к Эгейскому морю». Гитлер вновь предпочел уклониться от обсуждения вопроса, сославшись на необходимость узнать мнение об этом болгарской стороны, а также проконсультроваться на этот счет с Муссолини¹⁵.

Итоги берлинской встречи были подведены в заключительной беседе Риббентропа и Молотова (переговоры проходили в бомбоубежище резиденции Риббентропа). В ходе нее Риббентроп представил Молотову устный проект соглашения о присоединении СССР к Тройственному пакту¹⁶, заранее подчеркнув, что этот проект «никак не является германским предложением, но, как уже отмечалось, лишь довольно общими выкладками, которые должны быть обдуманы обеими сторонами и обсуждены между Молотовым и Сталиным»¹⁷. Согласно первой статье, Советский Союз одобрял цели держав Тройственного пакта и, со своей стороны, соглашался следовать той же политической линии. В соответствии с третьей статьей, СССР обязывался не поддерживать никаких международных блоков, направленных против какой-либо из держав пакта. Важным было и то, что договор подлежал публикации¹⁸. К договору прилагались два секретных протокола. Согласно первому из них, Советский

Союз заявлял, что «его основные территориальные интересы лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана»¹⁹. Второй секретный протокол касался непосредственно советско-турецких отношений. Текст его гласил:

«1) Германия, Италия и Советский Союз придерживаются мнения, что в их общих интересах освободить Турцию от взятых ею на себя международных обязательств и постепенно вовлечь ее в политическое сотрудничество с ними. Они заявляют, что будут преследовать эту цель посредством тесных консультаций, в соответствии с общим планом действий, который будет определен в будущем.

2) Германия, Италия и Советский Союз заявляют о своем согласном намерении заключить с Турцией многосторонний договор, в котором Три Державы признают существующие границы Турции.

3) Германия, Италия и Советский Союз будут совместно работать над заменой ныне действующей Конвенции о Проливах, заключенной в Монтрё, новой конвенцией. По этой конвенции Советский Союз получит неограниченное право прохода через Проливы в любое время для своего военно-морского флота, тогда как все прочие Державы, за исключением Черноморских держав, а также Германии и Италии, *в принципе* (выделено нами. – А.Б.) откажутся от права прохода через Проливы своих военных судов. За коммерческими судами в принципе будет, конечно же, оставлено право свободного прохода через Проливы»²⁰.

В заключение Риббентроп попросил Молотова изложить его собственную точку зрения по обсуждаемым вопросам. По отношению к Турции Молотов заявил, что

«Советский Союз предполагает, что, прежде всего, должна быть достигнута договоренность о Проливах. Германия и Советский Союз согласились с тем, что Конвенция, заключенная в Монтрё, потеряла какой-либо смысл. Для Советского Союза, как и для других крупных Черноморских держав, это вопрос получения реальных гарантий своей безопасности. Как показывает история, Россия часто подвергалась нападению именно через Проливы. Понятно, что Советский Союз не удовлетворится бумажным договором, он будет добиваться реальных гарантий своей безопасности. *Поэтому этот вопрос должен быть изучен и обсужден более детально* (выделено нами. – А.Б.). Вопросы, которые интересуют Советский Союз на Ближнем Востоке, касаются не только Турции, но и, например, Болгарии, о которой он, Молотов, подробно говорил в своих предыдущих беседах с Фюрером. Но судьба Румынии и Венгрии также интересуют Советский Союз, и ни при каких обстоятельствах не может быть для него безразличной».

В ответ Риббентроп лишь повторил уже сказанное Гитлером, заявив, что относительно болгарского вопроса у него нет никаких комментариев, кроме тех, которые уже были сделаны ранее. Балканы, подчеркнул глава германского министерства иностранных дел, «интересуют нас ... исключительно с экономической точки зрения, и мы не хотим, чтобы Англия причиняла нам там беспокойство. Предоставление германских гарантий Румынии, очевидно, неправильно истолковано Москвой... При принятии всех этих решений германское правительство руководствовалось исключительно стремлением сохранить мир на Балканах, а также предотвратить усиление там позиций Англии и возникновение помех в снабжении Германии (румынской нефтью. – А.Б.) Таким образом, наши действия на Балканах объясняются исключительно обстоятельствами войны

с Англией. Как только Англия признает свое поражение и запросит мира, германские интересы на Балканах будут ограничены исключительно экономической сферой, и германские войска будут выведены из Румынии». Риббентроп повторил тезис Гитлера, что у Германии нет территориальных интересов на Балканах и «главный вопрос заключается в том, готов ли Советский Союз и в состоянии ли он сотрудничать с нами в деле ликвидации Британской Империи. По всем другим вопросам мы легко достигли бы договоренности, если бы мы преуспели в расширении наших отношений и в разграничении сфер влияния. О том, где находятся эти сферы влияния, говорилось неоднократно. *В сравнении с этими большими и главными вопросами все остальные являются абсолютно незначительными и будут автоматически урегулированы сразу же после того, как будет достигнута общая договоренность* (выделено нами. – А.Б.)».

В своем ответе Молотов указал, что «он вполне одобряет идею о сотрудничестве, с той оговоркой, что стороны должны прийти к полному взаимопониманию. Эта мысль уже была выражена в письме Сталина. Разграничение сфер влияния также должно быть продумано. По данному вопросу, однако, он, Молотов, не может в настоящее время занять определенную позицию, так как не знает, каково мнение Сталина и других его друзей в Москве. Однако он должен заявить, что *все эти великие вопросы завтрашнего дня не могут быть отделены от вопросов сегодняшнего дня и от проблемы выполнения существующих соглашений. Прежде чем приступить к решению новых задач, нужно закончить то, что уже было начато* (выделено нами. – А.Б.)»²¹.

14 ноября 1940 г. советская делегация покинула Берлин. Анализ содержания берлинских переговоров позволяет сделать несколько выводов.

Первый. На переговорах советская сторона старалась сосредоточиться на первоочередных вопросах советско-германских отношений (Финляндия, Польша, Румыния, Болгария). Попытки Германии переключить основное внимание Молотова на раздел ближневосточных владений Великобритании, Турцию и Конвенцию Монтрё не имели успеха, поскольку с самого начала глава советской делегации заявил, что намерен обсуждать те вопросы, которые непосредственно затрагивают взаимоотношения СССР и Германии.

Второй. Тема Турции занимала в переговорах второстепенное место. Молотов постоянно давал понять, что обсуждать ее проблемы он намерен не за спиной турок, а непосредственно с Анкарой. Соглашаясь с тем, что Конвенция Монтрё должна быть пересмотрена, Молотов предпочитал не конкретизировать деталей вопроса в переговорах с Германией, подчеркивая, что это касается прежде всего СССР и Турции.

Третий. Сам пересмотр Конвенции Монтрё не являлся ключевым в позиции советской делегации по вопросу о Проливах. Обеспечить свои интересы в этом СССР намеревался путем заключения союзного пакта с Болгарией. Данный пакт позволял советским войскам в случае необходимости быстро выйти к Босфору и гарантировал интересы СССР в Проливах без пересмотра Конвенции 1936 г.

Четвертый. Стремление Германии дискредитировать СССР в глазах Великобритании и Турции было ясно Молотову с самого начала. Не исключено, что это было ясно в Москве еще на стадии подготовки к берлинским переговорам, поскольку в беседах с руководителями Третьего рейха Молотов подчеркивал, что будет придерживаться той линии, которая была предписана ему И.В. Сталиным. Свое согласие на возможность присоединиться к Тройственному пакту, раздел Британской империи и привлечение

Турции к будущей коалиции оси и СССР Молотов облек в столь неопределенные формулировки, что это могло послужить поводом для дискредитации Советского Союза только в том случае, если бы советская делегация согласилась на обсуждение конкретных деталей германского предложения. А от этого Молотов всячески уклонялся. Собранного немцами материала было достаточно для дезинформации Анкары и Лондона, но явно не хватало для того, чтобы вбить клин между СССР и Турцией. Берлинская провокация германской дипломатии, направленная на подрыв советско-турецких отношений, не удалась.

17 ноября 1940 г. В.М. Молотов информировал о германских предложениях посла СССР в Лондоне И.М. Майского, высказав сомнения в искренности германской стороны. При этом Молотов подчеркнул, что «немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра Конвенции в Монтрё в нашу пользу... Мы не дали на это согласие, так как считаем, что Турция должна остаться независимой, и, во-вторых, режим Проливов может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной (курсив наш. – А.Б.)»²².

В дальнейшем линия советской дипломатии была изменена. 25 ноября 1940 г. в официальной беседе с германским послом Шуленбургом Молотов изложил ему позицию СССР относительно сделанных в Берлине предложений. Согласно заявлению Молотова, советское правительство «готово принять проект Пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи». В качестве условий для превращения Тройственного пакта в Четверной союз предусматривалось следующее:

1. «Германские войска немедленно покинут Финляндию, которая по договору 1939 г. входит в советскую зону

влияния». При этом Советский Союз гарантировал защиту германских экономических интересов в Финляндии (экспорт леса и никеля).

2. «В течение ближайших месяцев безопасность Советского Союза со стороны Проливов гарантируется заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, *которая географически находится внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза* (выделено нами. – А.Б.), а также строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды».

3. «Зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений Советского Союза».

4. «Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине».

Отмечалось, что проект соглашения между Германией, Италией и СССР в отношении Турции «должен быть дополнен таким образом, чтобы гарантировать базу для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды». В случае заявления Турции о ее желании присоединиться к пакту три державы (Германия, Италия и СССР) гарантировали независимость и территориальную целостность Турции. В случае же отказа Италия и СССР должны были совместно выработать и применить «военные и дипломатические санкции» как средства давления на Анкару. Относительно этого между СССР и Италией должно быть заключено отдельное соглашение²³.

Таким образом, советская сторона не только согласилась примкнуть к Тройственному пакту, но даже расширила его базу. При этом осторожная линия в отношении Турции сменилась на весьма жесткую риторику. Интересно

отметить и то, что раздел колониальных владений Великобритании, согласно заявлению Молотова, представлялся советскому руководству вполне перспективным. Было лишь конкретизировано направление советских территориальных претензий. Можно ли говорить, исходя из заявления Молотова, о полной смене политической линии советского руководства? Между берлинскими переговорами и заявлением Молотова прошел слишком короткий промежуток, чтобы можно было категорично ответить на этот вопрос. По мнению Т.В. Лавровой, в свое время основательно изучившей советско-германские переговоры осенью 1940 г., поспешность советского заявления была связана прежде всего с тем, что СССР стремился любыми средствами продлить мирный период и рассматривал продолжение переговоров с Германией как одну из таких возможностей²⁴. Эта версия, разумеется, может рассматриваться как одна из основных причин советского заявления. В то же время анализ требований Советского Союза показывает, что по сравнению с берлинской платформой линия Москвы во многом осталась прежней.

Обращает на себя внимание тот факт, что СССР старался не выходить за рамки своих непосредственных геополитических интересов. Главным требованием СССР оставалась стабилизация обстановки возле западных границ и в районе Черного моря. По-прежнему обеспечить свои интересы в отношении Проливов СССР планировал не путем пересмотра Конвенции в Монтрё, а заключив союзный пакт с Болгарией. В этом отношении требование СССР о строительстве военно-морской базы вблизи Проливов не было направлено против Турции, поскольку идея о совместной обороне Босфора и Дарданелл еще недавно служила основой для переговоров между Москвой и Анкарой²⁵. Территориальная целостность самой Турции оставалась

незыблемым принципом советской внешней политики. Что же касается методов силового давления на Анкару, то СССР сознательно исключал из него помощь Германии, поскольку двустороннее соглашение с Италией позволяло советскому руководству самому определять меру и степень воздействия на Турцию. Наконец, сам масштаб предложений Молотова о расширении действия будущего пакта (вплоть до претензий на часть британского колониального наследства и отказ Японии от экономических преференций в северной части Сахалина) свидетельствует о том, что главным для советской дипломатии было добиться выполнения пунктов относительно Финляндии и Болгарии.

По мнению Т.В. Лавровой, стремление советского руководства ускорить диалог с Берлином сослужило СССР плохую службу, так как антибританская направленность заявления Молотова дала немцам прекрасную возможность сорвать намечающееся англо-советское сближение²⁶. Соглашаясь с этим, следует отметить, что сближение с Великобританией на тот момент не было приоритетом советской внешней политики, а, следовательно, возможные препятствия на этом пути не должны были слишком волновать советское руководство. Гораздо важнее уяснить, понимало ли руководство СССР, какое впечатление произведут на Анкару советские предложения от 25 ноября в германской интерпретации. То, что информация об этом дойдет до турецких руководителей, не подлежало ни малейшему сомнению. Еще недавно министр иностранных дел Турции Сараджоглу информировал советских дипломатов о попытках Германии сблизиться с Турцией за спиной Советского Союза. Ситуация должна была зеркально повториться и на этот раз (что и произошло позднее), и советская дипломатия не могла не задумываться о возможной реакции Анкары.

Оценивая последствия своих шагов для советско-турецких отношений, руководство СССР исходило из того, что возможность сближения с Германией произведет должное впечатление на Турцию. Главным для СССР было добиться от Турции согласия на создание военно-морской базы в турецком порту Зонгулдак, который находился в шаговой доступности от Босфора²⁷. Согласие Германии на советские предложения должны были показать туркам, что в случае необходимости можно будет обойтись и без них. Это не означало, что СССР был намерен игнорировать интересы Турции на ее же собственной территории, но должно было сделать турецкую сторону сговорчивей.

В дальнейшем правительство СССР придерживалось избранной линии поведения, стараясь сохранить и Болгарию в орбите своего влияния. 17 января 1941 г. Молотов вновь предложил германскому послу Шуленбургу продолжить диалог о заключении пакта на основе сделанных 25 ноября заявлениях. В ходе беседы Молотов отметил, что «согласно всем поступившим сообщениям, германские войска в огромном количестве сосредоточены в Румынии и готовы вступить в Болгарию с целью оккупировать Болгарию, Грецию и Проливы. Нет никакого сомнения, что Англия попытается предвосхитить операции германских войск, оккупировать Проливы, начать в союзе с Турцией военные операции против Болгарии и превратить Болгарию в театр военных действий²⁸. Советское правительство неоднократно обращало внимание правительства Германской Империи на то, что оно рассматривает территорию Болгарии и Проливы как зону безопасности СССР и что поэтому перед лицом событий, которые угрожают безопасности интересов СССР, оно не может оставаться безразличным. Соответственно, советское правительство считает своей обязанностью обратить внимание на тот факт, что *оно будет*

считать появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии или в Проливах нарушением интересов безопасности СССР (выделено нами. – А.Б.)»²⁹. Полпреду СССР в Германии В.Г. Деканозову было дано указание сделать аналогичное заявление в Берлине.

Позиция СССР не изменилась и в дальнейшем. 1 марта 1941 г. (накануне оккупации Болгарии германскими войсками) Молотов заявил Шуленбургу: «Мнение советского правительства, что Болгария входит в зону безопасности СССР, остается неизменным». Несмотря на возражения Шуленбурга, что вступление Болгарии в Тройственный пакт не нанесет ущерба интересам Советского Союза, советские требования о необходимости включения Болгарии в «пояс безопасности» СССР на Черном море остались неизменными³⁰. Последнее объяснение на этот счет между Молотовым и Шуленбургом состоялось в тот же вечер. Молотов заявил Шуленбургу, что советскому правительству известно о решении Германии ввести войска на территорию Болгарии. В связи с этим Молотов вручил Шуленбургу ноту. Текст ее гласил:

«1. Прискорбно, что, несмотря на предостережение со стороны советского правительства, содержащееся в заявлении от 25 ноября 1940 г., правительство Германской Империи нашло для себя возможным придерживаться курса, наносящего ущерб интересам безопасности СССР, и решило осуществить военную оккупацию Болгарии.

2. Так как советское правительство до сих пор стоит на позициях, описанных в заявлении от 25 ноября, германское правительство должно понимать, что оно не может рассчитывать на поддержку СССР в отношении своих мероприятий в Болгарии»³¹.

Шуленбург вновь отделался дежурным аргументом, что вступление германских войск на территорию Болгарии

не угрожает безопасности СССР. 1 марта 1941 г. Болгария объявила о присоединении к Тройственному пакту, а 2 марта германские части были уже на ее территории³². Отсутствие в документах каких-либо упоминаний о Турции еще раз подтверждает тот факт, что вопрос о Проливах в конце 1940 – начале 1941 г. СССР связывал не с Турцией и пересмотром Конвенции Монтрё, а с Болгарией, государством, географически близким к Проливам, и страной с широко распространенными русофильскими настроениями. Не исключено при этом, что территория Болгарии также могла рассматриваться Советским Союзом как возможный вариант создания военно-морской базы. По мере продолжения переговоров в Москве становилось ясно, что СССР не сможет сохранить эту страну в орбите своего влияния. В связи с этим настойчивость, с которой СССР стремился к продолжению переговоров, можно объяснить стремлением выжать максимум из возможного диалога с Германией. Однако диалог этот был обречен с самого начала. 18 декабря 1940 г. состоялось подписание Директивы № 21 (план «Барбаросса») о подготовке к войне с СССР³³. Ввиду этого дальнейшая игра по вовлечению СССР в Тройственный пакт выглядела бессмысленно.

Что касается Турции, то здесь очередная «берлинская» провокация также не сработала. 17 марта 1941 г. Гитлер встретился с турецким послом Герере и проинформировал его о советско-турецких переговорах осенью 1940 г. По словам Гитлера, отказ Германии удовлетворить советские притязания на Проливы являлся причиной ухудшения советско-германских отношений. Он заявил, что в создавшейся ситуации Германия является единственным фактором, сдерживающим притязания СССР относительно Турции³⁴. Сообщение Гитлера вызвало серьезное беспокойство в Анкаре. После оккупации Болгарии Турция опасалась оказаться между угрозой германского нападения с юга и советского с севера.

После введения германских войск на территорию Болгарии советское правительство опасалось, что центр противостояния между Великобританией и Германией переместится из Западной Европы на Балканы и создаст тем самым прямую угрозу Турции и Проливам. Ввиду этого 25 марта 1941 г. ТАСС выступило с официальным заявлением, где говорилось, что «если Турция действительно подвергнется нападению и будет вынуждена вступить в войну для защиты своей территории, то Турция, исходя из существующего между нею и СССР пакта о ненападении³⁵, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР». Турецкое правительство в ответ выразило благодарность советской стороне, заверив, что, если бы СССР оказался в подобной ситуации, СССР мог бы рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Турции³⁶.

Таким образом, политика Германии свидетельствовала о ее желании дискредитировать советское руководство в глазах Турции, обеспечив тем самым если не дружбу, то благожелательный нейтралитет южного соседа СССР в предстоящей войне. Тем не менее планы Германии реализовались не полностью. При возрастающем недоверии друг к другу СССР и Турции удалось не сорваться на уровень взаимных обвинений. 25 марта 1941 г. была подписана советско-турецкая декларация о взаимном нейтралитете в случае войны. После нападения Германии на Советский Союз декларация была подтверждена англо-советской гарантией существующего режима Черноморских проливов и территориальной целостности Турции (10 августа 1941).

Итак, переговоры СССР и Германии осенью 1940 г. не привели к ухудшению советско-турецких отношений. Понимая временный характер «союзных» отношений с Германией, СССР прекрасно осознавал значение южного фланга в будущей войне. Это исключало пересмотр за спиной Турции

Конвенции Монтрё, а также заключение соглашений, затрагивавших в той или иной степени суверенитет Турецкой Республики. Ввиду этого в вопросе о Проливах ключевое значение для Советского Союза приобрела не Турция, а Болгария – страна, исторически близкая СССР, обладающая стратегически важным подступом к Проливам. В отношении Турции советское руководство намеревалось ограничиться постановкой вопроса о совместной обороне Проливов, идея которой уже не раз выдвигалась самой Турецкой Республикой. Решать этот вопрос Советский Союз намеревался на базе двусторонних переговоров с турецким правительством.

Что касается Турции, то, не раз становясь объектом немецких интриг, турки знали цену провокациям германской дипломатии. В связи с этим, несмотря на информацию о берлинских переговорах, турецкие руководители предпочли удовлетвориться заявлениями СССР – своего старого партнера, неоднократно доказывавшего лояльность турецкому государству и верность данному слову. В дальнейшем ситуация постепенно менялась. Присутствие германских войск в Болгарии и Греции, тяжелое положение Советского Союза на первом этапе войны и разгул пантюркистских настроений в самой Турции неуклонно втягивали Турцию в орбиту германского влияния.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. Л., 1989; *Лаврова Т.В.* Черноморские проливы. Исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1999.
2. *Киреев Н.Г.* История Турции. XX век. М., 2007; *Он же.* Глава 11. Советский союз и Турция (1941–1945) // СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010; *Поцхверия Б.М.* СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современная тенденция. М., 2010; *Он же.* Турция между двумя мировыми войнами. М., 1992.
3. *Лаврова Т.В.* Черноморские проливы. С. 31–35.
4. СССР и Турция. 1917–1979 гг. М., 1979. С. 154.
5. *Лаврова Т.В.* Черноморские проливы. С. 45.
6. *Гасанлы Дж.* СССР – Турция. Полигон холодной войны. Баку, 2005. С. 50.
7. *Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами. С. 75.
8. *Там же.* С. 76.
9. СССР и Турция. 1917–1979 гг. С. 149.
10. *Лаврова Т.В.* Черноморские проливы. С. 52.
11. Там же. С. 53.
12. Запись беседы Риббентропа с Молотовым (в присутствии замнаркома Деканозова и советников посольств Хильгера и Павлова как переводчиков). Берлин, 12 ноября 1940 г. // Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 184–186.
13. Запись беседы Гитлера с Молотовым (в присутствии Риббентропа, а также советников посольств Хильгера и Павлова как переводчиков). Берлин, 12 ноября 1940 г. // Там же. С. 193–195.
14. В отношении Румынии Молотова беспокоило то, что в октябре 1940 г. в страну по приглашению диктатора И. Антонеску были введены германские войска под предлогом «защиты нефтяных районов» и обучения румынских военных. Тем самым де-факто Румыния присоединилась к Тройственному пакту. В результате к марту 1941 г. в стране находилось до 500 тыс. солдат вермахта. Кроме того, германская сторона предоставила Румынии гарантии без консультации с СССР – члена Дунайских комиссий и пограничной

- с Румынией державой. Таким образом, в конце 1940 г. Германия вошла в зону непосредственных интересов Советского Союза на юго-востоке Европы.
15. Запись беседы Гитлера с Молотовым (в присутствии Риббентропа и Деканозова, а также советников посольств Хильгера и Павлова как переводчиков). Берлин, 13 ноября 1940 г. // <http://www.aroundspb. u/variety/docs/diplomat/before.php>.
  16. В стенограмме беседы не было зафиксировано, что Риббентроп передал Молотову письменный вариант соглашения.
  17. Запись заключительной беседы Риббентропа с Молотовым. Секретно. Время беседы: с 21.45 до 24.00. Место беседы: бомбоубежище в доме Имперского Министра иностранных дел. Берлин, 13 ноября 1940 г. // Там же.
  18. Запись заключительной беседы Риббентропа с Молотовым (Приложение к беседе. Проект Соглашения) // Там же. С. 209–210.
  19. Запись заключительной беседы Риббентропа с Молотовым (Приложение к беседе. Проект Соглашения. Секретный Протокол № 1) // Там же. С. 216.
  20. Запись заключительной беседы Риббентропа с Молотовым (Приложение к беседе. Проект Соглашения. Секретный Протокол № 2) // Там же.
  21. Запись заключительной беседы Риббентропа с Молотовым. Берлин, 13 ноября 1940 г. // Там же. С. 212–214.
  22. СССР и Турция. С. 165.
  23. Посол Шуленбург – Риббентропу. Москва, 25 ноября 1940 г. // <http://www.aroundspb. u/variety/docs/diplomat/before.php>.
  24. *Лаврова Т.В.* Черноморские проливы. С. 62–63.
  25. Подробнее о переговорах между СССР и Турцией о совместной обороне Проливов в 1934 и 1939 гг. см.: *Лаврова Т.В.* Черноморские проливы; Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами; СССР и Турция. 1917–1979 гг.
  26. Там же. С. 63.
  27. *Болдырев А.В.* Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // *Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии.* М., 2011. С. 453.
  28. Тревогу советского правительства вызывало стремление Германии ввиду неудачного наступления Италии в Греции оказать помощь своему союзнику. Болгарии в связи с этим была отведена роль «транзитного пункта» для переброски в Грецию части сосредоточенных в Румынии германских войск.

29. Посол Шуленбург – в МИД Германии. Москва, 17 января 1941 г. // <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/before.php>.
30. Посол Шуленбург – в МИД Германии. Москва, 1 марта 1941 г. // Там же.
31. Посол Шуленбург – в МИД Германии. Москва, 1 марта 1941 г. // Там же.
32. История южных и западных славян. Т. 2. М., 2001. С. 40.
33. План «БАРБАРОССА». Директива № 21. 18 декабря 1940 г. // <http://www.aroundspb.u/variety/docs/diplomat/before.php>.
34. СССР и Турция. С. 167–168.
35. Имелся в виду советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 19 декабря 1925 г.
36. СССР и Турция. С. 168.

**Хмурый рассвет независимости в отблесках
победы Советского Союза:
Сирия и Ливан в мае-августе 1945 г.**

9 мая 1945 г. на первых страницах бейрутских газет публиковалась речь ливанского президента Бишары аль-Хури, где День Победы объявлялся в Ливане национальным праздником. В передовице говорилось: «В этот великий день мы с удовольствием чествуем победоносные армии Организации Объединенных Наций, мы чествуем также наших солдат, которые в рядах этих армий исполняли свой долг ради победы. Мы в Ливане стояли вместе, внося свой существенный вклад в общее дело, наши сыновья храбро и самоотверженно сражались во всех союзных армиях, оградивших человечество от страха и тирании. <...> И теперь мы счастливы <...> объявить День Победы в Европе национальным праздником в нашей стране...»¹.

Ранее, еще 31 июля 1944 г., ливанский министр иностранных дел в телеграмме, посланной в НКВД СССР, сообщал о желании установить дипломатические отношения и тепло отзывался о политике нашей страны, свободной от колониализма. В тексте говорилось: «Это желание соответствует глубоким стремлениям ливанской нации, испытывающей величайшее восхищение великолепным героизмом народов Советского Союза и возвышенными принципами, которыми направляется внешняя политика

его руководителей. Ливанский народ, который долгие годы боролся за свою независимость и суверенитет, которых он только что полностью добился (sic!), вполне убежден, что советская внешняя политика основана на уважении свободы и равенства всех народов – на соблюдении принципов, несовместимых с попытками завоевания и господства, так же как и с капитуляциями, привилегиями и другими преимуществами, которыми пользовалась царская Россия»². В том же документе ливанский министр писал, что его правительство «свободно встало на сторону демократий в их отважной и славной битве против стран оси», тогда как в феврале 1945 г. уже сирийский президент Шукри аль-Кувватли подтверждал в своем парламенте, что «Сирия находится в состоянии войны с державами оси»³.

Воодушевление в Ливане и Сирии было всеобъемлющим. Как передавали ливанские газеты, новость об окружении Берлина частями Красной Армии достигла пределов Сирии и Ливана еще вечером 24 апреля 1945 г., и вскоре на улицы вышли толпы ликующих людей как в столицах, так и в других городах. Газета «Саут аш-шааб», в частности, писала: «Национальные песни, гимны и радостный восторг, лозунги, скандируемые женщинами и мужчинами во время демонстраций вчера вечером, сливались в столичном небе с колокольными звонами церквей со всех сторон города. Они слились в одну мелодию, переполнявшую души энергичным энтузиазмом и глубокой радостью. Лица, лица в толпах народа, собравшегося на площади Мучеников и вокруг нее, лица этих юношей и девушек – этих детей жизни, группировавшихся вокруг больших факелов – были отмечены счастьем. Отовсюду были слышны здравицы в честь свободного и независимого Ливана, Красной Армии и ее великого вождя Сталина, а также союзных армий»⁴.

Такова была атмосфера праздника, таково было ощущение долгожданного конца великой войны, затронувшей многие страны Европы и Азии. Но была ли радость победы у ливанцев и сирийцев долгой и устойчивой? Могли ли они не только сполна разделить эту радость с победителями, но и надеяться, что победа означает для них и наступление обещанной полной независимости после долгих лет ее предвкушения? События весны – лета 1945 г. далеко не представляли собой для ливанцев и сирийцев торжественное шествие к полному самоуправлению и государственному суверенитету. И это, несмотря даже на их статус членов-учредителей созданной в марте 1945 г. Лиги арабских государств (ЛАГ), а также, конечно, их присоединение к работе Конференции Объединенных Наций по выработке устава ООН в Сан-Франциско с апреля по 26 июня 1945 г.

Торжество события находилось в резком контрасте с безрадостным отстаиванием обретения полной независимости перед лицом государства-опекуна, не желавшего оставлять выгодных позиций в регионе и к тому же справедливо опасавшегося усиления здесь ближайших конкурентов. Так что основной составляющей контекста общей победы было продолжающееся доминирование французов во всех сферах управления, экономики и в силовых структурах. Чтобы оправдать затянувшееся французское присутствие, администрация Шарля де Голля пыталась перевести акцент то на внутреннюю, то на региональную проблематику, и в частности на вопросы сирийско-ливанских отношений. В обеих этих сферах Франция, как предполагалось, могла еще долго продолжать играть роль арбитра и гаранта безопасности.

По сведениям французского исследователя Эдмона Шидьяка, мандатные власти опирались формально на заключенное еще 29 мая 1942 г. сирийско-ливанское соглашение (подписанное Фаезом Хури и Хамидом Франжье) о порядке

управления секторами, входящими в так называемые «общие интересы». «Службы “общих интересов” [объединенная таможенная служба, защиты коммерческой и промышленной собственности, контроля над акционерными обществами, управление табачных монополий, почта, железные дороги] должны были быть переданы французскими властями государствам Леванта к 1 января 1944 г. Предусматривалось, что под властью армии де Голля до конца войны должны были оставаться сектора, имеющие и военное назначение (порты, железные дороги, валютный контроль)»⁵. Цинизм такого рода обещаний заключался в фактической невозможности полной нормализации работы указанных управлений при колоссальных экономических трудностях в обеих подмандатных странах, да еще и в условиях войны. Военное же и стратегическое назначение можно было признавать в такой ситуации практически за всеми основными хозяйственными сферами. Экономике Сирии и Ливана действительно переживали труднейшие времена. Как пишет, опираясь на выкладки европейских экономистов, ливанский исследователь Имададдин Раеф, «документы показывают, что в период между 1939 и 1945 гг. оптовые цены в Ливане выросли на 1019%, а розничные цены – почти до 730%, тогда как стоимость жизни достигла рекордных пределов, более чем в пять раз – на 562%»⁶.

При этом Франция использовала трудности в государствах, находящихся под ее мандатом и протекторатом, для того, чтобы требовать крупные займы в ведущих швейцарских банках якобы для нужд этих стран. Так, соглашение от 1 марта 1945 г. о предоставлении займа в 300 млн швейцарских франков (на покупку швейцарских товаров) предполагало следующее: «Соглашение действует в основе своей в течение 3-х лет и относится к Франции, Алжиру, французским колониям, областям под протекторатом и мандатом Франции, в том числе Сирии и Ливану (*die französischen*

Kolonien, die unter französischem Protektorat und Mandat stehenden Gebiete sowie für Syrien und den Libanon). Соглашение может автоматически продлеваться из года в год...»⁷.

Чрезмерное, по мнению мандатных властей, стремление к скорейшей и полной независимости сирийцев и ливанцев продолжало караться. Известно, в частности, о «секретном французском постановлении от августа 1944 г., в котором налагались дисциплинарные санкции в отношении ливанских должностных лиц из-за «их отношения к вопросу независимости»⁸. Такого рода меры вызывали объяснимую реакцию населения. Так, 29 января 1945 г. по Бейруту прокатились демонстрации с требованием передать в ведение ливанского государства все вооруженные силы. «Требования протестующих касались армии как символа независимости и достоинства, они призывали правительство использовать все средства, чтобы принять под свой контроль армию»⁹. Протестные выступления отмечались также в Дамаске, Алеппо и Дейр-эз-Зоре¹⁰.

Вплоть до начала мая 1945 г. сирийцы и ливанцы так и не увидели серьезных подвижек в исполнении обещания «Свободной Франции» предоставить подмандатным территориям полную независимость. Наоборот, стало ясно, что не только английские и французские регулярные части не будут выведены в ближайшее время из Сирии, не только особые соединения французов (*Groupes Spéciales*) продолжат оставаться в Ливане и Сирии, но и Соединенные Штаты стали проявлять повышенный интерес к региону. Всерьез обсуждалась даже возможность замены военного присутствия в Леванте с европейского на американское. Так, в беседе с директором ДБВСА американского Госдепартамента Лойем Хендерсоном советник британского форин офис по ближневосточным делам Майкл Райт даже рассуждал о возможности в будущем замены американскими

военными частями британских и французских частей в странах Леванта. Как сообщает источник, представитель американской стороны отвечал, что «едва ли это будет принято местным населением, которое желает вывода всех иностранных войск из страны. Мы, – продолжал Лой Хендерсон, – указали на то, что не имеем на Ближнем Востоке “сил на земле”, чтобы задействовать их, и серьезно сомневаемся, выделит ли Военный департамент для этой цели военные подразделения»¹¹.

Тем временем всемирные торжества в честь победы над фашистской Германией подтолкнули население к широкому выражению недовольства французской политикой в Леванте. Восстания, подобного знаменитой «Ас-Сауре» 1925–1927 гг., однако, не получилось, даже несмотря на размах протестов: вмешательство Великобритании, стоявшей будто бы за справедливое требование сирийцев и ливанцев – немедленную передачу власти и эвакуацию французского контингента из Леванта, – перевело характер борьбы из освободительного в конкурентный. Вышло так, что действия французов и противостоявших им англичан стали лишь одним из эпизодов постколониального соперничества в регионе, целью которого стало, напротив, затягивание выполнения требований местных правительств. Важно отметить, что все вовлеченные в этот процесс страны продолжали входить в состав антифашистской коалиции, и, несмотря на капитуляцию Германии, мировая война еще продолжалась. У каждого из этих государств были свои задачи, причем отношения между союзниками отличались подчас глубокой подозрительностью.

Соперничество Великобритании и Франции, известных своим многовековым активизмом на Ближнем Востоке, отставлялось в сторону, когда речь заходила об опасности усиления там советов. Успехи Красной Армии весной 1945 г.

и закрепление влияния СССР в Восточной Европе настояраживали обе эти державы, не желавшие пускать никого в свою колониальную «вотчину» – на Ближний Восток – и уж тем более страну победившего социализма, продемонстрировавшую свою внутреннюю мощь в евразийском масштабе. Понятные опасения упрочения позиций в арабском Машрике со стороны «великой восточной державы» (очевидно, СССР) выражал, в частности, в неофициальной беседе со швейцарским диппредставителем 29 июня 1945 г. тогдашний комендант Парижа, генерал Кёниг. В донесении в Берн швейцарскому федеральному советнику Максу Птипьеру сообщалось: «Затем мы перешли к вопросу Сирии. Я понял, что, признавая мои личные сношения с британским послом, возможно, позволяют ему прибегнуть к небольшой неосмотрительности *ad usum delphini*, и он говорил со мной с определенной “задней мыслью” <...> По существу дела генерал Кёниг сказал следующее: “Мы склонны считать, что нацелена на дела Сирии не Франция, а скорее другая великая держава, которая начала проявлять заинтересованность в том, что происходит и будет происходить на Ближнем Востоке. Поговаривают, что возможность внутреннего уклона Франции в левую или крайне левую сторону может являться следствием демагогической политики, уступившей такие хорошие позиции – позиции, которые будут в таком случае быстро заняты великой восточной державой”»¹².

Такая подозрительность в отношении Москвы вряд ли возникла только после победы в Великой Отечественной войне, открывшей тем самым заключительный акт всей Второй мировой войны. Корни такой подозрительности следует искать, видимо, во внутренних противоречиях союзников на более ранних этапах противостояния фашистской оси. Советский Союз в этой коалиции стоял особняком, представляя собой союзника, абсолютно чуждого

по государственному устройству и идеологии, в частности для Великобритании, США и деголлевской Франции. Ближневосточная проблематика поэтому рассматривалась ими сквозь призму этого обстоятельства и имела среди своих целей предотвращение успеха коммунистической пропаганды в арабском мире.

В ходе Второй мировой войны вопрос об открытии второго фронта в Северной Франции постоянно откладывался британцами и американцами. Приоритетом для них оказались военные действия в Магрибе. Североафриканская операция под названием «Факел», продлившаяся гораздо дольше, чем было запланировано, завершилась в мае 1943 г. Она стала, безусловно, серьезной победой в войне, но она принесла, увы, и непростительное удовлетворение достигнутыми результатами, которые отвечали на тот момент интересам Великобритании и Соединённых Штатов в арабском регионе. Советский посол И. М. Майский с негодованием писал, что после победы в Магрибе «со всей остротой встал вопрос: что же дальше? Казалось бы, наступил момент для организации вторжения в Северную Францию. Это обещали Черчилль и Рузвельт, начиная операцию “Факел”. Свое обещание они повторили на конференции в Касабланке. Но ... тлетворный дух “complacency” (самоуспокоенности), который так сильно поднял голову в Англии и США после Сталинградской битвы, снова одержал победу. Ведущую роль и на этот раз играл британский премьер-министр»¹³.

Англичанам и французам было важно продемонстрировать русским, что им не позволят проникнуть на Арабский Восток. В цитированном выше донесении в Берн передавались также следующие рассуждения коменданта Парижа: «Этот сирийский вопрос – давняя история в наших с Англией отношениях. Это в меньшей степени претензии, предъявляемые правительствами друг к другу, нежели вопрос

взаимоотношений разных “разведслужб”. Тамошняя традиция берет начало со знаменитого Лоуренса; единственно только, его последователи более мелки, чем он, и не понимают наивысших поставленных на карту интересов, которым они должны все подчинить. Играть роль и большие личные амбиции. Англичане в своем понимании почти автоматически исходят из того огромного числа своих агентов в этой области. Бесспорно, все волнения в арабском мире подпитываются и всеми теми, кто, помимо этих двух находящихся [там] лицом к лицу держав, заинтересованы в постоянном создании трудностей. Нас в настоящее время потеснили. И это ослабило Западную Европу. Это печально. Необходимо показывать больше солидарности между Лондоном и Парижем»¹⁴. Совершенно очевидно, что здесь надежда на солидарность выразалась и в отношении Ближневосточного региона в противовес возможному влиянию Москвы.

Советский Союз действительно использовал все рычаги, чтобы как можно больше расширить круг поддержки общественности за рубежом. Принимались меры политического, экономического, административного характеров. Вместе с тем много внимания уделялось и социальным проблемам стран, вовлекаемых в советскую орбиту, а также популяризировался образ Советского Союза как страны с народным правлением и гарантированными гражданскими свободами. Активно использовалось, в частности, церковное направление расширения внешних контактов: весной и летом делегации Русской православной церкви посетили Лондон, Софию, Тегеран и целый ряд арабских стран Ближнего Востока. При непосредственном содействии Московского патриархата в 1945 г. была «уврачевана» так называемая Болгарская схизма – конфликт между провозглашенной автокефалией Болгарской церкви и Константинопольским патриархатом, длившийся с 1872 г.

В мае–июне 1945 г. высокая церковная делегация во главе с патриархом Алексием I (Симанским) побывала в Дамаске, Бейруте, Аммане, а также в Палестине и Египте¹⁵. Эти визиты, без сомнения, не могли не поражать традиционных «ближневосточных патронов», в частности Великобританию. Американский историк Стивен Майнер приводит комментарии британских дипломатов по поводу этого церковного ближневосточного турне, в котором те видели явное доказательство возрождения интереса Советов к регионам Средиземноморья. «Так Советские власти смогут использовать религиозную тетиву своего лука, и никто не сможет сказать, что они защищают исключительно православные интересы, как это было при царях»¹⁶. А советник посольства в Москве Фрэнк Робертс заявлял британскому министру иностранных дел Энтони Идену: «Безбожное коммунистическое государство использует православную церковь в своих политических целях тем же способом, как безбожная Французская республика конца XIX – начала XX в. использовала религию для достижения своих целей на Ближнем Востоке и по всей французской колониальной империи»¹⁷.

Использовало ли руководство СССР возможности церкви для улучшения образа советского строя в глазах охваченных западной пропагандой обществ Ближнего и Среднего Востока? Вопрос остался открытым. Возможно, большая доля межцерковной активности в тот период относилась на счет самих церковных иерархов, почувствовавших ослабление атеистической пропаганды и давления «сверху», что позволяло им воспользоваться возможностью решить накопившиеся проблемы международного положения Русской православной церкви. Но вот, что действительно «натягивало тетиву» межрелигиозных отношений в Леванте, так это усилившаяся исламистская пропаганда.

Известно, например, что еще в 1944 г. штаб «Братьев-мусульман» был переведен из Алеппо в Дамаск, и с зимних месяцев 1945-го по лето 1946 г. отмечалась консолидация исламских локальных сообществ (*джам'ийат*) и нарастание их активности. Большинство из них объединились в это время под крылом «Братьев-мусульман», и Сибаи был избран их лидером – «главным смотрителем» (*муракиб аль-'амм*) этой зонтичной организации¹⁸. Межконфессиональные отношения в Сирии и Ливане неизбежно обострялись ввиду затянувшегося европейского военного присутствия. В Ливане опасались некой «внутренней угрозы» и даже желали продолжения иностранной опеки над христианскими католическими и протестантскими общинами. Впрочем, многие ливанцы и сирийцы не сомневались в необходимости укрепления общей формулы сосуществования общин и их политического участия на светской основе.

Внимательно наблюдали за межрелигиозной ситуацией американцы, будучи кровно заинтересованы в объективной картине, в то же время пытаясь избежать ошибок в религиозной политике своих предшественников – французов и англичан. К примеру, американский военный атташе в Бейруте Вёрджил Джексон отмечал, что «французская политика вмешательства подорвала независимую политическую жизнь Ливана и что рано или поздно французы должны будут осознать, что их политика несовместима с интересами как христиан, так и мусульман. Франция едва ли сможет оставить ливанских христиан, которые служат “настоящими защитниками французского влияния в Леванте”. Для мусульман же, что бы ни предлагала Франция, это зависело бы от изменения их отношений с христианской общиной, что едва ли осуществимо»¹⁹.

Напряженную картину социальных протестов в мае 1945 г. пытались проанализировать многие, в том числе

отечественные авторы²⁰. Очередную удачную попытку предпринял не так давно, опираясь в том числе на документы дипломатического архива Франции в Нанте, французский исследователь Гётц Нордбрух. По его мнению, многие сообщения французской службы общей безопасности (*Sûreté Générale*) засвидетельствовали различие в позициях христианских и мусульманских групп в Сирии и Ливане. Согласно этим сообщениям, христианские кварталы были наводнены французскими флагами и изображениями Ш. де Голля, в то время как в мусульманских кварталах подобные признаки поддержки Франции редко можно было встретить. «Впрочем, – признается автор, – поддержка Франции и ее союзников не обязательно соответствовала границам между общинами, равно как и, с другой стороны, оппозиция [европейцам]»²¹.

Как же разворачивались события в Дамаске и Бейруте сразу после объявленных празднований победы над Германией 8 мая? За два дня до того одна из французских радиостанций («Радио Браззавиля») сообщила, что завершилась миссия в Париже французского генерального делегата Бейрута, генерала Бейне²², где он получил от Ш. де Голля инструкции вести переговоры о передаче управления местным властям, «с соблюдением особых интересов Франции в регионе». (Впоследствии в меморандуме Бейне это было отражено следующим образом: «Французские привилегии должны были быть гарантированы заключением договоров, отражающих французские культурные, экономические и стратегические интересы».)²³ Одновременно под видом ротации контингента была существенно увеличена численность французских военных в Ливане (частями из Сенегала). Это очень взволновало общественность, подстегнув антифранцузские настроения, особенно среди мусульманских и христианских некаатолических общин. Настроения

в обществе были больше на стороне Великобритании, чем Франции, которая, по мнению многих, пережила самые трудные годы войны под коллаборационистской администрацией Виши.

Происходили нападения на победные парады французов в Бейруте, причем имелись жертвы среди солдат, а 10 мая палестинцы из числа британского корпуса, стоящего под Бейрутом, прошли по улицам, демонстративно разрывая французские флаги. В Дамаске сирийское правительство даже воспрепятствовало проведению шествия с французскими флагами, дабы не провоцировать недовольных. Французские спецслужбы видели во всем этом происки англичан²⁴, а вину за прошедшую в Бейруте демонстрацию с портретами одиозного палестинского муфтия Амина аль-Хусейни попытались возложить на политика Рида ас-Сольха. Спустя несколько дней, 14 мая, в Дамаске прошла забастовка и демонстрация учащихся медресе, в которой участвовали около 1,5 тыс. человек, причем были совершены нападения на некоторые французские учреждения в столице. Сирийский парламент, в свою очередь, принял Закон в защиту независимости, инициированный социалистом Акрамом Хаурани. Характерно, что закон, кроме прочего, предусматривал смертную казнь за нарушение общественного порядка в интересах иностранной державы.

Встреча генерала Бейне с ливанским и сирийским министрами иностранных дел, Анри Фараоном и Джамилем Мардамом, завершилась провалом. Бескомпромиссный по своему характеру меморандум был отклонен министрами, поскольку предусматривал, в частности, возможность почти бессрочного сохранения в Сирии и Ливане французского военного присутствия в виде «особых частей». По словам Анри Фараона, предложения Бейне «предоставляли бы Франции привилегированное положение в Ливане,

несовместимое с его суверенитетом»²⁵. Пламя протеста быстро распространялось по всей Сирии: во многих городах проходили забастовки рабочих и служащих, нередкими стали нападения на французских военных и гражданских лиц. Важно, что сирийское и ливанское правительства пытались удержать ситуацию, препятствуя выходу гнева народа и выражению возмущения некоторых политических групп. Обращались при этом – что характерно – к представителям британских, американских и советских дипломатических миссий с просьбой вмешаться и помочь обеспечить запланированный трансфер властных полномочий местным органам власти и устранить французское военное присутствие²⁶.

Тем временем французский контингент был усилен вновь прибывшими частями, о чем сообщало, в частности, агентство Рейтер 26 мая, и даже генерал Бейне считал нужным объяснить этот факт²⁷. Уже с 19 мая начались авианалеты с целью запугать население: французские самолеты даже пролетали на бреющей высоте над мечетями во время намаза. Настоящие авиаудары были нанесены 26 мая по городам Хама и Дэйр-эз-Зор, и на следующий день во многих местах развернулись настоящие бои. По сообщению из сирийской столицы агентства Ассошиэйтед Пресс 28 мая, «в Дамаске всю ночь происходила беспорядочная стрельба, в том числе из минометов», а накануне французские войска обстреляли население города Хама. После чего, как заявлял в печати врио премьер-министра Сирии Джамиль Мардам, «население города Хама напало на французский гарнизон; французские власти вызвали подкрепление из Хомса; борьба продолжается на улицах»²⁸. Французский гарнизон в Хаме был усилен танками для противодействия восставшим. В результате столкновений за несколько дней в конце мая в Хаме было убито несколько человек и несколько ранено. Острая ситуация сохранялась

и в Хомсе, где на улицах города также шли многочасовые перестрелки. На следующий день был взорван железно-дорожный мост между городами Алеппо и Хама, убиты 3 и ранено 14 человек, в том числе, как сообщало Рейтер, один английский солдат.

Кульминацией противостояния стал последний день мая. Сирийская «Саут аш-шааб» передавала: «Всякое сообщение с Дамаском было прекращено. В Дамаске французские войска атаквали некоторые важные стратегические пункты, поставив себе целью их занять. Они обстреляли крепость, в которой находились сирийские добровольцы. Имеются убитые и раненые. Над Дамаском непрерывно летали французские самолеты. Положение в городах Хама, Хомс и Алеппо обострилось. Происходят вооруженные столкновения. Артиллерийский снаряд попал в дом губернатора Хомса. Имеются раненые и убитые. Во всех сирийских городах запрещено движение транспорта»²⁹. Франция сильно рисковала, пойдя на острую конфронтацию в решении своих, по сути, колониальных проблем. Уже 28 мая глава американского Госдепартамента передал через посла в Париже ноту правительству Франции с призывом «тщательно пересмотреть политику в отношении Сирии и Ливана с целью дать ясно понять этим странам и всему миру, что в своих отношениях со странами Леванта Франция намерена обращаться с ними как с полностью суверенными независимыми членами семьи народов»³⁰.

Госдепартамент в период «сирийского кризиса» мая 1945 г. вообще пытался демонстрировать миролюбие и свою приверженность справедливости. Для иллюстрации можно привести полностью заявление главы американского внешнеполитического ведомства от того же числа, доведенное до сведения многих стран. «Комментируя ситуацию в Сирии и Ливане, исполняющий обязанности госсекретаря

заявил, что он с большим сожалением узнал, что беспорядки, в результате которых были ранены и погибли люди, случились в Ливане и Сирии вслед за недавним прибытием в Ливан французских воинских частей. Он сказал, что в течение последних месяцев его правительство неоднократно предупреждало правительства Франции, Ливана и Сирии, что следует приложить все усилия для достижения полюбовного соглашения по наболевшим вопросам, которые в целом сводятся к независимости этих двух стран, а также что следует принять за основу недискриминационный способ соблюдения там французских интересов. Он добавил, что особенно печально, что это происходит в момент, когда Объединенные Нации стремятся создать Международную организацию безопасности, что различия между членами Объединенных Наций привели к беспорядкам и человеческим жертвам. Его правительство продолжает настойчиво призывать французское, ливанское и сирийское правительства воздержаться от любых действий, могущих усугубить ситуацию и сделать еще более затруднительным путь к дружественному и равноправному урегулированию в доверительной атмосфере»³¹.

Советский Союз в своей ноте протеста от 1 июня указывал, что события в Сирии и Ливане «не соответствуют духу решений, принятых в Думбартон-Оксе, и целям проходящей в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций по созданию организации для обеспечения мира и безопасности народов»³², и призывал к мерам по прекращению военных действий и урегулированию конфликта мирным путем³³. В Сирии французским подразделениям и включенным в них сирийским отрядам (около 1,2 тыс. из 2 тыс. военнослужащих под французским командованием) фактически противостояли сирийские полицейские отряды (около 1,2 тыс. человек), подчиняющиеся правительству

и парламенту Сирии, и дружины ополченцев, в том числе молодежные партизанские отряды. Дело дошло до атак на дом парламента и резиденцию правительства (Серай) в Дамаске, которые сопровождались авианалетами и бомбардировкой города. 30 мая сирийская и ливанская миссии в Лондоне опубликовали следующее заявление: «Согласно поступившим из Дамаска сведениям, вчера в 9 часов вечера французы произвели бомбардировку города. Бомбардировка прекратилась после вмешательства английского посланника, но обстрел продолжается». А корреспондент Рейтер сообщал тогда же, что в Дамаске «всю ночь, с одним промежутком перед рассветом, был слышен свист снарядов, пролетавших над головами, и непрерывная трескотня пулеметов. ... Сражение с различной интенсивностью длилось во все часы темноты. Были использованы все виды оружия – ружья, автоматы, пулеметы, а затем полевые орудия и мортиры. Вскоре после наступления темноты зарево охватило небо, освещая город и французские самолеты, летающие над городом. Число жертв еще не известно». Агентство Юнайтед Пресс подтверждало атаки с воздуха и авиаудары французов по Дамаску, а также захват ими здания сирийского парламента³⁴.

К концу месяца столкновения привели к большому числу человеческих жертв. Сведения разных источников несколько расходятся: по данным Нордбруха (на основании документов того времени), потери среди французов составили около 30 человек, а среди сирийцев около 400³⁵, тогда как советская «Правда» приводила такие цифры: всего убито от 80 до 100 человек и ранено около 300³⁶. Важно, что при такой остроте положения Франция продолжала придерживаться своей формулировки об «особых интересах» в Сирии и Ливане. Глава французского министерства иностранных дел, выступая 29 мая перед членами своего

правительства, подчеркивал, что Франция «юридически не отказалась от своего мандата над Сирией и Ливаном. Франция желает сделать обе эти страны независимыми, но, в первую очередь, она хочет урегулировать жизненные вопросы об охране французских экономических и культурных интересов»³⁷.

На это глава Форин-офис Э. Иден 31 мая огласил перед палатой общин решение главы премьер-министра не оставаться в стороне, и что правительство «с глубоким сожалением дало приказ главнокомандующему вооруженными силами на Ближнем Востоке вмешаться, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие». Действительно, ввиду угрозы хаоса в Сирии, У. Черчилль в ультимативной форме потребовал от французов прекратить боевые действия и заставить военных вернуться в казармы, «чтобы избежать столкновения между английскими и французскими войсками»³⁸ (sic!). Важно, что британский премьер увязывал свое требование и решение применить военную силу со стратегическим значением Ближнего Востока в продолжавшейся войне с Японией, а окончательное урегулирование вопроса предлагал отложить до победы на Дальневосточном фронте³⁹.

Англичане выступили в данном случае против французов, заставив их пойти на прекращение карательных акций. Однако не должно казаться, что Великобритания стала на сторону протестующих арабов и защищала их интересы. Так, в очень важной телеграмме главе британского ближневосточного бюро от 2 июня говорилось следующее: «В ходе нашей беседы с министром иностранных дел он сказал, что де Голль недавно серьезно решил совсем покинуть Левант, убрав оттуда солдат, гражданских, миссионеров, университеты, профессоров со всеми пожитками. Хотя, подумав, он отказался от этого плана, нам было бы полезно обдумать, как

это отразится на нас, если он позднее вернется к нему. Это может быть, конечно, жестом в момент раздражения и “подрезанием носа назло лицу”, но и это может быть исполнено с заранее обдуманном умыслом. Я недостаточно знаком с местной ситуацией, чтобы иметь мнение, насколько это станет для нас облегчением или затруднением. Полагаю, в большой степени это будет зависеть от способности местных правительств поддерживать порядок и защищать меньшинства. Если они очевидным образом потерпят неудачу, возможно, нам придется вмешаться и постепенно занять те позиции, которые Франция оставит. Такое развитие событий, боюсь, будет расценено как классическое вероломство, присущее Альбиону, тогда как искренность всех наших предыдущих заверений, будто мы не имели таких намерений, будет поставлена под серьезное сомнение...»⁴⁰.

И на этом этапе острой конкурентной борьбы между Великобританией и Францией «русская карта» Леванта активно разыгрывалась. Англичане оправдывали свои действия тем, что они тем самым препятствуют укреплению в Леванте позиций Москвы. Так, во втором пункте цитированного донесения говорилось: «Если мы все же сами не захотим вмешиваться, то вряд ли сможем помешать сделать это другой державе, и русские могут не отказаться закрепиться в Восточном Средиземноморье»⁴¹. Об остроте противостояния держав на ближневосточном театре военных действий говорят многие документы той поры. Особенно раздражение англичан вызывало некоторое сближение, как им казалось, Франции и Советского Союза. Французы якобы были страшно раздражены британским ультиматумом и применением военной силы в Сирии (ее традиционной сферы влияния), апеллируя при этом к США и СССР. В свою очередь, это не могло оставить равнодушными англичан, поскольку интересы Великобритании и Франции

на Ближнем Востоке следовало бы представлять в гораздо большей степени параллельными, нежели пересекающимися интересами соперничающих стран. В одной из секретных телеграмм британский дипломат так описывал позицию Франции:

«b. Делегат уведомляет Париж. 7 июня французский делегат известил Париж, что британцы низвели позиции Франции с победительницы до побежденной. Разнообразные выступления сирийцев против Франции могли бы не иметь места, если бы не британская толерантность – это факт, который следует довести до сведения британцев. Делегат заключил, что если британцы смогут гарантировать status quo ante, то он смог бы совладать с элементами ситуации, но если к такому соглашению прийти не удастся, то это может серьезно угрожать интересам Франции в Сирии и Ливане.

d. Французы информировали СССР. Французский посол в Москве докладывал в Кё-д-Орсэ, что он держит Молотова в курсе событий в Сирии, как и его американского коллегу. Выражалась также уверенность, что Кремль следит за происходящим в Леванте, однако посол сомневается, что Россия будет делать больше того, о чем сказано в ее заявлении от 1 июня. В заключение он заявил, что и он, и Молотов подчеркивают международный по своей сути характер этого кризиса и необходимость включения его в состав обсуждения любых вопросов, касающихся Ближнего Востока»⁴².

В другом, более позднем, документе звучит и вовсе неправдоподобная критика (уже со стороны швейцарцев) французской внешней политики: «Внешняя политика Франции в настоящий момент разбалансирована сепаратным союзом с Россией, что усугубляется присутствием партии коммунистов во французском правительстве»⁴³. Лавируя, по существу, между основными европейскими

игроками, швейцарская дипломатия должна была преследовать свои интересы на Ближнем Востоке. И извлекать выгоду из ситуации, зависящей от более мощных держав, можно было лишь исходя из достоверной информации об их текущих позициях и внешнеполитических тенденциях. Вопрос о признании суверенитета Сирии и Ливана, видимо, тоже стоял для швейцарцев в зависимости от европейской политической конъюнктуры.

Вот как описывал глава дипломатической миссии Швейцарии в Париже в своем донесении в Берн разговор о Сирии во время ужина в резиденции генерала де Голля в Булонском лесу 17 июля 1945 г.: «В ходе разговора я улучил момент спросить Директора кабинета генерала [де Голля] о Сирии и о признании этого государства со стороны [Швейцарской] Конфедерации. Месье Палевский отреагировал на вопрос вполне предсказуемо: он сказал, что сейчас очень неблагоприятный момент, что необходимо, чтобы все успокоилось, что нужно выиграть время. Говоря на эту щекотливую тему, он предположил в мистере Черчилле удивительную живость, охарактеризовав его как “страстного охотника до лукавых маневров”»⁴⁴.

Важным фактором, побудившим британцев к ультиматуму, стало волнение в арабском мире, спровоцированное, по сути, Францией, и которое было совсем некстати политике Великобритании в регионе. На чрезвычайной сессии ЛАГ 4 июня Франция была названа агрессором. При этом требование вывода французского контингента из Сирии и Ливана сопровождалось указанием на нежелательность присутствия в регионе и каких-либо других иностранных войск (по мнению Э.П. Пир-Будаговой, имелись в виду английские воинские части)⁴⁵. Принципиальное решение о выводе французских «особых частей» в течение 45 дней было принято наконец 8 июля⁴⁶. На встрече

в Шторе [Западный Бекаа] 12 июля было определено, что строения и казармы должны быть переданы к 20 июля, воинские подразделения – к 25 июля, а руководство и управление этими силами – к 1 августа⁴⁷.

Осознавая всю неустойчивость своего положения в Леванте, французы опасались конфронтации с англичанами в регионе, в результате чего могли его потерять, впрочем, как те, так и другие. Вот как оценивал из Парижа положение дел швейцарский дипломат Карл Буркхардт уже в начале августа 1945 г.: «События в Сирии вспыхнули внезапно. Чрезмерно жестоко, но ведь британское правительство допустило психологическую ошибку перед своими французскими партнерами, слишком сильно стукнув кулаком по столу, – ошибку, которую Генерал, в общем, и использовал. Те же французы, что пеняли Генералу за то, что он не заключил крепкий альянс с Англией, теперь оправдывают его тем, что он ответил в резких выражениях на британский ультиматум. Интересы двух стран находятся в противоречии друг другу, но, будучи очень выразительными, они облакаются в форму, наименее раздражающую тех, кто настроен враждебно к альянсу с англичанами.

Этот основной вопрос франко-английского альянса ныне более чем когда-либо стоит на повестке дня. Это и главное нареkanie к политике генерала де Голля, ведь все больше французов обеспокоены изоляцией своей страны, ее нуждами в экономической области, а также глубоким продвижением России по направлению к европейскому Западу.

Это прекрасно применимо также и к дружескому притяжению между Францией и Соединенными Штатами. <...> Ведь только согласие с англо-саксонскими державами могло бы создать основу для конструктивной зарубежной политики; это согласие было бы жизненно необходимо

малым странам, еще остающимся на континенте вне советской системы»⁴⁸.

Подход Соединенных Штатов к плану послевоенного переформатирования взаимоотношений стран, добившихся полной независимости, казался многим свежим, основанным на уважении прав населения стран, находившихся под протекторатным или мандатным правлением. В экономическом же плане импонировала декларированная приверженность американцев политике «открытых дверей» в странах этого типа. Однако при обсуждении концепции Международной организации безопасности в мае 1945 г. большинство здравых предложений были скорректированы в сторону прежних колониально-протекционистских подходов. Так, автор объемного материала в «Правде» за 8 и 9 июня, «О колониях, зависимых странах и системе международной опеки», А. Леонтьев, писал: «Что касается политики “открытых дверей” в колониях, то в этом важнейшем для Америки вопросе “рабочий проект” также приближается к английской точке зрения. В первоначальном американском проекте предусматривалось запрещение на подмандатных территориях всякой дискриминации в области экономических, социальных и торговых интересов. Это предложение вызвало возражение со стороны англичан, которые стремятся сохранить политику имперских торговых преференций, стерлинговых блоков и т. п.»⁴⁹.

Впрочем, реальность была далека от прекрасноречивой риторики. Известно, что уже в мае 1945 г. тогдашний глава Отдела по делам нефти Госдепартамента США, Джон Лофтес, передал Джону Лайнбофу из Отдела по делам Британского Содружества, что Соединенные Штаты желают «прекращения британской политики вмешательства в вопросах приобретения нефтяных концессий в районах, прямо или косвенно зависящих от британских властей»⁵⁰.

Речь шла, конечно, прежде всего об аравийских месторождениях, где США всеми силами пытались перекупить концессии или как-то иначе переиграть англичан. Сирия и Ливан в этом смысле представляли для них гораздо меньший интерес⁵¹. Жесткость внешнеполитической линии Гарри Трумэна (президент с 12 апреля 1945 г.) вызывала некоторую ностальгию по недавним «благородным» намерениям американской администрации (например, проекту устава Международной организации безопасности 1943 г.). Критика этой линии, например, обозревателем газеты «Нью-Йорк пост» содержала, в частности, следующий пункт: «Мудрая и смелая внешняя политика попыталась бы осуществить “благородную концепцию” Рузвельта в отношении опеки над колониями и подмандатными территориями во всем мире»⁵².

Возвращаясь к политике Франции, следует заметить, что обычный для неё аргумент необходимости ограниченного военного присутствия для защиты христиан в тот период почти не применялся. Это могло объясняться сплочением сирийцев и ливанцев в предвкушении полной независимости и вывода французского и британского контингентов с территорий суверенных Сирии и Ливана. Сплочение это усилилось в ответ на неоправданно жесткие действия французов в Дамаске и других городах Сирии в мае. Вот как описывали положение дел в августе 1945 г. англичане: «Сирийский президент убедил христианских лидеров в намерениях своего правительства обращаться с христианами и мусульманами на равноправной основе, а правительство осознало необходимость рекомендовать мусульманским алимам проповедовать в мечетях религиозную толерантность. Сирийский избирательный закон предусматривал равновесное распределение мест в парламенте между всеми общинами, соответственно их численности. Нельзя

также не заметить, что нынешний премьер-министр – христианин и что двое из трех членов сирийской делегации в Сан-Франциско (включая премьера) были христианами. Пока, разумеется, христиане выказывают свое единство с охватившим всех духом национализма – в смысле преданности сирийскому государству – и пока этот дух свободен от религиозного фанатизма и ксенофобии, им нечего опасаться преследований, по крайней мере в городах, за свое христианское вероисповедание. В удаленных сельских районах безопасность христианских деревень будет зависеть после вывода войск союзников от того, насколько полностью независимое сирийское правительство сможет удерживать порядок и вызывать уважение к своей власти»⁵³.

Были ли готовы правительства Сирии и Ливана к самостоятельному и ответственному решению своих внутренних вопросов после вывода войск союзников с их территорий? Выражало ли большинство населения этих стран готовность к суверенному существованию своих государств, построенных, по сути, на светской демократической основе? Очевидно, что утвердительный ответ для самих сирийцев и ливанцев созрел уже давно. Много месяцев понадобилось, чтобы их этих стран ушли английские войска; еще больше времени (более полутора лет, начиная с июня 1945 г.) ушло на принуждение французского контингента покинуть Сирию и Ливан.

Времена изменились, и усталость полузависимым положением на «подмандатных территориях» накопилась колоссальная. С горечью автор записки по строительным проектам сирийского правительства писал в заключении: «Возвращаясь несколько назад, бросая взгляд на наши улицы, устроенные мандатными властями, мы найдем огромное различие в целях, стоявших тогда и стоящих теперь: большинство улиц раньше выполняли лишь одну задачу, а именно углубление

колонизации страны, ибо дороги прокладывали только для облегчения переброски войск, а большие здания строились лишь под армейские казармы или командные центры»⁵⁴.

Народ жаждал национального строительства, жил с надеждой на перемены к лучшему после победы над фашизмом в Европе. Это было, говоря образно, утро настоящей и полной независимости. Но рассвет не был безоблачным: он оказался омраченным событиями, еще раз напомнившими сирийцам и ливанцам о живучести европейского колониализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Раеф, Имададдин. Саб'ун 'амман 'аля индихар аль-фашия (Семьдесят лет со дня разгрома фашизма) // *Ас-Сафир* (Ливан), 9.05.2015. С. 14. URL: <http://assafir.com/Article/418508>
2. Телеграмма министра иностранных дел Ливана Народному комиссару иностранных дел СССР, 31.07.1944. Док. 20/1. // СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы / МИД СССР. М., 1961. С. 84.
3. *Правда*, 28.02.1945, № 50 (9821). С. 4.
4. Музахарат ибтихадж ва-ль-фарах // *Саут аш-шааб*, 25.04.1945 (Цит. по: Nordbruch, Götz. Nazism In Syria And Lebanon: The Ambivalence of the German Option, 1933–1945 / SOAS. London – New York: Routledge, 2009. (SOAS/Routledge Studies on the Middle East, 8). P. 129).
5. Chidiac, Edmond. Les intérêts communs syro-libanais (1920–1950) // *France, Syrie et Liban 1918–1946* / Ed. by Nadine Méouchy. Paris: Presses de l'Ifpo, 2002. P. 266–267
6. Раеф, Имададдин. Саб'ун 'амман...

7. Acceptation par le Conseil fédéral des principales dispositions de l'accord financier franco-suisse. Frankreich, Gewährung eines Kredites. Volkswirtschaftsdepartement. Antrag vom 26. Februar 1945; Finanz- und Zolldepartement. Mitbericht vom 1. März 1945. E1004.1, 1/455. Doc. 384. 2.03.1945 // Diplomatische Dokumente der Schweiz, 1848–1945. Band 15 (1943–1945) / bearbeitet von L.-E. Roulet, Ph. Marguerat, Université de Neuchâtel, 1992. (CVIII+1200 s.) P. 960.
8. Раеф, Имададдин. Саб'ун 'амман...
9. Там же.
10. Evolution des relations Franco-Syriennes depuis janvier 1945. Doc. 2937 / Ministère des Affaires étrangères, Archives diplomatiques (Nantes). P. 1–5 (Цит. по: Nordbruch, Götz. Nazism In Syria And Lebanon... P. 130).
11. Memorandum by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Henderson), 890D.01/5–345. [Washington,] May 3, 1945 // Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1969. P. 1064.
12. Conversation avec le Général König sur le destin des Suisses qui se sont battus pour la France, ainsi que sur l'affaire de Syrie. I.B.5/45. Paris, le 2 juillet, 1945. A M. Max Petitpierre, Conseiller Fédéral, Chef du Département Politique Fédéral, Berne, de Carl Burckhardt, le Ministre de Suisse (9 p.) / Archives fédérales suisses, Berne. Paris, Politische Berichte und Briefe, Militärberichte, Band 98 (1944–1944). P. 2–3.
13. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата (1925–1945 гг.) / Отделение истории АН СССР. М., 1971. С. 675.
14. Conversation avec le Général König... I.B.5/45. Paris, le 2 juillet, 1945. P. 3.
15. Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945. М.: РОССПЭН, 2010. (История сталинизма). С. 406.
16. Waddams to Golsworthy. May 24, 1945. PRO FO 371/47930. (Цит по: Там же. С. 407).
17. Roberts to Eden. April 21, 1945. PRO FO 371/47929. (Цит по: Там же).
18. Teitelbaum, Joshua. The Muslim Brotherhood in Syria, 1945–1958: Founding, Social Origins, Ideology // *Middle East Journal*, Spring 2011, Vol. 65, No. 2: Richard B. Parker Memorial Issue. P. 216–217.
19. Gendzier, Irene. US Perceptions from Lebanon, 1945–1947: «No Forum for the Lebanese People» // *Middle East Report* (MERIP), Jan. – Feb., 1990, No. 162: Lebanon's War. P. 35.

20. Например: Луконин Ю.В. Борьба народов Сирии и Ливана за вывод иностранных войск (1945–1946) // Очерки по истории арабских стран. М., 1959. 253 с.; Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. М., 2015. 392 с.
21. Nordbruch, Götz. Nazism In Syria And Lebanon... P. 130.
22. Он пробыл в Париже с целью получения инструкций с начала марта по 12 мая 1945 г.
23. Nordbruch, Götz. Nazism In Syria And Lebanon... P. 130–131.
24. По-видимому, французские власти стали всерьез опасаться своих британских партнеров, и усиление французского контингента в Ливане и Сирии было, возможно, частью этого соперничества. См. также: Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. М., 2015. С. 71.
25. Цит. по: *Правда*, 01.06.1945, № 130 (9901). С. 4.
26. Nordbruch, Götz. Nazism In Syria And Lebanon... P. 131.
27. *Правда*, 01.06.1945, № 130 (9901). С. 4.
28. Там же.
29. Цит. по: *Правда*, 02.06.1945, № 131 (9902). С. 4.
30. Цит. по: Там же.
31. Statement by the Acting Secretary of State. May 28, 1945. 890D.01/5–3045 // Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1969. P. 1106–1107.
32. СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. С. 86–87.
33. Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 73.
34. Цит. по: *Правда*, 01.06.1945, № 130 (9901). С. 4.
35. Khoury, Philip Shukry. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton: Princeton Univ. Press, 1987. P. 617. Филип Хури писал о 400 убитых сирийцах и огромном числе раненых; кроме того, было почти полностью разрушено здание парламента, что стало «горьким напоминанием четвертьвекового вклада Франции в образование людей под ее мандатом в ценностях западной цивилизации и демократии».
36. *Правда*, 01.06.1945, № 130 (9901). С. 4.
37. Там же.
38. Там же.
39. Луконин Ю.В. Борьба народов Сирии и Ливана за вывод иностранных войск (1945–1946). С. 195.

40. Cabinet Distribution. From Paris to Foreign Office. Mr. Duff Cooper. No. 812. 2 June, 1945 // Cambridge Archive Edition, Near and Middle East Records of Syria, 1918–1973, 15 vols. / Ed. by Priestland, Jane; with a preface by Patrick Seale. Vol. 8: 1943–1945. Cambridge Archive Editions, 2005. P. 614. Шифрованная телеграмма была срочной и носила секретный характер.
41. Ibid.
42. US National Archive. Intelligence Summary – RED. No. 46. 19 June, 1945. Top Secret. IV: The Levant. P. 4.
43. Analyse de la politique intérieure française: partis politiques, données économiques et financières; De Gaulle et la politique extérieure. Légation Suisse en France. I.B.10/45. Paris, le 8 Août, 1945 A M. Max Petitpierre, Conseiller Fédéral, Chef du Département Politique Fédéral, Berne, de Carl Burckhardt, le Ministre de Suisse. (22 p.) // Diplomatische Dokumente der Schweiz. Band 16 (9.5.1945 bis 30.5.1947) / Forschungsleiter Antoine Fleury; Redaktionsleiter Marc Perrenoud / Schweizerisches Bundesarchiv, Bern. 1997. (LXXIV+502 s.) Doc. 21. P. 13–14.
44. Divers propos de De Gaulle: Allemagne, Hitler, Japon, Syrie. Légation Suisse en France. I.B.8/45. Paris, le 19 juillet, 1945. A M. Max Petitpierre, Conseiller Fédéral, Chef du Département Politique Fédéral, Berne, de Carl Burckhardt, le Ministre de Suisse. (Personnel. Strictement confidentiel). (9 p.) // Diplomatische Dokumente der Schweiz. Band 16 (9.5.1945 bis 30.5.1947). 1997. Doc. 17. P. 5.
45. Пир-Будагова Э.П. История Сирии... С. 75–76.
46. Там же. С. 76.
47. Раеф, Имададин. Саб‘ун ‘амман...
48. Analyse de la politique intérieure française... Doc. 21. P. 13–14.
49. *Правда*, 09.06.1945, № 137 (9908). С. 4.
50. Gendzier, Irene L. Notes from the Minefield: United States Intervention in Lebanon, 1945–1958. New York: Columbia University Press, 2006. 470 p. С. 26.
51. Примечательно, что в известной, многократно переизданной книге «Американский ориентализм» (первое издание – 2002 г.) нет и упоминания о событиях в Сирии и Ливане 1945 г. и о жестком противостоянии их с французскими бывшими мандатными властями. См.: Little, Douglas. American Orientalism: The United States and the Middle East Since 1945. 3rd ed. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press, 2008. 441 p.
52. Цит. по: *Правда*, 09.06.1945, № 137 (9908). С. 4.

53. Memorandum by Headquarters, British Troops, North Levant: The Christian-Moslem Problem in Syria. The Future Relations between the Two Communities when the French and British withdrew (P. 628–634). Mr. Shone to Mr. Becin. No. 152. Beirut, 9 August, 1945. E62228/5484/89, No. 16 // Cambridge Archive Editions. Minorities in the Middle East: Christian minorities, 1838–1967. Vol. 8: Greek Orthodox communities, Roman Catholic, Jacobite, Chaldean and Syrian Catholic communities in the Levant and Iraq, 1844–1955. Doc. 54. P. 629.
54. Аль-‘ахд аль-ватани фи салас санават, 1944–1945–1946 (Трехлетний патриотический период: 1944–1946 гг.) / Аль-Джумхурия ас-сурийя, Визарат аль-а‘маль аль-‘амма ва-ль-мувасалят. С. 35.

Т. А. Карасова

Роль и значение израильтян – участников Великой Отечественной войны в общественной жизни государства

Израиль всегда в высшей степени положительно оценивал роль СССР во Второй мировой войне как освободителя Европы, спасителя евреев. Никогда здесь не ставили знак равенства между сталинизмом и гитлеризмом, указывая, что нацистский режим развязал Холокост, а СССР внес решающий вклад в победу над фашизмом и освободил евреев из концлагерей.

Планы Гитлера на Ближнем Востоке и в Северной Африке

В конце 1940 г. германская служба пропаганды в арабских странах начала широко рекламировать особое отношение нацистов к мусульманам. Немцы отпустили на родину 10 тыс. солдат-арабов из стран Магриба, состоявших на службе во французской армии и попавших в плен. С помощью алжирских эмигрантов немцы стали издавать в оккупированном Париже газету «Ар-Рашид», которая помогала службе пропаганды и абверу создавать иллюзию дружеского отношения Третьего рейха к арабским народам. Это позволило немцам без особых проблем сформировать из мусульман, проживавших во Франции,

Северо-Африканский легион, который они использовали в антипартизанских операциях. Большое число французских мусульман вступило в Легион французских добровольцев, отправленный в октябре 1941 г. на Восточный фронт¹.

Лозунги Гитлера попадали на благодатную почву в Палестине, где увеличивалась прослойка еврейского населения, в особенности бежавшего от неприкрытого антисемитизма Гитлера. Для активизации антибританских и антиеврейских выступлений в мае 1941 г. МИД Германии утвердил план психологической войны в английских владениях под кодовым названием «Акция: Британская мировая империя», цель которой состояла в проведении широких мер – от пропагандистских до диверсионно-террористических. Вскоре «представители» МИД Германии и абвера буквально наводнили страны Арабского Востока. Официально они выступали под маской миротворцев и борцов против бесчеловечной эксплуатации арабского народа. На деле же задача ставилась совершенно по-иному: вести пронацистскую агитацию, оказывать помощь местным «патриотам» в подготовке и проведении диверсионных актов против англичан и евреев, оборудовать площадки для приземления немецких самолетов и т.д.² В конце февраля 1940 г. в Ираке к власти пришло англофобское правительство Рашида аль-Гайлани, которое сразу же установило тайную связь с германским послом в Анкаре Папеном. В течение нескольких недель был выработан совместный проект создания Северной арабской империи под руководством Багдада и под покровительством держав оси Берлин – Багдад.

Перед Эрвином Роммелем, героем Первой мировой войны, в феврале 1941 г. Гитлером была поставлена задача командовать Африканским корпусом. Его цель была четко обозначена: занять Суэцкий канал и перерезать нефтяную артерию британцев; открыть путь к нефтяным

месторождениям Ближнего Востока, достичь Ирана и Баку на Каспии. Африканский корпус продвинулся до Туниса и Ливии. По свидетельству Ричарда Эванса, автора книги «1939–1945. Третий рейх. Дни войны», победы Африканского корпуса Эрвина Роммеля обернулись ужасными страданиями для евреев, издавна проживавших в Тунисе. И как только немцы оккупировали страну, собственность евреев была конфискована, а еврейскую молодежь – свыше 4000 человек – отправили в трудовые лагеря у линии фронта. Вальтер Ральф, начальник гестапо, установил террор над евреями, проживающими в Тунисе³.

Немцы попытались получить доступ к нефти Ближнего Востока, раздавая обещания представителям антибританских сил, желающих ее получить. Дело в том, что Палестина была под английским мандатом. Против британской администрации за создание своего государства в годы Второй мировой войны боролось еврейское население Палестины. Но антибританские настроения были сильны и среди арабской верхушки, которая считала, что англичане больше симпатизируют евреям и не пытаются очистить от них Палестину. Зная отношение Третьего рейха к евреям, они надеялись, что Германия изгонит всех евреев из Палестины. Великий муфтий Иерусалима Хадж-Амин аль Хусейни, известный своими прогерманскими настроениями, сбежал в Берлин после поражения антибританского восстания в Ираке и был принят Гитлером 28 ноября 1941 г. Фюрер успокоил его обещанием стереть с лица земли еврейские поселения Палестины и даже дал ему возможность формировать свои отряды для «зачистки» этой территории. В попытках не задеть чувства арабов имперское министерство пропаганды даже какое-то время рекомендовало заменить в СМИ термин «антисемитский» на более узкий «антиеврейский», чтобы не задеть арабов, которые также принадлежали к семитам⁴.

В Палестине население еврейской общины знало об этом и в тревоге ждало нашествия немцев. Но вот закончилась война, и встал вопрос о создании еврейского государства. Роль СССР в этом была велика. Речь А. А. Громыко на Генеральной Ассамблее ООН в 1947 г. в пользу создания еврейского государства имела решающее значение. В Палестине уже шла открытая война между еврейской общиной и британской администрацией. Англичане практически бежали оттуда за несколько дней до окончания мандата. В мае 1948 г., когда было провозглашено государство, первыми, кто признал его де-факто и де-юре, был СССР. (В США при президенте Трумэне это было сделано только де-факто.)

Память о Второй мировой войне как элемент государственной политики Израиля

Сегодня память о Второй мировой войне стала элементом государственной политики Израиля. Это случилось не сразу. Данная проблема неотделима как от процессов внутренних изменений израильского общества, так и от изменений внешнеполитического плана, в частности от развития отношений с Россией. Одним из главных факторов изменения ко Второй мировой войне в Израиле стала массовая иммиграция советских евреев в Израиль в 1990-х годах и становление русскоязычной еврейской общины.

До начала 1990-х годов в Израиле на государственном уровне практически не занимались увековечением памяти Победы в прошлой войне, мало что знали о ветеранах Второй мировой, хотя память о вкладе Красной Армии в разгром фашизма хранилась в Израиле, но в основном благодаря усилиям КПИ. Так, с помощью ветеранов и КПИ отмечался День Победы, с их помощью был посажен «Лес

Красной Армии», они крепили связи с СССР. Советские делегаты от Комитета защиты мира посещали Израиль. Все это было. Но израильское общество практически не обращало на это внимания, а деятельность израильских коммунистов была в стране маргинальным явлением.

В Израиле во многом из-за того, что страна постоянно воюет и борется за свое существование, общественное внимание всегда было сконцентрировано на страданиях и потерях еврейского народа. Для израильтянина любой разговор о Второй мировой всегда начинался с Холокоста, с Катастрофы. Все стало меняться, когда в 1990-х из стран бывшего СССР в Израиль приехало около миллиона человек. Они привезли с собой новый язык, новую культуру и даже новые выражения, которые были неизвестны израильтянам. Это может показаться странным, но до 1990 г. в Израиле, например, не было слова «ветеран»⁵. Здесь почти никто не знал, что такое 9 Мая – не было такого общего праздника. День Победы, ордена и медали – все это казалось чуждым. В израильской армии нет медалей! Когда приезжающие в Израиль начали рассказывать о прошедшей войне, израильтяне стали понимать, что они не знают важнейшую часть истории еврейского народа. Например, стало известно, что 500 тыс. евреев воевало во время Второй мировой в Красной Армии и 200 тыс. из них погибли в боях, что в армии СССР было больше 300 еврейских генералов и адмиралов, а 148 евреев получили звание Героя Советского Союза. Фашисты уничтожили треть евреев Европы – 6 млн из 18 млн но 1,5 млн в то же самое время воевали во всех странах антигитлеровской коалиции. В Израиле начали изучать эту тему; история *этого* героизма начала становиться частью истории государства.

Процесс вхождения, слияния «русских евреев» с израильским обществом шел не гладко, он не закончен и по сей

день. Но перемены видны уже отчетливо. Решающим фактором стало развитие русскоязычной общины евреев, выдвижение ее представителей в политику, в административные и государственные органы власти, в мэрии городов, в общественных организации. Постепенно на местном и общегосударственном уровнях началось увеличение представительства «русских» во властных структурах. Появился так называемый «русский фактор» в израильской политике – оценивался его электоральный потенциал, что впервые было продемонстрировано еще в 1992 г. партией «Авода», которая пришла к власти в значительной степени благодаря поддержке «русской улицы». Сегодня каждый мэр рассчитывает на поддержку «русских голосов», что предполагает опору на ветеранские организации. В последнее время даже в израильской прессе стали называть Вторую мировую – Великой Отечественной войной, что свидетельствует о феномене признания ее значимости.

Ветеранское движение в Израиле

Активизация отношения израильского общества к памяти о Второй мировой войне стало результатом включения «русской общины» во внутривластную повестку дня. Большая роль в этом процессе принадлежит ветеранскому движению в Израиле. В рядах Красной Армии сражалось около полумиллиона евреев, половина из них погибла на фронтах войны. 20 тыс. ветеранов Великой Отечественной войны приехали в Израиль. И здесь они борются за сохранение памяти о войне, о победе, об их боевой славе и героизме, за место в коллективной памяти израильтян. Деятельность ветеранских организаций в прошлом, а подчас и сегодня, сталкивается с трудностями. Поначалу

прежде всего из-за равнодушия части общества, не понимающего, чего хотят участники войны. Необходимо отметить, что в израильском обществе чтут память павших и царит культ погибших во всех войнах, которые переживало государство. В 1995 г. тогдашний премьер-министр И. Рабин, присутствовавший на собрании ветеранов, отмечавших 50-летие победы над фашизмом, обронил фразу: «Я не понимаю... мы тут все ветераны».

Люди, помогавшие ветеранам, искренне не понимали ни их идей, ни смысла их деятельности, не понимали, чего ветераны добиваются. Многие политики считали, что за этим стоят экономические или политические расчеты, а иные расценивали это как затею пожилых эмигрантов с целью как-то развеять собственное одиночество. Многие в Израиле до сих пор рассматривают деятельность «русских ветеранов» как создание альтернативной культуры, противопоставляющей память о восстаниях в гетто – памяти о Восточном фронте, память о Варшавском гетто – Сталинграду, а также память о погибших в Холокосте – памяти евреев – бойцов Красной Армии и т.д. Боевая слава до сих пор считается объединяющим фактором страны, и отклонения от официальной идеологии, мягко говоря, не приветствуются.

Да, по сути, ветераны, как и большинство русскоязычных израильтян, пытаются найти себе место в израильской жизни. Но они не бросают вызова обществу и его главным ценностям. Речь идет не о том, чтобы изменить, а о том, чтобы дополнить и обогатить жизнь израильского общества новыми аспектами. Большинство ветеранов настроено как раз очень патриотично. Ветераны хотят видеть свой вклад в Победу важным, а то и решающим, в деле образования Еврейского государства.

Сегодня ветеранское движение – самое организованное и разветвленное общественное объединение в Израиле.

На территории государства действует пять основных ветеранских союзов, многочисленные региональные, районные и городские отделения и комитеты, их цель – не только увековечить память павших, но и поддержать свое движение. Необходимо отметить, что сбор и систематизация фактов, доказывающих, что Советский Союз играл важную роль в освобождении и спасении европейской части еврейского населения, стал важным аргументом в поддержку позиции России в вопросе о решающем вкладе СССР в борьбу с фашизмом. Это направление деятельности взяли на себя ветеранские организации Израиля.

Решения на государственном уровне закрепить статус ветеранов и их финансовую поддержку законодательным путем пришли не сразу. Переоценка отношения общества к итогам Второй мировой войны произошла к 2000 г. От практики признания павших героев – евреев, погибших в израильских войнах, к признанию роли ветеранского движения – живых героев. Официальная доктрина сегодня: «Государство Израиль обязано своим существованием тем, кто проливал кровь в борьбе с немецкой машиной смерти, которая погребла миллионы евреев».

Особое значение имел Закон о статусе ветеранов Второй мировой войны, который был принят в 2000 г.⁶ Этот закон официально признал День Победы над нацистской Германией национальным праздником Государства Израиль и установил ряд льгот для ветеранов войны. Принятие этого закона является актом восстановления справедливости и результатом возросшего авторитета Союза ветеранов войны и всех ветеранских организаций, отмечалось в Военном вестнике Израиля⁷. Но главное – постепенно произошло изменение в общественном сознании: молодежь и внуки гордятся участниками войны. Сегодня правительство Израиля считает помощь им нравственным долгом израильтян.

Участие государства в их деятельности, присутствие на парадах и других мероприятиях становится традицией. Ведется работа ветеранов и с ЦАХАЛ'ом (Вооруженные силы Государства Израиль), с русскоязычным населением, молодежью, налаживаются связи с общественностью.

Диалог с израильским обществом был бы еще более трудным, если бы ветераны не пытались объяснить израильским гражданам, о чем, собственно, идет речь. Союзы ветеранов ведут работу десятков клубов по всей стране, создают выставки, «уголки памяти» и музеи, организуют проведение парадов. В их деятельности израильское государство принимает активное участие. В Израиле уже есть 42 памятника и мемориальные стелы в честь советских воинов-освободителей. После восстановления дипломатических отношений с Израилем, особенно после появления российского культурного центра в Тель-Авиве, началась планомерная российско-израильская деятельность по развитию и поддержке ветеранского движения в стране, что стало заметным явлением в системе двусторонних гуманитарных связей.

В настоящее время ветеранская деятельность приобрела особое значение в общих российско-израильских усилиях по борьбе против фальсификации истории и итогов Второй мировой войны. На территории Израиля, в Нетании, появился монумент советским воинам, одержавшим победу над нацистской Германией.

Праздник Победы

Отметим, что с 2015 г. День Победы включен в еврейский религиозный календарь. Праздник символизирует, что 70 лет назад этот день стал началом новой эпохи в истории евреев, когда народ спасся от угрозы физического

уничтожения германскими нацистами, встал на путь возрождения и вскоре вновь вернулся в свою страну. Этот день официально на заседании израильского парламента (кнессета) был включен в календарь еврейских государственных праздников и памятных дат.

Ветеранское движение – уходящая реальность. Сейчас идет попытка пополнения рядов ветеранского движения за счет более молодых ветеранов-афганцев и всех, кто принимал участие в интернациональных операциях. Официальный Израиль пока принимает эти попытки. Что дальше? Это зависит от политической воли русскоговорящей элиты и израильской государственной элиты. Задача состоит в формировании культурной памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гитлер и Ближний Восток. <http://yablor.ru/blogs/gitler-i-blijniy-vostok/869013>
2. Там же.
3. 1939–1945. Третий рейх. Дни войны. М., 2011. С. 170.
4. Там же. С. 171.
5. Крижевский А., Сохарева Т. «До 1990 года у нас не было слова «ветеран». http://www.gazeta.ru/culture/2014/11/07/a_6293077.shtml
6. Законы о льготах для участников Второй мировой войны. <http://www.claimscon.co.il/new/rus/article.php?id=77>
7. Свод Законов Государства Израиль. Закон О статусе ветеранов Второй мировой войны. Иерусалим, 2000. Т. 1737. С. 178–180. Закон вступил в силу 1 июня 2000 г.

Операция «Факел» и военные действия союзников: взгляд из Марокко

После капитуляции Франции в июне 1940 г. французская зона Марокко перешла под власть правительства Виши. С помощью германской и итальянской комиссий, учрежденных в Танжере и Сеуте, она стала использоваться державами оси в качестве своей важной продовольственной, сырьевой и военной базы. В стране, оказавшейся под фактическим контролем Германии, воцарился режим жесточайшей диктатуры. Ряд военных баз на ее территории был передан германскому военному командованию и использовался для нанесения ударов по морским коммуникациям союзников. Германская комиссия по контролю за оказавшимися в Марокко кораблями ВМС Франции и авиацией обосновалась в Касабланке, комиссия по контролю за частями сухопутных войск – в Федале.

С ведома и согласия правительства Виши испанские власти 14 июня 1940 г. захватили международный порт Танжер, а в декабре 1941 г. официально объявили о его вхождении в состав своих владений. В 1941 г. немцы установили контроль над всеми военными базами Марокко, включая порт Касабланки. В портах обеих зон укрывались германские военные корабли и транспортные суда, а с марокканских аэродромов германская авиация совершала налеты на Гибралтар, чтобы бомбить территорию Великобритании.

Генеральный резидент генерал Ногес неукоснительно выполнял все требования держав оси. Политика правительства Виши по отношению к марокканцам была двойственной. С одной стороны, оно внимательно следило за слухами и акциями, унижающими, как считали в правительстве, французское достоинство, и всемерно опровергало или нейтрализовало их. С другой – оно покорно следовало всем приказам держав оси. Что касается султана Мохаммада бен Юсефа, то дабы сохранить подконтрольные ему марокканские войска, он придал им статус вспомогательных. Это позволило им оставаться вне компетенции контрольных итало-германских комиссий. Причем перевод боевых *гумов* (гум – рота) в разряд полицейских был осуществлен по приказу полковника Гийома, руководившего в то время департаментом политических дел генеральной резидентуры. Расформирование нескольких полков марокканских стрелков позволило пополнить личным составом полицейские гумы. В надежные места при содействии как французского, так и марокканского населения были передислоцированы склады оружия и боеприпасов. В конце 1941 г. ставший к тому времени генералом Гийом произвел переформирование марокканских контингентов. Были сформированы *таборы* (батальоны) в составе четырех пехотных гумов и одного верхового. По своей боевой мощи они приравнивались к усиленному батальону. Три табора составляли полк. Всего было сформировано 4 подобных полка. Еще 10 отдельных таборов были укрыты в горах Атласа, где они занимались боевой подготовкой.

В целом в Марокко до ноября 1942 г. находилось до половины французских войск, которые Германия разрешила Франции иметь в Северной Африке. Их численность составляла 60 тыс. человек. Они были сведены в 7 полков марокканских стрелков, артиллерийские и кавалерийские

части. В тайне от Германии удалось складировать боевую технику, достаточную для оснащения шести дивизий общей численностью 70 тыс. человек. Мобилизационные ресурсы для них также имелись в Марокко – с началом Второй мировой войны туда перебрались до 75 тыс. европейцев, главным образом французов¹. В Марокко были укрыты французские стратегические материалы – 6 тыс. т меди, 5 т оксида урана, 800 л тяжелой воды.

США сохранили в Марокко, а также в Алжире и Тунисе, попавших под власть вишистского правительства, свои консульства. Этим они обеспечили себе возможность поддерживать постоянные контакты как с представителями Виши, так и с местными властями. В декабре 1940 г. Вашингтон направил в Северную Африку сотрудника Госдепартамента для осуществления руководства всеми консульствами и специальными наблюдателями. Ослабление экономических связей с метрополией привело к увеличению роли США в экономике Марокко. В 1941 г. было заключено соглашение Вейган – Мэрфи. В результате этой сделки американцы получили возможность поставлять в Северную Африку продовольственные и некоторые промышленные товары, а также горючее. Подготавливая вторжение во французскую Северную Африку, США стремились ограничить проникновение туда своего британского союзника. Одновременно Вашингтон категорически отказывался признать Французский национальный комитет, возглавлявшийся генералом де Голлем, считая его креатурой Лондона.

Можно предположить, что султан Мохаммед бен Юсеф мог бы воспользоваться поражением Франции и обратиться к Германии с тем, чтобы облегчить путь своей страны к независимости. Тем более что в истории Марокко уже были примеры, когда в начале XX века Германия пыталась заигрывать с султаном Мулаем Абдельазизом с тем, чтобы уменьшить

влияние Франции. Однако Мохаммед бен Юсеф остался верен Парижу. По словам его сына Хасана II, «никогда подобная идея (использовать проблемы Франции) не приходила в голову моему отцу. Конечно, я видел его с головой, зажатой между руками, и вопрошающего: “Что будет с моей страной? Как сможем мы снова вести переговоры с немцами о протекторате?”. Но он всегда оставался верным один раз данному слову. В течение всего периода оккупации Франции в Касабланке действовала комиссия по перемирию. Ее персонал однажды изъявил желание посетить сад дворца султана в Рабате. Мой отец предложил им приехать в субботу. А сам в пятницу вечером уехал на уик-энд в Касабланку. Визитеры прибыли в пустой дворец. Он хотел, чтобы они ясно знали его позицию. Именно по этой причине он оказался единственным главой государства, с которым сотрудничал генерал де Голль в ходе борьбы за освобождение Франции»².

3 июля 1942 г. британское правительство признало де-юре Французский национальный комитет. Тем не менее, президент США Рузвельт воспротивился участию французских вооруженных сил в высадке в Северной Африке и препятствовал контактам генерала де Голля, руководителя «Сражающейся Франции», с союзниками в Марокко. 8 ноября 1942 г. в ходе операции «Факел» союзные войска высадились на атлантическом побережье Марокко. Корабли американского экспедиционного корпуса вышли из гаваней восточного побережья США 23 и 24 октября 1942 г. В составе эскадры насчитывалось примерно 100 кораблей и судов, в том числе 5 авианосцев. Походный *ордер* (взаимное расположение военных кораблей) имел длину в 80 морских миль и ширину – 20 миль. Дабы избежать нападений со стороны германских подводных лодок, патрулировавших в районе Азорских островов, первоначально конвой

шел курсом на Дакар. 2 ноября он повернул на 90 градусов к северу. На траверсе Нуадибу конвой разделился на три группы, которые направились к Сафи, Мохаммедии и Букнаделю (20 км к северу от Рабата).

Высадка проводилась в ночь с 7 на 8 ноября. В районе Сафи десантировались 6500 человек, которые не знали, что в 03.20 по местному времени вражеский французский гарнизон был приведен в боевую готовность. Ночь была настолько темной, что операцию перенесли на 04.38. Семь минут спустя первые американские солдаты вступили на сушу и начали бой с местным гарнизоном. Десанту оказали помощь готовившиеся выйти в это время в океан марокканские рыбаки. На своих углых суденышках они вывозили раненых. Несмотря на сопротивление, американцам достаточно быстро удалось захватить основные стратегические объекты, за исключением аэродрома. Это позволило начать выгрузку танков, которые тут же двинулись на Касабланку. Аэродром был занят лишь вечером 10 ноября сразу после вступления в силу соглашения о прекращении огня.

В Букнаделе высадились 9 тыс. солдат. Их прикрывали линкор «Техас», крейсер «Саванна», 2 авианосца, 3 эсминца и 4 фрегата. Корабли находились в 5 милях от берега. Из-за темноты операция была перенесена на 04.30. Именно в этот момент истек срок действия приказа генерала Бетхуара, запрещавший французским береговым батареям открывать огонь. В итоге 3 тыс. французских и марокканских солдат, находившихся на хорошо оборудованных в инженерном отношении позициях, оказали ожесточенное сопротивление американцам. В помощь оборонявшимся из Рабата было переброшено 50 бронемашин. Несмотря на то что американской авиации удалось уничтожить значительную часть французских самолетов на земле, нескольким машинам удалось подняться в воздух. В завязавшихся воздушных

поединках американцы понесли значительные потери. Бои в районе Букнаделя продолжались три дня до вступления в силу соглашения о прекращении огня. Обе стороны понесли тяжелые потери.

В районе Мохаммедии высаживалась основная группировка численностью до 19 тыс. Командование французского гарнизона продержало свои войска на позициях до 2 часов ночи. Не дождавшись высадки, оно вернуло солдат в казармы. Поэтому десантирование американцев в этом районе поначалу не встретило ни малейшего сопротивления. Но из-за плохой выучки десантировавшихся войск, а также из-за того, что много бронемашин-амфибий разбились о скалы, американцы потеряли 300 человек утонувшими. В 6 часов утра рассвело. Тут же открыли огонь береговые батареи вишистов из 190-мм орудий. Им ответили американские эсминцы и крейсера. Позиции французской береговой артиллерии были плохо оборудованы в инженерном отношении, и залпы корабельной артиллерии их просто снесли. Всего за один час 150-мм орудия главного калибра крейсера «Бруклин» выпустили почти 800 снарядов. Затем по американским кораблям открыла огонь батарея, находившаяся в Эль-Ханке. Однако тут же французский офицер, руководивший огнем береговой артиллерии, вошел в контакт с американским командованием и договорился о прекращении огня.

В 08.04 с авианосца «Рейнджер» поднялась первая волна американских бомбардировщиков: были потоплены 3 французских подлодки, стоявших в порту Касабланки с незадраенными люками. Больше всего американцам пришлось повозиться со стоявшим на ремонте линкором «Жан Барт» водоизмещением 33 тыс. т. Несмотря на обрушившийся на него дождь бомб, его 380-мм орудия главного калибра успели до авиаатаки сделать два залпа. Американцев спасла

только низкая точность стрельбы французских артиллеристов, не сумевших поразить цели в условиях плохой видимости и активного использования американскими кораблями дымовых завес. В 09.00 французский адмирал Жерве де Лафонд отправил в смертельную атаку 2-ю эскадру эсминцев, в составе которой было 7 вымпелов. Все они были потоплены артиллерией главного калибра американских кораблей.

Французские моряки оказали самое ожесточенное сопротивление американцам. Крейсер «Примогюэ», на который перевел свой штаб Ж. де Лафонд, оказался не в состоянии вести бой: на его борту находилось 90 убитых и 200 раненых. Из пяти уцелевших после первого американского налета подлодок «Сибиль» была потоплена несколькими часами позднее. «Сиди Ферруш» с неполным экипажем, в составе которого было всего три офицера, смогла вырваться из порта. Ее обнаружили позднее близ Дахлы, когда она пыталась прорваться в Дакар. Там ее потопили американские самолеты. «Медуз» также в подводном положении смогла вырваться из порта. Она даже выпустила три торпеды по линкору «Массачусет», однако тот смог избежать попаданий. Затем лодка вернулась в Эль-Ханк и запросила дальнейших указаний. Получив несколько незначительных повреждений, она, тем не менее, в подводном положении прорвалась в Сафи и позднее была потоплена американской авиацией в районе Жорф Ласфар. Четвертая лодка смогла выйти из порта 8 ноября, не всплывая на перископную глубину. Однако затем она была уничтожена американской авиацией. «Тоннан» попыталась атаковать «Рейнджер», а затем направилась в Кадикс, где была затоплена экипажем.

Утверждают, что американский адмирал Хевитт был неприятно удивлен, когда узнал, что его корабли растреляли три четверти боезапаса к орудиям главного калибра. Дольше всех сопротивлялся линкор «Жан Барт». 9 ноября

одним из залпов он даже накрыл американский флагман «Аугусту», после чего американцы бросили все свои наличные силы на него. В итоге боев за Касабланку французские моряки потеряли, по разным данным, убитыми – от 500 до 800 человек, ранеными – от 600 до 1000. Общие потери оборонявшихся составили 3 тыс. человек убитыми, в том числе 2 тыс. – у французов. В итоге операции французы-вишисты потеряли 170 самолетов и все боевые корабли, находившиеся в Касабланке³.

Союзное командование оставило у власти французскую администрацию протектората, включая генерала Ногеса, несмотря на то, что он с подчиненными ему войсками в течение трех дней ожесточенно сопротивлялся высадке союзных войск. Прекратить сопротивление его во многом побудило письмо султана. «Пролилась кровь французских и марокканских солдат, гражданского населения. Президент Рузвельт и генерал Эйзенхауэр заявили, что силы союзников пришли сюда как друзья. Вы знаете лучше, чем я, что их силы непобедимы. Необходимо прекратить сопротивление. Как суверен марокканской нации, считаю своим первым долгом прекратить пролитие крови»⁴, – писал султан.

Сразу после вторжения США создали на территории Марокко свои военно-воздушные и военно-морские базы, страна стала надежным тылом африканской группировки союзников, продолжая оставаться таковым и в дальнейшем. Именно близ Касабланки, превратившейся в важный перевалочный пункт, формировалась французская 2-я бронетанковая дивизия генерала Леклерка. В конце 1942 г. марокканская пехотная дивизия и несколько отдельных пехотных батальонов защищали в Тунисе коммуникации в тылу американских и британских частей. Тунисская кампания началась для марокканцев 19 ноября 1942 г., через 11 дней после высадки союзников, и завершилась взятием столицы 13 мая 1943 г.

Первые марокканские войска прибыли в горно-лесистые районы Центрального Туниса в декабре 1942 г. Это был 7-й полк марокканских стрелков. За ним последовали шесть других полков. 20 декабря марокканские части атаковали германские позиции к северу от Кейруана. Несмотря на поддержку приданной им британской артиллерии, они не смогли прорвать позиции противника и через два дня вернулись на исходные позиции. 27 декабря при поддержке американских легких танков атака была повторена. Однако уже на следующий день марокканцы нарвались на контратаку германских танков и были отброшены в горы. Численность марокканских войск, участвовавших в кампании, составила 35 тыс. человек, которые были плохо экипированы, передвигались исключительно в пешем порядке, артиллерия была на конной тяге. Тем не менее, их действия, благодаря храбрости простых марокканских солдат, получили самую высокую оценку союзников.

К декабрю 1942 г. Роммель осознал всю опасность сложившейся для германского Африканского корпуса ситуации и принял решение предупредить наступление союзников. Первым делом он восстановил контроль над районом Кейруана. 3 января после массированной авиационной подготовки германские войска перешли в наступление. Им удалось овладеть одним из горных проходов к религиозной столице Туниса. Однако в то же время в Центральном Тунисе все господствующие высоты оказались под контролем марокканских частей. В спешке Роммель перебросил в район Загуана между Тунисом и Кейруаном 10-ю танковую дивизию, на вооружение которой поступили танки «Пантера», пехотную дивизию и вспомогательные части. 18 января Африканский корпус вновь перешел в наступление. Состоявшие на вооружении противотанковых частей союзников 75-мм орудия оказались бессильными против

брони германских танков. За двое суток боев марокканские части были окружены и понесли тяжелые потери, оставшиеся отступили в горы.

В целом своими активными действиями в Тунисе Роммелю удалось выиграть два месяца. И только в конце февраля, благодаря принятым союзниками мерам, фронт вновь стабилизировался на позициях, которые стороны занимали в начале января 1943 г. К весне союзники завоевали господство в воздухе, что позволило им начать продвижение к Тунису на всех направлениях. 12 апреля марокканские пехотные батальоны вошли в Кейруан. В итоге 200-тысячный Африканский корпус оказался зажатым между столицей и Бизертой. 6 мая начался общий штурм. День спустя, преодолев три линии укреплений, британские части ворвались в Тунис. На следующий день американцы вошли в Бизерту. Остатки Африканского корпуса капитулировали. Африканский фронт Второй мировой войны перестал существовать. В июне 1943 г. марокканские гумы вернулись из Туниса на родину на переформирование. Взятый командование над ними генерал Нийом сформировал легкую дивизию в составе четырех полков, каждый из которых состоял из трех таборов. В состав каждого из них с тех пор входили гум управления и оружия, а также три стрелковых гума.

В июле 1943 г. марокканские части участвовали в захвате союзниками Сицилии. В этот период в составе марокканских воинских частей воевали все способные носить оружие французы, ранее проживавшие в Марокко. Операция по взятию Сицилии началась 10 июля и продолжалась десять недель. Решающую роль для достижения успеха сыграли марокканские горно-пехотные части. Они сначала обеспечили успех 7-й британской армии генерала Паттона в западной части острова, а затем были переброшены в восточную

часть Сицилии в район вулкана Этна, где топтались части английского генерала Монтгомери, не имевшие опыта ведения боевых действий в условиях горной местности.

В сентябре 1943 г. 1-й и 2-й полки марокканских стрелков, несколько эскадронов 4-го полка *спаги* (легкой кавалерии) принимали участие в операции по освобождению Корсики – первого французского департамента, отбитого у оккупантов. Успех 3-недельной операции обеспечил выход в тыл к оборонявшимся германо-итальянским войскам 1-го полка марокканских стрелков. Используя несколько тысяч мулов, марокканцы прошли по считавшимся непроходимыми горным районам и вышли в центральную часть острова.

Марокканские войска наилучшим образом проявили себя при освобождении Апеннинского полуострова. 2-я пехотная и 4-я механизированная марокканские дивизии, 1-й, 3-й и 4-й полки гумов сыграли решающую роль при прорыве Лигурийского фронта. В ходе боев в горной местности с высотами до 2400 метров и с температурами до 30 градусов ниже нуля особую подвижность марокканских соединений обеспечили находившиеся в их штатном составе вьючные роты. Именно марокканские части прорвали считавшуюся неприступной «Линию Густава», проходившую поперек всего Апеннинского полуострова в 80 км к северу от Неаполя и опиравшуюся на систему долговременных инженерных сооружений, а также естественные преграды в виде горных массивов. 4 июня 1944 г., за два дня до высадки в Нормандии, союзники вошли в Вечный город.

Позднее 4-я механизированная дивизия успешно сражалась в районе Страсбурга, принимала участие в освобождении Эльзаса. 3-й и 4-й полки спаги дошли до Штутгарта, полки гумов воевали во французских Альпах. Последние были особенно заметны среди союзных войск из-за своей типично марокканской формы. Каждый гум имел свою

собственную модель джелаббы коричневого или черного цвета. 1-й полк гумов понес большие потери при штурме «Линии Зигфрида». В период с 14 по 24 января 1943 г., в разгар Сталинградской битвы, в Касабланке (Анфа) состоялась историческая конференция стран антигитлеровской коалиции с участием президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. В ней впервые в истории Марокко принял участие султан в качестве главы независимого государства, хотя и находившегося под режимом протектората. Мохаммед бен Юсеф участвовал в работе конференции на правах почетного гостя американского президента. Там же впервые состоялся выход в большую дипломатию его сына – 14-летнего Мулая Хасана. Тем самым союзники отблагодарили султана за его твердую проатлантическую позицию в ходе высадки их войск. В конференции также принял участие генерал де Голль.

Можно сказать, что участникам конференции повезло – от возможной германской атаки их спасла ошибка перевода донесения немецкого агента. Тот сообщил, что конференция пройдет в Касабланке, однако название этого города было переведено как «Белый дом», то есть в Берлине посчитали, что конференция пройдет в резиденции американского президента в Вашингтоне. А то, что они могли атаковать город, германские войска продемонстрировали за две недели до конференции, подвергнув его бомбардировке. Накануне конференции американцы, отвечавшие за ее организацию, предприняли беспрецедентные меры безопасности. Квартал окружили забором из колючей проволоки, а всех его обитателей попросили на время освободить их жилища. Участники конференции приняли исторические решения, имевшие большое военное и политическое значение. Именно в Касабланке Рузвельт от имени союзников заявил, что война будет продолжаться до безоговорочной

капитуляции держав оси. Другие решения касались открытия второго фронта в Европе.

Сам факт проведения конференции в Марокко подчеркнул стратегическое значение этой страны в тот период Второй мировой войны. До сих пор неизвестно содержание беседы один на один между султаном и Рузвельтом, состоявшейся в рамках конференции. Удивительно то, что впервые султан был признан США и Великобританией в качестве союзника, главы страны, пусть и находящейся в рамках режима протектората. Учитывая разные подходы руководителей США и Великобритании к вопросам независимости, некоторые марокканские авторы считают, что, если бы американский президент не умер, возможно, Марокко освободилось бы от протектората намного раньше⁵.

Известно, что Рузвельт убедил султана в обоюдной выгоде американо-марокканского сотрудничества. Вопреки сопротивлению Черчилля, он заверил султана в неизбежности переустройства мира после войны на базе пересмотра старой колониальной системы. «Президент США заявил, что колониальная система ущербна и изжила себя. Президент Рузвельт сказал, что уже близок тот день, когда закончатся боевые действия и Марокко свободно получит независимость в соответствии с принципами Атлантической хартии. После войны, настаивал он, политико-экономическая реорганизация общества станет необходимостью. США не создадут ни малейшего препятствия на пути Марокко к независимости», – позднее делился король Хасан II воспоминаниями об этой встрече.

Эти слова во многом подтвердил сын президента США Элиотт Рузвельт. Он так писал об этой встрече: «В тот вечер не было коктейлей перед ужином, равно как вина за ним. На столе не было свинины. Нашим гостем был султан, которого сопровождали его молодой сын – наследник престола,

Великий Визирь и шеф его протокола. Они принесли с собой подарки – два браслета и золотую диадему для моей матери. Мой отец и султан живо обсуждали возможности эксплуатации природных богатств Марокко, которые давали широкие возможности для развития страны. Было очевидно, что им было приятно общаться»⁶. Эта встреча положила начало военному присутствию и проникновению американского капитала в Марокко. В начале 1943 г. во исполнение заключенного 22 ноября 1942 г. соглашения Кларк – Дарлан США получили военную базу в Порт-Лиотэ, а затем и другие базы.

Многие годы спустя Хасан II уже иначе оценивал те обещания, которые были сделаны в Касабланке. «Великие принципы демократии, упомянутые в Анфе, а также щедрые обещания, сделанные там, вскоре были забыты. Мы очень скоро поняли, что в январе 1943 г. для Черчилля и Рузвельта речь шла не об “освобождении Магриба от пут колониализма”, а, скорее, о нейтрализации Марокко с тем, чтобы разбить войска Роммеля и немного позднее высадиться в Италии. Прежде всего – тыловое обеспечение»⁷, – говорил он.

Возможно, Мохаммед бен Юсеф рассчитывал, что «благодарная» Франция после победы союзников над странами оси в ответ ускорит предоставление независимости Марокко. При этом он старался не торопить события, понимая, что чрезмерная активность может вызвать более сильную ответную реакцию. «Мой отец, да хранит Господь его душу, всегда был человеком необычайного терпения. Сам я менее терпеливый, чем он, но я более оптимистично настроен, – писал Хасан II про эти события. – Он мне всегда говорил: “После тех жертв, которые понесло Марокко, Франция не может игнорировать наше мнение, наши требования”. По меньшей мере, один человек выслушал их. Это – генерал де Голль»⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dalle Ignace. Maroc 1961–1999. P. 23.
2. Hassan II. La Memoire d`un Roi. P. 9.
3. Matin du Sahara et du Maghreb, 15.07.1999.
4. Ibid., 20.08.1998.
5. Ibid., 15.07.1999.
6. Le Temps du Maroc, 16.01.1998.
7. Ibid.
8. Hassan II. La Memoire d`un Roi. P. 9.

Белград и Рангун – 1944 г. СССР и его союзники: геополитика сотрудничества и соперничества

Геополитический подход к истории Второй мировой войны и тем более к проблемам Великой Отечественной войны, которые непосредственно связаны со взаимодействием с союзными державами в ходе совместной борьбы против гитлеровских и японских агрессоров в Европе и Азии, служит двум важным целям данной статьи. Во-первых, ликвидации некоторых «зон умолчания» в отношениях между боевыми соратниками, что связано в наши дни уже с чисто научными позициями авторов, пишущих на эти темы. Во-вторых, акцентирование роли и ответственности кобеллигерентов (союзников) за акции и действия на региональном, тем более глобальном уровне при выработке и реализации их целей и задач.

За основу выбраны как репрезентативный для военной истории пример стратегической наступательной операции (осень 1944 г.) советских, югославских и болгарских войск по освобождению Белграда от гитлеровцев и сопутствовавшие ей по времени разработки англо-американской стороной вариантов действий по освобождению Афин и Рангуна. Инициативная роль в выработке геополитических целей Великобритании в отношении как Юго-Восточной Европы, так и Юго-Восточной Азии принадлежала У. Черчиллю,

а в Советском Союзе – И. В. Сталину и его окружению. Находящиеся географически буквально на противоположных концах земного шара Белград и Афины, Рангун и Сингапур как зоны военных действий имели массу отличий. С геополитической точки зрения общим было одно: они были *ключевыми точками* военных действий в своих регионах.

Впервые в переговорах союзников о планах вторжения их войск в Европу через Ла-Манш и мощного десанта в Юго-Восточной Азии, причем именно в Бирму, говорилось на встрече У. Черчилля и Ф. Р. Рузвельта в Касабланке, во второй половине января 1943 г. Именно тогда Рузвельт отметил: «Положение в Бирме отражается и на Индии, и на Французском Индокитае, и на Индонезии – все они связаны между собой»¹. Тогда же Черчилль предложил на пост союзного верховного главнокомандующего на новом театре военных действий в Юго-Восточной Азии кандидатуру лорда Луиса Маунтбеттена (позднее – последнего вице-короля Индии). На конференции в Касабланке впервые столь резко проявились разногласия между англичанами и американцами в вопросе о том, где именно стоит сосредоточить усилия и ресурсы в первую очередь. В начале лета 1943 г. союзники вторглись на Сицилию. Неудивительно, что, когда в августе того же года американский президент и британский премьер-министр вновь встретились, чтобы обсудить дальнейшие планы совместных действий, на этот раз в Квебеке, Черчилль настоял на том, чтобы план вторжения через Ла-Манш был утвержден «лишь в принципе». Он не оставлял надежды пройти в Европу через Балканы.

Ситуация на всех театрах военных действий менялась столь стремительно, что прямые консультации глав союзных государств требовалось проводить часто. Поэтому очередная встреча руководителей Америки и Великобритании состоялась в ноябре 1943 г. в Каире (Первая Каирская

конференция). Там из уст Рузвельта прозвучала оценка ситуации, сложившейся в Юго-Восточной Азии: «Тихоокеанский театр [военных действий] называют забытым театром. Но по сравнению с китайско-бирманско-индийским театром это самое оживленное место на свете»². Черчилль в Каире опять высказывал сомнения в необходимости операции «Оверлорд» – такое название получила будущая операция по высадке союзных войск в Нормандии. Он вновь заговорил о необходимости вторжения в Европу через Балканы – якобы ради создания «общего фронта с русскими». Но ему не удалось настоять на своем, как и на том, чтобы всячески активизировать американские поставки десантных судов для высадки на Андаманские острова, которые англичане намеревались использовать как базу для наступления на Рангун.

Во время встречи «Большой тройки» (Черчилль, Рузвельт, Сталин) в Тегеране в последних числах декабря 1943 г. Черчилль, уже не выступая напрямую против плана операции «Оверлорд», предложил идею двух одновременных вторжений союзников – и через Ла-Манш, в Нормандию, и на Балканы. Эти выступления Рузвельт оценил следующим образом: «Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он, прежде всего, хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию...»³. На Тегеранской конференции было принято окончательное решение об открытии второго фронта – высадке войск союзников в Нормандии. Не были забыты и Балканы – англичане согласились оказывать помощь и поддержку не четникам генерала Д. Михайловича, которые к тому времени фактически полностью самоустранились от борьбы с немецкими войсками,

а партизанам под командованием И. Б. Тито, оказавшимся единственной реальной силой в Югославии, выступавшей против агрессоров⁴.

В начале сентября 1944 г. германское командование на территории Албании, Греции и Югославии (зона «Юго-Восток») располагало более чем двадцатью дивизиями, семью бригадами. Они ожидали активных действий Красной Армии в районе «Железных Ворот» и, более того, предполагали наступательные действия в направлении Тимишоары, т.е. против румынских войск – своего вчерашнего союзника, и при этом стремились прочно прикрыть восточную границу Баната. Выход из войны Болгарии скорректировал действия генерала Вейхса в сторону ухода группы германских армий «Е» из Греции и более жесткого прикрытия оперативной группой «Сербия» восточной границы Югославии. Однако общий замысел Берлина по удержанию Венгрии, а также в будущем Восточной Австрии не менялся. Это знали и в Лондоне, и в Москве. Менее очевидны были планы Японии в отношении своих войск в Бирме в зоне Рангуна. В Лондоне ожидался определенный подготовительный этап, что позволило бы многое прояснить и по Балканам, и по Юго-Восточной Азии. Однако Москва предпочла действовать решительно. Тем более что гитлеровские войска начали передвижение еще до того, как план Белградской операции был доложен Ф. И. Толбухиным (3-й Украинский фронт) Ставке 30 сентября и утвержден ею на следующий день, 1 октября 1944 г.

Белградская операция стала в военной истории примером совпадения стратегических, тактических и политических задач ее основных участников: Красной Армии, Народно-освободительной армии Югославии и болгарских частей⁵. Однако были еще интересы других союзных держав, причем как в этом регионе, так и на очень большом

от Балкан удалении. Но их связь, не вполне очевидная современникам, по прошествии многих лет выявляется все рельефнее. Еще до начала операции по освобождению Белграда важную роль в учете интересов союзников на Балканах сыграл И. Б. Тито. Можно только предполагать, сколько усилий ему пришлось приложить в течение июня–августа 1944 г. сначала на острове Вис в переговорах с И. Шубашичем, представлявшим югославское королевское правительство в изгнании, а затем (12 августа 1944 г.) в ходе встречи с самим У. Черчиллем в Неаполе. Признание Великобританией Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) и Национального Комитета освобождения Югославии (НКОЮ), а также удачное решение отложить вопросы государственного устройства Югославии на «после победы» был первым успехом Тито в этой ситуации, что облегчало и взаимоотношения союзников, прежде всего – Советского Союза и Великобритании.

Осторожная твердость И. Тито позволила ему противостоять У. Черчиллю сразу на двух направлениях. Не вести переговоры с представителями югославской королевской власти в изгнании и уклониться от обязательств содействовать англичанам в их плане относительно высадки в Истрии и наступления через Любляну на Загреб, в Венгрию и Австрию. Эти действия руководителя югославских отрядов опирались на силу вооруженного народа Югославии и на уверенность в понимании Москвы. Это было важно в военном, но еще более – в политическом отношении. Идея активных действий Красной Армии в направлении Югославии летом 1944 г. носилась в воздухе и оказывала, по признанию самого У. Черчилля, большое влияние на разработку британских планов и в Средиземноморье, и в Юго-Восточной Азии. В первую очередь учитывалось все же Средиземноморское направление – Балканы, Турция. 14 июня 1944 г.

англо-американский штаб войск в Европе рассмотрел вариант десантной операции на Средиземном море: юг Франции, Бискайский залив, «верхняя часть Адриатики». Заманчивым было признано последнее направление, перспективное для движения через Люблянский проход в Австрию, Венгрию и — в сердце Германии.

Точку в споре военных, однако, поставил Ф. Д. Рузвельт, полагавший, что удар на Балканы поставит под сомнение всю операцию «Оверлорд», так как без согласия с русскими действовать на Балканах он не считал возможным. У. Черчилль же возражал, утверждая, что можно до определенной степени оказать давление на Сталина и изобразить дело так, что англо-американские войска на западе и северо-западе Балкан действуют якобы «в интересах самой России». Он жестко клеймил, называя «коммунистическими интригами» просьбы советского командования об использовании английского аэродрома в Бари (Италия) и укрепления связей Красной Армии с НОАЮ и греческими патриотами. Он настойчиво муссировал проблему возможных зон влияния великих держав на Балканах. Рузвельту пришлось отмежеваться от идей и зон влияния, и Консультативного Совета на Балканах, который должен был бы заставить союзников включать в свою сферу внимания интересы еще и Турции.

По мере приближения Красной Армии к европейским территориям Турции (выход наших войск, например, к границам Румынии) перед Анкарой все острее вставал вопрос — с кем она, Турция, на этом, последнем, этапе войны. Имеются в виду военные действия в Юго-Восточной Европе. Турецкое правительство не могло принять твердого решения, колебалось. Ситуация оказалась весьма сходной с коллизиями лета 1914 г., когда младотурки до первых чисел августа, то есть до самого начала Первой мировой войны, не могли определиться: с Антантой они или против

Антанты. Ожидания Черчилля в отношении как Турции, так и стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии были вполне определенными – минимум влияния Советской России, предельная зависимость Турции, как, впрочем, и стран к востоку от Суэца, от курса Лондона. От Анкары ждали, что она окажет воздействие на послевоенное устройство в Юго-Восточной Европе в благоприятном для интересов Англии направлении. Обойти Россию в «турецком вопросе» Черчилль не мог: Сталина надо было чем-то успокоить. Как всегда, Черчиллю помогали аналогии из исторического военного наследия.

«Союз с турками в прошлую войну был очень дорог немцам, – писал Черчилль Сталину 11 июля 1944 г., – и тот факт, что Турция порвет отношения (с ними. – *В.Ш.*), будет похоронным звоном для германской души»⁶. Однако Сталин занял твердую позицию по вопросу о вовлечении Турции в активные военные действия в регионе. 15 июля он ответил Черчиллю, что лучше бы оставить Турцию в покое, не делая новых «нажимов». Благожелательный по отношению к Берлину «нейтралитет» Турции и возможные территориальные претензии после войны – вот что беспокоило Сталина. Черчилль был раздосадован: «Мы не смогли достигнуть какого-либо окончательного соглашения относительно разделения обязанностей на Балканах». Был ли вариант участия турецкой армии в освобождении Балкан принципиально важен для союзников в целом – сомнительно. Для тактических и стратегических планов У. Черчилля – несомненно.

На конференции в Касабланке Черчилль настойчиво предлагал идею вторжения в Грецию и далее на Балканы в рамках трех вариантов действий в Средиземноморье: на юге Франции, в Сицилии и в материковой Италии. Это было связано с его идеей о вторжении на Балканы 45 турецких

дивизий⁷. Можно предполагать, что это было воплощением его реванша в связи с тем провалом, который допустил У. Черчилль в 1915 г. в Галлиполи, когда погибли десятки тысяч союзных (английских, французских) солдат⁸. Турецкий лидер Исмет Инёню после долгих колебаний все-таки проявил понимание ситуации. В конце 1943 г. и несколько позже, весной–летом 1944-го, он сосредоточил у болгарских границ до 19 моторизованных и пехотных дивизий, 3 кавалерийские дивизии и 1 бронетанковую бригаду. Эти силы могли оказать союзникам реальную помощь. Они же могли действовать и в противоположном направлении. Неучастие турецких войск в боевых операциях, возможно, помогло Анкаре избежать серьезных проблем в дальнейшем. Черчилль досадовал, но молчал, переключившись на другие варианты воздействия на геополитическую ситуацию. Общие интересы союзников возобладали, что и продемонстрировала конференция в Каире. Однако в Лондоне четко уяснили для себя, что в Москве пристально наблюдают за «восточными делами», и это было учтено в период Рангунской операции.

* * *

Освобождение прилегающих к Дунаю районов после выхода из войны Румынии действительно стало делом «русского оружия». Трансильвания – Будапешт – Вена. Это три грандиозные вехи в истории Второй мировой войны, особенно Великой Отечественной, страницы которой наш народ писал своей кровью. Однако и мощное смыкание войск маршала Толбухина с левым флангом фронта Малиновского в Турну – Северине, и дальнейшие сложнейшие по уровню взаимодействия операции в районе между Тисой и Дунаем, вся колоссальная Дунайская операция были бы невозможны без Белградской операции.

Надо признать, что успешные действия Красной Армии в Юго-Восточной Европе и очевидная победа на этапе непосредственного освобождения этого региона от фашизма, а также симпатия местного населения к русским воспринимались в среде англо-американских союзников сквозь призму «большой политики». В оценке английской и американской военной прессы действия Красной Армии после занятия Софии, то есть после середины сентября 1944 г., именовались как «отдельная независимая операция вверх по долине Дуная, конечной целью которой было покорение Венгрии и вторжение в Австрию»⁹. В окружении генерала Дуайта Эйзенхауэра, как и до этого – генерала Уилсона, много говорилось о том, что именно политика после разгрома немцев в Италии стала решающим фактором, а без Австрии и Венгрии под англо-американским контролем вообще можно считать, что война для них велась впустую¹⁰.

Рефреном звучала идея о войне на Востоке. Как бы деятельно ни обсуждались с советским политическим руководством варианты развития военных действий на Балканах, Москве напоминали с различной степенью деликатности: предстоит еще война на Дальнем Востоке. Черчилль лишь в некоторой степени был удовлетворен заявлением Сталина на Тегеранской конференции о том, что Советский Союз вступит в войну против Японии в тот день, когда Германия будет разгромлена. В первую очередь для Великобритании было бы большим политическим, но и военным выигрышем – увлечь внимание Москвы «подальше от Балкан, поближе к Сингапуру». Военные Англии и США обратили внимание своего политического руководства на то, что они не располагают реальными силами, чтобы вести широкомасштабные действия в Юго-Восточной Европе и одновременно подготовить операцию по освобождению Бирмы, оккупированной Японией с 1942 г. На Квебекском

заседании англо-американского Объединенного комитета по руководству войсками, видимо, и возникла дилемма: десант на Рангун или полуостров Истрия в Адриатическом море. Окончательное решение о вторжении на Истрию отложили на месяц, до 15 октября. В этом контексте более рельефными становятся инициативы У. Черчилля по активизации «адриатического варианта действий» как факта и «бирманско-сингапурского» – как широкообещающей кампании прикрытия.

На совещании 16 сентября 1944 г. в Квебеке Черчилль в присутствии Рузвельта и генерала Маршалла говорил: «...Меня всегда привлекала идея начать наступление справа, чтобы нанести удар в адриатическую подмышку. Нашей целью должна быть Вена. Если германское сопротивление будет сломлено, мы, конечно, должны суметь дойти до этого города скорее и более легким путем. Если нет, то я считаю необходимым помочь этой операции путем захвата Истрии и оккупации Триеста и Фиуме»¹¹. Он признавал позднее, что другим соображением, говорившим в пользу этого «наступления справа», было быстрое проникновение русских на Балканский полуостров и опасное распространение там советского влияния. И снова, и снова не договаривал...

Уинстон Черчилль, блестящий геополитик XX века, легко и непринужденно переводил вопрос в плоскость защиты Индии, освобождения Бирмы, и в первую очередь Рангуна, захвата Сингапура. Все – зоны английского влияния. В ход шли напоминания о том, что России еще предстоит воевать на Дальнем Востоке. Как бы параллельно вырисовывалась необходимость «сберечь» для этого силы Красной Армии. К тому же операциями на Рангун и страны Бенгальского залива можно было увлечь и американские дивизии. Нет, конечно, письменных признаний в том, что Черчилль хотел бы удалить подальше и побольше сил

союзников-соперников. Впрочем, известно, что британский премьер-министр уделял первоочередное внимание тем зонам, где вооруженное противостояние народов гитлеровским и японским агрессорам сопровождалось достаточно сильным централизованным руководством на местах. Там, где не было определенных гарантий реставрации после освобождения британских имперских порядков (или, по крайней мере, сильного влияния Великобритании), Черчилль был готов действовать достаточно жестко. Этим территориям он уделял первостепенное внимание¹².

Так, 26 августа 1944 г., когда шла наша Яско-Кишиневская операция, Черчилль получил согласие Рузвельта «иметь наготове достаточные английские силы для сохранения порядка в Греции, когда германские войска покинут эту страну». В начале августа 1944 г. он четко обозначил ситуацию: в Югославии допущены переговоры Тито и королевского правительства в изгнании, в Греции этого не будет. И позднее, когда стало ясно, что Белград освобождают Красная Армия и НОАЮ, он ужесточил свою позицию в греческом вопросе, объясняя это тем, что Советский Союз усилил свои позиции в этом регионе. Однако следует учесть, что германская группировка уходила из Греции, сворачиваясь чулком, через Югославию. Значит, «отдавая Белград русским и Тито», Черчилль заодно «отдавал» им побольше сильных немецких войск из Греции... Освобождение англичанами Афин, в отличие от Белграда, где погибло до тысячи наших солдат, было бескровным. Однако миг национального сплочения, ставший реальностью для народов Югославии не в последнюю очередь благодаря согласованности действий Лондона и Москвы, не распространился на Грецию. Там была иная внутривнутриполитическая ситуация, но и не было той гибкости, которую державы-союзники проявили в отношении Югославии.

Прошло много времени. Народы Юго-Восточной Европы выбрали свои пути развития. До сих пор нет прочного мира на югославянских землях. Урок прошлого однозначен — великие и сильные должны быть осмотрительны и осторожны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 85.
2. Там же. С. 149.
3. Там же. С. 187.
4. О деятельности англичан в Югославии в годы Второй мировой войны и особенно о ситуации, сложившейся после Тегеранской конференции, см.: McLynn, Frank. Fitzroy Maclean. London, 1992. P. 175–236; Маккензи У. Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940–1945 гг. М., 2004. С. 510–541.
5. О Белградской операции см. книгу «Белградская операция», написанную совместно советскими и югославскими авторами. М., 1990.
6. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1990. Т. 3. С. 376.
7. Butcher H. Three Years with Eisenhower. New York, 1946. P. 197.
8. Об этом подробнее см.: Шеремет В. И. Дарданелльская операция Великобритании в годы Первой мировой войны. Силы и замыслы // Исследования некоторых проблем зарубежной истории. Сб. научных работ. М., 2007. С. 89–94.
9. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 411.
10. Там же. С. 427.
11. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. С. 411.
12. О странах Дальнего Востока в годы Второй мировой войны см.: История Востока. Т. V. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). С. 107–130.

Вторая мировая война и Африка: пролог деколонизации

Сегодня уже нет необходимости доказывать, что народы Азии вошли в соприкосновение со Второй мировой войной намного раньше ее общепризнанных официальных календарных сроков начала в 1939 г. Очередная агрессия императорской Японии против Китая в 1937 г. рассматривается современными исследователями как своеобразная проба сил в начинающейся войне важного участника официального союза держав оси. На Африканском континенте этой кампании предшествовала другая «незнаменитая война». В октябре 1935 г. после длительной подготовки фашистская Италия начала военные действия в Северо-Восточной Африке, напав на единственное независимое государство Черной Африки. Столетиями Эфиопии (на основных европейских языках в тот период было принято называть ее Абиссиния) удавалось сохранять и отвоевывать свою независимость вопреки экспансионистским планам соседей, колониальным разделам или неравноправным договорам. В 1935–1941 гг. эта древняя страна не только временно утратила государственность, ей пришлось испытать на себе расовую теорию национал-социализма в ее фашистской «редакции».

После первой неудачной попытки Италии захватить Эфиопию в 1896 г. (итальянцы потерпели поражение

от эфиопских защитников) уже в 1935 г. фашистская Италия оккупировала страну. Но 7 октября того же года Чрезвычайная сессия Совета Лиги Наций признала факт нарушения устава этой организации и была вынуждена объявить Италию страной-агрессором. В этот же день появилось воззвание Исполкома Коминтерна «Долой войну!», где прямо указывалось на возможные последствия агрессии в Северо-Восточной Африке как на опасность развязывания новой мировой войны. Но ровно год спустя первой из европейских держав нацистская Германия признала права своего союзника Италии на «Итальянскую Восточную Африку» в составе Эфиопии, Эритреи и Сомали, а к началу последнего «мирного» 1939 г. почти все страны мира признали захват Эфиопии Италией. Таким образом, военная кампания 1935–1936 гг. и ее последствия для развития международных отношений, включая попытки разрешения конфликта через Лигу Наций, можно считать своеобразным прологом Второй мировой войны на Африканском континенте. Продолжение войны в Эфиопии уже в форме борьбы партизан и подпольщиков и перерастание этих действий в совместную кампанию экспедиционных сил Британской империи и освободительных сил Эфиопии в 1940–1941 гг. всегда считались важной частью военных событий Второй мировой войны за пределами основных театров военных действий.

Традиционно народы африканских колоний не рассматриваются в качестве значимых участников событий Второй мировой войны¹. Но многие тысячи африканцев в боевых действиях в период войны принято считать частью истории становления и развития Антигитлеровской коалиции. Именно война усилила политическое брожение, обострила уже существовавшее стремление народов африканского происхождения в самой Африке и за ее пределами пересмотреть основные принципы взаимоотношений с метрополиями.

Конкретным результатом воздействия Второй мировой войны на народы африканского происхождения стало возрождение движения панафриканских конгрессов и проведение осенью 1945 г. в Великобритании, в Манчестере, Пятого панафриканского конгресса. В столице Британской империи существовало несколько общественно-политических организаций народов африканского происхождения, сумевших оценить преимущества совместных действий, в основном доведение до колониальных властей многочисленных петиций, направленных на реформирование колониальных порядков. Помощь делегациям, привозившим такие петиции из колоний, защита прав все увеличивавшегося цветного студенческого сообщества и выходцев из колоний, преимущественно работавших на торговых судах, публицическая деятельность на страницах десятков изданий для пришлого населения сформировали в Великобритании уникальное сообщество единомышленников. Известия о прибытии в Лондон императора Эфиопии Хайле Селасие широко обсуждались в печати. Это стало отправной точкой для создания комитета, превратившегося в учреждение общественной организации с названием «Международные африканские друзья Абиссинии» (IAFA). Сложилась парадоксальная ситуация: ни сам император-изгнанник, ни официальные представители Эфиопии за рубежом в тот период не были настроены на инициирование действенной кампании солидарности с антиколониальной борьбой, которую продолжал вести эфиопский народ. Эфиопские исследователи отмечают, что император и его окружение более всего рассчитывали на вмешательство Лиги Наций и не спешили использовать даже те возможности, которые были в их распоряжении внутри страны².

Председателем IAFA был избран С. Джеймс – известный журналист из британского владения Тринидад, до приезда

в 1935 г. в Лондон несколько лет проработавший спортивным обозревателем в США, врач П. Мильярд из Британской Гвианы и преподобный Т. А. Мэришо с Гренады стали вице-председателями новой общественной организации. Джомо Кениата, занимавшийся в этот период журналистикой и лекционной деятельностью, стал почетным секретарем IAFA³. Казначеем пригласили стать Эмми Эшвуд-Гарви, а Джордж Пэдмор (Ямайка), Сэм Малинг (Тринидад) и Мохаммед Саид из Сомали образовали Исполком новой организации⁴. Характерно, что один из наиболее влиятельных впоследствии деятелей IAFA Джордж Гриффит из Британской Гвианы, известный в дальнейшем под придуманным из конъюнктурных соображений «эфиопским» именем Рас Маконнен (узнал о деятельности этой организации из листовки, распространявшейся на уличном митинге) попросил слова, и тут же был привлечен к работе⁵.

Первоначальные цели этих лидеров через митинги, публикации гневные обличения итальянских зверств в ходе войны в Эфиопии быстро достигли понимания у населения. Окружение императора Хайле Селассие подчеркнуто дистанцировалось от «негров» и вообще от африканской солидарности, поскольку стратегически императорскому правительству было важнее сохранять связи с европейскими противниками итальянской агрессии. Всё это лишило IAFA перспектив – с окончанием активных военных действий в Эфиопии организация передала большую часть своих функций так называемой Абиссинской ассоциации, которая была создана представителями университетских и научных кругов. Пропагандистские функции взяла на себя газета «New Times and Ethiopia News», издававшаяся известной английской общественной деятельницей Сильвией Панкхерст, которой удалось даже обзавестись собственными корреспондентами в «Итальянской Восточной Африке».

Наиболее значимым результатом деятельности IАFA представляется не столько организация поддержки освободительной борьбы эфиопского народа в ходе отражения итальянской агрессии и позже, по мере развертывания партизанской войны с захватчиками, но и гораздо более важное значение имело создание в Великобритании в годы Второй мировой войны сплоченной группы единомышленников, представлявших различные колониальные народы и объединенных идеями общности судеб этих народов. Джордж Пэдмор, присоединившийся к этой группе позже других, но быстро завоевавший положение ее главного идеолога, следующим образом определил настроения выходцев из британских колоний, обосновавшихся в Лондоне: «Осознав свою полную беззащитность перед лицом новой агрессии европейцев в Африке, черные почувствовали необходимость разобраться в самих себе»⁶. Свой политический выбор к этому времени Дж. Пэдмор уже сделал, расставшись с Международным профсоюзным комитетом негритянских рабочих (МПКНР) и с международным коммунистическим движением в целом. По образной оценке одного из руководителей КП США Дж. Форда, накануне и в годы войны Дж. Пэдмор среди выходцев из колоний в Великобритании занял позицию «националистической ярости». Используя свои навыки опытного редактора и анонимного публициста в коммунистических изданиях, нелегально распространявшихся в колониях, Пэдмор в многочисленных статьях лондонского периода, собранных позже в его главной книге «Панафриканизм или коммунизм? Грядущая схватка за Африку», попытался реабилитировать свое коминтерновское прошлое в глазах новых единомышленников. Ему было необходимо перечеркнуть свои прежние хлесткие определения панафриканизма как разновидности

соглашательской идеологии африканской буржуазии, призванной сохранить британский колониализм.

В конце 1936 – начале 1937 г. те же лица, что создавали IАFA, учредили Международное африканское бюро обслуживания (ИАСБ). Работа этой организации на всем протяжении Второй мировой войны была подчинена решению в основном тактических задач. В условиях ослабления связей общественно-политических организаций африканцев в колониях и метрополии или вовсе их прекращения ИАСБ взяла на себя юридическую помощь выходцам из колоний, цветным студентам в Великобритании, лоббирование интересов делегаций, прибывавших из Африки или Вест-Индии, организацию различных мероприятий землячеств и группировок неместного населения в Лондоне. Главным источником информации о деятельности ИАСБ, идейных поисках его участников и усилиях, сделавших возможным сразу же по завершении Второй мировой войны проведение очередного панафриканского конгресса, стали книги основных руководителей ИАСБ⁷. Эти работы были опубликованы спустя много лет после самого конгресса, испытали воздействие важных политических событий в метрополиях и колониях и в настоящее время представляют собой субъективные ретроспективные взгляды на происходившие процессы. К тому же их авторы (организаторы конгресса) в разное время получили у нас в стране клеймо убежденных идейных противников, антисоветчиков, ярых антикоммунистов и националистов.

Наиболее полно взгляды участников конгресса нашли отражение в сборнике документов, который вышел под редакцией Дж. Пэдмора в 1947 г.⁸ Помимо собственно документов, принятых на конгрессе, он включал протоколы заседаний, список участников, тексты посланий, полученных и направленных конгрессом в дни проведения, а также

исторический очерк панафриканизма, подготовленный известным американским ученым У. Дюбуа⁹. Таким образом, африкано-американский подход к истории панафриканизма «в редакции» У. Дюбуа надолго стал единственным. Что касается Пятого панафриканского конгресса, то в интерпретации Дюбуа это событие стало очередным воплощением давнего стремления африканской диаспоры США помочь своим африканским братьям обрести чувство собственного достоинства и тем самым продолжить традиции, заложенные в 20-е годы¹⁰. Вместе с тем представляется, что такой подход, очевидно, замалчивает роль самих африканских народов в истории движения панафриканских конгрессов как в межвоенный период, так, что еще важнее, накануне и в ходе Второй мировой войны.

Представительство на Пятом панафриканском конгрессе в 1945 г. определялось во многом тем, что значительная часть его участников приехала в Лондон сразу же после окончания Всемирного конгресса профсоюзов в Париже в сентябре 1945 г., положившего начало деятельности Всемирной Федерации Профсоюзов (ВФП). В общей сложности из почти ста участников конгресса, которые зарегистрированы в списке, более одной трети были профессиональными профсоюзными деятелями. Из 60 организаций одну треть составляли профсоюзы африканских колониальных владений, 11 зависимых территорий Карибского бассейна и профсоюзные объединения выходцев из колоний в самой Великобритании¹¹. Такой состав участников формировал особый ход дискуссии и характер итоговых документов. На конгрессе были подняты сложные условия труда, жизни и образования цветного населения в Великобритании. Выступавшие (всего было сделано около 20 сообщений) отмечали, что выходцы из британских колоний для белого общества метрополии продолжают оставаться

людьми второго сорта. Этому было подчинено законодательство, ограничивавшее их законное пребывание в Англии шестью месяцами, и практическая отмена всех тех обещаний, которые были сделаны властями метрополии и колониальными властями после начала Второй мировой войны для привлечения рабочей силы, остро необходимой в Британии. Эти обещания были сформулированы в совместной декларации У. Черчилля и Ф.-Д. Рузвельта, получившей в августе 1941 г. название «Атлантическая хартия» и ставшей впоследствии одним из первых документов в основании будущей ООН¹².

Некоторые из выступавших сравнивали сложившееся положение с ситуацией 1918–1919 гг. и предостерегали против возможного очередного предательства интересов народов колоний со стороны правительств метрополий. «Негры участвовали в двух великих войнах, и мы надеемся, что события, происходившие в 1919 г., не повторятся в 1945», – заявил представитель Ассоциации цветных рабочих в Лондоне¹³. Делегаты подчеркивали, что единственной гарантией прав цветного населения служит его объединение в профсоюзы. Адресатом упреков всех выступавших являлось Министерство колоний. Вместе с тем представители африканских территорий (Нигерия, Сьерра-Леоне) отмечали, что вне зависимости от того, какое правительство – лейбористское или консервативное – будет находиться у власти в Великобритании, представители колониальных народов должны сами определять свою судьбу, добиваясь большего единства, преодолевая ограниченность землячества, построенных только по национальному признаку, интересуясь не одними академическими проблемами, а конкретными вопросами реальной жизни. Докладчиком по второй теме повестки дня конгресса «Империализм в Северной и Западной Африке» был избран К. Нкрума¹⁴,

выступление которого сделало его главным действующим лицом Пятого конгресса. В действительности он был лишь одним из активных помощников Дж. Пэдмора, признанного руководителя лондонских панафриканистов.

Думается, что настроения и ожидания выходцев из африканских британских колоний, готовивших эту встречу, резко контрастировали с тем, что испытывал по отношению к своей родине известный сразу после Второй мировой войны будущий премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру. Он так описывал свои настроения, сформированные по итогам этой войны: «Индия была у меня в крови, и многое в ней меня инстинктивно глубоко волновало. И все же я подходил к ней почти как чужеземный критик, полный отвращения к настоящему и ко многим пережиткам прошлого, которое я наблюдал. Я пришел к ней в известной степени через Запад и смотрел на нее так, как мог бы смотреть дружественно расположенный европеец»¹⁵. Лондонские панафриканисты были подчас бóльшими африканцами, чем представители колоний, прибывавшие в столицу империи в поисках защиты от произвола колониальных властей.

Проблемы Южной Африки были изложены в двух выступлениях – Питера Абрахамса¹⁶ и представителя авторитетного Африканского Национального Конгресса Южной Африки. Они показали истинное положение дел на Юге континента, привели большое количество статистических данных, упомянули о конкретных вопиющих расистских законодательных актах правительства Южно-Африканского Союза. Особое внимание выступавшие уделили положению черных рабочих-горняков, их попыткам создать и расширить собственные трудовые союзы, организованно отстаивать свои права¹⁷. «Картину положения дел в Восточной Африке», как было названо специальное заседание, представил участникам Дж. Кениата. Он сделал обзор

положения во всех странах региона, особое внимание уделив тому, что до империалистического раздела территорий там царило спокойствие, изобилие и «...большинство народов пребывало в счастье и удовлетворении»¹⁸. Вместе с тем Дж. Кениата считал недопустимым существование в колониях высоких налогов и вопиюще низкой заработной платы. Единственным выходом из создавшейся ситуации Кениата считал достижение политической независимости. Дополнявшие его выступления представители Золотого Берега, Гамбии, Сьерра-Леоне предложили большее внимание уделить распространению информации о положении в Восточной Африке и Африке в целом через панафриканские печатные органы (в то время не существовавшие), а также по парламентским каналам, в прессе метрополий и с помощью публикации специальных изданий.

В официальном списке участников не указано, что Эфиопия была представлена каким-либо образом на конгрессе. Вероятно, такого представительства было трудно ожидать, учитывая достаточно осторожное поведение императорского правительства в условиях недавнего освобождения страны от итальянской оккупации и сильной зависимости от Великобритании. Интересно, что, несмотря на значительную вовлеченность в недавнем прошлом всех сотрудников ИАФА-ИАСБ в движение солидарности и поддержки Эфиопии, обсуждение на конгрессе темы «Эфиопия и черные республики» свелось главным образом к информации Раса Маконнена, выступавшего, как было подчеркнуто, не от ИАСБ, а от имени Эфиопии. Он говорил о противозаконном стремлении Великобритании, «использовавшей нашу поддержку Эфиопии» для выдворения итальянцев, переделить территории Сомали, Огадена и Эритреи. Участники призывали пропагандировать опыт самостоятельного правления «черных правительств» в качестве примера

дееспособности независимой государственности народов черной расы¹⁹. В последний день проведения конгресса его председатель П. Миллард, представлявший Британскую Гвиану, как бы подытожил разные точки зрения, в том числе ответил тем, кто мыслил только в категориях постепенных конституционных реформ, подготовленных в Лондоне. Он заявил: «Британское правительство всегда считало, что мы не способны сами заботиться о себе, и мы должны заставить их понять, что мы можем это делать и будем это делать»²⁰.

Как видно из опубликованных Дж. Пэдмором протоколов заседаний манчестерского конгресса, не все эти встречи были одинаково хорошо подготовлены, далеко не всегда участники смогли сконцентрировать внимание на наиболее важных вопросах, выделить наиболее перспективные цели. Подтверждением этого служат и многочисленные резолюции, принятые в Манчестере. Основная их часть (12 из 15) связана с проблемами колониальных территорий. По документам в значительной мере можно судить о степени активности и политической зрелости участников, представлявших различные регионы расселения народов африканского происхождения. Наиболее завершённый характер имела резолюция по Западной Африке. Пользуясь почти математическим методом строгого доказательства, авторы резолюции как бы «вычислили» необходимость предоставления полной и безусловной независимости народам Западной Африки. При этом в числе причин, убедительно доказывавших необходимость такого решения, были названы наиболее характерные негативные черты колониального управления в регионе – от подавления местных институтов в период колониальных захватов до создания монокультурной экономики отдельных западноафриканских территорий и их полной подчиненности интересам финансового капитала метрополий. Вторая мировая война подвела страны

Африканского континента к проведению Пятого панафриканского конгресса, позволила заявить о его большой озабоченности и ответственности за судьбы всех народов африканского происхождения. Если по отношению к французским африканским колониям или Эфиопии у участников конгресса действительно не было достаточного материала для анализа, то о положении выходцев из колоний в самой Великобритании информацию можно было черпать практически «с улицы». И, тем не менее, в отношении расовой дискриминации в Великобритании участники ограничились лишь краткими абзацами, требующими, чтобы проявления дискриминации «преследовались законом как уголовное преступление».

В сопоставлении с последовательной и хорошо аргументированной резолюцией по Западной Африке восточноафриканская резолюция сильно проигрывала в определении целей и духа своих требований. В резолюции приводился внушительный перечень задач, которые поставил перед африканцами весь ход развития стран Восточной Африки. Задачи эти, правда, не были расположены в какой-либо строгой очередности, поэтому требования о «бесплатном и одинаковом образовании для всех детей до 16 лет» опережали призывы о предоставлении избирательного права, свободы слова, печати, организаций и собраний. Но даже при определении этих, не самых радикальных, требований резолюция никак не уточняла место и роль самих африканских народов. Панафриканская программа для южноафриканского региона была сформулирована на конгрессе в двух документах – в резолюциях «Южно-Африканский Союз» и «Протектораты Бечуаналенд, Басутоленд и Свазиленд». Эта программа имела политическую преамбулу, где подчеркивалось, что ЮАС «обнаруживает по сути характерные черты фашистского государства»²¹. Именно к правительству

ЮАС были обращены требования конгресса «о предоставлении основных демократических прав», причем последовательность требований, так же как и структура западно-африканской резолюции, отличалась стройностью, не была забыта ни одна из сторон жизни цветного населения. Резолюция называла эту программу требований «частью общей борьбы за национальное освобождение всей Африки», подчеркивала общность целей борьбы всех народов континента. Вторая южноафриканская резолюция была направлена против попыток ЮАС подчинить себе так называемые туземные протектораты региона. Излагая историю процесса поглощения ЮАС этих территорий, авторы резолюции подчеркивали, что «африканский народ протестует против того, чтобы его использовали как пешку при урегулировании империалистических противоречий между разными государствами»²². Вместе с тем резолюцию заключало достаточно расплывчатое обращение к лейбористскому правительству, призывавшее защитить туземные народы «в награду за верность британской короне» в недавно завершившейся Второй мировой войне.

Совсем другой характер носила резолюция по Юго-Западной Африке (ЮЗА), обращенная к ООН. Фактически эта резолюция была подготовлена до конгресса силами организаций выходцев из колоний в самой Великобритании, прежде всего ИАСБ. Но участники посчитали необходимым присовокупить ее к требованиям конгресса для того, видимо, чтобы, как и в случае с резолюциями по северо- и центральноафриканским территориям, придать как можно более широкий характер документам panaфриканского движения. Резолюция по Юго-Западной Африке насыщена фактами, ссылками на различные положения устава Лиги Наций и требования только что созданного Совета ООН по опеке, на принципы внутреннего законодательства ЮАС,

незаконно распространенные на территорию ЮЗА. Независимость государства, как правило, включала все условия самоуправления, но каждый из использовавших это понятие добавлял к нему что-нибудь свое. Так, в отношении Юго-Западной Африки независимость включала глубокое духовное раскрепощение африканских народов, восстановление и развитие их собственных культурных ценностей. Но все-таки требование о предоставлении независимости ни в одной из резолюций, относящихся к конкретным регионам, не было раскрыто и детализировано. О его сути можно было только догадываться, сравнивая документы конгресса. Да это и понятно, поскольку слишком многое на манчестерском конгрессе было необходимо прежде всего обсудить, подытожить, сделать достоянием гласности. Вряд ли можно было ожидать, что впервые, по существу собрав такое число сторонников не до конца еще сформулированных идей панафриканизма, конгресс мог превратиться в рупор четких, продуманных и точно адресованных призывов.

Наиболее полное отражение политических позиций участников Пятого панафриканского конгресса заключено в трех программных документах, принятых в Манчестере. Именно они упоминаются современными исследователями в качестве главного итога конгресса: «Вызов колониальным державам» (Дж. Пэдмор), «Обращения к рабочим, крестьянам и интеллигенции колоний» (К. Нкрума) и «Меморандума к ООН» (У. Дюбуа)²³. «Вызов колониальным державам» был прежде всего нужен для демонстрации решимости и непримиримости делегатов. Требования свободы, возможности получить образование и работу явно исходили от многих студенческих и рабочих союзов цветного населения в метрополии, настроения которых были наиболее близки и понятны Дж. Пэдмору. Черная Африка в этих документах выступала особняком. Для нее «Вызов» требовал автономии и независимости не меньшей

и не большей, чем та, «которой пользуются в этом “едином мире” другие независимые народы»²⁴.

«Обращение», подготовленное К. Нкрумой, было призвано ответить на вопрос – кто и каким образом будет добиваться целей, определенных в «Вызове». Но при этом неожиданно менялись и сами цели. Так, колониальным народам предстояло не просто бороться за установление «экономической демократии», они должны были освободиться от власти иностранных империалистов, как политической, так и экономической. К. Нкрума расшифровывал требование о самоуправлении – «...борьба колониальных и зависимых народов за политическую власть – необходимое условие и первый шаг к полному социальному, экономическому и политическому освобождению»²⁵.

«Меморандум к ООН» (У. Дюбуа) был прежде всего нацелен на привлечение внимания мирового общественного мнения к назревшей потребности в разумном гражданском устройстве, способном демократическими методами управлять действиями людей. Именно ООН в соответствии с ее Уставом должна была предусмотреть процедуру, при которой «жалобы и требования африканцев могли быть свободно выражены»²⁶. Этот конгресс был проведен в переломный момент истории народов африканского происхождения. Военная пора породила новые ожидания у колониальных народов, большинство которых осознавало себя гражданами государств – участников антифашистской коалиции. Планы послевоенного переустройства мира, намеченные в «Атлантической хартии» и на основных международных конференциях в годы войны, появление ООН, обозначившиеся линии раздела между восточным и западным блоками – все это активизировало процесс самоосознания и самоутверждения в среде народов африканского происхождения.

Вторая мировая война сформировала новое поколение общественно-политических деятелей, подсказала, где и как можно использовать очевидные слабости колониальной системы, выявленные всем ходом войны, которая создала новые условия, сделавшие возможным проведение этого конгресса, ставшего подлинно африканским событием. Главным результатом Пятого конгресса явились не столько идеи, призывы, предостережения, сколько живые люди, разъехавшиеся после него по своим в то время еще зависимым от метрополий отечествам и очень скоро сделавшие их самостоятельными частями новой Африки. Таким образом, Пятый panaфриканский конгресс завершил время лозунгов и начал новый послевоенный период – время создания программ развития независимых африканских государств. Здесь уже не оставалось места для panaфриканских идей, наступило время трудной и кропотливой работы для национальных партий, правительств и лидеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Френкель М. Ю. Вторая мировая война: глобальная стратегия и Африка. М., 1995.
2. The Fascist Italian Invasion and the Ethiopian Peoples Struggle foe Liberation. Meskerem, 1981. Vol. 1. № 3–4. С. 69–89.
3. Важно иметь в виду, что будущий президент независимой Республики Кения к этому моменту уже успел в 1932 г. побывать слушателем Коминтерновского Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в СССР, см.: «Коминтерн и Африка. Документы». СПб., 2003. С. 34–35.
4. Padmore G. Pan-Africanism or Communism? The Coming Struggle for Africa. Struggle, Dobson, 1956. P. 144–145.
5. Ras Makonnen. Pan-Africanism from within / Ed. by K. King. Nairobi, 1973. P. 113.
6. Пэдмор Дж. Указ. соч. С. 146.

7. Помимо указанных работ Дж. Пэдмора и Раса Маконнена важным источником информации о работе Пятого panaфриканского конгресса являются мемуары С. Джеймса: С.L.R.James «A History of Pan-African Revolt». Washington, Drum and Spear Press, 1969.
8. History of Pan-African Congress. Colonial and...colored unity.A programme of action / Ed. by G. Padmore L., London, Hammersmith, 1947.
9. Щербаков Н. Г., Уильям Дюбуа. История Африки в биографиях. М., 2012. С. 506–511.
10. Дюбуа У.Э. Воспоминания. М., 1962. С. 356–357, 409.
11. History of Pan-African Congress. Colonial and...Colored Unity. A Programme of Action / Ed. by G. Padmore. L., Hammersmith, 1947. P. 71–74.
12. См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в двух томах. М., 1983. Т. 1. С. 131–132.
13. History of Pan-African Congress.Colonial and... Colored Unity. A Programme of Action / Ed. by G. Padmore. L., Hammersmith, 1947. P. 30.
14. Указ. соч. С. 31.
15. Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 47.
16. Питер Абрахамс был в нашей стране на протяжении многих лет, вероятно, одним из самых известных южноафриканцев, благодаря своему роману «Тропую грома» (1956). Это произведение неоднократно инсценировалось в советских театрах и было экранизировано в нашем прокате.
17. History of Pan-African Congress... P. 37–39.
18. Указ. соч. С. 40–43.
19. Указ. соч. С. 47–50.
20. Указ. соч. С. 52.
21. Указ. соч. С. 54.
22. Документы panaфриканского движения // Расы и народы. Вып. 7. М., 1977. С. 259.
23. Указ. соч. С. 251–253.
24. Указ. соч. С. 251.
25. Указ. соч. С. 253.
26. Указ. соч. С. 254.

Раздел II

Участие народов СССР в Великой Отечественной войне

Республики Средней Азии, защищавшие Советский Союз от фашистской Германии

Согласно Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г. на Восьмом Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов, было решено преобразовать из Казахской Автономной Советской Социалистической Республики – Казахскую Советскую Социалистическую Республику, повысив тем самым ее статус в содружестве народов Советского Союза. Конституция страны закрепляла существование Советского государства, что в принципе противоречило марксистскому тезису о его отмирании. В марте 1939 г. И. В. Сталин заявил на VIII съезде ВКП(б) о необходимости сильного государства для защиты социализма, построенного, по его словам, к тому времени в СССР. Такое сильное государство все больше ассоциировалось с государством русским, и в общественное сознание внедрялась идея тождества марксизма-ленинизма и русского патриотизма.

В 1934–1935 гг. в СССР была развернута кампания по пересмотру истории с целью переоценки русского прошлого и истории отношений разных народов, входящих в состав Советского Союза. Мощь и значение дореволюционного русского государства отныне, в отличие от эпохи 1920-х гг., представлялись как позитивные факторы российской и мировой истории в ее движении к Октябрьской революции 1917 г. Отметим, что до 30-х гг. Российская империя

официально признавалась в СССР «тюрьмой народов», а марксистская историческая школа М. Покровского осуждала колониальную политику царской России. Но в 1937 г. появился «Краткий курс истории СССР», который совсем по-иному освещал историю отношений России с нерусскими народами, в частности с среднеазиатскими. Русская колонизация не представлялась уже «абсолютным злом», как в первые годы советской власти, а считалась «относительным благом», так как Россия уже выступала в цивилизаторской роли.

Советское государство, объединившее все народы в «добровольной федерации» СССР, рассматривалось как преемник этой великой миссии. Постепенно начала сворачиваться политика «коренизации» в союзных республиках и практически суживаться сфера употребления национальных языков в государственном строительстве союзных республик, особенно в тех, где была значительная доля местного русского населения (Казахстан, Кыргызстан, в меньшей степени – остальные республики Центральной Азии). Так, в рамках СССР создавался «новый социум общей судьбы», испытанием на прочность которого стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Казахстан

В годы войны в состав действующей армии были мобилизованы 1 млн 200 тыс. жителей Казахстана (а с учетом призванных в период с 1938 г. по 21 июня 1941 г. – 1 млн 366 тыс.)¹. Если вспомнить, что в строительные части и в так называемую трудовую армию были направлены свыше 700 тыс. человек, где особенно много было советских немцев, депортированных в Казахстан в 1941 г., когда была ликвидирована Автономная республика немцев Поволжья,

то на фронт и в оборонную промышленность был призван каждый третий казахстанец². Более половины призванных на фронт погибли, из них более 400 тыс. казахов; это примерно столько, сколько погибло во Второй мировой войне граждан США. Казахи составили 1,5% всех погибших в Великой Отечественной войне советских военнослужащих и уступают в этом отношении только русскому, украинскому, белорусскому и еврейскому этносам³.

По свидетельству западных обозревателей, в частности А. Верта, автора книги «Россия в войне 1941–1945 гг.», казахи, киргизы, башкиры, татары были одними из наиболее стойких бойцов Красной Армии. 497 казахстанцев стали Героями Советского Союза, из них 97 казахов⁴. Среди них две казашки, единственные женщины советского Востока – Герои Советского Союза – А. Молдагулова и М. Маметова, получившие это высокое звание посмертно. Четверо стали дважды Героями Советского Союза – летчики Т.Я. Бегельдинов, С.Г. Луганский, Л.И. Беда, И.Ф. Павлов. 110 казахстанцев стали кавалерами ордена Славы трех степеней⁵. Награды и почетные звания в годы войны получили и многие сформированные в республике соединения: пять из 12 дивизий получили награды. Пяти дивизиям было присвоено звание гвардейских. Среди них – сформированная в Алма-Ате 316-я стрелковая дивизия (в последующем 8-я гвардейская стрелковая Режицкая ордена Ленина, Краснознаменная ордена Суворова, имени Героя Советского Союза генерала-майора И.В. Панфилова дивизия)⁶.

На 1 января 1943 г. в Красной Армии на действующем фронте находились более 200 тыс. казахов. О вкладе Казахстана в общую победу советского народа в Великой Отечественной войне говорит формирование здесь 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизий, 7 стрелковых бригад, около 50 отдельных полков и батальонов. В их числе следует назвать

национальные казахские соединения: три кавалерийских дивизии и две стрелковые бригады. Массовый героизм проявили воины сформированной в Казахстане и Киргизстане 316-й стрелковой дивизии генерала И.В. Панфилова под Москвой. Высокий патриотизм и храбрость проявили казахстанцы и в других сражениях. Неувядаем подвиг воинов 312-й Актюбинской стрелковой дивизии у Малоярославца, 81-й Джамбульской кавалерийской дивизии в боях у Сталинграда⁷.

Национальным героем казахского народа стал панфиловец Б. Момыш-улы, подвиг которого был воспет советским писателем А. Беком в произведении «Волоколамское шоссе», закончивший войну командиром дивизии и чью книгу о войне рекомендовал как обязательную министр революционных вооруженных сил Кубы Р. Кастро своим военнослужащим. 3,5 тыс. казахстанцев воевали в рядах партизан. Отдельными отрядами и соединениями народных мстителей командовали Г. Ахмедьяров, С. Олесенко, В. Шаруда и другие. К. Кайсенов отличился в соединении украинских партизан С. Ковпака, возглавляя диверсионный отряд. 300 казахстанцев сражались в движении Сопротивления в оккупированной нацистами Европе. На территории Казахстана была сформирована польская армия под командованием генерала Андерса, в состав которой входили десятки тысяч военнослужащих, но, по согласованию с руководством СССР и западными союзниками, ее части ушли не на советско-германский фронт, а на Ближний Восток, в Египет, где приняли участие в боях с немецком армией фельдмаршала Роммеля в составе британских войск. Лишь несколько тысяч польских военнослужащих остались в СССР и влились в состав Войска польского, воевавшего на советско-германском фронте, приняв участие в освобождении своей страны⁸.

В сентябре 1942 г. Западный Казахстан стал прифронтовой зоной, и над его территорией было сбито 30 самолетов противника и ликвидировано несколько диверсионных групп, заброшенных на полуостров Мангышлак. С первых дней войны Казахстан стал одним из арсеналов фронта. Всего за 1941–1945 гг. в Казахскую ССР было эвакуировано много предприятий и построено 460 заводов, отдельных производств, выпускавших снаряды и мины, торпеды и бомбы, радиостанции и другие виды оружия и боевой техники. За военные годы промышленное производство выросло на 37%. Значительный вклад в победу внесли труженики сельского хозяйства, на 70–80% женщины, так как мужчины были на фронте. За годы войны они дали стране 356,4 тыс. пудов зерна, 242,2 тыс. т картофеля, 1237 тыс. голов лошадей, 350 тыс. овец, 17 тыс. голов крупного рогатого скота. В 1941–1942 гг. в Казахской ССР нашли кров и место в строю тружеников тыла 532,5 тыс. эвакуированных жителей западных районов СССР, оккупированных немецкими войсками. Несколько десятков тысяч приехавших детей, потерявших родителей, были взяты в казахские, узбекские, туркменские, киргизские, таджикские семьи на воспитание и стали их полноправными членами.

Во многом потенциал военной экономики Казахстана создавался за счет каторжного труда заключенных концентрационных лагерей. Нельзя не сказать о принудительном труде депортированных народов – поволжских немцев и поляков с 1941 г. в составе трудовой армии, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, турок-месхетинцев, греков, болгар, западных украинцев и белорусов с 1944 г., низведенных до бесправного образа жизни и выживших благодаря своей стойкости и помощи местного населения⁹.

В годы войны в Казахскую ССР были эвакуированы 20 научных институтов Москвы, Ленинграда, Киева, среди

них: Институт физиологии АН СССР, Физико-технический институт АН Украинской ССР, где работали выдающиеся ученые – академики В.И. Вернадский, В.А. Обручев, И.И. Мещанинов, А.И. Бах, Л.С. Берг, А.Е. Фаворский. В республику были эвакуированы более 100 писателей России, Украины, Белоруссии, среди них: А. Толстой, С. Маршак, С. Михалков, К. Паустовский, М. Зощенко, О. Форш, С. Сергеев-Ценский и другие. Здесь находились более 20 театров и музыкальных учреждений, художники и скульпторы (Кукрыниксы, А. Бергер). В «золотой фонд» советской кинематографии вошли фильмы, созданные на Алма-Атинской центральной киностудии (на базе эвакуированных «Мосфильма» и «Ленфильма»), где работали более 500 человек. Здесь было много артистов, режиссеров, среди которых были С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, И. Пырьев, Н.К. Черкасов, М. Жаров, Л. Орлова, Н. Крючков, В. Марецкая. За годы войны на киностудии в Алма-Ате было снято 23 кинофильма, среди них – «Секретарь райкома», «Она защищает Родину», «Воздушный извозчик», «Два бойца», «Жди меня», «Парень из нашего города» и другие, а также короткометражные ленты и киносборники¹⁰.

С первых дней войны германские нацисты пытались использовать национальный фактор, но в отношении народов Центральной Азии их успехи были минимальны. Даже «Легион Туркестан», сформированный ими из пленных казахов, киргизов, узбеков, туркмен, в итоге перебил немецких офицеров и перешел на сторону партизан. Для нейтрализации нацистской пропаганды в партийных и советских организациях республик вновь стали продвигать национальные кадры. В 1944-м впервые за долгие годы республику и парторганизацию Казахстана возглавил казах Ж. Шаяхметов. Отношение казахского народа и поныне к этой войне как к Великой Отечественной, в том числе и на официальном уровне, что

контрастирует с официальной точкой зрения властей современного Узбекистана, называющих ее Второй мировой.

Узбекистан

Статус союзной республики Узбекистан получил в 1924 г. В 1941–1945 гг. республика была глубоким тылом Великой Отечественной войны, ныне называемой узбекисканским руководством Второй мировой. 120 тыс. узбекисканцев были награждены боевыми наградами, 282 присвоены звания Героев Советского Союза – из них 38 узбекам. Среди них генерал-казах С. Рахимов, командир 57-й гвардейской стрелковой дивизии, прошедший с боями от Кавказа до Польши, где и погиб в бою за Гданьск. В сражениях на советско-германском фронте приняли участие три сформированные в Узбекистане стрелковые дивизии – 5-я, 69-я, 162-я. Воевали узбекисканцы в дивизии генерала Панфилова, обороняли Брестскую крепость и Сталинград, брали Берлин. Погибло на фронтах Великой Отечественной войны около 600 тыс. узбекисканцев, в том числе 120 тыс. узбеков.

Очень много было узбеков во вспомогательных частях Красной Армии. 100 тыс. раненых на фронте воинов было вылечено в госпиталях на территории Узбекской ССР. В 1943 г. 60 тыс. узбеков работали на предприятиях РСФСР, в освобожденные от немецких оккупантов районы СССР из Узбекской ССР в 1943 г. было отправлено 8 тыс. лошадей, 170 тыс. овец, 2 тыс. тракторов, автомобилей и сельхозмашин. В Узбекскую ССР было эвакуировано и введено в строй 280 промышленных предприятий, в 30 раз увеличила выпуск угольная промышленность, в 7,5 раз – химическая, почти в 4 раза – нефтяная. Только детей в годы войны было

эвакуировано в Узбекистан 200 тыс., многие из которых были усыновлены и удочерены в узбекских семьях¹¹.

В эвакуации оказались 12 вузов и институты АН СССР: востоковедения, истории, мировой литературы, истории материальной культуры, экономики и права, почвоведения; здесь же оказались академики Б.В. Струве, В.Д. Греков, член-корреспонденты АН СССР Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский, С.В. Бахрушев, В.Ф. Шишмарев, Н.К. Пиксанов, А.А. Михайлов, доктор исторических наук С.П. Толстов и другие, что способствовало развитию науки в Узбекской ССР, в частности открытию по решению советского правительства 4 ноября 1943 г. Академии наук Узбекской ССР в составе 11 институтов, 2 обсерваторий, сейсмической и опытных станций, ботанического сада и 2 музеев. Влияние на развитие культуры Узбекистана оказали советские композиторы Р. Глиэр, А. Козловский, мастера советской кинематографии М.И. Ромм, И.Е. Хейфец, графики В.И. Уфимцев, В.Е. Кайдалов и другие, находившиеся в эвакуации. В трудные годы Великой Отечественной войны в Ташкенте осуществлялось строительство нового здания на 1300 мест Узбекского театра оперы и балета. Республика оказывала большую помощь районам СССР, освобожденным от нацистской оккупации и пострадавшим от врага. Развитие Узбекской ССР в это время, как и ранее, носило сырьевую направленность, основное внимание уделялось развитию хлопководства и связанных с ним отраслей, а также добывающей промышленности. В 1944 г. была построена первая очередь Узбекского металлургического комбината на базе открытий экспедиции геологического института Академии наук Узбекской ССР.

Узбекистан также стал местом ссылки некоторых депортированных в 1944 г. народов – крымских татар, частично

турок-месхетинцев из Грузии, греков. Еще до войны в Узбекистан были депортированы корейцы с Дальнего Востока¹².

Таджикистан

Статус союзной республики Таджикистан получил в 1929 г. Во время Великой Отечественной войны в Таджикистане главным образом действовали предприятия лёгкой и пищевой промышленности, не требовавшие больших производственных площадей, мощных энергоресурсов и имевшие возможность использовать местное сырьё. Рабочий класс приступил к перестройке работы промышленности на военный лад: налаживался выпуск снаряжения, обмундирования, парашютного шелка, армейской обуви и т. д. Работники промышленности делали все, что было в их силах, чтобы помочь фронту. Рабочий день длился до 10–11 часов. В тылу вся тяжесть лежала на плечах женщин, и их патриотизм и организованность способствовали тому, что промышленные предприятия успешно выполняли производственные планы. Колхозы и совхозы Таджикистана должны были поставлять промышленности необходимые виды сырья – хлопок и шелк, зерно и животноводческую продукцию. Несмотря на вызванные войной трудности, в республике в течение года все народное хозяйство было в основном перестроено на военный лад, была создана прочная военная экономика¹³.

В октябре 1941 г. из Таджикистана под Москву была направлена 20-я Краснознаменная ордена Ленина горнокавалерийская дивизия, вскоре принявшая участие в боях. Тысячи посланцев Таджикистана получили здесь боевое крещение, 150 солдат и офицеров этой дивизии, особо отличившихся в боях под Москвой, были удостоены

правительственных наград. В сражениях за Сталинград также отличились посланцы Таджикистана. В знаменитом Доме Павлова героически сражался таджик А. Турдыев. Под Сталинградом начался боевой путь 61-й кавалерийской дивизии, сформированной в Таджикистане. Бойцы и командиры дивизии уничтожили тысячи немецких солдат и офицеров. За боевые заслуги многие были награждены орденами и медалями Советского Союза, в их числе: П. Абаринов, М. Холматов, Р. Рузиев, И. Дваденко, Р. Аноров, А. Сулаймонов, Алпатов, П. Шукин и др. Впоследствии 61-я кавалерийская дивизия была переформирована в 16-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, продолжавшую успешные боевые операции. Воины-таджики участвовали в героической обороне Ленинграда, воевали в горах Кавказа, сражались под Курском и на Днепре¹⁴. В боях под Курском за отвагу и мужество Х. Кенджаеву было присвоено звание Героя Советского Союза. И. Хамзаалиев, Д. Азизов, У. Якубов, Б. Давлатов, К. Касымов, С. Турдыев также были удостоены звания Героя Советского Союза. 20-я горнокавалерийская дивизия, подшефная Таджикистану, за успешное форсирование Десны была переименована в 17-ю гвардейскую Краснознаменную ордена Ленина кавалерийскую дивизию¹⁵.

В октябре 1943 г. на Волховском фронте Т. Эрджигитов своим телом закрыл амбразуру врага. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1944 г. тысячи таджикских воинов приняли участие в освобождении захваченных немцами территорий. Героями Советского Союза стали Ф. Ахмедов, И. Шарипов, С. Амиршоев, М. Владимир, Ч. Уразов, Э. Саидов. 2 мая пал Берлин, 9 мая 1945 г. народы Советского Союза праздновали победу над фашистской Германией. Военный разгром Третьего рейха означал конец войны в Европе. Но на Дальнем Востоке война все еще продолжалась. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну

Японии. Советские воины, в том числе посланцы Таджикистана, проявили массовый героизм. Среди них были: К. Саидов, Ч. Кадыров, П. Атаев, Д. Сабиров, О. Хусравов, А. Азизбеков и другие. 2 сентября 1945 г. блестящей победой Красной Армии закончилась война на Дальнем Востоке.

В годы Великой Отечественной войны свыше 50 тыс. посланцев Таджикистана были награждены орденами и медалями, 57 из них стали героями Советского Союза, 19 – кавалерами ордена Славы трех степеней¹⁶. В течение всей войны трудящиеся Таджикистана, занятые в народном хозяйстве, понимали свою громадную ответственность перед страной и старались дать ей как можно больше необходимой продукции. Так, добыча угля достигла в 1945 г. 244 тыс. т, что на 40 тыс. т больше, чем в довоенном 1940-м. Количество выработанной электроэнергии возросло с 62,1 до 72,1 млн кВт/ч., производство хлопчатобумажных тканей увеличилось с 200 тыс. до 3 млн м. Текстильная промышленность дала стране за годы войны 178 тыс. т хлопкового волокна, 770 т шелковой пряжи, свыше 6,5 млн м шелковых тканей и много другой продукции. Все пищевые предприятия республики вырабатывали в военное время продукции на 82 млн руб. больше, чем в предыдущие мирные годы. В Таджикистане с 1 июня 1941 г. по 1 января 1946 г. вступили в строй более 20 предприятий и цехов. Среди них цементный, авторемонтный, электромеханический заводы, первая очередь текстильного комбината в Сталинабаде, Джиликульский и Чорух-Дайронский рудники, Канибадамская прядильная фабрика, Сталинабадский и Ленинабадский гормолзаводы и др.

Колхозники, рабочие совхозов и МТС смогли за годы войны увеличить посевную площадь в республике на 16,4 тыс. га. За 1942–1944 гг. возросла поставка зерна

государству на 1,5 млн пудов, кроме того, колхозники сдали 65 тыс. пудов зерна в фонд Красной Армии.

По мере освобождения советской территории, временно захваченной гитлеровскими оккупантами, в республике началось движение по оказанию помощи пострадавшему населению. Колхозы и колхозники Таджикистана в порядке госзакупки продали десятки тыс. голов продуктивного скота. С первых дней войны широкий размах получила народная патриотическая инициатива по оказанию помощи фронту. Трудящиеся собирали денежные средства, ценные вещи, сельскохозяйственные продукты и отдавали их в фонд обороны страны. В Таджикистане в этот фонд было сдано свыше 75 млн руб. и 40,7 тыс. пудов зернопродуктов. Из месяца в месяц укреплялись и расширялись связи трудящихся Таджикистана с фронтом. Славной традицией стала отправка посылок и подарков фронтовикам. Первый эшелон с подарками был отправлен к наступлению Нового 1942 года, за ним последовали другие эшелоны – всего 151 вагон. Фрукты, белье, табак, консервы, сладости доставляли бойцам делегации из республики. Они встречались с фронтовиками, рассказывали о том, как трудятся рабочие и колхозники. Эти встречи превращались в демонстрацию великой дружбы между народами нашей страны, которая ещё больше окрепла и закалилась в годы военных испытаний. Трудящиеся республики внесли в фонд для постройки колонны танков «Колхозник Таджикистана» 84 млн руб., на строительство авиаэскадрильи «Советский Таджикистан» – 35 млн руб. Только комсомольцы и молодежь республики собрали на вооружение 6 млн руб. Внося личные сбережения, трудящиеся Таджикистана укрепляли мощь Красной Армии¹⁷.

Несмотря на тяжелое военное время, продолжалась подготовка специалистов в педагогических, медицинском

и сельскохозяйственных институтах, а также в техникумах и училищах. С целью увеличения квалифицированных национальных кадров студенты и учащиеся старших классов школ из числа таджиков и узбеков освобождались от оплаты за обучение. Успевающим студентам выплачивалась стипендия, а для нуждавшихся школьников старших классов были созданы государственные интернаты. Патриотизм советских людей нашел яркое отражение в литературе. С острыми публицистическими и сатирическими статьями против фашизма выступил С. Айни. Поэты А. Лахути, М. Турсун-заде, М. Миршакар, А. Дехоти, М. Рахими, Б. Рахим-заде создали поэтические произведения, а прозаики Д. Икромии, Р. Джалил, С. Улуг-заде и другие писали очерки и рассказы о героизме советских людей, их самоотверженности и любви к Родине. Многие таджикские литераторы находились в рядах Красной Армии. Поэт и критик Х. Юсуфи, писатели и поэты Х. Карим, Л. Бузург-заде, А. Пирмухаммед-заде, А. Назаров, Ф. Ниязи и другие, будучи на фронте, не прекращали своей творческой работы. Некоторые из них пали на полях сражений¹⁸.

В 1942 г. в Душанбе закончилось строительство здания театра оперы и балета. В 1943 г. был создан фронтовой театр Таджикской ССР, его артисты несколько раз выезжали на фронт и завоевали признание своего мастерства советскими воинами. Особое значение в условиях войны приобрело киноискусство. Осенью 1941 г. в Сталинабад (Душанбе) была эвакуирована московская киностудия «Союздетфильм», объединившаяся со Сталинабадской киностудией. Вместе они выпустили полнометражные ленты «Бой под Соколом», а также первый фильм об участии воинов-таджиков в Великой Отечественной войне – «Сын Таджикистана» (1943)¹⁹. Самоотверженный труд населения в эти годы во всех сферах народного хозяйства и культуры был

высоко оценен советским правительством. Более 102 тыс. трудящихся Таджикистана получили почетную медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Киргизстан

5 декабря 1936 г. статус Киргизстана в составе СССР был повышен – он стал союзной республикой. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Киргизстан превратился в надежный тыл. Здесь частично формировалась знаменитая дивизия генерала И. В. Панфилова, который накануне войны был военным комиссаром Киргизской ССР. Дивизия отличилась в боях под Москвой, где и погиб ее героический командир, ставший героем Советского Союза. В Киргизстане были сформированы 385-я стрелковая дивизия, 4-я и 40-я стрелковые бригады и несколько кавалерийских дивизий. 73 киргизстанца были удостоены за ратные подвиги звания Героя Советского Союза²⁰. Во время войны, с лета 1941 г., в Киргизстан были эвакуированы 140 тыс. человек, из них 16 тыс. – из блокадного Ленинграда, а также более тридцати тыс. крупных промышленных предприятий, двадцать пять военных госпиталей, сорок один детский дом с тысячами детей и многие культурные учреждения Москвы, что способствовало развитию Киргизской ССР в послевоенный период. Необходимо отметить, что республика, как и Казахстан, стала местом депортации репрессированных Сталиным народов – немцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, турок-месхетинцев и других народностей.

В сражениях с фашистской Германией участвовали 360 тыс. киргизстанцев. В 1941–1945 гг. Киргизстан стал одним из важных бастионов единого военно-хозяйственного организма СССР. Воины-киргизстанцы с честью выполнили

наказ своих земляков. В сражениях под Москвой и Ленинградом, на Северном Кавказе, Украине и Белоруссии, в Молдавии и Прибалтике, в странах Восточной Европы и логове фашистов – Берлине они отважно громили врага. За время Великой Отечественной войны в Вооруженные Силы было призвано 363,2 тыс. военнообязанных, или каждый пятый житель Киргизстана, в том числе 1395 женщин. Более 100 тыс. воинов и тружеников этой республики были награждены орденами и медалями, 20 из них стали кавалерами ордена Славы трех степеней, 73 присвоено звание Героя Советского Союза²¹.

Туркменистан

Статус союзной республики Туркменистан получил в 1924 г. С началом войны в Туркменской ССР была развернута широкая военно-мобилизационная работа. Уже осенью 1941 г. на ее территории началось формирование национальных соединений. В первую очередь были созданы 87-я Туркменская отдельная стрелковая бригада, 97-я Туркменская кавалерийская дивизия, затем 98-я Туркменская дивизия и 88-я Туркменская отдельная стрелковая бригада²².

Первый эшелон с бойцами 87-й Туркменской отдельной стрелковой бригады отправился из Ашхабада 19 августа 1942 г. и к 1 сентября прибыл на станцию Ногинск Московской области. Через неделю прибыл второй эшелон. Вскоре на фронт была отправлена 97-я Туркменская кавалерийская дивизия, которая вошла в состав поредевшего в Сталинградской битве 4-го кавалерийского корпуса. В составе других полков также сражались туркменские воины, пройдя с боями тысячи верст. Туркменские соединения громили врага на Курской дуге, на Украине, в странах Восточной Европы, в самой Германии. Большая заслуга в организации

дивизии, в обучении бойцов военным навыкам принадлежала Я.К. Кулиеву, первому из туркменских воинов, удостоенному генеральского звания. За время Великой Отечественной войны тысячи воинов-туркменистанцев награждены боевыми орденами и медалями. Среди них 49 удостоены высокого звания Героя Советского Союза – К. Дурды, А. Атаев, А. Тахиров, Т. Байрамдурдыев, Т. Ниязмамедов, И. Попов, К. Азалов, О. Анаев, М. Байрамов, Б.-М. Давледжанов, Д. Худайбергенов, А. Шагиев, В. Грецкий, Л. Цибизов, С. Заруднев, М. Родных и другие. Из них 25 – туркмены. 19 человек стали полными кавалерами ордена Славы. Всего же орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны награждено свыше 19 тыс. уроженцев Туркменистана²³.

Туркменская ССР стала надежным тылом, с ее территории в 1941 г. вводились советские войска, укомплектованные в значительной степени туркменистанцами, на территорию Ирана с целью пресечения происков германской агентуры и свержения его правительства, нацеленного на союз с Гитлером. В Ашхабад в ходе войны были эвакуированы Одесский и Московский государственные университеты, многие научные и промышленные учреждения. Вся экономика Туркменской ССР была подчинена нуждам военного времени²⁴. Однако современное руководство Туркменистана считает эту войну не Великой Отечественной для своего народа, а Второй мировой.

Вместо эпилога

В ходе войны советской пропагандой последовательно проводилась мысль о русском народе как о первом среди равных из всех народов СССР и испытавшим основную тяжесть военного периода. Такая долговременная установка оказала

огромное влияние на народы Центральной Азии. Акцентирование всенародного значения Великой Отечественной войны в сочетании с идеей советской Родины – СССР, наследницы великого Российского государства (обозначенной еще перед войной), возрастающая персонификация власти станут устойчивыми элементами советской идеологии и в послевоенный период.

Эта государственная политика, нашедшая отражение в речи И.В. Сталина о Победе над фашизмом 24 мая 1945 г., означала отказ от прежней концепции о роли русского народа как первого среди равных в пользу его дореволюционного видения как «народа-просветителя и покровителя», что, по сути, означало возврат к идеям, которые Сталин отстаивал вопреки Ленину в 1922 г. в своем проекте автономизации, где Россия играла роль центра. Эта концепция была «исторически обоснована» после войны ревизией истории отношений русского народа с другими народами СССР. Политические и культурные достижения далекого прошлого нерусских народов, их дореволюционная история должны были трактоваться как непрерывно крепнущая дружба с русским народом, а Российская империя представляла не «тюрьмой народов», а тиглем, в котором выплавлялось их единство при особой роли русского народа, открывшего перед национальными окраинами революционную перспективу.

Вместе с тем даже при учете характера упомянутых мифологем нельзя не признать, что кровь всех народов СССР, пролитая в совместной борьбе против фашизма в Великой Отечественной войне, и поныне всё ещё продолжает служить мощным фактором братства бывших советских народов, в частности центральноазиатских, в одночасье ставших для официальной России иностранцами. И этот духовный потенциал будет сохраняться, пока остаются живы фронтовики Великой Отечественной. Увы, но он не вечен, как и сами герои той войны...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Сборник документов и материалов. Т. 1–2. А.-А., 1964–1967. С. 20–22.
2. Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. А.-А., 1970. С. 33.
3. Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. А.-А., 1971. С. 11.
4. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1991. С. 267–293.
5. Белан П.С. Участие казахстанцев в завершающих сражениях Великой Отечественной войны. А.-А., 1979; Он же. Казахстанцы в боях за освобождение Белоруссии и советской Прибалтики. А.-А., 1988; Он же. Казахстанцы в битве на Волге. А.-А., 1990; Он же. Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии. 1941–1944. А.-А., 1984; Он же. Казахстанцы в боях за Ленинград. А.-А., 1973.
6. Едыгенов Н.Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. А.-А., 1972. С. 18.
7. Покровский С.Н. Казахские соединения в битве на Курской дуге. А.-А., 1973. С. 20.
8. Книга памяти Казахстана. А.-А., 1995. С. 12.
9. Нурбекова Г. Женщины Казахстана – фронту. А.-А., 1968. С. 24.
10. Оразов К.Ю. Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне. А.-А., 1975. С. 15.
11. Узбекская ССР. Большая Советская Энциклопедия. Т. 26. М., 1973. С. 493.
12. Узбекская Советская Социалистическая республика. Т., 1977. С. 53–54, 65–66, 89.
13. Текущий архив Государственной национальной библиотеки им. Фирдоуси. Отдел Таджикистановедения. Справка за 2003 г. Д., 2003.
14. Сечкина Л.П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Душанбе, 1989. С. 6.
15. Масов Р. Таджикистан в Великой Отечественной войне (Историко-графический обзор) // Советский Таджикистан в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). С. 21–36.

16. Набиева Р.А. Женщины Таджикистана в годы Великой Отечественной войны // Победа советского народа в Великой Отечественной войне: Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Душанбе, 1995. С. 23–25.
17. Зикриёев Ф.Б. Историография деятельности общественно-политических организаций в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 7–8.
18. Рахимов С. О состоянии разработки историографии проблемы Компартия Таджикистана и таджикский народ в годы Великой Отечественной войны // Книга в развитии культуры народов Востока: история и современность (Материалы международной конференции). Душанбе, 1990. С. 118–119.
19. Зикриёева М.Ф. Освещение вопроса женщины Таджикистана в годы Великой Отечественной войны в научной литературе // Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 2000. С. 14–16.
20. Киргизия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Фрунзе, 1965.
21. Киргизская ССР. – Большая Советская Энциклопедия. Т. 12. С. 472; Туркменистан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник документов (1941–1945 гг.). Т. 1. Ашхабад, 1966.
22. Ильясов Б. Советский Туркменистан в период Великой Отечественной войны. Ашхабад, 1964.
23. Базарова Р. Подвиг молодежи Туркменистана в годы Великой Отечественной войны. Ашхабад, 1964.
24. Ими гордится Туркменистан (Сборник документов и материалов о Героях Советского Союза – туркменистанцах). Ашхабад, 1973.

А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев

«Легион Туркестан» в составе вермахта и национальные подходы в освещении деятельности этого формирования

Годы, прошедшие со времени окончания Великой Отечественной войны, не делают, тем не менее, некоторые исторические факты забытым прошлым. Они позволяют шире привлекать раскрытые архивные документы и воспоминания очевидцев, долгое время остававшиеся предметом умолчания в отечественных исследованиях. Образование на основе бывших республик СССР независимых государств сделало актуальными для местных исследователей изучение и переоценку деятельности национальной эмиграции. И, в частности, переосмысление таких явлений, как коллаборационизм советских граждан – уроженцев Туркестана во время Великой Отечественной войны и сотрудничество бежавших от советской власти представителей местной интеллигенции с войсками гитлеровской Германии. Следует отметить, что коллаборационизм как явление существовал во многих странах, затронутых Второй мировой войной. Однако в СССР тема сотрудничества советских граждан с властями фашистской Германии долгое время замалчивалась, а число коллаборационистов считалось столь незначительным, что его не принято было сколько-нибудь серьезно изучать до 1990-х гг.

Вместе с тем общее число входивших в состав военных подразделений немецкой армии советских граждан, включая и тюрков, по различным оценкам, могло составлять от 700 тыс. до 1,5 млн. Такой разброс цифр характерен для западных исследований по данной тематике, включая и мемуары функционеров и востоковедов Третьего рейха, которые были задействованы в деятельности «восточных легионов»¹. С этой цифрой в целом согласны и отечественные специалисты², которые, тем не менее, призывают различать активный коллаборационизм, выразившийся в вооруженной борьбе на стороне фашистов, и пассивный коллаборационизм – пребывание в тылу врага в составе строительных и тому подобных формирований³. Согласно сведениям немецкого исследователя Патрика фон цур Мюлена, подсчитавшего на основании различных источников число коллаборационистов из советских граждан тюркского происхождения, оказалось, что их численность достигала 250–300 тыс. Поволжских татар среди них было от 35 до 40 тыс., а уроженцев Центральной Азии тюркского происхождения от 110 тыс. до 180 тыс. человек⁴.

В западной историографии тема коллаборационизма получила большой отклик, учитывая, что часть исследований была подготовлена бывшими немецкими востоковедами, участвовавшими на правах кураторов в деятельности различных национальных образований и формирований на территории Германии⁵. Основными приоритетами для изучающих эту проблему стало выявление мотивов коллаборационизма, его идеологических составляющих и взаимоотношения различных национальных организаций, вовлеченных в сотрудничество с Германией. Так, Ральф фон Хайгендорф, один из руководителей «восточных легионов», классифицировал состав, в том числе и тюркских «восточных легионов» как *материалистов*, то есть тех, кто перешел

на сторону вермахта по чисто материальным причинам – от голода, чтобы спастись от смерти в плену *оппортунистов*, которые решили поменять взгляды, видя силу Германии, и *идеалистов*, которые пострадали от советского режима и имели религиозные, политические или этнические причины бороться с советской властью. Хайгендорф невысоко оценивал убеждения и моральные качества материалистов и оппортунистов, так как их верность зависела от их материального положения и положения на фронте⁶. Западные историки в отношении тюркских народов выделяли два основных мотива коллаборационизма: материальные причины – *выжить в плену* и оппортунизм эмигрантских политических деятелей, цель которых – *возрождение национальной государственности*.

Другой немецкий исследователь, Х.В. Нойлен, полагал, что основной причиной вступления в «Легион Туркестан» для наиболее мотивированной части военнопленных было антикоммунистическое стремление к установлению независимости и самостоятельности⁷. Большая часть коллаборационистов имела собственные политические программы, не предусматривавшие подчинение идеологической доктрине Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Предполагалось, что Германия и ее военная мощь, по их мнению, станут лишь средством достижения цели, и с ними впоследствии можно будет расстаться. Х.В. Нойлен раскритиковал данную позицию коллаборационистов, полагая, что они не до конца понимали сущность немецкого национал-социализма. Исследователь советского военного коллаборационизма Й. Хоффман предлагал разделить проблему коллаборационизма на духовно-политическую и чисто юридическую. Критике подвергся советский подход, рассматривавший коллаборационизм как предательство. Вместе с тем Й. Хоффман предлагал считать

всех, кто был в «восточных легионах», участниками освободительного движения и противниками советской системы, сам таким образом предлагая субъективный и односторонний подход⁸.

Одной из наиболее важных для рассматриваемой нами темы стала книга Патрика фон цур Мюлена «Между свастикой и советской звездой: национализм советских восточных народов во Второй мировой войне». В ней шла речь в том числе и о пребывании туркестанцев в лагерях военнопленных. Автор подошел к проблеме с точки зрения последующего политического участия советских граждан в национальных формированиях. По мнению П. фон цур Мюлена, альтернативой они считали создание при поддержке Германии национальных органов власти, которые в случае поражения СССР стали бы основой для формирования национальной государственности. Таким образом, функционирование национальных организаций восточных народов СССР в фашистской Германии виделось автору как форма проявления национализма и национальной борьбы. Еще одной отличительной чертой работы П. фон цур Мюлена стала оценка деятельности эмигрантских лидеров и организаций в Европе во время Второй мировой войны, которые, с его точки зрения, защищали свои национальные права⁹.

Стремление решить национальный вопрос было обусловлено несогласием народов с советской национальной политикой, при этом огромное влияние оказывала и идеология. Коллаборационисты из числа более крупных, культурно и экономически развитых народов зачастую направляли свои усилия на закрепление своих доминирующих позиций по отношению к менее организованным и традиционно им подчиненным этносам. Это проявлялось, например, в отношениях татар с другими представителями Поволжья, а также узбеков и других уроженцев Туркестана.

При этом, однако, автор игнорировал тот факт, что большое число тюрков героически сражались в частях Красной Армии. А многие члены «национальных легионов» при первом же удобном случае на фронте вновь переходили с оружием в руках на сторону советских войск, используя участие в «легионах» лишь как способ избежать голодной и мучительной смерти в концлагерях.

Пропагандистско-информационная работа в нерусской среде эмигрантов и справочно-аналитические разработки по национальным регионам СССР, содержащие сведения об этнических особенностях их населения, использовавшиеся при формировании «национальных легионов», выполнялись, в частности, в Институте Ванзее, располагавшемся на западной окраине Берлина. Структурно Институт подчинялся разведслужбам СС и, несмотря на то что его официальным главой являлся представитель тюркской эмигрантской среды Ахметели, курировался лично Кальгенбруннером и Шелленбергом. На работу в Институт привлекались ученые-востоковеды: тюркологи, монголисты и угрофинноведы. В 1943–1944 гг. в его деятельности участвовал перешедший в период оккупации Северного Кавказа на сторону гитлеровцев известный филолог-алтаист член-корреспондент АН СССР Н.Н. Поппе.

Одним из наиболее серьезных исследований по истории формирования «национальных легионов» вермахта стала книга Патрика Мюлена, а ее название определило и продолжает до настоящего времени определять концептуальные подходы западноевропейских и отчасти турецких и центральноазиатских исследователей к оценке деятельности Мустафы Чокая (Чокаева) и туркестанцев на службе в вооруженных силах фашистской Германии. В связи с тем, что в 90-х многие архивные материалы как из государственных, так и из частных архивов были открыты для изучения,

на территории бывшего СССР и за рубежом появились новые работы по данной тематике. В советской и российской исторической науке сложилась определенная историография данной проблемы. Большое внимание уделяется изучению деятельности Мустафы Чокаева как председателя Туркестанского национального союза в Париже и президента Туркестанского национального правительства.

Накануне распада СССР и в 90-е гг. тема коллаборационизма советских граждан тюркского происхождения активно рассматривалась российскими историками¹⁰. Отдельные аспекты этой проблемы изучал казанский историк И. А. Гилязов¹¹, которого, однако, очень интересовало создание в фашистской Германии легиона «Идель-Урал». Большая часть его публикаций посвящена анализу различных аспектов коллаборационистской деятельности уроженцев Поволжья¹². И. А. Гилязов пришел к выводу о более сложном по сравнению с Европой характере коллаборационизма в СССР, что было обусловлено многонациональной структурой советского государства¹³.

На базе документов Государственного Архива Автономной Республики Крым (тогда находившейся в составе Украины) свою монографию подготовил О. Романько, показавший общий ход формирования и деятельности «восточных легионов», состоявших из советских мусульман, подкрепив материалы примерами взаимодействия крымских татар с германской администрацией Крыма¹⁴. В целом же для советских и российских исследователей «Легион Туркестан» в публикуемых работах остается ярко выраженным случаем предательства интересов Родины, которым к тому же воспользовались националисты и авантюристы из числа национальной эмиграции на Западе.

Исследовательский интерес к деятельности «восточных легионов» еще в советское время возник у казахстанских

историков. Этот интерес был обусловлен повышенным вниманием к деятельности Мустафы Чокая, являвшегося председателем Туркестанского национального союза и Туркестанского национального правительства. В свою очередь, внимание к личности М. Чокая объяснялось его участием ранее в деятельности партии «Алаш», которую часть казахстанской национальной интеллигенции считала основоположницей современной казахской государственности¹⁵. Уже в 1972 г. одним из первых советских писателей деятельность «туркестанского легиона» рассмотрел С. Шакибаев в своем литературном произведении «Падение “Большого Туркестана”». По словам автора, повесть опиралась на строго документальную основу, которая показывала деятельность Мустафы Чокаева за рубежом как президента Туркестанского национального правительства. В целом книга была написана «для воспитания советского патриотизма на региональном, местном уровне». Автор стремился убедить читателя в коллаборационизме Мустафы Чокая и его двуличии.

Основные тезисы повести, по заключению автора, сводились к тому, что Мустафа Чокай боролся за свержение советской власти в Центральной Азии и установление мусульманского государства, вел подрывную работу в качестве английского агента. После оккупации немцами Парижа провел некоторое время во французской тюрьме, а затем активно предлагал фашистскому режиму свои услуги. Разоблачительный характер повести, а также непроверенные факты и элементы недостоверной информации впоследствии дали повод критикам этой работы обвинять автора во лжи, пропаганде и подтасовке, подчеркивая при этом закрытый характер тех документальных источников, на которые С. Шакибаев опирался¹⁶. Весьма вероятно, что дата появления повести в 1972 г. могла быть не случайной. Это мог быть советский ответ на появление книги Мюлена,

учитывая слова С. Шакибаева о необходимости для советских граждан выработать иммунитет против «ядовитой пропаганды».

В преддверии распада СССР в рамках зарождающейся дискуссии национальных историков о роли, месте и личностях отдельных военнослужащих «Легиона Туркестан» в Алматы вышла статья историка П. С. Белана «Правда о “Гростуркестане” и “Туркестанском легионе”», опубликованная в книге «История Казахстана: белые пятна». Исследователь дает достаточно жесткий ответ на попытки пересмотреть роль Мустафы Чокая и «Туркестанского легиона» в истории Центральной Азии. В своей статье автор указывает, что, несмотря на все попытки склонить советских военнопленных–уроженцев Туркестана на сторону Германии, большая часть из них оставалась верной присяге и искала подходящего случая, чтобы перейти на сторону Красной Армии, зачастую с оружием в руках¹⁷.

В активную полемику с этими авторами вступила известный общественный деятель и казахстанский историк Бахыт Садыкова, опубликовавшая в 2002 г. исследование «История Туркестанского легиона в документах»¹⁸. В частности, ссылаясь на опубликованные вдовой М. Чокая М. Я. Чокаевой письма, она подвергла критике заключения П. Белана и С. Шакибаева о сотрудничестве М. Чокая с нацистами, обвинив этих авторов в пропаганде и лжи. Вместе с тем значительную часть труда Б. Садыковой занимает выяснение вопроса о роли и месте М. Чокая в движении алаш-ордынцев, что лишним раз подчеркивает специфический подход к изучению наследия М. Чокая в Казахстане. В целом для казахстанских ученых освещение истории «Легиона Туркестан» связано, с одной стороны, с эволюцией исследовательской направленности и оценки формирования национальной государственности, а также деятельности партии «Алаш»,

а с другой стороны, с достаточно оживленной общественной дискуссией о возможности или невозможности реабилитации М. Чокая и части казахстанцев – советских граждан, попавших в плен и сотрудничавших с вермахтом ради спасения своей жизни.

Подробно вопросы функционирования Туркестанского Национального Комитета и его лидеров освещали турецкие исследователи, для которых эта тема имела актуальное и политическое значение. Важная работа по истории эмигрантских организаций, сформированных выходцами из Центральной Азии и Поволжья, «Туркестан: от джадидизма к независимости» принадлежит турецкому исследователю, политическому и общественному деятелю Ахату Андиджану. Будучи потомком в третьем поколении эмигрантов 1920-х гг. из Туркестана, А. Андиджан смог использовать обширный фонд архивных материалов личного происхождения – переписку представителей эмиграции, их газеты и периодические издания, что придает ценность его трудам. Автор в своей книге напрямую связывает историю джадидского движения в Центральной Азии с движением за обретение национальной независимости в 1920–1930-е гг. и деятельностью младотурок в Афганистане и Центральной Азии. На основании материалов из личного архива он описывает общественно-политическую борьбу в эмигрантских кругах в 1930–1940-е гг.¹⁹ Кроме того, автор освещает место Германии и Турции в деятельности антисоветских эмигрантских организаций и течений, называя при этом Турецкую Республику не только прибежищем, но и политическим центром для выходцев из Туркестана. Автор полагает, что в ходе Второй мировой войны идея национального строительства тюркских народов СССР использовалась Германией для вовлечения военнопленных тюрков в боевые действия. Однако им же, со ссылкой на подготовленные рейхсминистром восточных территорий А. Розенбергом документы,

отмечается, что это был лишь тактический ход фашистского руководства, а в действительности никаких планов восстановления национальной тюркской государственности у нацистской Германии не имелось²⁰.

Активно изучал вопрос о коллаборационизме попавших в плен тюрков СССР Баймирза Хайит, узбек по происхождению, который получил советское образование и до войны работал преподавателем истории в школе, в начале Великой Отечественной войны попал в плен и начал сотрудничество с фашистами. В годы войны он был переводчиком в «Легионе Туркестан», а затем заместителем Вели Каюм Хана, руководителя Национального представительства Туркестана. После войны он остался в Западной Германии и вел научную, общественную и политическую деятельность, зачастую крайне антисоветской направленности. Благодаря помощи крупного немецкого востоковеда Герхарда фон Менде, также участвовавшего в создании «восточных легионов», Б. Хайит закончил Мюнхенский университет, где с 1947 по 1950 г. изучал ислам, классические восточные языки, историю и славянские языки. В 1950 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Национальные правительства Коканда и Алаш-Орда»²¹. Один из авторов данного очерка познакомился с Б. Хайитом на конгрессе историков в Турции и неоднократно беседовал с ним впоследствии на тюркологических конференциях в Европе и США, к которым тот, несмотря на преклонный возраст, проявлял постоянный интерес и охотно делился воспоминаниями, в том числе и с советскими тюркологами.

Будучи очевидцем событий туркестанской истории 1920–1930-х гг., Баймирза Хайит опубликовал целый ряд статей, которые впоследствии послужили основой для издания нескольких монографий, основным содержанием которых была «теория советского колониализма».

По мнению центральноазиатских исследователей, даже в 1980-е гг. в теоретическом и концептуальном отношении Б. Хайит продолжал оставаться на уровне 1950-х – начала 1960-х гг., когда были написаны его первые работы²². Он последовательно отстаивал тезисы о том, что Туркестан (в который он включал все советские республики Средней Азии и Казахстан) пал жертвой русского и советского империализма и коммунистической антитюркской и антиисламской пропаганды. Именно им были сделаны прогнозы в середине 1980-х гг. о скором распаде СССР. Значительная часть его трудов была несколько лет назад переиздана в Турции отдельным томом²³. Исследователь К. Ведекин отдельные работы Хайита охарактеризовал как экстремистские по своей направленности. В то же время большого внимания заслуживает наличие обширной, основанной на многочисленных документах из официальных и личных архивов источниковой базы исследований Б. Хайита, внесшего заметный вклад в западную историографию Средней Азии²⁴.

Еще одним турецким автором, рассматривавшим тематику коллаборационизма, стал Абдулвахап Кара. Будучи потомком эмигрантов из Центральной Азии, он получил в Турции базовое инженерное образование, однако впоследствии работал в Османском архиве премьер-министра Турции в Стамбуле, а также в казахстанской редакции радио «Свобода». Его кандидатская диссертация была посвящена деятельности Мустафы Чокая и его творческому наследию. В 2006 г. А. Кара издал биографию крымско-татарского писателя Дженгиза Дагджи о его пребывании в немецком плену, участии в «Легионе Туркестан» и послевоенных годах, проведенных беженцем в Австрии, Италии, Англии и Турции. Книга содержит комментарии к биографии, которые носят идеологически обусловленный характер. Тюркское население предстает в его работе как третья сила в конфликте

Сталина и Гитлера, однако не в качестве самостоятельного субъекта, а как объект манипуляций тоталитарных режимов. Автор в комментариях говорит о якобы «существенном военном вкладе, который 1 млн тюркских военнослужащих на службе вермахта внес в борьбу со Сталиным». Вместе с тем в заключение он упоминает о «2 миллионах тюрков» – солдат Красной Армии, которые, по его мнению, полностью или частично разделили тяготы и лишения военного времени, как и Д. Дагджи²⁵.

Анализируя факты коллаборационизма представителей этно-национальных групп населения СССР, попавших в плен или оказавшихся под влиянием националистической эмигрантской пропаганды, почти всегда мы наблюдаем трагедии человеческих судеб. Жизненные обстоятельства вынуждали людей принимать решения, в результате которых происходил разрыв с единокровным сообществом и наступала их физическая и моральная гибель. Время изучения вновь открываемых архивных документов дает возможность с меньшей эмоциональностью и более информативно рассматривать причины тех или иных человеческих поступков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данной работе численность коллаборационеров рассмотрена специально: Alex Alexiev. *Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945*. Santa Monica, 1982. P. 27; Olaf Caroe. *Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism*. London, Melbourne, Toronto, New York, 1967. P. 246; George Fischer. *Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II*. Cambridge, 1952. P. 45; E. Hesse. *Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle*. Göttingen, Zürich, Frankfurt/Main, 1969. S. 123–124; H. Lemberg. *Kollaboration in Europa mit dem Dritten Reich um das Jahr 1941* // Karl Bosl (Hrsg.). *Das Jahr 1941 in der europäischen Politik*. München, Wien, 1972. S. 143–162; H. W. Neulen. *An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS*. München, 1985. S. 342.
2. В частности, А. О. Чубарьян соглашается с цифрой в 700 тыс. – 1 млн человек. – Чубарьян А. О. Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию Победы. М., 1995. С. 12.
3. Кудряшов С. В. Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 91.
4. P. von zur Mühlen. *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern; der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg*. Düsseldorf, Droste Verlag, 1971. S. 6.
5. Назовем лишь некоторые из исследований, в которых эта тема рассмотрена специально: Alex Alexiev. *Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945*. Santa Monica, 1982. P. 27; C. Andreyev. *Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet Reality and Emigre Theories*. Cambridge, 1987; John Armstrong. *Collaboration in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe* // *The Journal of Modern History*. 1968. No. 40. P. 396–410; W. Brockdorff. *Kollaboration oder Widerstand? Die Zusammenarbeit mit den Deutschen in den besetzten Ländern während des Zweiten Weltkrieges und deren schreckliche Folgen*. München, 1986; H. Lemberg. *Kollaboration in Europa mit dem Dritten Reich um das Jahr 1941* // Karl Bosl (Hrsg.). *Das Jahr 1941 in der europäischen Politik*. München, Wien, 1972. S. 143–162; D. Littlejohn. *The Patriotic Traitors. A History of Collaboration in German Occupied*

- Europe, 1940/1945. London, 1972; T.P. Mulligan. The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. New York, Westport, Conn., London, 1988; H.W. Neulen. Eurofaschismus und der Zweite Weltkrieg. Europas verratene Söhne. München, 1980; H.W. Neulen. An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München, 1985; W. Rings. Life with the Enemy. Collaboration and Resistance in Hitler's Europe. 1939–1945. New York, 1982.
6. Цит. по: Гилязов И.А. Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 153–154;
  7. Neulen H.W. An deutscher Seite. S. 39–49.
  8. Hoffmann J. Kaukasien 1942/1943. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg, 1991. S. 57.
  9. Patrik von zur Mühlen. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern; der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, Droste Verlag, 1971.
  10. Некоторые аспекты данной темы были освещены в следующих работах: Туркестанские легионеры / Публ. Г.Н. Взварова // *ВИЖ*. 1992. № 2. С. 42; Бернтъес Б. Использование востоковедов фашистскими шпионскими службами // *Вопросы истории*. 1986. № 2. С. 173; Румянцев Ф.Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972. С. 41; Дробязко С., Каращук А. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 2000; Сужиков Б.М. Правда о «Гростуркестане» и «Туркестанском легионе». <http://bibliotekar.kz/istorija-kazahstana-belye-pjatna/pravda-o-grosturkestane-i-turkestanskom-.html>
  11. Гилязов И.А. Пантюркизм, пантуранизм и Германия // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 2. С. 92–103; Гилязов И.А. Восточные легионы. Тюрки в составе германского вермахта // *Родина*. 1999. № 7. С. 75–79.
  12. Гилязов И.А. На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань, 1998. 252 с.; Гилязов И.А. Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 145–176; Гилязов И.А. Германия и мусульмане России в двух мировых войнах // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 195–208; Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «Третьего рейха». Казань, 2005. 383 с.; Гилязов И.А. Легион «Идель – Урал». М., 2009. 299 с.

13. Гилязов И. А. Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 163–165.
14. Романько О. В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004.
15. В частности, см. некоторые последние казахстанские публикации о М. Чокае: Исхаков С. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии. 2001; Садыкова Бахыт. История Туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002; Даримбетов Батырхан. Мустафа Шокай (в 2 томах), 2003; Садыкова Б. Мустафа Чокай. Алматы, 2004; Садыкова Б. Мустафа Чокай в протеметеевском движении. Париж, 2007; Кыдыралиев Дархан. Мустафа Шокай. Астана, 2007.
16. Шакибаев С. Падение «Большого Туркестана». Алма-Ата, 1972. С. 225–233.
17. Белан П. С. Правда о «Гростуркестане» и «Туркестанском легионе» в книге «История Казахстана: белые пятна». Алматы, 1991. С. 295–315.
18. Садыкова Бахыт. История Туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002.
19. Andican, Ahat A. *Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi*. İstanbul, 2003.
20. Andican, Ahat A. Указ. соч. С. 487–488.
21. Baymirza Hayit. *Die nationalen Regierungen von Kokand (Choqand) und der Alasch Orda*. München, 1950.
22. Таштемханова Р. М. Немецкая школа среднеазиеведения и казахстаники: Учебное пособие для студентов исторических факультетов. Павлодарский государственный университет, 2005. <http://do.gendocs.ru/docs/index-106481.html?page=3>
23. Dr. Baymirza Hayit. *Milli Türkistan Hürriyet Davası* / Ed. T. Kocaoglu. Ankara, Atatürk Kültür Merkez Başkanlığı, 2004.
24. Scharff R. *Nationale Unruhe in Mittelasien. Zu den Ausschreitungen in Alma-Ata* // *Osteuropa*, 1987. H. 6. S. 289. Simon G. *Regionalismus in der Sowjetunion*. Koeln, 1987. Halbbach U. *Perstrojka und Nationalitaetenproblematik. Schock von Alma-Ata und Moskaus gespanntes Verhaeltnis zu Mittelasien*. Koeln, 1987. S. 101. Waedekin K. *Sozialistische Agrarpolitik in Osteuropa*. Giessen, 1978. S. 274–278.
25. Kara, Abdulyahap. *Gamalı Haç ile Kızıl Yıldız arasındaki yazar: Cengiz Dağcı*. İstanbul, 2006. S. 130.

Битва за Кавказ и ее значение: новые подходы и оценки

Битва за Кавказ относится к числу самых длительных и ожесточенных сражений Великой Отечественной войны, во многом предопределивших общий ее исход. Это противостояние нашло свое отражение в различных исследованиях отечественных и зарубежных историков, материалы которых отличаются высоким уровнем военно-исторического анализа событий и широким привлечением архивного материала¹. В то же время эти работы в количественном отношении значительно уступают историографии таких сражений, как Московская, Сталинградская или Курская битвы. Все это отражало некоторую недооценку битвы за Кавказ в историографии предыдущих десятилетий. Нередко сказывалась в ее осмыслении и определенная политическая и идеологическая конъюнктура². Только в работах последних лет появились новые оценки и подходы, позволяющие переосмыслить историческое значение данного сражения³.

Впервые реальная угроза захвата вермахтом Кавказа возникла еще осенью 1941 г. Уже 21 ноября войска противника овладели Ростовом-на-Дону – крупнейшим промышленным и транспортным узлом на юге страны, считавшимся «воротами Кавказа». Однако всего через неделю донская столица была освобождена, и враг был отброшен к Таганрогу⁴. Весной 1942 г. после серьезных неудач советских войск

инициатива снова перешла к вермахту. План летней кампании был утвержден Гитлером 5 апреля 1942 г. в директиве № 41 под названием «Блау». Ее общий замысел заключался в сосредоточении главных сил на южном участке советско-германского фронта для проведения операции по уничтожению советских войск западнее Дона. После этого предполагалось «захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет»⁵. Цель всей летней кампании вермахта заключалась в захвате Кавказа, так как тогда СССР лишался основных экономических баз на юге страны, а Германия получала бы кавказскую нефть, без которой немецкая военная машина была обречена на поражение. Захват Кавказа противником поставил бы СССР в исключительно сложные условия ведения войны, лишив страну в самое сложное время основной массы нефти, газа, марганцевой руды, молибдена, вольфрама, а также крупнейшей продовольственной и курортной баз. Для Германии по мере крушения стратегии «молниеносной войны» проблема снабжения ее моторизованной армии горючим принимала все более острые формы. Уже весной 1942 г., по признанию Гитлера, такая ситуация стала угрожать катастрофой. К тому же с весны 1942 г. через Каспийское море и Волгу все большее значение для советской экономики и Вооруженных сил приобретали поставки союзников по ленд-лизу⁶.

Исходя из стратегической задачи, основные силы врага сконцентрировались на южном участке советско-германского фронта. На линии фронта протяженностью 800 км, от района северо-восточнее Курска до Таганрога, к 28 июня сосредоточилась группа вражеских армий «Юг». Она включала в себя 97 дивизий и бригад (900 тыс. солдат и офицеров, 1260 танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов)⁷. Им противостояли войска Брянского, Юго-Западного и Южного

фронтов, насчитывавшие в общей сложности 93 дивизии (81 стрелковая, 12 кавалерийских), 62 танковые и 38 мотострелковых и стрелковых бригад, 9 укрепленных районов – 1715 тыс. человек личного состава, 16500 орудий и минометов, 2300 танков, 758 боеготовых самолетов⁸.

В июле 1942 г. группа армий «Юг» была разделена на две группы армий – «А» и «Б». В наступавшую на Кавказ группу армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа входили 17-я полевая и 1-я танковая армии. В нацеленную севернее группу армий «Б» под командованием генерала-фельдмаршала Федора фон Бока – 4-я танковая, 2-я и 6-я полевые армии. Для прикрытия флангов использовались войска союзников Германии – Румынии, Венгрии и Италии. Согласно принятому в исторической науке мнению, кавказская группировка врага насчитывала 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. самолетов⁹. Однако новейшие подсчеты численности группы «А» дают основание утверждать, что она могла быть значительно большей и достигала полумиллиона солдат и офицеров. Между тем сталинградское направление с конца июля незаметно, но неотвратимо становилось основным. После захвата Ростова-на-Дону Гитлер приказал изъять из состава группы армий «А» девять немецких дивизий, в том числе две танковых и моторизованную. В этом состоял стратегический просчет Гитлера: таким решением он лишил фельдмаршала Листа оперативных резервов в операции «Эдельвейс» по захвату Кавказа и обрекал эту операцию на неудачу¹⁰.

Однако положение советских армий на кавказском направлении было еще более тяжелым. Войска Северо-Кавказского и Южного фронтов, оборонявшие донские рубежи, были немногочисленны и истощены предыдущими боями. После ударов врага в конце июля – начале

августа они раскололись и беспорядочно отступали. В тяжелых боях под Новороссийском и на туапсинском направлении в августе–сентябре 1942 г. частям Северо-Кавказского фронта (командующий маршал С.М. Буденный) удалось остановить противника и удержать за собой Черноморское побережье, однако сил для обороны всех подступов к Закавказью с севера фронт не имел. Эта задача была возложена на Закавказский фронт (командующий генерал армии И.В. Тюленев), который на тот момент выполнял другую задачу государственной важности – прикрытие государственной границы СССР с юга со стороны враждебно настроенной Турции, а также оккупацию части территории Ирана.

В преддверии решающего сражения с основными силами немецкой группы армий «А» советским правительством, штабом Закавказского фронта, советскими и партийными руководителями Северного Кавказа и Закавказья в августе и начале сентября 1942 г. был проведен комплекс оборонительных мероприятий, потребовавший полной мобилизации сил и ресурсов. Прежде всего войска Закавказского фронта силами вновь образованной Северной группы войск (37-я, 9-я, 44-я и 58-я армии) оборудовали и заняли совершенно новый рубеж обороны, протяженностью свыше 400 км (от Нальчика до устья р. Терек у впадения ее в Каспийское море) и в глубину на отдельных направлениях до 300 км (до Дербента и Баку). Северная группа войск должна была прикрыть наиболее важное грозненско-бакинское направление. На перевалы Главного Кавказского хребта были переброшены соединения 46-й армии. При этом войска фронта были немногочисленны, имели на вооружении в основном устаревшую материальную часть и не обладали боевым опытом¹¹. Некоторые армии (9-я и 37-я) пополнялись после отвода с донских рубежей, а 58-я армия впервые формировалась.

Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) и Генеральному штабу РККА пришлось пойти на большой риск и до предела ослабить остальные направления обороны Закавказского фронта. В течение первой половины августа из Закавказья было переброшено 6 стрелковых дивизий, 4 стрелковых бригады и значительная часть средств усиления. Основные силы 46-й армии были развернуты на север для обороны перевалов и стыка с Северо-Кавказским фронтом, а в 45-й армии, находившейся на границе с Турцией, оставалось лишь три дивизии. Ситуация на южной границе усугублялась тем, что в связи с острой нехваткой оружия его приходилось изымать у войск 45-й и 46-й армий¹². Со второй половины августа помощь войсками начала оказывать Ставка ВГК, направившая в Закавказье в течение последующих полутора месяцев два гвардейских стрелковых корпуса, 11 стрелковых бригад, танки и другие виды вооружения. Трудовой подвиг совершило население Северного Кавказа, строившее оборонительные сооружения, и железнодорожники, обеспечившие бесперебойную переброску войск, эвакуацию раненых и оборудования.

Малоизвестным, однако, важным с точки зрения организации обороны Кавказа эпизодом стал визит в регион полномочного представителя Государственного Комитета Обороны наркома внутренних дел Л.П. Берии. Имея мандат ГКО и располагая фактически неограниченными полномочиями, Берия многократно выезжал на различные участки обороны, делая И.В. Сталину как личные, так и совместные с военными советами Закавказского и Северо-Кавказского фронтов доклады. Консультируясь только со Сталиным, Берия решал кадровые и организационные вопросы, расставляя на ключевые участки обороны людей, которым лично доверял. Например, командующим Северной группы войск стал генерал-лейтенант И.И. Масленников,

сохранявший за собой должность заместителя наркома внутренних дел по Внутренним войскам. По инициативе Берии также на высокогорном участке фронта был организован штаб, работавший параллельно со штабом 46-й армии и фактически дублировавший его. Несмотря на волонтаристский и грубый стиль руководства наркома, явных репрессий с его стороны в отношении высшего командного состава, с чем обычно связывают имя Берии, в данном случае источниками не отмечено. Напротив, можно предположить, что присутствие на фронте государственного деятеля столь высокого ранга сыграло свою положительную мобилизующую роль¹³.

В сентябре–октябре в тяжелых сражениях под Моздоком, Туапсе и на перевалах Главного Кавказского хребта советские войска измотали противника, сбили его наступательный порыв и создали предпосылки для перехода в контрнаступление. Однако противник сохранил немало сил и отразил все контрудары войск Закавказского фронта в ноябре и декабре 1942 г. Операция по обороне Кавказа в целом была типичной для первого периода войны с присущими ему недостатками – слабой моторизацией войск Красной Армии, нехваткой бронетехники и самолетов, неопытностью большей части командного и начальствующего состава, особенно специалистов (разведчиков, связистов, артиллеристов) и т. д. Это нередко оборачивалось просчетами в планировании, ведении и обеспечении операций и боев, слабым взаимодействием родов войск и в конечном итоге – затяжными боями и неоправданно большими потерями. С другой стороны, командование и штаб фронта проявили достаточно высокие организаторские и управленческие качества. Они нередко выходили в Ставку со смелыми инициативами, твердо отстаивали свою точку зрения, напряженно искали пути преодоления острого дефицита людей и материальных ресурсов, обходились теми средствами, которые имелись в наличии.

В октябре–ноябре 1942 г. по инициативе командования Закавказского фронта, поддержанной Ставкой, на правом крыле фронта из имевшихся казачьих гвардейских кавалерийских дивизий шло формирование Конной армии – аналога подвижных объединений времен Гражданской войны. От формирований прежних времен ее должна была отличать высокая насыщенность техническими родами войск – танковыми и бронеавтомобильными частями, собственной авиацией и средствами ПВО. На укомплектование Конной армии из резерва Ставки было направлено несколько танковых полков, смешанная авиадивизия, другие части. Конная должна была, заходя с севера, ударить во фланг и тыл крупнейшей моздокско-малгобекской группировки 1-й танковой армии противника и запереть его в предгорьях Кавказа. К сожалению, для реализации этого плана не хватило времени: началось стремительное наступление сталинградских фронтов, и потребовался сковывающий удар для блокирования немецких танковых соединений под Сталинградом. Кавалерийские соединения спешно были сведены в два гвардейских корпуса, действовавших разрозненно, и ударная их сила в итоге была значительно ослаблена¹⁴.

Особо следует подчеркнуть уникальность и исключительную сложность театра военных действий, на котором развернулось грандиозное оборонительное сражение: от безводных песчаных полупустынь восточной части Ставропольского края до высокогорий Главного Кавказского хребта. О боях на кавказских перевалах следует сказать особо. Как признавал в своих мемуарах бывший командующий войсками Закавказского фронта И.В. Тюленев, еще в начале 1942 г. в среде советского командования царило мнение о том, что перевалы не только не пригодны для ведения боевых действий, но и вообще непроходимы для сколько-нибудь крупных группировок войск. До начала

августа большая часть перевалов вообще не была занята войсками, отсутствовали даже пикеты. Однако быстрое продвижение альпийских стрелков и появление их в окрестностях Сухуми (немецкие войска «одной ногой» побывали в Закавказье!) вынудили срочно бросать в горы буквально всех, кто оказывался под рукой. Защитниками перевалов стали курсанты военных училищ, бойцы дивизий внутренних войск. Трудно поверить, но у подножия Эльбруса оборону держала кавалерийская дивизия! Однако советские воины с честью выдержали натиск противника, и лишь в сентябре 1942 г. на выручку им пришла погода – ранняя высокогорная зима закрыла перевалы снегопадами и буранами¹⁵.

Обороне Кавказа присуща и другая черта начального периода войны, без которой победа над врагом была бы немыслима: массовый героизм, самопожертвование, неустанный труд советских людей всех национальностей и вероисповеданий. Примеров этому тысячи. Так, во время боев на подступах к Владикавказу в ноябре 1942 г. молодой снайпер Маматов укрылся невдалеке от позиций врага. По его просьбе наши минометчики огнем погнали фашистов на засаду Маматова, который стал методично расстреливать их. В результате захватчики недосчитались 17 человек¹⁶. Большая заслуга в повышении дисциплины и решимости защитников Кавказа принадлежала политработникам, которые нередко становились незаменимыми помощниками командиров и заменяли их в случае ранения. Например, в боях под Моздоком в октябре 1942 г. батальон 404-го полка 176-й стрелковой дивизии оказался в окружении. Комбат и его замполит старший политрук Мироненко действовали рука об руку, пять раз водили батальон в штыковую атаку. Три дня батальон находился в окружении без пищи и боеприпасов, но не дрогнул и вышел в расположение своих войск без серьезных потерь¹⁷.

Поразительный массовый подвиг совершили бойцы и командиры 392-й грузинской стрелковой дивизии (командир полковник Г.И. Купарадзе). После прорыва 25 октября 1942 г. немцами обороны 37-й армии под Нальчиком дивизия оказалась прижатой к горам в полной изоляции от других советских войск и, казалось, неминуемо будет раздавлена врагом. Однако благодаря умелому и твердому руководству дивизия смогла в полном составе за пять дней переправиться через высокогорный перевал Довгуз – Орунбаши, неся на руках вооружение, снаряжение, 12 тонн молибдена из оставленного в тылу врага молибденового завода, 400 лежачих раненых из эвакуированных армейских госпиталей. В Закавказье было перегнано также 30000 голов скота. Совершив беспрецедентный переход, храбрая грузинская дивизия сохранилась как боеспособная единица¹⁸.

На всю страну прославился женский полк ночных бомбардировщиков под командованием Е.Д. Бершанской. За угрожающим именем «ночные бомбардировщицы» скрывались всего лишь тихоходные учебные машины У-2. Поначалу немцы насмешливо называли их «швейными машинами» и «рус фанер». Но вскоре они ощутили на себе всю тяжесть ночных ударов невидимых маленьких самолетов, которые, планируя на предельно малых высотах, подбирались к позициям врага, сеяли среди него панику и смерть. Боевые заслуги военных летчиц 22 раза были отмечены в приказах Верховного Главнокомандующего; 23 летчицы полка были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Желание и стремление советских людей на передовой и в тылу победить врага до предела ослабили противника. Под натиском частей Северной группы войск Закавказского фронта 1 января 1943 г. немцы стали отступать в направлении Ставрополя и Ростова.

Начался второй этап битвы за Кавказ – наступательный. На начальном этапе (1 января – 4 февраля 1943 г.) враг был отброшен из предгорий Кавказа к низовьям Кубани. Наступление проходило стремительно: 3 января был освобожден Моздок, 11-го – Пятигорск, а уже 21 января – Ставрополь. 24 января 1943 г. Северная группа войск Закавказского фронта была преобразована в Северо-Кавказский фронт 2-го формирования (командующий – генерал-лейтенант И.И. Масленников). 5 февраля в состав Северо-Кавказского фронта была включена Черноморская группа войск Закавказского фронта. 12 февраля 1943 г. войска фронта освободили Краснодар. В ходе преследования противника с рубежа р. Терек ему был нанесен значительный урон. Тяжелые потери в живой силе и технике понесли немецкие 1-я танковая и 17-я армии. Однако решить главную задачу – предотвратить отвод войск с территории Северного Кавказа, окружить и разгромить кавказскую группировку вермахта и его союзников – советские войска не смогли.

В дальнейшем противник был оттеснен на Таманский полуостров, где оказал советским войскам отчаянное сопротивление на заранее подготовленном рубеже обороны («Готенкопф» – букв. «Голова кота»; в современных источниках более известна как «Голубая линия»). Немецко-фашистское командование создало здесь сильную, глубоко эшелонированную оборону, которая проходила от Азовского до Черного моря, прикрывая Таманский полуостров с востока. Кровопролитные бои на этом направлении продолжались до 9 октября 1943 г., когда последний немецкий солдат не был сброшен в Керченский пролив. В ходе наступления советских войск на Северном Кавказе в 1943 г. врагу был нанесен огромный урон: было уничтожено около 275 тыс. солдат и офицеров, свыше 6 тыс. попали в плен, уничтожено и подбито было 890 танков, свыше 2 тыс. самолетов,

2127 орудий, свыше 7 тыс. автомашин и т. д. За это же время наши войска захватили 458 танков, 1392 орудия, 1533 миномета, свыше 15 тыс. автомашин и другое имущество¹⁹.

Наступательные операции на Кавказе в 1943 г. проходили в условиях свершившегося коренного перелома в Великой Отечественной войне, свой вклад в который внесли и защитники Кавказа. Успехи Красной Армии объяснялись резко возросшими возможностями советской оборонной промышленности, большим мастерством и опытом советских командиров и бойцов. Операции Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в 1943 г., как правило, характеризуют хорошая подготовка, правильный выбор направления главного удара и четкое руководство войсками в ходе наступления. Подвиги защитников Кавказа были высоко оценены советским народом и правительством. 25 января 1943 г. была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой наградили многих участников битвы за Кавказ и работников тыла (всего 583045 человек). Народы Северного Кавказа и Закавказья всегда хранят память о солдатах, самоотверженно защищавших родную землю, и о тех тяжелых испытаниях, выпавших на их долю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Битва за Кавказ / Под ред. С. П. Платонова. М., 1954. С. 205; Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967; Ибрагим-бейли Х. М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток М., 1977; Народный подвиг в битве за Кавказ. Сб. ст. М., 1981; Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Битва за Кавказ 1942–1943 гг. М., 1957; Краснознаменный Закавказский. Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа. Тбилиси, 1981; Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. М., 1962; Бекишвили В. Оборона кавказских перевалов 1942–1943 гг. Тбилиси, 1977; Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. Черкесск, 1963; Мамукелашвили Э. Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Тбилиси, 1982 и др.
2. Аникеев А. А., Баликоев Т. М., Януш С. В., Селюнина Н. В. Проблемы битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 73–86; Кринко Е. Ф. Битва за Кавказ в советской и современной российской историографии // Юбилейный сборник научных трудов СНИЦ РАН и СГУТиКД. Сочи, 2010. С. 5–14 и др.
3. Битва за Кавказ. М., 2002; Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Курбат Т. Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. 284 с.
4. Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной Армии. Октябрь–декабрь 1941. М., 2013.
5. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.). С. 321.
6. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Курбат Т. Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012.
7. История Второй мировой войны. Т. 5. С. 145, 146.
8. Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 1. 6-е изд. М., 1988. С. 217.
9. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1985. С. 166.
10. Afanassenko V. I. From «Blau» to «Uranus»: Operations by the Red Workers' and Peasants' Army and the Wehrmacht at the Big Bend of the Don in July-October 1942 // Военный сборник. Российский военный журнал. 2014. Т. 5. № 3. С. 144–158.

11. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 209. Оп. 1063. Д. 499. Л. 35об; Битва за Кавказ. 1942–1943 гг. М., 1954. С. 69–70.
12. ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1064. Д. 1. Л. 26.
13. Подробнее см.: Безугольный А. Ю. Товарищ Берия и командующий фронтом приказали... Участие Л. Берии в руководстве оборонной Кавказа в августе–сентябре 1942 г. // Военно-исторический архив. 2002. № 3. С. 130–145.
14. Подробнее см.: Безугольный А. Ю. Формирование Конной Армии считается Ставкой целесообразным...: К вопросу о формировании Конной армии в период Великой Отечественной войны // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 3. Майкоп, 2004. С. 46–58.
15. Заоблачный фронт: боевые действия советских войск в районе Эльбруса в 1942 г. // Материалы Всероссийской научной конференции «Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа». Ростов, 6–7 июня 2013 г., Южный научный центр РАН, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Ростов-на-Дону, 2013. С. 120–127.
16. ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 45. Л. 411.
17. Там же. Д. 42. Л. 538.
18. Там же. Оп. 999. Д. 53. Л. 120, 125, 125об.
19. Гречко А. А. Указ. соч. С. 446.

**«Отдельный Дагестанский кавалерийский
эскадрон» и национальная политика СССР
в 1941–1945 гг.**

С началом Великой Отечественной войны, в 1941–1942 гг., было издано несколько секретных постановлений ГКО и приказов НКО, ограничивавших призыв и службу в армии значительного числа народов СССР, среди которых были некоторые закавказские народы и все северокавказские. Отказ в призыве в Красную Армию в течение войны охватил все без исключения коренные народы Кавказа (на Северном Кавказе – в течение 1941–1942 гг., в трех Закавказских республиках – в ноябре 1943 г.). Общее число национальностей, не призывавшихся в армию к концу 1943 г., достигло 43, что почти совпадало с аналогичным показателем в царской России (45 национальностей)¹.

До конца войны (в случае с балкарцами, карачаевцами, чеченцами и ингушами – до дня депортации) представители северокавказских народов принимались на службу в армию исключительно на добровольной основе². Еще в 1939 г., в нарушение недавно принятого Закона о всеобщей воинской повинности, нарком обороны запретил прием в армию тех национальностей, «чья лояльность социалистическому Отечеству в условиях осложнения международной политики считалась сомнительной». Призыву не подлежали граждане СССР по национальности турки, греки, японцы,

китайцы, корейцы, немцы, поляки, финны и прибалтийские народы³. Отмена призыва не вызывалась конкретными проявлениями враждебности в отношении советской власти, но представляла собой превентивную меру, издавна известную в практике ведения войн. В Великую Отечественную войну учетно-мобилизационная практика стала ведущим показателем политического доверия государства к этническим и социальным категориям своих граждан в кавказских национальных автономиях.

История формирования добровольческого Отдельного Дагестанского кавалерийского эскадрона в 1942 г. – одна из малоисследованных страниц призывной кампании Советского государства в контексте национальной политики в годы Великой Отечественной войны. 26 июля 1942 г. постановлением Государственного Комитета Обороны была объявлена общегосударственная кампания по призыву «полностью всех граждан» 1924 г. рождения⁴. Военнообязанные из числа титульных наций Чечено-Ингушской АССР не принимались в армию еще с апреля 1942 г. Через несколько дней, 30 июля, приказом НКО № 0585 было внесено уточнение: «До особых указаний» запретить призыв в армию представителей горских, т. е. коренных национальностей Кабардино-Балкарии и Дагестана (однако в Дагестане еще продолжался допризыв молодежи 1922 и 1923 гг. рождения)⁵.

Альтернативой отмененному обязательному призыву стало добровольчество, которое должно было предохранять Красную Армию от проникновения в нее антисоветски настроенных или других неблагонадёжных лиц. 13 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о формировании добровольческих национальных кавалерийских дивизий, полков, дивизионов и эскадронов в Башкирской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой,

Чечено-Ингушской АССР и в республиках Средней Азии. Принятие этого решения ГКО мотивировал тем, что «принимал во внимание боевые традиции и опыт народов этих республик в ведении боевых действий, сложившиеся в прошлом»⁶. Дагестан не попал в их число, хотя имел немалый исторический опыт подобного рода.

С приостановкой призыва титульных наций северокавказских республик добровольчество приобрело особый политический оттенок, и на него нужно было получить разрешение. В июле 1942 г., по воспоминаниям А.Д. Даниялова (Председателя Совнаркома с 1940 г.), когда он находился в горах, в Ботлихе, в три часа ночи он узнал, что «в Дагестан приехали член Политбюро ЦК ВКП(б), зам. Председателя Совнаркома Берия, командующий Закавказьем Тюленев, член ЦК и военного совета Закавказья секретарь ЦК ВКП(б) Азербайджана Багиров». Даниялов спешно выезжает и едва успевает на встречу с ними, которая состоялась уже на вокзале, в штабном вагоне отправляющегося состава. Даниялов пишет: «Меня пропустили в вагон. Здесь были Берия, Меркулов, Багиров. Они стали спрашивать о настроении горцев, о причинах дезертирства и какая необходима помощь. ...Я просил разрешить легализовать уклонившихся от службы и объявить набор добровольцев на фронт. Сказал, что для нас хорошим стимулом было бы присвоить звание Героя Советского Союза дагестанцу. Берия разрешил легализацию и набор добровольцев...»⁷

11 августа 1942 г. из Главуправформа была получена директива «военнообязанные из народностей Дагестана призыву в армию не подлежат», на основании которой 24 августа 1942 г. был издан приказ командующего Закавказским фронтом о запрете призыва в армию военнообязанных из числа представителей всех народностей Дагестана⁸. Руководство республики еще не знало об этом предстоящем

унизительном ударе «по доверию к дагестанскому народу» и 13 августа 1942 г. принимало участие на митинге народов Северного Кавказа, проходившем в г. Орджоникидзе. А. Даниялов позже вспоминал: «На митинг, созванный по поручению ЦК ВКП(б) ...съехались более 3000 представителей Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ставрополья и Калмыкии. ...Смысл всех выступлений сводился к заверению в преданности народов Советской власти, готовности ее защищать от посягательств фашистских орд, к осуждению трусости и предательства»⁹. Митинг был инициирован начальником Управления пропаганды и агитации ЦК Г.Ф. Александровым, который в записке от 30 июля 1942 г. секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову писал, что «митинги должны быть проведены под знаком мобилизации народов Закавказья и Северного Кавказа на усиление борьбы против немецко-фашистских захватчиков». Также в записке указывалось на необходимость «организовать выступления красноармейцев, колхозников, рабочих, интеллигенции следующих национальностей: грузин, армян, азербайджанцев, осетин (из Южной Осетии), дагестанцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, черкесов, балкарцев, карачаевцев, осетин (Северная Осетия)». Организация митинга северокавказских народов была поручена Северо-Осетинскому обкому партии¹⁰.

На этом противоречивом фоне – несоответствие призыва государства к гражданам северокавказских республик к патриотизму и отказа доверять им оружие – в августе 1942 г., когда немцы подступили к предгорьям Кавказа, Совнарком ДАССР по инициативе его Председателя А.Д. Даниялова обратился к командованию Красной Армии с просьбой разрешить трудящимся Дагестана сформировать добровольческий кавалерийский эскадрон. К тому времени,

с конца 1941—начала 1942 г. на Северном Кавказе на добровольной основе уже были созданы национальные формирования – Адыгейский добровольческий кавалерийский полк, 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия¹¹, а также 29-й Кубанский казачий кавалерийский полк, сформированный на территории Адыгеи и более чем наполовину укомплектованный представителями титульной нации. Тогда же по инициативе Чечено-Ингушского обкома партии была предпринята неудачная попытка создать 114-ю Чечено-Ингушскую кавалерийскую дивизию (расформированную еще до отправки на фронт в связи с массовым дезертирством из нее бойцов чеченской и ингушской национальностей)¹².

Военный совет 3 сентября 1942 г. дислоцированной на территории Дагестана 44-й армии Северной группы войск Закавказского фронта дал разрешение на формирование в составе кавалерийского полка 44-й армии эскадрона добровольцев Дагестана. В постановлении Военного Совета 44-й армии от 3 сентября 1942 г. говорилось: «Идя навстречу желаниям трудящихся, по представлению Дагобкома ВКП (б) и СНК Дагестанской АССР считать целесообразным сформировать в Отдельном кавалерийском полку 44-й армии один эскадрон (четвертый) из национальностей Дагестана. Формирование эскадрона возложить лично на зам. командира кав. полка т. Караева К.Р. Разрешить эскадрону ношение национальной формы: черкески, шапки, кинжала, башлыка и пр. Подписи: Командующий 44-й армии генерал Петров, Члены Военного Совета 44-й армии бригадный генерал комиссар Уранов, Даниялов»¹³. Решением бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «О формировании кавалерийского эскадрона из народностей Дагестана» от 15 сентября 1942 г. постановление Военного Совета было продублировано, с утверждением ответственного за его исполнение

А.Д. Даниялова. 16 сентября, исполняя постановление ВС 44-й армии и бюро Дагобкома, Совет Народных Комиссаров ДАССР объявил по республике набор добровольцев, по всем райкомам партии были отправлены телеграммы о наборе добровольцев в кавалерийский эскадрон.

Поскольку возможность стать добровольцем теперь стала привилегией политически благонадежных граждан, к личному составу эскадрона предъявлялись особые требования. Позднее Ш. Шамхалов, в те годы председатель Буйнакского городского Совета депутатов трудящихся, писал о беспокойстве Абдурахмана Даниялова проблемой «пополнения армии преданными людьми». С началом призыва он прежде всего обратился к участникам Гражданской войны, в результате «с заявлением о зачислении в добровольческий кавалерийский эскадрон обратились не только 50–60-летние, но и горцы более старшего поколения»¹⁴. Сам А.Д. Даниялов в своих воспоминаниях писал: «Это были дни, когда седоусый Кара Караев, этот дагестанский Буденный, объезжал районы и селения, обнажив свой прославленный в годы гражданской войны амузгинский клинок, и призывал людей гор на оборону страны»¹⁵.

Полный состав добровольческого эскадрона был набран в течение нескольких дней, в него вступили многие известные партизаны времен Гражданской войны. «Все что было в горах отважного и храброго, откликнулось на зов Кара. В отряд пришли седобородые старики, участники партизанских битв гражданской войны, и безусые юноши», – писала о первом призыве эскадрона «Дагестанская правда»¹⁶. В личном составе эскадрона верхнюю планку старшинства по возрасту держали 58-летний даргинец Ибай Омаров, 55-летний лакец Гази Омаров, 53-летний аварец Дибир-Али Магомедов, были и люди молодые¹⁷. Добровольчеством не охватывался, как правило, непризывной контингент граждан:

старшие и допризывные возраста, комиссованные по болезням, увечьям и т. д. Поэтому Ш. Шамхалов несколько лукавит, когда пишет в своих воспоминаниях: «Когда оказалось, что в армию мобилизованы все военнообязанные, А. Даниялов обратился к участникам гражданской войны с призывом создать кавалерийский эскадрон»¹⁸.

Организация эскадрона проходила в г. Буйнакске. Снаряжение эскадрона производилось за счет местных ресурсов, колхозы Дагестана обеспечили эскадрон конным составом, некоторые добровольцы вступили в эскадрон с собственными лошадьми. Практически все эти тяготы легли на плечи Ш. Шамхалова: «Нужно было одеть, обуть, решить проблемы питания около 200 человек. Не все бойцы эскадрона имели коней, оружие, одинаковую форму одежды. Все эти проблемы были решены благодаря вниманию партийно-советского актива и трудящихся города»¹⁹. На торжественных проводах на фронт эскадрону вручили знамя с надписью: «Отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон». Знаменосцем был назначен Гази Омаров, «седоусый лакец из Сумбатля», награжденный за храбрость в Гражданской войне орденом Красного Знамени²⁰. Командование эскадрона: Кара Караев – командир эскадрона, Нурмагомедов Камалутдин – заместитель командира эскадрона, Шарапилов Ахмед – комиссар эскадрона, Товкаев Магомед-Расул – начальник штаба и парторг эскадрона. Командирами взводов были назначены: Ибрагимов Г., Мурилов М., Абдуллаев Г., Казулаев Ш. По прибытии на фронт, 10 октября 1942 г., эскадрон был зачислен в распоряжение штаба 44-й армии.

С первых дней на фронте эскадрон вступил в бой, выполнял боевую разведку, его «разведывательный взвод почти постоянно двигался на 25 км впереди дивизии, устанавливал численность и направление отступавшего противника

и докладывал командованию», нес охрану проводов телефонно-телеграфной связи в зоне боевых действий армии, обеспечивал летучую почту штаба армии; часть личного состава эскадрона была привлечена к охране штаба армии в период ее наступления от Моздока до Азова²¹. В декабре 1942 г. приказ НКО о призыве лиц 1925 г. рождения повторяет приказ о приостановке «до особых указаний» призыва в армию представителей коренных национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана (а также национальностей, не призывавшихся по Закавказью)²². Хотя в ноябре 1942 г. руководство республики по инициативе А. Даниялова обращалось в Главное управление мобилизации и формирования с предложением снять существующий запрет, мотивируя его почти полным подавлением повстанческого движения, резким сокращением дезертирства и уклонения от мобилизационных мероприятий. Руководители Дагестана А. Алиев и А. Даниялов писали: «Запрещение призыва в ряды Красной Армии является в жизни народов Дагестана политически вредным и ничем несмываемым пятном... Этот запрет также отрицательно и вредно отразится на фактически призванных в ряды РККА [дагестанцах], так как каждый из призванных систематически поддерживает письменную связь со своими семьями...»²³

В данном случае (и в последующих) руководство страны непоколебимо следовало избранному в первые дни войны курсу на категорический запрет призыва северокавказских горцев, который сохранился до самого конца войны. Призыв граждан 1927 г. рождения, проводившийся с 15 ноября 1944 г., также обошелся без них. В отчетных документах призывников закавказских национальностей относили к категории «временно не призываемых национальностей», а северокавказских горцев – «освобожденными от призыва

местных национальностей»²⁴. Добровольческая призывная кампания в Чечено-Ингушетии и Дагестане была проведена в феврале–марте 1943 г., спустя много месяцев после приостановки здесь обязательного призыва. Местные власти отдавали себе отчет в политической важности мероприятия – требовалось на деле доказать лояльность горцев советскому строю. В совместном постановлении Обкома и СНК ДАССР, объявлявших начало вербовки, подчеркивалось, что мероприятию придается «исключительное политическое значение»²⁵. Руководство старалось всячески подчеркнуть почетность для молодых людей службы в армии. Дагестанцы проявили значительно большую сознательность, чем в соседних республиках – всего из Дагестана в течение 1943 г. было отправлено 4315 добровольцев, представлявших местные национальности при наряде в 4850 человек²⁶.

Чечено-Ингушское руководство не смогло переломить устойчивые антисоветские настроения в среде чеченских горцев. По результатам добровольческой кампании февраля–марта 1943 г. в отношении чеченцев и ингушей было признано целесообразным прекратить вербовку добровольцев, а контингенты, оставшиеся после республиканской кампании, распустить по домам²⁷. Несомненно, результаты кампании оценивались в Москве и, с политической точки зрения, они легли в основу решений о дальнейшей судьбе чечено-ингушского и дагестанских народов. В частности, А. Даниялов был уверен, что большое значение для будущего северокавказских республик в годы войны сыграла продуманная «внутренняя» политика руководителей каждой из республик: «Я с полным основанием пишу: все было бы в Чечне нормально, если бы партийное руководство республики относилось к своим народам с полным доверием и ответственностью. Вместо этого, с приближением фронта те, кому было доверено воспитание населения и борьба

с антиобщественными явлениями и их носителями, стали панически преувеличивать отрицательные факты, которые имели среди местного населения дезертирство, бандитизм и др.»²⁸. А. Даниялов уверен, что партийному руководству было на кого опереться в проведении своей «внутренней политики» в Чечено-Ингушской Республике: «Я допускаю, что этих фактов в процентном отношении к числу населения в Чечено-Ингушетии было больше, чем в других местах, но ведь там были и коммунисты, и комсомольцы, и бывшие батраки, и бедняки, получившие от советской власти и землю, и все другие блага»²⁹.

Таким образом, в контексте проводимой государством жесткой национальной политики в призывных кампаниях в годы войны, создание Отдельного Дагестанского кавалерийского эскадрона стало важным политическим достижением руководства республики и до окончания войны находилось в центре его особого внимания. Для поддержания национально-патриотических настроений горцев в средствах массовой информации на русском и национальных языках, в прессе и устной пропаганде широко освещалась боевая жизнь эскадрона. В одном из майских номеров 1943 г. «Дагестанская правда» с гордостью освещала боевой путь героического эскадрона за 6 месяцев его существования: «Когда Красная Армия от обороны перешла к наступлению, отряд Кара Караева участвовал в самых жарких боях с врагом. Джигиты рубили врагов клинками, расстреливали из автоматов, проникали в тылы, преграждали врагу пути отступления. Эскадрон с боем занял более 90 населенных пунктов, освободил тысячи советских граждан от фашистского ига. Богатые трофеи достались джигитам в бою с врагом – сотни автоматов, винтовок, гранат, пулеметов, тысячи патронов и снарядов. Несколько сот немецких солдат и офицеров было взято в плен. На боевом счету

эскадрона – сбитый фашистский самолет “Хейнкель-111”». Статья заканчивалась заверением решимости эскадрона «в решающей схватке с врагом сокрушить его, освободить советскую землю от фашистской нечисти, прославить храбрость и мужество страны гор»³⁰.

Эскадрон пополнялся за счет бойцов действующей армии из народностей Дагестана, но этого было недостаточно. 29 апреля 1943 г. бюро Дагестанского обкома приняло решение «О пополнении личного и конного состава Дагестанского добровольческого кавалерийского отряда». Бюро обкома ВКП(б) обязало председателей исполкомов райсоветов и секретарей РК ВКП(б) произвести отбор из числа добровольцев, годных к строевой службе. Согласно решению бюро, подбор людей для укомплектования отряда производился «за счет наиболее проверенных и преданных людей», «партийно-комсомольская прослойка в числе отобранных была обеспечена на 40–50%».

В соответствии с приказом по войскам 44-й армии от 4 мая 1943 г. эскадрон получил название «Отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон», однако в сентябре 1943 г. этот эскадрон был расформирован на взводы конной разведки, приданные полкам 416-й стрелковой дивизии 44-й армии. Командир эскадрона Кара Караев, заместитель командира эскадрона были отозваны в распоряжение вышестоящих военных организаций. Вскоре была расформирована и сама 44-я армия. 6 (9?) ноября 1943 г. командующий армией В.А. Хоменко погиб (либо попал в плен к немцам), об обстоятельствах его гибели существуют несколько противоречивых свидетельств. По официальной версии, «машина В.А. Хоменко при подъезде к передней линии подверглась обстрелу, в результате которой он был убит»³¹. Верховный Главнокомандующий распорядился о расформировании управления 44-й армии и немедленной передаче ее

войск в другие объединения фронта. Таким образом, к осени 1943 г. Отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон был упразднен, а созданным на его основе взводам грозило раствориться в полках 5-й армии.

В начале 1944 г. Дагестанский обком ВКП (б) и СНК обратились к военному командованию с просьбой сохранить Дагестанский кавалерийский эскадрон как отдельную воинскую часть со своим командным составом. Военное командование удовлетворило эту просьбу: в составе 416-й дивизии вновь был сформирован кавалерийский дивизион в основном из дагестанцев. На знамени эскадрона было написано: «1-й Дагестанский добровольческий кавалерийский эскадрон». Командиром эскадрона был назначен кадровый офицер А.И. Адилов, служивший в эскадроне с первых его дней. В конце 1944 г., в декабре, командир 416-й стрелковой Таганрогской Краснознаменной ордена Суворова дивизии генерал-майор Д.М. Сызранов в благодарственном письме к народам Дагестана писал: «...На всем боевом пути дивизии, ... кавалеристы-дагестанцы отличались внезапностью удара, стремительностью, глубинными рейдами в тылу врага. При взятии Таганрога, Мелитополя, Николаева, Одессы и Кишинева эскадронцы в числе первых врываются на их улицы и наводят панику и страх в рядах противника, что предreshало успехи боев стрелковых подразделений ...»³²

Из национальных добровольческих формирований, созданных на Северном Кавказе в 1941–1942 гг., только дагестанской и адыгейской частям удалось дойти с боями до Дня Победы, окончив войну в Западной Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 2012. С. 165.
2. Там же. С. 159.
3. Там же. С. 134.
4. Там же. С. 128.
5. Там же.
6. Ибрагимбейли Х. Битва за Кавказ. М., 2012. С. 109.
7. Даниялов Абдурахман. Дагестан: время, судьбы. Махачкала, 1991. С. 237.
8. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 129.
9. Даниялов Ю. Абдурахман Даниялов. Без права на ошибку. Махачкала, 2014. С. 199.
10. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 217.
11. Ибрагимбейли Х. Указ. соч.
12. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 196.
13. Вагабов В.В. Кара Караев. Махачкала, 1998. С. 261.
14. Даниялов Абдурахман. Дагестан: время и судьбы. Махачкала, 1991. С. 26.
15. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1995. С. 497.
16. Шмонин А. Кара Караев и его джигиты // Дагестанская правда, май, 1943.
17. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1995. С. 462.
18. Даниялов Абдурахман. Указ. соч.
19. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1995. С. 11.
20. Вагабов М.В. Указ. соч. С. 265.
21. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1995. С. 483.
22. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 130.
23. Там же. С. 151.
24. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 161.

25. Народы Дагестана в Великой Отечественной войне (1941–1945): Документы и материалы. Махачкала, 2005. С. 339.
26. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1995. С. 529.
27. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 172.
28. Даниялов Ю. Указ. соч.
29. Там же.
30. Шмонин А. Кара Караев и его джигиты // Дагестанская правда, май, 1943.
31. Великая Отечественная война. Командармы. Военно-биографический словарь. М., 2005. С. 247.
32. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1995. С. 637.

З.Х. Ибрагимова

Стойкость и мужество воинов Чечено-Ингушетии в боях под Сталинградом

*И Москва, и Кавказ
Нынче смотрят на нас.
И глаза их надежды полны.
У реки у степной
Поднялись мы стеной –
Здесь решаются судьбы страны...*

Е. Долматовский

Верными сынами и патриотами советской страны показали себя уроженцы Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны. Они героически сражались на протяжении всех военных лет, а под Сталинградом, где проходили ожесточенные и кровопролитные бои с врагами, сотни защитников лежат в братских могилах в этой земле. Более тысячи воинов из республики вступили в схватку с немцами в этой величайшей битве. Во фронтовой газете «Сын Отечества» можно найти описание боевых подвигов красноармейцев из Чечено-Ингушетии на Сталинградском фронте в период с лета 1942 г. до весны 1943-го. Первоначально боевые сражения протекали почти параллельно на Кавказе и в Сталинграде. Есть документальные свидетельства о том, что защитники Кавказа обратились с письмом к защитникам Сталинграда, в котором говорилось, что

героической обороной города жители борются за свой дом, своих родных, за отчизну, призывая их разгромить ненавистного врага и очистить советскую землю от фашистов.

84-я стрелковая Харьковская Краснознаменная дивизия им. Тульского пролетариата была сформирована в 1923 г., как и 84-я Тульская стрелковая территориальная дивизия, была отправлена под Сталинград 17 августа 1942 г. Первые эшелоны дивизии начали разгрузку 22 августа недалеко от станции Иловля, а уже на следующий день в составе оперативной группы генерала Коваленко атаковали наступающие части 14-го армейского корпуса. В течение осени 1942 г. непрерывные бои велись северо-западнее Сталинграда, в районе станицы Сиротинской и поселка Ерзовка. С ноября 1942 г. дивизия участвовала в общем наступлении Красной Армии. 10 января 1943 г. советские войска приступили к операции «Кольцо»; окруженная немецкая группировка противника была рассечена. В течение января–февраля 1943 г. велись бои по ликвидации этой группировки в районе поселка Городище. Красноармеец Чаки Темирсульганов, призванный в армию Шалинским РВК Чечено-Ингушской АССР, был убит в этом бою 10 января 1943 г. в Иловлинском р-не Сталинградской области¹. Похоронку на родину отправили его вдове, Езиде Темирсульгановой.

В рядах 422-й стрелковой дивизии (2-го формирования) 4-й танковой армии воевали уроженцы Чечено-Ингушетии стрелок Эдем Хусейнов (33 года) и связной Бексултан Хасбулатов (25 лет) сержант, командир отделения. 422-я Гвардейская Красноградская стрелковая дивизия, сформированная в 1941 г., прошла славный боевой путь от стен Сталинграда до Праги. Дивизия состояла в основном из коренных дальневосточников, проживавших в Хабаровском крае. Созданная и обученная на Дальнем Востоке, она сплотила в своих рядах уссурийских рыбаков,

охотников из нанайских сел, горняков г. Артема и жителей Урала, приханкайских колхозников, рабочих предприятий Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре. Командовал дивизией полковник И. К. Морозов, участник боевых событий на оз. Хасан в 1938 г., тогда Красная Армия отбросила вторгшихся на нашу землю японских захватчиков. Эта дивизия, созданная весной 1942 г. как 422-я (2-го формирования), уже в июле того же года была передана на сталинградское направление. В состав 4-й танковой армии 422-я стрелковая дивизия в полном штатном составе влилась 30 июля 1942 г. Генерал Ф. И. Толбухин поставил задачу: не допустить прорыва противника с юга на Сталинград, вдоль железной дороги через станцию Тундутово, и на Красноармейск – через высоту 118,3. Непрерывно отбивая атаки превосходящих сил противника, 422-я дивизия удерживала рубеж Ивановка, Тундутово. Тяжелые, затяжные бои в этом районе вели 4-я танковая армия и 57-я. Немецкие захватчики наносили удары в основном между железной дорогой и озерами Сарпа, Цаца с целью подойти к Сталинграду с юга.

Сводный отряд 57-й армии в результате успешных наступательных боев к 14 часам 1 октября 1942 г. овладел населенными пунктами Цаца, Семкин, высотой 87,0, Дубовым Оврагом. Уроженец города Грозного, младший сержант Бексултан Хасбулатов был убит 1 октября 1942 г. в 4 км северо-западнее селения Цаца². Осталась вдова Таиса Хасбулатова. В ночь на 20 ноября 1942 г. 422-я стрелковая дивизия перешла в наступление и вместе с другими соединениями Сталинградского фронта прорвала оборону противника, выйдя на рубеж Церевенко, Рокотенко. Чуть позже, в ходе всеобщего наступления советских войск, погиб призванный на службу Урус-Мартановским РВК Чечено-Ингушской АССР стрелок Эдем Хусейнов, уроженец села Урус-Мартан. Красноармеец погиб 23 ноября 1942 г. в селе Варваровка,

Сталинградской области, Городищенского района³. Похоронку отправили матери – Зату Хусейновой. К 22 ноября войска Сталинградского фронта вышли на рубеж населенных пунктов Нариман – Варваровка – Рокотино – западный берег реки Червленной и охватили с юга и юго-запада главную группировку немецких войск в районе Сталинграда. Обе железные дороги, расположенные восточнее реки Дон, оказались перерезанными. Немецкие войска прилагали отчаянные усилия, чтобы не дать сомкнуться гигантским клещам двух советских фронтов. Но и это не спасло положение. В 16 часов 23 ноября части 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта, окончательно сломив сопротивление немецко-фашистских войск, соединились в районе хутора Советский с частями 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. На пятые сутки после начала контрнаступления замкнулось кольцо оперативного окружения вокруг сталинградской группировки вермахта. В боях за Сталинград воины дивизии уничтожили 20000 и взяли в плен 13000 фашистских солдат и офицеров. За боевые заслуги дивизия получила звание «Гвардейской», почетное наименование «Красноградской» и была награждена орденами Красного Знамени и Суворова II степени, Верховный Главнокомандующий объявил 15 благодарностей.

В 278-й стрелковой дивизии (2-е формирование) 5-й ударной армии сражались Мухтар Дадаев (30 лет) и Заурбек Магаев (29 лет, стрелок), погибшие в одном бою 9 сентября 1942 г. юго-западнее хутора Бобруйск, Серафимовичского р-на Сталинградской области. Сатекат Магаевой, жене Заурбека, была выслана похоронка. Дадаев, призванный Ачхой-Мартановским РВК Чечено-Ингушской АССР, и Магаев, призванный Итум-Калинским РВК Чечено-Ингушской АССР, были похоронены в братской могиле, на правом берегу Дона⁴. 278-я стрелковая дивизия особо

отличилась в боях под Сталинградом, где ей присвоили звание «Гвардейская».

315-я стрелковая дивизия сформировалась в феврале 1942 г. в Алтайском крае. В том же году она прибыла в Камышин, где до августа проводила боевую подготовку. Командование дивизией было поручено генерал-майору М.С. Князеву, а политическим комиссаром был назначен П.И. Чернов. 20 августа 1942 г. дивизия вошла в состав Сталинградского фронта и стала выдвигаться в район севернее Сталинграда. В октябре 1942 г. в окружении в районе Орловки тяжелые потери понес 724-й стрелковый полк 315-й стрелковой дивизии⁵. В 315-й стрелковой дивизии 5-й армии храбро сражались славные сыны Чечено-Ингушетии: братья-близнецы из села Алхазурово Абек Амаев (22 года), курсант учебного батальона и курсант, снайпер Абас Амаев (22 года), а также Салман Даудов (24 года) из селения Шали. Близнецы Амаевы погибли, защищая Нижне-Чирский район Сталинградской области. Абас был убит 28 декабря 1942 г. на хуторе Кульпинский, а Абек погиб, защищая хутор Ближне-Мельничный⁶. Похоронку отослали матери Сахер Амаевой. Красноармеец Салман Даудов был убит 27 августа 1942 г. северо-западнее деревни Кузьмичи Городищенского р-на Сталинградской области⁷. В Кузьмичах есть братская могила советских солдат, погибших на этой земле.

В 63-й стрелковой дивизии 21-й армии служили Маула Атабаев (23 года) и Джабраил Чигаев (21 год). Находясь в 76-й стрелковой дивизии им. К.Е. Ворошилова пропал без вести 31 июля 1942 г. в бою за станицу Клетскую Шапхы Ахмедов (22 года), призванный на службу Веденским РВК Чечено-Ингушской АССР⁸. Извещение отослали его отцу, Ахмеду Муталипову. 22-летний Медан Элаханов, комсомолец, служивший в рядах 21-го отдельного истребительного батальона 21-й армии, пропал без вести 18 августа

1942 г. на хуторе Мело-Клетский Клетского р-на Сталинградской области⁹. 21-я армия участвовала в сражениях в составе Сталинградского и Донского фронтов. В Сталинграде оборону держали воины 62-й армии, в южной части – войска 64-й армии генерал-майора М.С. Шумилова. В районе Клетская – Ерзовка сражались войска Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. 19 ноября 1942 г. был получен приказ о контрнаступлении советских войск под Сталинградом. Каждый фронт выступал с мест дислокации и должен был сомкнуть кольцо окружения немцев на левом берегу Дона, у Калача*, что и произошло 23 ноября возле хутора Советский, станции Кривомузгинская.

В 1942 г. линия от станции Лихая через Кривомузгинскую была важной для снабжения немецких войск под Сталинградом. В ходе наступления советских войск около поселка Советский войска, двигавшиеся с севера и с юга, соединились, окружив таким образом фашистов. Уроженец города Грозного Маула Атабаев отдал свою жизнь в бою за хутор Советский около станции Кривомузгинская¹⁰. Похоронку отослали матери, Масхид Атабаевой, проживавшей в Старопромысловском районе (75-й участок) города Грозного.

На Клетском плацдарме летом 42-го началась Сталинградская битва, которая стала переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны. На этом направлении врагу был закрыт путь на Сталинград. Тогда из состава трех стрелковых дивизий – а это более 30 тысяч бойцов – в живых осталось всего 59. В сохранении устойчивости обороны войск Сталинградского фронта летом 1942 г. Клетский район наряду с Калачом и станцией Верхнекурморской

---

* С 1951 г. этому городу (в отличие от одноименного города в Воронежской области) добавлено указание его местоположения – Калач-на-Дону.

имел решающее значение. Через эту территорию проходила главная линия обороны советских войск, пролегали важнейшие коммуникации кратчайших путей к Сталинграду с северо-запада. С 23 июля по 23 ноября Клетский плацдарм стал ареной ожесточенных боев. Битва за него, длившаяся 106 дней и ночей, завершилась полным разгромом врага. 23 октября 1942 г. 278-я и 76-я стрелковые дивизии перешли в наступление и после двухдневных уличных боев овладели станицей Клетской. Всего здесь погибло около ста тысяч советских солдат и офицеров. Такой ценой был создан и в упорных боях удержан и расширен плацдарм на правом берегу Дона. В боях за Клетскую особо отличились подразделения, которыми командовали командиры Муталимов, Садыхов, Ахундов, Мамедов, Алибеков, Асланов¹¹. В станице был захвачен в плен штаб 13-й пехотной дивизии вермахта и более 180 солдат и офицеров врага. 23 ноября 1942 г. приказом Народного комиссариата Обороны СССР № 375 76-я стрелковая дивизия была преобразована в 51-ю гвардейскую стрелковую дивизию им. К.Е. Ворошилова. Она стала первой гвардейской дивизией в составе 21-й армии.

В центре Клетской есть памятник и братская могила воинов, погибших в Великой Отечественной войне. Всего же на территории этого района находится более 50 братских могил; захоронены здесь и воины из Чечено-Ингушской Республики. 31 июля 1942 г. пропал без вести в боях за Клетскую красноармеец Шапхы Ахмедов (22 года), призывавшийся на службу Веденским РВК Чечено-Ингушской АССР¹². 18 августа 1942 г. в бою за хутор Мело-Клетский, Клетского р-на Сталинградской области¹³ пропал без вести красноармеец Медан Элеханов (22 года). 23 ноября того же года на хуторе Старо-Клетский, Клетского р-на Сталинградской области¹⁴ был убит красноармеец Джабраил Чигаев (21 год).

В Волгоградской области преданы земле останки более 250 советских воинов, погибших здесь в дни Сталинградской битвы. В память о них на месте боя был установлен памятник. Останки погибших воинов обнаружили поисковые отряды, которые ведут раскопки на местах боев в этой области уже не один год. За 10 лет им удалось обнаружить почти пять тысяч павших бойцов. Как говорят сами поисковики, о масштабе сражений в этих местах можно судить уже по первым результатам раскопок. «Бывает, буквально наверху находишь останки, а бывает – на глубине до двух метров – в окопах и блиндажах, – рассказывает руководитель поисковой группы Николай Рыбалкин. – Ведь в этом бою доходило дело до рукопашной схватки». В середине 70-х в окрестностях станицы Клетская проходили съемки знаменитого фильма «Они сражались за Родину». Эта лента как раз и показывает начало великой битвы. Роль одного из защитников Сталинграда – бойца Лопахина – исполнил Василий Шукшин. И это была его последняя работа в кино. В память о выдающемся писателе и актере рядом с мемориалом построена часовня и установленменной камень¹⁵.

В 173-й стрелковой дивизии 24-й армии служили призывники из Чечено-Ингушетии: Абдул Абдулмеджиров (41 год), Саид Исаев (40 лет), Абдул Ютаев (42 года). Они погибли в одном бою, 28 декабря 1942 г., и похоронены в братской могиле Городищенского района, в километре от высоты 114,5. В рядах 273-й стрелковой дивизии 24-й армии (4-го формирования) воевал Билал Хаджимуратов (47 лет), который был призван Курчалоевским РВК Чечено-Ингушской АССР. Красноармеец лечился от полученных боевых ранений с 1 по 30 октября 1942 г. в Ольховском р-не Сталинградской области. Умер и был похоронен 31 октября того же года¹⁶. Саид Ятаев (24 года) скончался от ран 21 ноября 1942 г. на хуторе Фастов Сталинградской

области Иловлинского р-на¹⁷, где располагался фронтовой госпиталь. Похоронку отослали матери в селение Тазбичи. В июле 1942 г. 87-я дивизия прибыла на Сталинградский фронт. Ее бойцы истребили более трех дивизий противника, 97 танков, 12 самолетов, до 36 артиллерийских батарей. В 87-й стрелковой дивизии 40-й армии служили призывники Веденского РВК Чечено-Ингушской АССР Ажарди Атаев (21 год) и Усман Казигов (21 год) из Веденского района республики¹⁸. Оба пропали без вести 18 декабря 1942 г. в ходе одного из боев в Сталинградской области¹⁹. В этот же день пропал без вести в бою уроженец города Грозного Ахмат Якшатов (42 года), помощник командира отделения²⁰. Извещение было выслано отцу Ахмата, Аде Якшатову, в город Грозный.

1-я кавалерийская дивизия была сформирована в августе 1941 г. в районе города Сталинабад. На боевую подготовку дивизии после ее полного укомплектования отвели всего 12 дней. Состав ее был многонационален: таджики, узбеки, русские, татары, чеченцы, лезгины, в нее входили 213-й, 219-й, 222-й кавалерийские полки²¹. В середине сентября 1942 г. пришел приказ: «На фронт!» В кратчайшие сроки были погружены в вагоны тысячи лошадей, вооружение, боеприпасы, продовольствие и фураж. Во время передвижения эшелоны неоднократно подвергались атакам с воздуха немецкой авиации. Совершив 400-километровый марш по левому берегу Волги, дивизия переправилась у Каменного Яра и вошла в состав подвижной группы Сталинградского фронта 4-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Т.Т. Шапкина. 4 августа 1942 г. пропал без вести красноармеец Гашдбел Умаров (21 год), родившийся в селе Беной в 1921 г. Место призыва: Ножай-Юртовский РВК Чечено-Ингушской АССР. Красноармеец пропал без вести в районе ст. Чилеково Сталинградской области²². 12 декабря

1942 г. пропали без вести в ходе боя за селение Чиково Ворошиловского р-на Сталинградской области (не вернулись из разведки) красноармейцы Ховаж Косуев (21 год), уроженец села Шали, и Увайс Нойборханов (25 лет), уроженец села Замай-Юрт²³.

24 ноября 1942 г. командованию Сталинградским фронтом стало ясно, что противник пытается создать в Котельниково мощную танковую группировку для деблокирования 6-й армии, окруженной в Сталинграде. 27 ноября дивизия нанесла удар на Котельниково с северо-запада. С 30 ноября по 2 декабря 61-я кавалерийская дивизия вела тяжелые оборонительные бои, не имея связи со стрелковыми соединениями армии, и ворвалась на железнодорожную станцию Котельниково, где разгружались танки для 57-го немецкого танкового корпуса. Разведка сообщала, что в Котельниково и его окрестностях много танков, и они все прибывают. Разведчики перехватили легковую машину с офицером, который дал показание о наступлении группировки немецких войск под командованием генерала Гота, назначенном на 12 декабря 1942-го. 61-я кавалерийская дивизия оказалась на направлении главного удара противника. Утром 12 декабря немецкие войска группы генерала Гота перешли в наступление из района Котельниково, нанося главный удар вдоль железной дороги Тихорецк – Сталинград. В течение нескольких дней соединения 51-й армии под командованием генерал-майора Н.И. Труфанова вели ожесточенные бои, сдерживая натиск противника на северном берегу реки Аксай.

Немцы понесли большие потери и вынуждены были прекратить наступление. Много сынов Кавказа полегло в декабрьских сражениях под Сталинградом. 19 декабря 1942 г. получил смертельное ранение в Котельниковском районе Сталинградской области, находясь в авангарде 61-й

кавалерийской дивизии, генерал-майор Кулиев (лезгин). Он получил персональное задание от заместителя командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенанта Попова лично провести операцию 61-й кавалерийской дивизии, которой была поставлена задача: действовать по тылам Сталинградского фронта. Генерал-майор Кулиев в течение 15 суток руководил этой операцией и выполнил поставленную задачу. В результате этого была разгромлена кадровая 8-я кавалерийская дивизия румын в районе пункта Курган-Соляной и села Уманцево, а остатки этой дивизии полностью деморализованы²⁴.

7 декабря 1942 г. приняли неравный бой с оккупантами уроженцы Чечено-Ингушской АССР Мовсар Берсаев (34 года), Али Инзиев (20 лет), Абдулла Магомадов (28 лет), Аюб Мусаев (31 год), Салман Мусхаджиев (20 лет) и Мовсар Адыков (35 лет). Бойцы не вернулись из разведки, были убиты или пропали без вести во время боя за село Ново-Аксай Верхне-Курмоярского р-на Сталинградской области²⁵. 19 декабря того же года пропал без вести на территории Ново-Аксайского села Верхне-Курмоярского р-на Сталинградской области²⁶ служивший в 61-й дивизии Ада Ахмадов (31 год), уроженец с. Гельдиген, призванный на службу Курчалоевским РВК Чечено-Ингушской АССР. Адам Исенбаев (27 лет) служил в 1566-м отдельном мотострелково-пулеметном батальоне 57-й армии. Он родился в 1915 г. в селении Экскалиб Саясановского р-на. На службу был призван Саясановским РВК Чечено-Ингушской АССР. Красноармеец был убит 23 января 1943 г. у стратегически важного объекта ст. Воропоново в Сталинграде²⁷. Стрелок был похоронен в братской могиле, в центре поселка ст. Максима Горького, Советского района. Похоронка была отправлена жене – Эзман Исенбаевой.

В Ленинском районе, расположенном в юго-восточной части Сталинградской области, в 67 км от Сталинграда погибло много уроженцев Северного Кавказа. Участник Сталинградской битвы Юлиан Коптев в своих воспоминаниях повествует о фронтовых друзьях-чеченцах, которые проявили отвагу и мужество в боях за крепость на Волге. Он вспоминал Дауда Салангириева, Умухожу Мусаева и многих других. В неполные 18 лет ушел Умухожа на войну. Он прошел свой боевой путь в составе 1010-го артполка 57-й армии, став одним из лучших наводчиков 152-миллиметрового орудия, метко и нещадно уничтожавшего врага. Участвовал в освобождении Украины, Польши, Молдавии и Румынии, за что был награжден медалью «За боевые заслуги», а затем и другими боевыми орденами и медалями. Вернувшись с войны, Мусаев честно трудился на благо своей страны. И на мирном поприще он был в первых рядах, свидетельством чего стало награждение его медалью «За доблестный труд»²⁸. Многие не вернулись домой с фронтов Великой Отечественной войны, вспоминает Юлиан Коптев. Исай Куров (30 лет) на службу был призван Шалинским РВК Чечено-Ингушской АССР. Ефрейтора убили фашисты 8 декабря 1942 г., в 2 км южнее железной дороги, у сопки +1,2, в Ленинском р-не Сталинградской области²⁹. Он был наводчиком противотанкового ружья.

На Сталинградском направлении храбро сражался 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк. В самом начале 1942 г. было принято решение о формировании 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии. Завершить формирование дивизии не удалось, по инициативе Л. Берии в марте 1942 г. был издан приказ, согласно которому призыв чеченцев и ингушей на воинскую службу был прекращен. Группа чеченских и ингушских офицеров обратилась с просьбой к правительству набрать из числа

жителей Чечено-Ингушетии добровольцев на фронт. На базе дивизии был сформирован 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк. 13 мая 1942 г. командиром полка был назначен Мавлид Висаитов. Всего на укомплектование полка, получившего номер 255-й, поступило 1023 чеченца, 156 ингушей, 154 русских и 81 представитель других национальностей. 4 июня 1942 г. полк был передан в распоряжение Особого кавалерийского корпуса генерал-майора Погребова.

3 августа 1942 г. Чечено-Ингушский кавалерийский полк, прикрывавший отход советских войск, был атакован частями 78-го немецкого танкового корпуса 4-й танковой армии в районе Котельниково. В ходе боя были подбиты четыре танка и уничтожены десятки фашистов. Полк понес тяжелые потери. Под напором превосходящих сил противника, поддерживаемого авиацией, полк отступил. 4 и 5 августа 1942 г. у ст. Чилеково пропали без вести, были ранены и попали в плен 18 офицеров, 55 сержантов, 269 рядовых. Всего за два дня боев погибли 308 человек этого полка, ранены 14 человек, попали в плен 16. Еще 6 человек полка погибли в конце августа недалеко от этой станции. Чеченцев в этом списке из 342 солдат и офицеров полка числится 285 человек, русских (в основном из казаков терских и Сунженских станиц, из Грозного и района) – 57 человек. В ходе дальнейших боев под Сталинградом полк также понес большие потери. Поскольку противник продвинулся далеко вглубь Северного Кавказа, то возможности пополнить его из Чечено-Ингушетии не было. Поэтому командование приняло решение из оставшегося подразделения создать два разведывательных кавалерийских дивизиона и влить их в 4-й кавалерийский корпус.

36-я гвардейская стрелковая Верхнеднепровская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия была сформирована в августе 1942 г. в Ивановской области,

на базе 9-го воздушно-десантного корпуса как 36-я гвардейская стрелковая дивизия. Укомплектовывалась она комсомольцами-добровольцами Урала, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа, республик Средней Азии. Командовал дивизией полковник М.И. Денисенко. В 1942 г. дивизия сражалась под Харьковом. 16 сентября 1942 г. она прибыла под Сталинград и, переправившись через Волгу, сосредоточилась в районе Красноармейска, приняв затем участие в Сталинградской битве. В этом сражении погибло много уроженцев Кавказа: убит в бою Хаса Саидов (30 лет), связист 36-й Гвардейской стрелковой дивизии³⁰, 7 ноября 1942 г. в бою погиб Хамин Сатабаев (36 лет), стрелок 169-й стрелковой дивизии. Извещение о смерти было послано его жене Кони Сатабаевой³¹, пропал без вести после ночного боя Султан Карнаев (20 лет) и погиб Аловдик Мальцогов (22 года)³².

Именно здесь с 25 октября по 1 ноября велись ожесточенные бои соединений 64-й армии. Наступающие советские части продвинулись на 3–4 км и овладели южной частью захваченной территории. Упорное сопротивление противника не позволило добиться дальнейшего продвижения, но этот контрудар сковал значительные силы врага. Хамид Хамзаев (20 лет), уроженец села Харсеной, служил в 96-й отдельной стрелковой бригаде. Был призван Шатоевским РВК Чечено-Ингушской АССР, убит 2 ноября 1942 г.³³, пытаясь остановить врагов. Пулеметчик Рамазан Джелаушев (23 года), комсомолец, и Нкр Наптугов (38 лет), призванные на службу Урус-Мартановским РВК Чечено-Ингушской АССР, входили в состав 118-го укрепленного района 64-й армии. Красноармейцы пропали без вести 31 августа 1942 г. в бою на территории Сталинградской области³⁴. С 1 августа 1942 г. по 2 февраля 1943 г. в составе Сталинградского и Донского фронта укрепрайон принимал участие в битве за Сталинград. 17 июля 1942 г. авангард 6-й

немецкой армии встретился с передовыми отрядами 62-й и 64-й армий, выдвинутыми на дальние подступы к Сталинграду. Бои передовых отрядов явились началом грандиозной битвы. После 6 дней боев на этом рубеже противник вынужден был развернуть часть главных сил 6-й армии. Через две недели с кавказского направления на сталинградское была перенацелена 4-я немецкая танковая армия. В оборонительных боях всю тяжесть борьбы с гитлеровскими захватчиками вынесли на себе войска 62-й и 64-й армий.

29 августа вражеские войска прорвали фронт 64-й армии северо-западнее Абганерово и, наступая в северном направлении, создали угрозу тылам 64-й и 62-й армий. На следующий день командующий Юго-Восточным фронтом решил отвести эти армии на средний сталинградский обвод. Но отойти и организовать оборону войскам обеих армий не удалось. 31 августа противник прорвал средний обвод севернее Гавриловки. К исходу 2 сентября 64-я и 62-я армии по приказу командующего фронтом были отведены на внутренний оборонительный обвод. Ожесточенные бои продолжались здесь до 12 сентября, в них принимали участие Хайбар Турпурханов (50 лет) и Махмуд Хусаинов (28 лет) из 126-й стрелковой дивизии 2-го формирования 64-й армии. Турпурханов был призван Урус-Мартановским РВК Чечено-Ингушской АССР и пропал без вести 29 ноября 1942 г. в селе Жутово-1 Ворошиловского района Сталинградской области³⁵. В балке, расположенной между селами Ковалёвка, Жутово-1 и Каменка, как говорили местные жители, гитлеровцы расстреливали мирное население и советских военнопленных. 8 октября 1942 г. здесь уничтожили 31 еврейскую семью (более 100 человек). По воспоминаниям очевидцев, около села Водино живьем были захоронены фашистами около 45 евреев, земля шевелилась около 2 недель...

Особую роль в Сталинградской битве сыграли внутренние войска, фактически спасшие город от захвата немецкими подвижными соединениями в августе–сентябре 1942 г., удержавшие оборонительные рубежи до подхода регулярных частей Красной Армии и принимавшие участие в уличных боях. Подразделения 79-го пограничного полка охраняли центральную волжскую переправу, которая днем и ночью находилась под ударами вражеской артиллерии и бомбардировщиков. 14 сентября 1942 г., когда предстояло перебросить на правый берег полки 13-й гвардейской дивизии генерала А.И. Родимцева, враг предпринял попытку захватить центральную переправу. Две роты немецких автоматчиков прорвали нашу оборону и выдвинулись к переправе. Путь им преградил 1-й батальон 79-го погранполка. В ожесточенной схватке пограничники остановили врага. Тогда фашисты подвергли позиции бомбардировке с воздуха и стали подтягивать новые силы для атаки. В эти минуты по рукам пограничников пошла написанная карандашом на клочке бумаги записка: «Товарищи, умрем, но не пропустим фашистов к переправе». Решительной контратакой воины-пограничники оттеснили врага. Бой длился почти сутки. Немцы потеряли до 60 человек убитыми. Отбросив противника, пограничники обеспечили переправу гвардейцев на правый берег Волги в самый критический момент боя за город³⁶. 14 сентября 1942 г. судьбу города решила группа людей, ядром которой стали 25 бойцов 79-го пограничного полка³⁷.

В боях за Сталинград советские солдаты проявили мужество, стойкость и героизм. Сколько жизней молодых и полных сил людей унесло это сражение за родную страну: был убит при бомбардировке 8 ноября 1942 г. Воярий Садаев (19 лет). Отцу было послано извещение о смерти сына³⁸; Жадис Абдурахманов (20 лет) пропал без

вести 8 июля 1942 г. в бою под Сталинградом³⁹. Но некоторым удалось выжить в этом кипящем котле, как, например, гвардии старшему сержанту командиру взвода 80-й гвардейской разведроты Айсе Шидаеву. Он участвовал в Сталинградском сражении, четырежды был ранен, награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда». «В ночь с 11 на 12 октября 1943 г. Шидаев во главе своего отделения, ... первый ворвался на высоту, лично уничтожив пулеметный расчет, захватив при этом пулемет...»⁴⁰

«Сколько отваги и сколько огня в сердце героя вложила Чечня...» Это слова из песни о Герое Советского Союза, одном из участников Сталинградской битвы Ханпаше Нурадилове. По происхождению он чеченец, он родился 6 июля 1920 г. в селе Минай-Тогай (ныне село Гамиях Новолакского района Республики Дагестан), образование получил начальное. До службы в армии работал маслёнщиком на нефтекачалке. В Красной Армии служил с октября 1940 г. Гвардии старший сержант Нурадилов проходил службу в 3-м Гвардейском кавалерийском корпусе. 27 августа 1942 г. он был убит в бою на высоте 220 Букановского района Сталинградской области⁴¹. Похоронку выслали жене – Нурадиловой М.Т. Герой был захоронен в станице Букановская Кумылженского района Волгоградской области. На его счету – до 920 убитых гитлеровцев, 12 плененных врагов и 7 захваченных вражеских пулеметов. Имя его высечено на одной из плит памятника-ансамбля на Мамаевом кургане. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм гвардии сержанту Ханпаше Нурадиловичу Нурадилову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. На подступах

к Сталинграду воевал уроженец села Герзель-Аул, Герой Советского Союза Хансултан Дачиев. Вслед за битвой за Сталинград он освобождал от фашистских захватчиков Украину, Белоруссию, Польшу, с боями дошел до Берлина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. Хансултану Дачиеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Рядовой Исраил Зурабов из села Джератосой Итум-Калинского района в битве за Сталинград получил тяжелые ранения конечностей, головы, был контужен. Попал в военный госпиталь. За боевые заслуги награжден орденом и медалями, одна из них – «За оборону Сталинграда»⁴².

Много похоронок и извещений о пропавших без вести пришли в первые годы войны в Чечено-Ингушетию. Слезы и горе несли они родным и близким. Но случилось и так, что пропавшие возвращались домой, и в каждой семье хотели надеяться на такое чудо. До сих пор по документам Подольского архива (ЦАМО) Юсуп Абдулаевич Янарсаев, 1918 г. рождения, числится пропавшим без вести 4 августа 1942 г. на ст. Чилеково, Котельниковского района Сталинградской области⁴³. Он родился в 1918 г., был призван Старо-Юртовским РВК Чечено-Ингушской АССР, служил в 255-м отделении Чечено-Ингушского кавалерийского полка. Старший сержант, помощник командира взвода, комсомолец, он воевал отважно, но попал в плен. Из воспоминаний Юсупа Янарсаева, студента физико-математического факультета ЧИГПИ 1938–1941 гг.: «В 1941 году после начала войны меня забрали из института в Грозненское военное училище на ускоренные курсы в отдельную 14-ю роту. С 4-го ноября 1941 года мы были направлены в Ростовскую область для выполнения специального задания. В начале января 1942 года нас направляют в Грозный в связи с формированием дивизии и необходимости командного состава.

Но так как дивизия не была сформирована, сформировали 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк. В полку я служил в 4-м эскадроне в должности командира 3-го кавалерийского взвода. Полком в это время командовал Висаитов Мовлид, комиссаром полка был Имадаев. В апреле 1942 года полк находился под Краснодаром в ст. Пашковская, далее – в Зеленограде Ростовской области, для обороны на Дону направили в Курмаярск. 4-го августа 1942 года при отступлении к Сталинграду в 3 километрах от ст. Челиковской вместе со многими другими я попал в плен. Из лагеря в лагерь гоняли нас в течение трех лет, заставляя выполнять изнурительную работу на шахтах. 2-го мая 1945 года нас освободили англичане, в то время мы находились в Австрии. После нас передали Советским властям, а там – фильтрация. Следователь допрашивал меня, и все, что касается меня, внес в протокол, вплоть до всех мелочей, где говорилось об изменении года рождения и моей фамилии. Фамилия (Янарсаев) изменена сразу же после того, как попал в плен. Опасаясь быть выданным предателями (как это случилось с комиссаром полка Имадаевым, которого выдали, я поменял свою фамилию на фамилию «Мусхаджиев» по имени бабушки Мусхаджи». Янарсаев Юсуп прожил долгую и нелегкую жизнь и скончался в 2006 г.⁴⁴

Долгое время в СССР замалчивалась тема героического участия чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне. Представители депортированных народов по идеологическим соображениям не вписывались в славную военную историю страны. Ведь героев принято награждать и поощрять, а не наказывать и репрессировать... 247 чеченцев и ингушей были представлены к высокому званию Героя Советского Союза, но подавляющее большинство из них наград так и не получило⁴⁵. Пятеро чеченцев получили звание Героя Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны,

четыре участника войны удостоены званий Героя Советского Союза и России в 1980–1990-х годах.

Из 9 героев двое прославились своими подвигами на земле Сталинграда – Ханпаша Нурадилович Нурадилов, уничтоживший из пулемета более 900 немецких солдат, и Мовлид (Мовлади) Алероевич Висаитов, командир 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка. Мовлид Висаитов получил орден «Легиона чести» по приказу президента США Трумэна за то, что первым дошел до Эльбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 18001. Д. 238. Л. 34.
2. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1784.
3. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1784.
4. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1933.
5. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=htt> (Дата обращения 10.03.2015).
6. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1112, 1218.
7. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 818883. Д. 2040.
8. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 848.
9. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 106.
10. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 720
11. <http://www.nashapobeda.lv/908.html> (Дата обращения 10.03.2015).
12. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 848
13. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 106.

14. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 720.
15. Андрей Баранов"ВЕСТИ.RU (Дата обращения 10.03.2015).
16. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 41.
17. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1430.
18. <http://grunt.ucoz.ru/forum/46-49-27> (Дата обращения 10.03.2015).
19. ЦАМО. Ф. 58. 18001. Д. 1215.
20. ЦАМО. Ф. 58. 18001. Д. 1215.
21. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1308901980> (Дата обращения 10.03.2015).
22. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 708.
23. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1377.
24. <http://www.mi-dag.ru/news/264/veterans/2011/12/02/7999> (Дата обращения 10.03.2015).
25. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1377.
26. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1377.
27. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 767.
28. <http://nohchalla.com/> (Дата обращения 10.03.2015).
29. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1360.
30. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1949.
31. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 818883. Д. 843.
32. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1282.
33. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1282.
34. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 818883. Д. 2048.
35. ЦАМО, Ф. 58. Оп. 18001. Д. 545.
36. <http://starodumov.ru/?p=1083> (Дата обращения 10.03.2015).
37. <http://starodumov.ru/?p=1083> (Дата обращения 10.03.2015).
38. РГВА Ф. 32880. 1. Д. 156.
39. РГВА, Ф. 32925. Оп. 1 Д. 398а.
40. ЦАМО. Ф. 33 Оп. 686044. Д. 2322.
41. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1469.
42. <http://chechnyatoday.com/content/view/6026> (Дата обращения 10.03.2015).
43. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 708.
44. <http://zadocs.ru/literatura/25066/index.html> (Дата обращения 10.03.2015).
45. Ермекбаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы, 2009. С. 82.

Этнонациональные коллизии в советских воинских подразделениях, сражавшихся с немецкими оккупантами

Война внесла трагические коррективы в непростой процесс советизации нерусских народов СССР, и без того омрачавшийся актами государственного насилия: в 1940—первой половине 1941 г. были произведены массовые аресты и депортации населения из присоединенных западных областей Украины, Белоруссии, Молдавии и бывших прибалтийских государств. В первые месяцы войны насильственным переселениям, принявшим характер превентивных этнических чисток, подверглись граждане немецкого происхождения, финны-ингерманландцы, греки и другие. В самый разгар войны (1943–1944) были проведены беспрецедентные по размаху и масштабам депортации народов Северного Кавказа и Крыма (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, греки, калмыки, турки-месхетинцы, крымские татары и др.).

В первый день мобилизации, 23 июня 1941 г., в Северо-Осетинской АССР вышли экстренные выпуски газет с речью В.М. Молотова, а также с «Обращением обкома ВКП(б) и Совнаркома Северо-Осетинской АССР ко всем трудящимся республики» (20000 экземпляров на русском языке и 13000 на осетинском). Мобилизация прошла в целом успешно, хотя, по признанию секретаря обкома Н.П. Мазина, были допущены отдельные «ошибки»: городской военкомат

в Орджоникидзе по неведению призвал четырех поляков, которые, как выяснилось, до сентября 1939 г. служили в польской армии. «Ошибки» исправили, отправив поляков по домам¹.

Несмотря на подъем патриотических настроений в стране и массовый порыв людей к защите отечества, очень скоро стало понятно, что этот порыв разделяют далеко не все. В южных и восточных республиках обнаружилось значительное число уклонистов от призыва. Точные данные об их численности стекались в Народный комиссариат внутренних дел и в ЦК ВКП(б) постепенно, по мере сбора и уточнения информации, поэтому полная картина сложилась лишь спустя много месяцев. Так, подробную статистику призыва в Красную Армию по Таджикской ССР народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия представил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву в июне 1943 г.²

В ходе мобилизации практически в каждом регионе выявились свои характерные особенности. В Таджикистане, в частности, они проявились в том, что уклонявшиеся от призыва пытались перебраться в Афганистан. За весь 1942-й и первые четыре месяца 1943-го в приграничных районах, на участке 48-го пограничного отряда органы и пограничные части НКВД задержали и арестовали 4177 дезертиров и уклонившихся от призыва. В условиях военного времени действовали жесткие правила: по данным партийных органов, за четыре месяца 1943 г. было ликвидировано 27 дезертирских групп численностью в 421 человек³.

Начало всеобщей мобилизации поставило перед партийным и военным руководством много сложных вопросов. Страна представляла собой гигантский конгломерат этнонациональных фрагментов, каждый из которых до начала войны существовал в режиме относительной (а в некоторых случаях и абсолютной) обособленности. Неудивительно, что

среди мужчин призывного возраста в периферийных регионах СССР многие молодые люди не владели русским языком или владели им очень плохо. В процессе мобилизации языковая проблема оказалась одной из наиболее трудно-разрешимых. Для ее преодоления требовалось время, которого в условиях стремительно развивавшегося германского наступления катастрофически не хватало. В первые же месяцы войны Политбюро ЦК ВКП(б) было вынуждено пересмотреть свою позицию относительно национальных формирований (задолго до войны комплектование войсковых соединений по национальному признаку было признано непригодным для РККА)⁴.

Уже 13 ноября 1941 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны о формировании национальных войсковых соединений. ЦК ВКП(б) и совнаркомам союзных и автономных республик разрешалось создавать национальные войсковые соединения (преимущественно кавалерийские дивизии и стрелковые бригады). Дивизии укомплектовывались «здоровым и крепким личным составом местных национальностей, в возрасте не старше 40 лет». Рекомендовалось подыскивать «начальствующий состав» также из местных национальностей, а недостающие кадры пополнить русскими военнослужащими. Все довольствие обеспечивалось за счет внутренних ресурсов союзных и автономных республик. Сформированные части поступали на бюджет Народного Комиссариата Обороны и обеспечивались недостающим вооружением. Военным Советам Северо-Кавказского военного округа (СКВО), Среднеазиатского военного округа (САВО) и Уральского военного округа (УРВО) поручалось завершить формирование и провести воинскую подготовку создаваемых частей к январю 1942 г.⁵

В ноябре 1941 г. в Чечено-Ингушетии был сформирован 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский

полк и резервный дивизион, впоследствии участвовавший в боях под Краснодаром. В сентябре 1942 г. создается Дагестанский национальный кавалерийский эскадрон, вошедший в состав 44-й армии. В эскадрон набрали представителей различных этнических групп Дагестана: аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев⁶. Национальные войсковые соединения профессионально проявили себя на фронтах войны. В общей сложности в рядах созданных на первом году нападения фашистов национальных формирований (2 стрелковых корпуса, 21 стрелковая дивизия, 20 кавалерийских дивизий, 15 отдельных стрелковых бригад и т. д.) насчитывалось 770 тыс. военнослужащих. Однако уже в 1942 г. значительное число национальных дивизий, корпусов и бригад было расформировано⁷. Столь непродолжительный срок функционирования этих войсковых соединений в структуре армии можно объяснить лишь тем, что они изначально рассматривались в качестве временной, паллиативной меры, на которую партийному руководству пришлось пойти, чтобы снять остроту языковой проблемы. Как только проблема потеряла остроту, вопрос о целесообразности формирования национальных войсковых соединений отпал. Очевидно, у кремлевского руководства имелись свои соображения для отказа от продолжения подобной практики.

Как событие экстремальное, война обнажила многие язвы советской этнополитики, показав, насколько реальная ситуация в этой сфере отличается от той радужной картины, которую рисовала коммунистическая пропаганда. В первую очередь речь идет о межэтническом климате в армии. Массовая мобилизация привела к беспрецедентной концентрации представителей самых разных национальностей Советского Союза в замкнутых воинских подразделениях. Документы военной поры свидетельствуют, с какими, подчас неразрешимыми, сложностями сталкивались командиры

воинских частей в попытках избежать внутренних конфликтов на национальной почве. На межэтнический климат в армии, несомненно, влияло множество факторов: и плохое знание русского языка большинством выходцев из этнонациональных регионов, и культурные различия, и разный характер мотиваций у призываемых в армию жителей страны.

Главное Политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГлавПУРККА) столкнулось с чрезвычайно сложной проблемой, требовавшей незамедлительного разрешения. 17 сентября 1942 г. ГлавПУРККА издало директиву № 0012, адресованную начальникам политуправлений фронтов и округов о воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности. Она гласила: «Среди личного состава большинства соединений Красной Армии имеется значительная прослойка красноармейцев и младших командиров нерусской национальности, зачастую плохо или совсем не владеющих русским языком. В силу этого политическая работа среди красноармейцев и младших командиров нерусской национальности, и в первую очередь национальностей Закавказья и Средней Азии, имеет огромное политическое значение».

Директива предписывала наладить воспитательную работу среди этой прослойки военнослужащих, учитывая их национальные особенности и прочее. Комиссарам и политорганам был отдан приказ придавать работе с красноармейцами и младшими командирами нерусских национальностей (в первую очередь уроженцами Закавказья и Средней Азии) первостепенное значение. От них требовалось разъяснять «благородные и возвышенные цели народов СССР в Отечественной войне», а также объяснять смысл военной присяги, закона о каре за измену Родине, приказов Ставки и Верховного Главнокомандующего, председателя ГКО, народного комиссара обороны И.В. Сталина. Ставилась задача

организовывать выступления агитаторов не только на русском языке, но и на родных языках нерусских красноармейцев. Политработникам частей и подразделений поручалось проявлять к красноармейцам нерусских национальностей «чуткость и заботу, не допускать ущемления их национальных чувств и малейшей несправедливости к ним, воспитывать их в духе дружбы народов СССР и ненависти к врагу. Документ призывал всемерно поощрять «боевую дружбу между бойцами разных национальностей, широко популяризировать отличившихся в боях красноармейцев нерусской национальности». В директиве подробно разъяснялось, с помощью каких методов и форм следует проводить идеологическую и политическую работу с таким контингентом⁸.

Многие призывники из отдаленных восточных и азиатских регионов зачастую не воспринимали войну как жизненную угрозу для себя и своих близких. Отсюда проистекали и многочисленные случаи членовредительства, дезертирства из армии и даже предательства. Такие факты невозможно объяснить одной-двумя причинами: срабатывал целый комплекс факторов, обусловленных прежним опытом жизни нацменьшинств при советской власти. В выписке из донесения Юго-Западного фронта от 21 июня 1942 г. сообщалось о фактах членовредительства на фронте. Из 150 человек, осужденных за членовредительство в 76-й, 81-й, 226-й стрелковых дивизиях и в 13-й гвардейской стрелковой дивизии, 110 человек (73%) были нерусскими. В 38-й стрелковой дивизии из 22 человек, осужденных за членовредительство, были 17 казахов. В апреле–мае в частях 13-й гвардейской стрелковой дивизии из 34 человек, отданных под суд за членовредительство, насчитывалось 29 нерусских красноармейцев, в том числе 13 узбеков. Расследованием было выявлено, что в большинстве случаев этим занимались красноармейцы нового пополнения, плохо или совершенно не владеющие

русским языком. Многие из них не имели даже представления о строгой ответственности за нанесение себе увечья⁹.

Внутренние мотивации определяли и характер поведения людей на фронте. В донесении Южно-Уральского военного округа от 15 июня 1942 г. приводилась статистика дезертирства: русских – 36, украинцев – 12, узбеков – 1, казахов – 25, татар – 3, киргизов – 2, других национальностей – 5, неустановленных национальностей – 12¹⁰. В докладной записке начальника организационно-инструкторского отдела ГлавПУРККА заместителю начальника Главного Политического Управления Красной Армии от 7 июня 1942 г. сообщалось о фактах измены Родине в частях действующей армии. Согласно этому документу, в лагерь врага переходили главным образом рядовые военнослужащие, семьи которых оставались на оккупированной территории, бойцы, вышедшие из окружения или побывавшие в плену, а также красноармейцы нерусских национальностей, призванные из Закавказья и Средней Азии. В Приморской армии среди изменников бойцы нерусских национальностей составляли 79,8% (азербайджанцев – 135, грузин – 111, лезгин – 71, армян – 75, украинцев – 55 и других национальностей – 48 человек)¹¹. В 89-й армянской дивизии произошел массовый переход на сторону врага. Командование дивизии было отдано под суд, ее состав полностью обновлен. Отдельные факты переходов зафиксировали в 337-й стрелковой дивизии. Впрочем, подобные случаи имели место и в среде русских военнослужащих, а также украинцев и белорусов¹².

По мере пополнения армейских формирований призывниками в спецсообщениях Управления особых отделов НКВД чаще стала проходить информация о пренебрежительном отношении некоторых командиров и политработников частей Южного фронта к бойцам нерусских национальностей. 12 апреля 1942 г. сообщалось, что в 188-й кавалерийский полк

60-й кавалерийской дивизии прибыло 300 человек из восточных республик, без подготовки направленных в бой. По распоряжению командира полка Ольшанского позади пополнения был поставлен заградительный отряд из казаков «с задачей расстреливать каждого в случае отхода». Ольшанский заявил: «Пусть их давят танки, и расстреливает противник, тогда скорее уедем в тыл на укомплектование. Казаков и русских нам нужно сохранять, они нам пригодятся». История получила огласку, и командир полка был арестован особым отделом фронта¹³. Преодолеть стереотип, распространенный в кругах некоторых командиров о том, что нерусские солдаты неполноценны как бойцы, было нелегко. В донесении начальника Политуправления Южного фронта от 8 мая 1942 г. сообщалось о «непростых» взаимоотношениях между русскими и нерусскими красноармейцами в одном из батальонов 57-й армии, в котором числились представители 23 национальностей. Донесение гласило: «В батальоне заметна отчужденность между русскими и нерусскими красноармейцами, так кабардинцы, узбеки собирались группами и делились между собой табаком, но если к ним обращался русский за табаком, то они отказывали»¹⁴.

Все годы войны армия регулярно пополнялась представителями союзных республик. 2 июня 1942 г. секретарь ЦК КП(б) Киргизии А.В. Вагов прислал И.В. Сталину шифровку с просьбой направить во 2-й гвардейский корпус 2 тыс. бойцов из числа военнообученных киргизов, достойных, по его словам, службы в гвардейских частях¹⁵. Политико-идеологическая работа с красноармейцами и младшими командирами нерусских национальностей велась в разных формах: практика регулярных докладов, индивидуальных и групповых бесед, политинформации, коллективная читка газет и т. д. Было налажено производство печатной продукции на языках народов СССР. За несколько месяцев Главное

политическое управление и Воениздат Народного комиссариата обороны выпустили 318 пропагандистских брошюр и книг (тиражом около 6 млн экземпляров), 6,5 млн лозунгов, 364 названия листовок (общим тиражом более 12 млн). Издавались газеты на национальных языках (55 фронтовых и армейских газет и Боевые листки).

В сентябре 1942 г. заместитель начальника ГлавПУРККА, начальник Управления агитации и пропаганды И.В. Шикин обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой дать указание ЦК компартий Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и Татарскому обкому ВКП(б) наладить систематическую доставку военному ведомству республиканских газет и массовой политической и художественной литературы на языках народов СССР¹⁶. В октябре группа агитаторов во главе с бригадным комиссаром, писателем В.П. Ставским выехала, по предписанию ГлавПУРККА, в Северную группу Закавказского фронта. Поездка мотивировалась «необходимостью правильного разрешения национального вопроса во всей практике партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы Закавказского фронта, учитывая его особенности и своеобразие». Члены группы провели около 100 докладов и бесед с бойцами и политработниками. Из общения с военными служащими агитаторы вынесли для себя много познавательного. Свои впечатления они изложили в докладной записке И.В. Шикину. В ней, в частности, приводился перечень пренебрежительно-насмешливых кличек, имевших широкое хождение в отношении уроженцев Кавказа («сыны Кавказа», «кучерявенькие», «черненькие» и т. д.). В случае неудачи той или иной военной операции бойцы говорили: «Эх, если бы не эти сыны Кавказа», при разборе фактов перехода на сторону врага – «Ну, конечно, это опять кучерявенькие», при получении нового пополнения – «Ни за что не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов». Участники инспекционной

поездки считали недопустимым «огульное охаивание и переваливание ответственности на якобы какие-то особые качества представителей нерусских национальностей».

Между тем пополнение понесенных дивизиями потерь происходило в основном за счет бойцов нерусской национальности. Сложившиеся предубеждения во многом шли и от того, что свежие силы поступали в расположения войск совершенно неподготовленными, не умеющими даже стрелять. Авторы докладной записки предложили Военному Совету Закавказского фронта обсудить вопрос об организации работы с бойцами нерусских национальностей. И прежде всего наладить процесс их обучения русскому языку. Военному Совету фронта рекомендовали разработать и представить в ГлавПУРККА конкретный план работы с контингентом военнослужащих. Месяцем позже специальная бригада ГлавПУРККА должна была проверить ход выполнения директив и плана политуправления. В свою очередь, в ГлавПУРККА планировалось, для оказания помощи в решении языковых проблем, срочно разработать и разослать массовым тиражом во все армии специальные карманные словари на основных языках нерусских национальностей, с подбором необходимых слов для военного обихода¹⁷.

К 1943 г. политорганы добились в работе с нерусскими красноармейцами и командирами заметного прогресса. Партийные власти республик, краев и областей наладили практику писем-обращений со стороны азербайджанского, узбекского, туркменского, армянского и других народов к бойцам-фронтовикам. Бойцы и командиры составляли ответные письма, патриотические послания в свои родные колхозы, на предприятия, в семьи. Получили распространение и такие формы воспитательной работы, как организация вечеров дружбы народов, праздничные приемы лучших красноармейцев и командиров нерусской национальности

Военными Советами армий и командованием соединений, выступления художественной самодеятельности, устройство солдатских вечеров, встречи бойцов и командиров нового пополнения с ветеранами-земляками, акции торжественной передачи оружия погибших и т. п. Работники политорганов стали больше считаться с национальными особенностями – традициями, обычаями нерусских военнослужащих, пытались искоренять проявления шовинизма, пренебрежительного, нечуткого, грубого отношения к бойцам и младшим командирам нерусской национальности.

Тот факт, что в ходе Великой Отечественной войны Красная Армия стала поистине многонациональной, не мог не повлиять на характер и формы работы армейских политических органов. В начале августа 1943 г. завершился 20-дневный сбор фронтовых и окружных агитаторов, работавших с нерусскими бойцами. В занятиях приняли участие 192 агитатора, представлявших более 24 национальностей СССР (узбеки, казахи, татары, киргизы, грузины, таджики, армяне, азербайджанцы, башкиры, туркмены). Половина участников сборов имела высшее и незаконченное высшее образование¹⁸. Перед агитаторами выступил начальник Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербаков (кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), секретарь Московского горкома и обкома, глава Совинформбюро, заместитель наркома обороны). Свою речь он начал со сравнений советской эпохи и дореволюционной, объявив, что «ленинско-сталинская национальная политика преодолела предубеждение и недоверие одних национальностей к другим, преодолела вражду одних национальностей к другим». По словам Щербакова, в планах Гитлера было стремление разжечь вражду между народами Советского Союза, но эти расчеты провалились. Щербаков подробно рассказал о трудностях, с которыми сталкивались политорганы армейских формирований на первых

порах, пока не наладили работу с нерусскими бойцами, информировал он и о происшествиях, воинских преступлениях.

«Бойцов нерусской национальности, – сказал в своем выступлении перед агитаторами Щербаков, – не надо обкладывать матом. Я работал среди народа в Средней Азии, это же касается народов Закавказской республики, и я знаю, что для них мат является смертельным оскорблением. Такое выражение о матери он принимает на счет своей родной матери». Начальник ГлавПУРККА призвал агитаторов бороться с предрассудками, препятствующими укреплению боеспособности армии, с фактами проявления великодержавного шовинизма, грубого отношения к бойцам нерусских национальностей. Поднял Щербаков и вопрос о необходимости изучения нерусскими солдатами русского языка. При этом он заметил: «Еще слаба работа и забота о том, чтобы боец нерусской национальности уяснил себе роль русского народа, как старшего брата в семье народов Советского Союза»¹⁹. Во многом благодаря принятым мерам заметно сократилось число чрезвычайных происшествий, воинских преступлений и проступков. Если в войсках Ленинградского фронта в августе 1942 г. имели место 22 факта перехода на сторону врага со стороны татар и казахов, то в январе и феврале 1943 г. было зафиксировано только 2 случая.

В период наступательных боев зимой 1942–1943 гг. бойцы из республик проявили отличные боевые качества, сломав стереотип, широко распространившийся в войсках летом и осенью 1942 г. – о природной недееспособности узбеков, грузин, азербайджанцев и других национальностей. Однако полностью искоренить существовавшие предубеждения и антипатии не удавалось. Хромала воспитательная работа на Брянском, Воронежском и Калининском фронтах, где все еще встречались проявления шовинизма. Работа проводилась преимущественно в тех частях

и подразделениях, где бойцы нерусской национальности составляли значительную массу. Малочисленные группы нерусских военнослужащих оставались «неохваченными». Политорганы проводили недостаточно активную работу с представителями малых народов, таких как марийцы, мордвины, чувашаи, якуты и др. Из-за проявлений грубости и неуважения в отношениях между военнослужащими по-прежнему сохранялась почва для разного рода инцидентов.

Оставляла желать лучшего и работа по подготовке и выдвижению национальных командных кадров. Отличившихся в ходе военных действий нерусских красноармейцев и младших командиров неохотно выдвигали на командные должности. В пропагандистской деятельности слабо использовались печатные издания на национальных языках. Листовки, брошюры, плакаты, издаваемые ГлавПУРККА и политуправлениями фронтов, часто не доходили до бойцов и командиров. Распределение литературы нередко происходило формально, без учета национального состава подразделений и частей. В справке начальника отдела из Управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА Н.Л. Рубинштейна от 5 августа 1943 г., поданной начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову для ознакомления его с ходом политической работы с красноармейцами и младшими командирами нерусских национальностей, отмечалась недостаточность работы «по воспитанию чувства национальной гордости народов Советского Союза, популяризации героического военного прошлого и патриотических традиций русского народа и братских народов Советского Союза». Подчеркивалось, что политорганам не удалось должным образом организовать изучение русского языка бойцами нерусской национальности²⁰.

Еще в апреле 1943 г. Еврейский антифашистский комитет обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову

с просьбой публиковать полные официальные данные о награжденных бойцах и командирах Красной Армии различных национальностей, в том числе и евреев (по данным ЕАК, на 5 октября 1942 г. среди награжденных насчитывалось 5163 еврея)²¹. Несмотря на издержки, опыт войны в целом показал высокую степень самоотверженности и героизма, проявляемых представителями нацменьшинств, о чем свидетельствует статистика награждений солдат и офицеров боевыми наградами и орденами²².

В недрах этнонациональных регионов, как известно, бытовало разное, в том числе и весьма неоднозначное отношение к коммунистическому режиму, вплоть до полного его неприятия. Немецкая агрессия в ряде случаев расценивалась (особенно на первых порах) как «наименьшее из зол». Отношение к режиму (безусловно, наряду с другими, гораздо более прозаическими факторами) можно объяснить феноменом возникновения так называемых национальных легионов в составе немецкой армии («восточные войска», в которых воплотились попытки гитлеровского командования внести раскол между советскими народами)²³. В ходе войны в войсках вермахта были созданы национальные формирования²⁴. Согласно показаниям перебежчиков из «Георгиен легиона», немецкое командование приступило к формированию национальных частей из военнопленных – кавказских уроженцев с апреля 1942 г.²⁵ Что же до общей численности представителей народов СССР в вооруженных формированиях вермахта, то цифры, выявленные исследователями, существенно разнятся. По данным Б. Мюллера-Гиллебранда, установленным на основе немецких источников, число советских военных коллаборационистов составляло 500 тыс. человек²⁶. Впрочем, абсолютно точное число представителей советских национальных республик, перешедших на службу вермахту, подсчитать невозможно, поскольку в составе полутора

миллионов коллаборационистов были и этнические русские из легиона «Дружина», в марте 1943 г. переименованного в «1-й русский национальный полк СС»²⁷.

Архивные документы детально иллюстрируют характер политики кремлевского руководства в отношении национальностей в СССР в разгар войны. Основные усилия были брошены на агитационно-пропагандистскую кампанию среди нерусских – для повышения чувства их гражданской ответственности, пробуждения патриотических чувств и т. д. Верховная власть чутко реагировала на усиление немецкой пропаганды в среде мусульманских народов, принимая адекватные действия для ее нейтрализации. С этой целью Кремль счел необходимым привлечь на свою сторону прежде невоинствующих (и даже гонимых) религиозных лидеров разного толка, которые стали выступать с обращениями к верующим и патриотическими призывами. Широко использовались и такие формы агитации, как издание пропагандистских брошюр, разбрасывание листовок, организация митингов в национальных регионах, радиообращения на национальных языках и проч.

Война чрезвычайно сильно повлияла на этнонациональный облик страны. Можно сказать, она его в некотором роде размыла и одновременно гомогенизировала. Общая трагедия, совместные тяготы сделали гораздо больше для сближения народов, нежели многолетние пропагандистские усилия большевиков. Чувство общности с собственной страной для очень многих советских национальностей и национальных меньшинств перестало быть абстрактным понятием. Ведь именно благодаря войне народы Советского Союза реально «познакомились» друг с другом. Знакомство это принесло много открытий, крайне познавательных и полезных для строительства общего будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 98. Л. 73–81. В первые пять месяцев войны из республик и областей Северного Кавказа в армию были призваны 1,2 млн человек. В этно-национальной структуре мобилизованных численно преобладали дагестанцы как наиболее многочисленный народ в регионе. Вторым по численности народ Северного Кавказа, чеченский, поставил в армию 16977 человек (Великое братство. Феномен единства народов России в годы Великой Отечественной войны. Материалы научно-практической конференции проблемного совета «Российская Федерация в годы Второй мировой войны». 27–28 апреля 1993 г. Пушкино, 1993. С. 40; ГА РФ. Ф. 3–9478. Оп. 1. Д. 925. Л. 6.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 344. Л. 70.
3. Там же. Л. 71.
4. Кирсанов Н. А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 117–122.
5. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 103, 104.
6. Исрапов А. А. Государственные органы управления и народ в 1941–1945 гг.: Аспекты политического, экономического и организационно-правового взаимодействия (на материалах автономных республик Северного Кавказа). АКД. Махачкала, 2005. С. 29.
7. Синицын Ф. Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. Пермь, 2009. С. 42.
8. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 173, 174.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 66, 67.
10. Там же. Л. 68.
11. Там же. Л. 58, 59.
12. Там же. Д. 104. Л. 200.
13. Там же. Д. 85. Л. 64, 65.
14. Там же. Л. 60.
15. Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 66. Л. 46.
16. Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 69.
17. Там же. Д. 104. Л. 201.
18. Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 964. Л. 3, 3 об.

19. Там же. Д. 967. Л. 1–15.
20. Там же. Д. 964. Л. 1–2 об.
21. Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 127. Л. 175–176.
22. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 11–12.
23. Об истории создания национальных легионов в составе немецкой армии см.: Далин А. Немецкое управление в России 1941–1945: исследование оккупационной политики. Лондон; Нью-Йорк, 1957; Окорочков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; Напсо Н.Т. Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. АКД. Майкоп, 2000.
24. Сеницын Ф.Л. Указ. соч. С. 171.
25. Подробная информация о Грузинском легионе содержалась в справке УП отдела Политуправления Закавказского фронта, направленной начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александрову. – См.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945. М., 2009. С. 718–734; Об Армянском легионе см.: Советская этнополитика. 1930–1940-е годы. Сборник документов / Сост., автор предисл. и коммент. Л.С. Гатагова. М., 2012. С. 302–315.
26. См.: Сеницын Ф.Л. Указ. соч. С. 257.
27. Там же. С. 169–170.

Раздел III

Положение пленных. Роль русской эмиграции во Второй мировой войне

Кто и как решал судьбу японских военнопленных?

Невозможно размышлять о войне, не касаясь судеб людей, ставших участниками этих трагических событий и прошедших через тяжелые испытания военного плена. И это в равной степени касается представителей как победившей, так и побежденной сторон. В данной статье речь идет о судьбе более чем 600 тыс. бывших военнослужащих Квантунской армии, которые в результате капитуляции Японии добровольно сдались в плен советским войскам на территории Маньчжурии и после этого были отправлены на принудительные работы в советские лагеря.

Так начиналась история «сибирского плена», который получил в Японии это название прежде всего потому, что большая часть лагерей для японских военнопленных располагалась в районе Сибири и Дальнего Востока, куда испокон веков ссылались тысячи заключенных и каторжан, что сделало эти края печально известными не только у нас в стране. Но все-таки главными приоритетами в выборе этих мест для организации японских лагерей были аргументы иного характера. Во-первых, учитывалась их относительная географическая близость к нашим дальневосточным границам, что облегчало процесс переброски туда из Маньчжурии большой партии разоруженных солдат и офицеров бывшего противника. А с другой стороны, и, пожалуй, самое главное,

что принималось во внимание, с помощью пленных можно было решить задачи восстановления и развития народного хозяйства страны. Эти малонаселенные края, богатые полезными ископаемыми, испытывали острую потребность в рабочей силе, ведь еще в довоенные годы здесь началась активная разработка природных ресурсов – добыча каменного угля, цветных металлов, заготовка древесины, строительство новых предприятий и жилых домов и т. д. Например, японские военнопленные оказались в числе первых строителей БАМа. Однако география «сибирского плена» была значительно шире, чем Сибирь и Дальний Восток, так как она охватывала собой многие бывшие республики СССР: Казахстан и Грузию, Туркмению, Узбекистан и др.

Но не только своей обширной лагерной географией вошел в историю «сибирский плен». Он растянулся в общей сложности на 11 долгих лет. Японцы стали последними пленными Второй мировой войны, пробыв в СССР вплоть до 23 декабря 1956 г., когда в результате подписания совместной Советско-японской декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между нашими государствами последний корабль с осужденными в СССР поданными Японии покинул пределы нашей страны. При этом более 60 тыс. бывших солдат и офицеров Квантунской армии нашли в советской земле свое последнее пристанище, не выдержав суровых испытаний холодных зим, тяжелого физического труда и скудного лагерного рациона.

Для японского народа «сибирский плен», или, как здесь принято называть в официальных кругах, «сибирское интернирование», до сих пор воспринимается национальной трагедией, которая в свое время коснулась практически каждой шестой семьи. Здесь не любят слово «плен», в чем, по всей видимости, сыграла свою роль древняя национальная

традиция. Ведь согласно феодальному кодексу самурайской чести «Бусидо», плен всегда считался позором для японского воина. В подтверждение этому достаточно привести ряд высказываний из показаний бывшего премьер-министра Японии Тодзио Хидэки на Токийском международном трибунале: «Мое заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношения европейцев и американцев, означает, что еще с незапамятных времен японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными. При таком положении вещей считалось, что ратификация Женевской конвенции заставила бы общественное мнение поверить, что власти поощряют японцев сдаваться в плен. Поэтому в ответ на запрос нашего Министерства иностранных дел относительно действия Женевской конвенции военное министерство заявило, что хотя оно не может объявить о полном согласии с его принципами, но не возражает против их применения с необходимыми изменениями...»¹

Сегодня в Японии уповают не столько на традиции, сколько на исторические и международно-правовые аргументы. Особый акцент делается на то, что большая часть японских военнослужащих оказалась в плену не в процессе боевых действий, а в результате полной и безоговорочной капитуляции страны на основе рескрипта императора. Особо подчеркивается и то обстоятельство, что сдача в плен происходила добровольно, поскольку японцы рассчитывали на соблюдение советской стороной положений Потсдамской декларации, гарантированных странами-союзниками. Более того, обращается внимание на то, что бывшие военнослужащие Квантунской армии были взяты в плен на территории третьей страны – Маньчжурии – и перемещены в СССР уже после того, как 18 августа командующий

Квантунской армией Ямада Отодзо передал войскам приказ прекратить сопротивление и 19 августа подписал в Чанчуне акт о безоговорочной капитуляции. И только после этого началась массовая сдача в плен японских войск в Маньчжурии, продолжавшаяся более месяца.

С тех пор прошло более 70 лет, но воспоминания о «сибирском плене» не теряют в японском обществе своей актуальности, являясь по-прежнему одной из центральных проблем послевоенного урегулирования между Японией и современной Россией. В первую очередь проблема включает в себя задачу установления имен японцев, не вернувшихся из советского плена, число которых в настоящее время все еще превышает 20 тыс. человек, поиск мест их захоронения и вывоз останков на родину. Но не менее важным как для самих участников тех событий и родственников умерших, так и для современных исследователей представляется историческое содержание этой сложной гуманитарной проблемы, которая в последние годы стала предметом изучения и в нашей стране.

Долгие годы все материалы, касающиеся пребывания японских военнопленных на территории СССР, хранились в отечественных архивах под грифом «совершенно секретно» и впервые стали достоянием широкой общественности лишь в конце 1980-х гг. на волне провозглашенных в те годы принципов демократии и гласности. Именно тогда в связи с подготовкой визита в Японию первого Президента СССР М. Горбачева, состоявшегося в апреле 1991 г., были впервые обнародованы многие ранее засекреченные документы и списки умерших на 28700 человек. Это вызвало бурные дискуссии в прессе и научных кругах, поставив перед историками России и Японии много важных и неоднозначных вопросов. Очень остро встал вопрос о том, что легло в основу мотивации политического решения советского

руководства об отправке на принудительные работы на территорию СССР бывших военнослужащих Квантунской армии, взятых в плен на территории Маньчжурии? Почему Советский Союз, присоединившись к Потсдамской декларации в день объявления войны с Японией, буквально спустя несколько недель после этого пошел на нарушение условий безоговорочной капитуляции Японии, зафиксированных в этом документе? Речь идет о девятой статье Потсдамской декларации, которая гарантировала, что «японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь»².

Ситуация складывалась следующим образом. 14 августа на расширенном императорском совещании было решено предложить правительству Японии подготовить проект указа императора об окончании войны и опубликовать по этому поводу специальное обращение к народу. В тот же день его содержание было доведено до сведения правительств четырех держав – СССР, США, Великобритании и Китая. В этом документе объявлялось о капитуляции страны и о готовности императора приказать всем японским вооруженным силам прекратить боевые действия и сдать оружие. А также содержался призыв к нации «вынести невыносимое» и направить все усилия «на создание будущего». 15 августа император Хирохито огласил этот рескрипт по радио, сообщив нации о принятии условий капитуляции. С этого дня боевые действия между американскими, британскими и японскими вооруженными силами были прекращены.

Ситуация же в Маньчжурии развивалась куда более драматично. Для части из воевавших здесь солдат и офицеров Квантунской армии день 15 августа стал началом добровольной сдачи в плен. Повинуясь переданному по радио

приказу императора, они стали без сопротивления складывать оружие в расчете на то, что по условиям капитуляции в ближайшее время вновь окажутся у себя на родине. Другие же продолжали отчаянное сопротивление, так как письменный приказ о капитуляции к тому времени еще не поступил в их подразделения. В этой связи 16 августа Генеральный штаб Красной Армии дал специальное разъяснение, согласно которому «капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться»³.

Одновременно с этим советское командование развернуло подготовку к приему и размещению на территории Маньчжурии разоруженного противника. 16 августа 1945 г. высшее советское руководство в лице Л.П. Берия, Н.А. Булганина и А.И. Антонова направляет в адрес Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А.М. Василевского секретную шифротелеграмму относительно дальнейших действий в отношении японских военнопленных. В ней четко определялось, что «военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут». В этом документе также указывалось на то, что лагеря военнопленных необходимо было организовывать по возможности в местах разоружения японских войск на основе распоряжений командующих фронтами, выделив для охраны и конвоирования необходимое количество войск. Питание военнопленных надлежало производить применительно нормам, существовавшим в японской армии, находившейся в Маньчжурии. Для организации и руководства вопросами, связанными с содержанием военнопленных в лагерях, от НКВД был командирован

начальник Главного управления НКВД по делам военнопленных генерал-лейтенант Кривенко с группой офицеров⁴.

Однако не успело это распоряжение вступить в силу, как 23 августа Государственный Комитет Обороны (ГКО) принимает постановление за № 9898 под грифом «совершенно секретно» «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», подписанное его председателем И.В. Сталиным. В нем содержался приказ о направлении 500 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в Советский Союз и определялось их распределение по хозяйственным объектам страны, а также устанавливались меры по организации их работы и жизнедеятельности⁵. В чем же причины столь неожиданного поворота событий? В российских архивах пока не удалось выявить подробную стенограмму заседания Государственного Комитета Обороны от 23 августа, которая позволила бы проследить обмен мнениями между его участниками и понять аргументацию такого решения. А поэтому приходится строить по этому поводу различные версии, выдвигать гипотезы и т. д. При этом совершенно очевидно, что эта резкая смена курса советского руководства в отношении японских военнопленных была продиктована не одним каким-либо аргументом, а целым комплексом факторов экономического, политического, военного, идеологического и иного характера.

Участники тех событий – представители советского командования – прямо указывают на то, что выполнить обязательство союзников, зафиксированное в Потсдамской декларации, и обеспечить незамедлительное возвращение японцев на родину в сложившихся на территории Маньчжурии условиях оказалось практически невозможным в силу объективных обстоятельств. И, наверное, самое главное из них – неспособность советских военных органов оперативно обустроить весь тот огромный контингент

военнопленных, который за короткий период сформировался в Маньчжурии. Плененные подразделения Квантунской армии направлялись в созданные советскими военными властями сборные и приемные пункты, фильтрационные пункты, фронтовые лагеря военнопленных. Больные и раненые были помещены во фронтовые госпитали. В этих учреждениях японцев допрашивали, заводили на них соответствующие документы – личное дело и карточку военнопленного. Во фронтовых лагерях формировались этапы военнопленных для их последующей отправки на родину.

Бывший командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта маршал К. А. Мерецков писал в своих воспоминаниях о том, что в целом проблема военнопленных оказалась весьма сложной: «Всю эту массу людей нужно было обеспечить продовольствием (своего им не хватало), квалифицированным медицинским обслуживанием, обмундированием, решить вопросы об их временном размещении и многое другое. По наиболее крупным и важным вопросам мы получали указания, а все остальные вынуждены были решать на месте, причем незамедлительно»⁶. Об этом же упоминает в своих статьях и в личных встречах генерал армии, доктор исторических наук и непосредственный свидетель тех событий М. А. Гареев, возглавлявший тогда опергруппу 5-й армии. Он также говорит о том, с какими огромными трудностями столкнулось советское военное командование в Маньчжурии. При этом он особо подчеркивает, что «с точки зрения сугубо практической невозможно было – даже при желании советского правительства – в первое послевоенное время возвратить в Японию военнопленных. Нельзя было ответить даже на такой вопрос: “Кому их передать?”. Сложившейся самостоятельной японской администрации еще не существовало.

Передать японских военнопленных американскому командованию было нелепо. На территории Германии в 1945 г. наши войска в ряде случаев сознательно давали возможность отойти в зону союзников отступавшим германским войскам. Как теперь стало известно из опубликованных британских документов, Черчилль распорядился вооружать и готовить их для возможных боевых действий против советских войск. И наше командование имело некоторые данные об этом еще в то время, так что приходилось быть начеку. Да и не положено военнопленных так из рук в руки передавать. Да и отправлять пленных в Японию можно только морем. Достаточным количеством морского транспорта для перевозки полумиллионной армии наша страна не располагала. Тем не менее, при всех этих обстоятельствах военнопленных начали отправлять в Японию уже в 1946 г.» – подчеркивает генерал⁷.

Как очевидец и участник этих событий генерал Гареев не отрицает того, что советским руководством все-таки прорабатывалась идея о том, чтобы оставить японских военнопленных в Маньчжурии и передать их китайской стороне. Но, как поясняет он, «в то время власть на местах в Китае часто менялась, следовательно, надежной администрации, чтобы контролировать лагеря военнопленных, не существовало. Важно и то, что и сами японцы, особенно генералы и старшие офицеры, отказывались переходить под контроль китайской стороны. Более того, они прямо заявляли о том, что сдаваться китайцам не будут. Когда в районе Дуньхуа один из лагерей (при выводе советских войск) был временно передан гоминьдановским войскам, то китайцы разогнали военнопленных, часть убили, а запасы продовольствия, оставленные нашей армией, отобрали. В октябре 1946 г. поступило распоряжение выпустить на свободу служащих и рабочих японской армии, не состоявших

на военной службе. Однако большинство этих людей отказалось покидать лагерь, поскольку со стороны местного населения японцы повсеместно в Маньчжурии ощущали ненависть местного населения»⁸.

С учетом всех этих обстоятельств, по мнению М.А. Гареева, советским руководством было принято решение основную часть военнопленных отправить на территорию СССР, что было, на его взгляд, единственной из оставшихся возможностей спасти жизнь значительной части разоруженных японских солдат и офицеров. Разумеется, с такой аргументацией трудно не согласиться, но существует и иная точка зрения на эту проблему. Она сводится к тому, что отправка японцев на принудительные работы в СССР явилась своеобразным политическим демаршем СССР в адрес США за несостоявшуюся оккупацию острова Хоккайдо. Во время Ялтинской конференции в феврале 1945 г. президент США Ф. Рузвельт заявил В.И. Сталину о том, что он не намерен высаживать свои войска на территории Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости: «На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако, если подвергнуть Японию сильной атомной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено, и таким образом можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова»⁹. Американцы не скрывали своей заинтересованности в том, чтобы проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, было бы возложено на вооруженные силы СССР. Более того, о привлечении СССР к разгрому Японии свидетельствовали и американские планы оккупационного режима для японской территории. По этим планам советские войска должны были занять обширные территории японской метрополии, включавшие Курильские

острова, Хоккайдо и весь северо-восток основного острова Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит для Вашингтона бремя организации оккупационного режима и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого американских войск.

При этом союзники хорошо понимали, что выполнение столь масштабных задач требовало от СССР больших усилий, сопряженных с новыми значительными человеческими и материальными потерями. И это заставляло их тогда с уважением относиться к тем политическим условиям, которые выдвигал СССР. Еще задолго до Ялты Ф. Рузвельт считал необходимым после войны удовлетворить все территориальные требования СССР. Так, 19 июля 1943 г. временный поверенный в делах СССР в США А.А. Громыко сообщал в Москву, что «ближайший помощник и советник Рузвельта Г. Гопкинс был уверен, что при личной встрече Рузвельт может удивить Сталина тем, насколько далеко американцы готовы были пойти в признании наших прав, в частности, по территориальному вопросу»¹⁰.

Однако к моменту реализации этих планов отношения между СССР и США дали серьезную трещину. Смерть Рузвельта, с которым у Сталина за годы войны сложились стабильные отношения честного партнерства, привела к кардинальным изменениям американской политики в отношении СССР. После атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, преследующих своей целью ускорить капитуляцию Японии до вступления в войну СССР, теперь, на завершающем этапе военных действий, США приняли решение не допустить советские войска к оккупации собственно японской территории. Это открывало для американцев дополнительные возможности ограничить участие Советского Союза в послевоенном переустройстве Японии и ограничить азиатский регион от усиления советского влияния.

И.В. Сталин и президент США Г. Трумэн вели переписку по деталям капитуляции и пленения Квантунской армии. 15 августа Советскому Союзу был предложен на рассмотрение подготовленный американцами «Общий приказ № 1». Согласно ему, старшие командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в пределах Маньчжурии, Кореи севернее 38 градуса северной широты и на Карафуто (Сахалин), должны сдаться главнокомандующему советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. Сталин одобрил документ в основе, но предложил внести в текст две существенные поправки: «1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Ялте должны были перейти во владение Советского Союза. 2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающую на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто (Сахалин) и Хоккадо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от города Кусиро на восточном берегу острова до города Румои на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова»¹¹.

Ставя вопрос об оккупации северной части острова Хоккайдо, Сталин убеждал Трумэна в том, что эта проблема для СССР имеет особое значение. «Как известно, – писал Сталин, – японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственной японской территории»¹². Однако мысль о том, чтобы отстранить СССР от послевоенного урегулирования

в Восточной Азии, перевесила в конечном итоге все остальные аргументы в стратегии Г. Трумэна. Его жесткий и однозначный ответ на обращение Сталина сводился к тому, что генерал Д. Макартур будет ограниченно использовать союзные вооруженные силы, которые, конечно, будут включать и советские войска, для временной оккупации такой части собственно Японии, какую он сочтет необходимым оккупировать. В тот же день, 16 августа, Г. Трумэн упразднил этот документ, подготовленный объединенным комитетом военных планов министерства обороны США, и подписал директиву SWNCC70/5, передав полный контроль по оккупации американским войскам. В своих мемуарах Д. Макартур так комментировал эти события: «Русские стали сразу же проявлять беспокойство. Они потребовали, чтобы их войска могли оккупировать Хоккайдо... и таким образом расколоть Японию на две части. Другим требованием было, чтобы их войска не только не находились под контролем Верховного командующего союзнического войска, но и были совершенно независимы от его власти. Я решительно отказался»¹³.

Таким образом операция по высадке советского военного десанта на о. Хоккайдо, намеченная на 23 августа 1945 г., была остановлена, несмотря на долгие и тщательные приготовления, начатые по распоряжению Кремля сразу же после Ялтинской конференции. В СССР планировали оккупировать северную часть острова Хоккайдо до линии, идущей от города Кусиро до города Румои. Однако названный рубеж мог быть лишь ближайшей стратегической задачей советского командования. «В случае соответственно сложившейся военно-политической обстановки (например, отказ Японии от безоговорочной капитуляции) принятие решения на последующую задачу войска, высадившихся на острове Хоккайдо, не заняло бы много

времени», – считают российские военные историки¹⁴. И более того, в Японии до сих пор бытует мнение о том, что уже первоначально в геополитические планы Сталина входила оккупация всей территории острова Хоккайдо с целью создания там государства социалистической ориентации.

Как подтверждают архивные документы, десантную операцию на Хоккайдо предполагалось начать после разгрома японских войск на территории Южного Сахалина. 18 августа накануне переброски войск на Сахалин, которая была намечена на 20 августа, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский, учитывая большую политическую значимость предстоящих сражений, направляет запрос-шифrogramму членам Ставки ВГК Н. А. Булганину и А. И. Антонову. Однако ответа в течение двух дней так и не получил. Это обстоятельство, тем не менее, не приостановило начавшихся военных приготовлений, о чем А. М. Василевский докладывал Сталину.

В одной из шифровок от 20 августа 1945 г. на имя Сталина (копия в Генштаб А. И. Антонову), в частности, говорится: «В настоящее время я и командование первого Дальневосточного фронта серьезно заняты подготовкой десантной операции на остров Хоккайдо. Сейчас ведем морскую разведку, готовим авиацию, артиллерию, пехоту и транспортные средства. С Вашего разрешения морскую операцию здесь начнем немедленно после занятия южной части Сахалина, ориентировочно 22.08.1945 года»¹⁵. 20 августа 1945 г. И. В. Сталин подтвердил свое указание подготовить 87-й стрелковый корпус для участия в десантной операции. И маршал А. М. Василевский, выполняя указания Ставки Верховного главнокомандующего, в тот же день приказал командующим 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, командующему Тихоокеанским флотом и командующему

военно-воздушными силами на Дальнем Востоке быть готовыми к проведению операции на Хоккайдо к исходу 23 августа 1945 г.

Однако сложившаяся на фронте ситуация внесла существенные коррективы в эти планы. Анализ событий и документов тех лет показывает, что из-за упорного сопротивления японских войск и затянувшихся в связи с этим боевых действий в рамках Южно-Сахалинской и Курильской операций переброска советского десанта на остров Хоккайдо могла быть проведена не ранее 24–25 августа 1945 г. Но до наступления этих сроков еще более кардинальные коррективы в план стратегического развертывания советских войск на Дальнем Востоке внес сам Верховный главнокомандующий. В первой половине дня 22 августа он отдал приказ маршалу А. М. Василевскому о приостановке подготовки к высадке советского десанта на Хоккайдо, который был сразу же доведен шифротелеграммой до сведения главкома ВМФ СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова и командующего Тихоокеанским флотом адмирала И. С. Юмашева. Приказ, в частности, гласил: «От операции по десантированию наших войск с острова Сахалин на остров Хоккайдо необходимо воздержаться впредь до особых указаний Ставки. Переброску 87-го стрелкового корпуса на остров Сахалин продолжить»¹⁶. Вслед за этим 27 августа начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник С. П. Иванов разослал приказ Главкома: «Во избежание создания конфликтов и недоразумений по отношению к союзникам категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолеты в сторону о. Хоккайдо»¹⁷. Советские корабли, практически подойдя к острову, вынуждены были повернуть назад.

Так был сорван план Сталина, нацеленный на оккупацию острова Хоккайдо и дальнейшее послевоенное

устройство Японии. И вслед за этим 23 августа сразу же после приостановки десантной операции он подписывает постановление ГКО об отправке японских военнопленных на принудительные работы в СССР. Таков был политический ответ Сталина на отказ Трумэна от ранее достигнутых советско-американских договоренностей по зонам оккупации. И одновременно это решение об использовании труда японских военнопленных на хозяйственных объектах в СССР можно рассматривать как одну из форм послевоенных репараций, на которую решился Сталин взамен на упущенную возможность оккупации о. Хоккайдо. Такая практика к тому времени была уже хорошо отработана в СССР и даже согласована с союзниками. Теоретическое обоснование идеи принудительного труда как главенствующей формы репараций побежденной Германии принадлежала советскому дипломату И.М. Майскому. Возглавляя Комиссию по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу, он предложил удерживать не менее 5 млн пленных немцев, которые «под командованием НКВД будут выполнять предписанные им задания». Преимущества использования принудительного труда, помимо прочего, мотивировались тем, что немцы, «прошедшие школу работы в СССР», будут прибывать на родину с «более здоровыми взглядами и настроениями». Этот процесс, по мнению Майского, будет протекать еще успешнее, если принять «надлежащие воспитательно-пропагандистские меры»¹⁸.

Министр иностранных дел В.М. Молотов, как, впрочем, и некоторые другие члены правительства, не разделял столь идеологизированный подход к проблеме экономического характера. Кроме того, он считал, что таким образом незаслуженно принижаются такие формы репараций, как демонтаж германского оборудования и ежегодные товарные поставки. Тем не менее, Майский, заручившись поддержкой

Сталина, сумел отстоять свою точку зрения¹⁹. И вскоре эта идея нашла одобрение и среди союзников. Еще на Тегеранской конференции 1943 г. Сталин достаточно четко дал понять, что намерен использовать на восстановительных работах в Советском Союзе в течение нескольких лет примерно 4 млн немцев²⁰. Тогда союзники с пониманием отнеслись к его планам, не иницируя по этому поводу подробного обсуждения. Куда более злободневными на тот момент для них представлялись проблемы открытия второго фронта и достижения договоренностей о вступлении СССР в войну с Японией. Но такое обсуждение все-таки состоялось позже в стенах Европейской консультативной комиссии (ЕКК), приступившей к работе 14 января 1944 г. Поводом для дискуссий стала одна из директив советского руководства, направленная представителю СССР. В документе предписывалось: «В противоположность англичанам и американцам, которые предусматривают сразу же после подписания перемирия и разоружения демобилизацию вооруженных сил, советский проект требует объявления этих сил целиком военнопленными. Если это наше требование встретит возражение со стороны англо-американцев, которые могут сослаться на отсутствие подобных прецедентов в истории, Вам следует настаивать на этом требовании как вытекающем из принципа безоговорочной капитуляции, для которой тоже нет прецедентов»²¹.

Как и предполагало руководство СССР, в ЕКК вопрос о дальнейшей судьбе немецких солдат и офицеров был воспринят неоднозначно. Представители США и Великобритании делали упор на то, что с немцами, получившими статус военнопленных, придется обращаться в соответствии с нормами международного права. А это потребует немалых материальных затрат, поскольку каждый из узников войны должен быть обеспечен нормальным жильем, полноценным

питанием, приличной одеждой и т. д.²² Однако в конечном итоге был найден компромисс, предложенный советской стороной и заключавшийся в том, что пленение солдат противника – это право, а не обязанность победителя. Следовательно, союзники вольны поступать с капитулировавшими военнослужащими вермахта так, как им заблагорассудится²³. Как показали дальнейшие события, компромиссный вариант устроил и англичан, и американцев. Второй пункт ст. 2 «Декларации о поражении Германии» предоставлял главнокомандующему вооруженных сил того или иного союзного государства «единолично принимать решение о том, кого именно следует считать военнопленными»²⁴. Прямым следствием этого решения было то, что в дальнейшем при обсуждении проблемы репараций на конференции в Ялте требование о предоставлении победившим странам германской рабочей силы было признано вполне обоснованным. А на Потсдамской конференции в июле 1945 г. данный вопрос и вовсе не поднимался.

Отправка военнопленных на восстановительные работы воспринималась союзниками как нечто само собой разумеющееся. Однако, к примеру, правительство США отказалось от использования труда японцев. В этой связи уже в первых числах сентября 1945 г. В.М. Молотов в конфиденциальной беседе с госсекретарем США Дж. Бирсом прямо задал ему вопрос о том, почему американцы отправляют японских военнопленных на родину, а не используют в качестве рабочей силы, как это делает СССР. Тем самым он озвучил недавно принятое высшим руководством страны решение и дал ясно понять его дальнейшие планы. Эти планы раскрывает выдержка из служебной записки заместителя министра иностранных дел Я.А. Малика на имя министра В.М. Молотова от 15 сентября 1946 г. В ней, в частности, говорится: «...С точки зрения народно-хозяйственных

интересов Советского Союза является желательным, чтобы период использования труда японских военнопленных в СССР был продлен как можно дольше. С другой стороны, исходя из международно-политических соображений, особенно в свете предстоящих переговоров с союзниками по вопросам мирного договора с Японией, для нас было выгодно начать частичную репатриацию из СССР японских военнопленных и гражданских лиц уже сейчас. Причем, репатриацию японских военнопленных производить пока в таких размерах, которые не могут помешать существенным образом выполнению наших народно-хозяйственных планов...»²⁵

При этом не без основания можно предположить, что решение о переброске японских военнопленных на работы в СССР преследовало не в последнюю очередь и политические цели, и в этой связи возникают, как минимум, две версии. Прежде всего, как убеждают в том многие архивные документы, ставилась цель перевоспитания японцев в духе марксистско-ленинской идеологии, и таким путем создания после их возвращения на родину нашей мощной «пятой колонны» для продвижения идей мировой революции в Японии и Азии в целом. Нельзя не согласиться также и с широко распространенным суждением о том, что в международной практике военнопленные всегда являлись политическим рычагом давления на противоборствующую сторону при решении вопросов о перемирии и мирном договоре, а также других дипломатических переговорах. СССР, естественно, с самого начала тоже не исключал из своей стратегии этот сильный дипломатический аргумент, который Сталин имел в виду использовать в случае будущих переговоров с Японией о заключении мирного договора между нашими странами. И следует заметить, что так оно и вышло. Во время переговоров о прекращении

состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией, проходивших в течение 1955–1956 гг., проблема репатриации японских военнопленных стала первым предметом двустороннего обсуждения.

И наконец, не меньшее основание имеет предположение о том, что И.В. Сталин в своем решении о судьбе японских военнопленных руководствовался стремлением нанести решительный удар по вооруженным силам Японии с целью окончательно ликвидировать на долгие годы возможность возрождения военной мощи страны и новой военной угрозы в адрес СССР. Об этом свидетельствует, в частности, опубликованный в японском журнале «Тюокорон» отрывок из беседы Сталина с Цзян Цзинго, сыном Чан Кайши, состоявшейся в конце 1945 г. Судя по японскому источнику, в 1945 г., готовясь к войне с Японией, Сталин переоценил военную мощь Японии и поэтому опасался возможности того, что после поражения Япония вновь сможет стать нашим противником. «Сталин тогда сказал, что проблемой является то, что Америка, оккупируя Японию, не берет в плен японскую армию. Это – тот же принцип, был использован в отношении Германии после Первой мировой войны». И далее Цзян Цзинго продолжил: «Конечно, это (возрождение вооруженных сил) возможно. Население страны большое, у японцев силен дух мести. Япония попытается вновь встать на ноги. Чтобы предотвратить это, надо взять в плен от 500 тыс. до 600 тыс. офицеров и примерно 12 тыс. представителей командного состава»²⁶.

Но у СССР был и еще один весьма весомый политический аргумент в пользу принятия этого решения, о котором стало известно лишь недавно. Речь идет о том, что предложение об использовании плененных солдат и офицеров Квантунской армии в качестве рабочей силы исходило от высшего военного руководства Японии. Говоря конкретно, эта

идея обсуждалась во время двусторонних переговоров представителей военного командования двух стран по условиям прекращения огня, которые состоялись в местечке Жариково Приморского края 19 августа 1945 г. В пользу этой версии может свидетельствовать хранящийся в фонде трофейных материалов Квантунской армии в Центральном архиве Министерства обороны РФ важный исторический документ. Это – письмо Ставки Верховного командования Японии в адрес маршала А. М. Василевского от 21 августа 1945 г. Оно содержит в себе подробное изложение инициатив, имеющих своей целью добиться содействия СССР в переговорах с союзниками о судьбе японского императора и оградить его от опасности привлечения к судебной ответственности за развязанную войну. Среди ответных мер благодарности за эту неоценимую услугу японское военное командование предлагало использовать японских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы вплоть до лишения их японской национальности, если это будет продиктовано интересами советского руководства²⁷. Весьма показательно, что эта идея уже прорабатывалась в японских правительственных кругах за несколько месяцев до отправки вышеуказанного письма. Известно, что в июне 1945 г. видный государственный деятель и бывший премьер Японии Ф. Коноэ вместе со своим советником генерал-лейтенантом К. Сакаи, собираясь на переговоры в Москву, составили документ под названием «Принципы проведения мирных переговоров». В нем был изложен перечень возможных уступок Советскому Союзу за сохранение нейтралитета СССР и его посредничество в достижении мира между Японией, США и Великобританией. Среди прочих значилось и следующее предложение: «Мы демобилизуем дислоцированные за рубежом вооруженные силы и примем меры к их возвращению на родину. Если подобное будет невозможно, мы

согласимся оставить личный состав в местах его настоящего пребывания». И далее: «Рабочая сила может быть предложена в качестве репараций»²⁸. Американский исследователь Г. Бикс, обнародовавший этот документ в своем труде «Хирохито и создание современной Японии», прямо указывает: «Идея интернировать японских военнопленных для использования их труда при восстановлении советской экономики (осуществленная на практике в сибирских лагерях) возникла не в Москве, а в среде ближайшего окружения императора»²⁹. И это заявление, так же как и ранее упомянутое письмо в адрес маршала А.М. Василевского, во многом меняет устоявшиеся в Японии подходы к истории «сибирского плена», перенеся немалую долю ответственности за случившееся на плечи тогдашнего японского руководства. Доказательством тому является бурная реакция представителей японской общественности и политических кругов на публикацию в прессе этих документов.

Вот как неоднозначно выглядит вопрос о том, кто и как решал судьбы японских военнопленных. Но пока и это все – гипотезы, подлинную историю «сибирского плена» откроют лишь новые архивные документы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 536.
2. [https://ru.wikisource.org/wiki/Потсдамская_декларация_\(1945\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Потсдамская_декларация_(1945))
3. История Японии. Учебное пособие. М., 1999. С. 475–476.
4. Цит. по: Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1994, № 10 (февраль). С. 18.
5. Цит. по: Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. 1994, № 10 (февраль). С. 18.
6. Мерецков К.М. На службе народу. М., 1983. С. 423.
7. Победа на Дальнем Востоке. <http://vpk-news.ru/articles/67>

8. Там же.
9. Советская Россия. 10.08.2000.
10. Там же.
11. МИД СССР. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (авг. 1941 – дек. 1945). 2-е издание. М., 1989. С. 285.
12. Там же.
13. Цит. по: Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск, 1997. С. 27.
14. Зимонин В. П., Галицкий В. П. Десант на Хоккайдо отменить! // Военно-исторический журнал. 1994. № 3. С. 10.
15. ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 24–33.
16. ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 379–380.
17. ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 61.
18. Филатов А.М. В Комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 56, 64.
19. Международная жизнь. 1996. № 4. С. 92.
20. Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 2. М., 1991. С. 604.
21. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 203.
22. Там же.
23. Международная жизнь. 1996. № 4. С. 25.
24. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3 М., 1947. С. 275.
25. АВП РФ. Ф. 18. Оп. 5. Д. 119. Л. 46–47.
26. Тьюкорон. 2003. № 10. С. 195.
27. Сайто Рокуро «Сибэриа-но банка» («Воспоминания о Сибири на склоне лет»). Цуруока, 1995. С. 208–209.
28. Тень Цусимы длиною в век. В истории Второй мировой войны точку пришлось ставить дважды. www.rg.ru/2005/09/02/japonia.html
29. Там же.

Перекодировка образа японца в русской и советской сатире эпохи Второй мировой войны

Образ японца как «врага с Востока» сравнительно поздно возник в пространстве отечественной сатиры. (По сравнению, к примеру, с образом «турка», воплотившего в себе многовековые русские фобии по поводу «восточной угрозы».) К моменту начала Второй мировой войны образ японца насчитывал менее полувека. Ворвавшись на страницы российской прессы и на полотна плакатов с первыми раскатами боев Русско-японской войны 1904–1905 гг., «коварный японец», воплощение «желтой угрозы», формировался отечественными сатириками наспех, но весьма энергично. Попытаемся сравнить стратегии, риторики и стилистику отечественной сатиры на «японца» в контексте двух разных исторических эпох и в пространстве разных идеологических установок¹.

В 1904 г. шок от внезапного начала боевых действий на Дальнем Востоке травмировал общественное сознание и потребовал быстрой психологической сублимации. Одним из надежных лекарств в этих условиях вполне закономерно стала сатирическая печать, нацеленная на преодоление инерции страха и недоумения в пользу настроенности на скорую победу над «коварным врагом». Этим целям и были подчинены основные приемы тогдашней

агитационно-пропагандистской сатиры – занижение военно-стратегических возможностей противника, лихое бодрячество, простоватое (под «мужичка») «шапкозакладательство», формирование образа «японца» как агрессивного, но опрометчивого вояки, а самой войны – как локального (во времени и пространстве) эпизода².

По сути же сатирические изображения эпохи Русско-японской войны были произведениями нарождавшегося в России жанра политического плаката, не слишком быстро пробивавшего себе дорогу в условиях строгой государственной цензуры. И в этом смысле карикатура на «врага с Востока» в советское время продолжит именно эту, только обнаружившуюся в начале XX в. линию – постепенного слияния сатирической продукции для массового пользования (так называемый плакатный лубок) и для образованного общества, читающей городской публики и провинциальной интеллигенции (журнальная и газетная периодика).

В эпоху острого дальневосточного конфликта, справедливо названного «Мировая война номер ноль»³, русская сатира поневоле опиралась на довольно размытые клише и стереотипы, бытовавшие в массовом восприятии Японии и японцев. В подобном ракурсе Япония ассоциировалась, как правило, разве что с экзотическими словами *гейша*, *харакири*, *банзай* и *микадо*. Сконструированная из них псевдореальность страны-противника становилась фантастической декорацией, на фоне которой формировался образ японца как реального врага.

Две особенности – недооценка сил противника и расовый характер воплощения образа врага – называются некоторыми исследователями в качестве определяющих свойств тогдашней русской сатиры на тему войны с Японией⁴. Фиксация первого свойства не вызывает особых сомнений, но требует уточнения. Внешне легкомысленное

отношение к событиям на Дальнем Востоке было не столько отражением настроений в обществе, сколько непродуманной попыткой компенсировать непопулярность войны в России, амортизировать тяжелые для национального чувства удары от поражений, нанесенных *«желтолицыми макаками»*. Типичным примером грубовато-бодряческой критики врага пополам с гордостью за собственного воина может служить одно из стихотворений, во множестве появлявшихся на страницах сатирических журналов на протяжении почти всей войны и не требовавших конкретного повода: *«К Порт-Артуру // Лезут сдуру // Желтые враги. // Эх, напрасно, – ... // Ведь опасно! // Шкуру береги! // На фугасы, // Как саврасы, // Валит желтых рать // И взлетает – // Сила тает... // Где ей крепость брать!»*⁵. В уста же самих японцев автор вкладывает слова, столь же мало имевшие общего с реальной ситуацией: *«Наша храбрость – в сфере басен, // Наша стойкость – просто бред»*⁶.

В подтверждение мысли о расовом характере русской сатиры на японца как врага, казалось бы, работали часто встречавшиеся в сатире того времени обидные и грубые эпитеты («желторылые», «косоглазые»), а также гротесковые изображения с подчеркиванием специфических внешних признаков желтой расы. Безусловно, оттенок фиксации расовых отличий во всем этом присутствовал, но был ли он определяющим в создании образа врага? То, что обыгрывается в журнальной сатире на Японию, точнее всего было назвать инаковостью, чуждостью страны и народа, от которых по этой самой причине можно ожидать чего угодно – вплоть до коварного нападения⁷.

Важнее то, что особое место в формировании образа японца занимала «западная» тема. Основной подтекст всех самых хлестких журнальных и плакатных публикаций того времени состоял в подчеркивании подстрекательской роли

западных держав – Великобритании и США – в эскалации конфликта на Дальнем Востоке. Образ японца – неразумного ребенка или юноши, чью инфантильную агрессивность используют более зрелые державы, – проявлялся здесь с особой наглядностью. Стихи, фельетоны, анекдоты и карикатуры на протяжении всего военного времени несли отчетливую мысль: поощрение западным миром Японии к агрессии не означает ни честного союзничества с нею, ни отношения к ней как к равному партнеру. На карикатуре, долженствующей показать, какими именно «благами» Европа в лице Англии готова поделиться с воюющей Японией, юный, озверевший от недавнего боя японец обращается к старому, обрюзгшему англичанину, лениво покуривающему сигару:

« – Меня обвиняют в зверствах, сэра.

Англичанин: – Слышал. Так что же?

– Как «что»? Ведь я веду войну во имя цивилизации, а такая борьба требует жертв.

– Милый друг, не совсем так. И я ведь немало воевал в интересах цивилизации, но у меня для этого имеется солидный запас вполне европейских средств и по весьма сходной цене»⁸.

«Соль» карикатуры в том, что английский торговец сидит на ящиках с разрывными патронами «дум-дум», применение которых было запрещено международным правом. Жесткая критика Великобритании, которая, по мнению сатириков, весьма своеобразно «цивилизует» азиатское государство, звучит рефреном во многих публикациях. Тему антигуманности и своекорыстия западной цивилизации, к которой Япония стремилась приблизиться, заключая союз с Англией и вступая в схватку с Россией, усиливает плакатная сатира. На популярном плакате эпохи Русско-японской войны «*Посидим у моря, подождем погоды!..*» англичанин держит на руках японца-подростка, науськивая его

на здоровенного русского мужика, вольготно расположившегося на земле Маньчжурии. А «дядя Сэм», эмблема Соединенных Штатов, с любопытством наблюдает за происходящим. Примечательно, что по мере углубления военного конфликта на Дальнем Востоке «коварный японец» всё более осознавался как жертва Запада, незрелый продукт ускоренной европеизации, инструмент в руках более «взрослых» политических игроков.

Срочно поставить зарвавшегося агрессора, слишком «инфантильного» для «взрослых» международных игр, на место – таков смысл обложечной карикатуры из июльского (1904 г.) номера «Осколков». На рисунке – миловидная боярышня в национальном костюме (образ России) за ухо выводит из комнаты орущего, сопливого японского подростка в военном мундирчике. В комнате за накрытым столом в облике строгих пожилых дам и господ изображены представители европейских наций. На столе – русский самовар с надписью: «*Международное право*». Под карикатурой – подпись от имени России: « – *Пошел, пошел прочь отсюда, дрянной мальчишка! Тебя еще слишком рано, как оказывается, посадили за один стол с большими... Ты еще не умеешь вести себя как следует*»⁹. (Рис. 1).

После революции 1905 г. объектом сатиры станут новые образы новых врагов. Образ же японца как противника запомнится причудливой смесью наивной воинственности, ребячливого хвастовства и подростковой агрессивности, фиксируя эйджистские стратегии¹⁰ сатириков в продвижении этого образа. При этом *расовый* оттенок проанализированных публикаций так же отличался от тогдашних европейских *расистских* теорий, как различаются в русском языке прилагательные «*имперский*» и «*империалистический*». Желтолицый японец иногда виделся «недочеловеком», но не по природной неполноценности,

а по *цивилизационно-возрастному* признаку, усугубленному влиянием западных «наставников».

Следующий крупный конфликт – Первая мировая война – принципиально изменит на время образ Японии и «японца» в восприятии сатириков. Годы, предшествовавшие этому глобальному конфликту, будут ознаменованы важными процессами, смысл которых современный исследователь Я.А. Шулатов охарактеризовал как «путь от состояния конфронтации к сотрудничеству»¹¹. Поразительная – по меркам истории – скорость внешнеполитических перемен в отношениях двух государств, приведшая к тому, что «во время Первой мировой войны Японская империя стала одним из основных поставщиков вооружений и снаряжения для российской армии, в т. ч. винтовок, патронов, снарядов, орудий и т. д.»¹², привела к подписанию летом 1916 г. четвертого российско-японского соглашения, носившего характер союзного договора. Символическим совпадением можно назвать в этом смысле появившуюся в это же время работу художника мастерской Карла Фаберже А.К. Денисова-Уральского, создавшего в период Первой мировой войны серию скульптурных аллегорий – изображений противников и союзников России. Воплощенный в самоцветных камнях и драгоценных металлах маленький, но гордый воробышек-победитель, попирающий лапками отрубленную руку в рыцарской перчатке (символ потери германским «тевтонским рыцарем» порта Циндао в ходе успешной операции в октябре 1914 г.), стал в России едва ли не единственным позитивным образом японца в первой половине XX в.¹³ Эта скульптурка точно воплотила целый образный ряд восприятия российскими сатириками роли Японии в глобальном столкновении наций и империй. Однако подобное настроение и подпитывавшая их военно-политическая реальность просуществовали недолго.

Революция в России, спровоцированная Первой мировой войной, в очередной раз изменила геополитическую ситуацию и вызвала японскую интервенцию 1918–1922 гг. на Дальнем Востоке. Инструментами критики со стороны большевиков закономерно становятся обвинения в *империалистическом* характере политики Японии в отношении молодой республики Советов, должныствующие пробудить классовую неприязнь к японцу-агрессору. Неизбежно начинается и определенная перекодировка образа японца как врага: пролетарский интернационализм идеологии большевизма не предполагал задействования этнических стереотипов в трактовке негативных свойств противника. В «Окнах РОСТА» зубастый, злобный японец выступит прежде всего представителем «классового врага» – мирового империализма, а не иной расы и веры.

В конце 20-х гг. в сатирической печати начнут превалировать ноты осуждения агрессивной политики Японии в Азии, инспирируемой нажимом западных держав. Типичная карикатура эпохи – «*И еще о гуманной политике Англии в Китае*». Японский военный под надзором англичанина душит китайца-пациента «*тихого пансиона*», в котором пребывают (в дрёме) и другие представители восточных народов. При этом англичанин, опасаясь «пробуждения Востока», предупреждает: «*Да тише вы душите... черт! Ведь он же заорет – всех соседей разбудит!*»¹⁴. (Рис. 2).

Следующая эпоха – локальных войн и конфликтов 1930-х – реанимирует образ японца как коварного агрессора и захватчика – в отношении прежде всего Советского Союза. Идеоцентричность сталинского режима, зафиксировавшего в 1936 г. «построение социализма в основном», диктовала особое внимание к формам, методам и стилистике критики противника – строго в рамках марксистско-ленинской парадигмы. Японские провокации лишней

раз подпитывали официальный идеологический дискурс «советской страны в кольце врагов». Тем более в условиях нарастания международной напряженности, предварившей вступление мира во Вторую мировую войну.

Очередным всплеском жесткой сатиры на японца вполне закономерно будет отмечен конец 1930-х гг. Победно завершившиеся, но тревожные для Советского Союза инциденты в Приморье у озера Хасан в 1938-м и у реки Халхин-Гол в 1939 г. вносят ряд изменений в характер негативно-сатирической трактовки «японца» и Японии. К этому времени советская сатира уже сформируется как один из передовых идеологических отрядов борьбы с «классовыми врагами». Флагман жанра, журнал «Крокодил», как и другие советские издания, преуспеет в создании более прописанного, стилистически и содержательно оформленного, идеологически обоснованного образа «японца-агрессора»¹⁵.

Согласимся с исследователем Ю.С. Костылёвым, на материале тогдашней советской прессы подметившим, что именно в конце 30-х сатирическое использование лексемы *самурай* в адрес японца становится «более удачным с пропагандистской точки зрения, поскольку он (...) подчеркивает – через принадлежность его к “военной касте” – его природную агрессивность и опасность. Этим можно объяснить высокую частотность этой лексемы: в текстах встретилось 93 случая употребления слова *самурай*, это ведущий способ характеристики японцев»¹⁶.

Газета «Правда» сопровождает карикатуры на «*японскую военищину*» (характерное словосочетание момента, ставшее впоследствии устойчивым в адрес и других противников) вполне определенным уподоблением милитаристской Японии гитлеровской Германии и фашистской Италии (с отсылками к Антикоминтерновскому пакту 1936 г.): «*Кровавые фашистские бандиты готовят войну против*

СССР»¹⁷. С эпохой же Русско-японской войны советскую сатиру 1930-х гг. роднила стратегия показа «японца» как амбициозного, но неосмотрительного (вплоть до безумия!) игрока на мировой арене, обреченного на поражение именно в связи с непродуманностью своей агрессии. И в этом смысле отпор японским притязаниям в Приморье трактовался как начало воздаяния «японцу» за поражение при Цусиме и под Мукденом.

Однако апогеем формирования образа японца как врага в советской сатире и пропаганде в целом стала война Советского Союза с Японией в августе 1945 г., завершившая эпопею Второй мировой. Стратегии продвижения обновленного образа Японии и «японца» были продиктованы особыми обстоятельствами момента. В этот раз инициатива начала войны принадлежала не Японии, а СССР в соответствии с его и союзническими обязательствами. Разгром Квантунской армии и поражение Японии стали поводом говорить об *исторической справедливости*, смывшей позор дальневосточного поражения России сорокалетней давности. За десятилетия устоявшийся в «культурных депо» массового сознания стереотип «японца» как извечного *агрессора и захватчика* в полной мере реализовался в эпоху Второй мировой войны, служа обоснованием военных действий СССР в 1945 г. против милитаристской Японии¹⁸.

Однако уже с самого начала войны японские мотивы появились и заняли свое место в советской сатире, в чем-то продолжая традицию отечественной критики захватнических устремлений Японии, а в чем-то – свидетельствуя о новациях в сатирической трактовке этого «врага с Востока». Отметим: встречавшиеся тогда звериные – крысино-собачьи – личины «японца» не были в карикатуре той эпохи чем-то специфически «японским»: в тех же зооморфных клише параллельно изображались и другие государства

оси. К тому же зоомотивы если и присутствовали, то, как правило, в сатирических рисунках, а не в текстах. Сама же Япония представала прежде всего не только как участник, но и как жертва союза с гитлеровской Германией. Это родило в принципе стратегии дореволюционных и советских сатириков: Япония как «враг с Востока» и в этот раз трактуется как жертва «врага с Запада».

Так, на карикатуре классика советского сатирического рисунка Бориса Ефимова – «*Неустойчивое равновесие*» – маленький испуганный японец в компании других союзников под предводительством Гитлера с трудом сохраняет равновесие, балансируя на бомбе с дымящимся запалом, которая с неизбежностью катится под гору – в пропасть¹⁹. На другой карикатуре – «*Фашистская таратайка*» – японец исполняет роль пристяжной в квадриге других государств – членов Оси, подгоняемых управляющим колесницей Адольфом Гитлером²⁰. (Рис. 3).

Советская сатира времен Второй мировой войны откачивается от простоватого тона грубой ругани эпохи боев на озере Хасан и приступает к созданию более тщательно проработанного образа противника с Дальнего Востока, образу, подчеркивающему значение, масштабность и героизм финальной победы над врагом. Предсказание будущего разгрома Квантунской армии находим на рисунке художника И. Семёнова «*Смертельный номер*»: японец вместе с другими «гитлеровскими пособниками» пытается избежать своей участи – сгореть в огне катастрофы, спровоцированной Гитлером и союзничеством Японии с Германией. Обыгрывая двойное значение слова *блок*, художник изображает японца, растерявшего свою воинственность, висющим на блочной конструкции в качестве противовеса другим своим союзникам по гитлеровскому блоку²¹. (Рис. 4).

Летом 1945 г. с полотен плакатов и со страниц печати – и в героическом, и в сатирическом ключе – уверенно зазвучали вскоре сбывшиеся предсказания: «*Японский агрессор будет разгромлен*», «*Навсегда отучим японцев от разбоя*», «*Японский агрессор полностью разделит участь разгромленной и поставленной на колени гитлеровской Германии*»²² и пр. Лучшие силы советской сатирической карикатуры (Кукрыниксы, Борис Ефимов и др.) на короткий период августа–сентября 1945-го сделали своим главным персонажем японца, поверженного советским воином. Клишированный образ воинственного *самурая* теперь использовался не с глумливым оттенком превосходства, а с учетом глубины исторической ретроспекции, позволявшей говорить о значительной победе над опасным, воинственным врагом. Извечная воинственность *самурая* в новую эпоху приобретала в трактовке пропагандистов и сатириков новый масштаб агрессивности: речь уже шла о «*японском разбойничьем империализме*»²³ и о Японии как государстве «*фашизированных империалистов*»²⁴.

Вместе с клишированным образом *самурая* в карикатуре встречаем обыгрывание и других маркёров японской инаковости, устоявшихся в критическом репертуаре отечественной сатиры с начала XX в. К примеру: *гейша*, *веер*, *кимоно*. Так, на одной из обложек «Крокодила» известный художник-сатирик Л. Сойфертис не без некоторого изящества изобразил сцену урока в школе гейш («*Урок японцам*»). На вопрос старого учителя: «*Что такое остров?*», – просвещенная недавними событиями ученица с грустной покорностью отвечает: «*Часть суши, со всех сторон окруженная противниками*»²⁵.

Еще одна обложечная карикатура «Крокодила» на японскую тему под названием «*Что осталось от мечтаний о великой восточной империи?*» своей стилистикой

и образным языком уподобляется жанру плаката. На первом рисунке изображен традиционный японский веер с нарисованной на нем картой планируемых японских завоеваний – ни много ни мало весь Евразийский материк плюс Аляска. На другом рисунке видим тот же веер порванным, а из-за оголенных спиц его выглядывает злобное лицо *самурая*: с гримасой злобы и разочарования он косится на крошечные Японские острова²⁶. (Рис. 5).

Осуждение Японии за несамостоятельность, опрометчивость, непродуманность выбора союзников в очередной мировой войне постоянно присутствовало на страницах сатирических изданий – и как веское основание для воздаяния воинственным, но незадачливым *самураям*, и как предупреждение народам Азии об извечных захватнических «привычках» их островного соседа. В этом смысле победа над «японским милитаризмом» трактуется пропагандистами не только как заслуга Советского Союза, но и как «великая победа всех свободолюбивых народов»²⁷. Характерный рисунок момента (автор – художник Л. Бродаты) под названием «*Последний рейс. Слезай! Приехали!*»: китайский рикша под ободряющие улыбки соотечественников сбрасывает на землю своего седока – японского офицера. Примечательно, что действие происходит на улице дальневосточного городка, в который победно входит советская автоколонна, приветствуемая местными жителями²⁸. (Рис. 6).

Пожалуй, именно в этих форматах идейно-сатирической риторики в тот период концентрировалась, собственно, «японскость» (экзотичность) образа японца как врага. В остальных случаях, как правило, присутствовали вненациональные, идеологически универсальные (в своей негативной коннотации) обвинения японца как *агрессора*, *провокатора*, *наглеца* и *пособника фашизма*. Не жалкий и мелкий, но сильный и опасный враг, достойный противник, потерпевший

сокрушительное поражение от советского оружия, возникает в сатирических работах августа–сентября 1945 г., свидетельствуя о кардинальной перекодировке образа противника в советской пропаганде той эпохи. В этот же ряд можно поставить и рисунок художника И. Семенова «*За туалетом*». В зеркало смотрится улыбающийся земной шар – он с удовольствием сбрасывает с себя остатки щетины – свастики. Последние кривые «колючки» этого фашистского знака острая бритва с изображением флагов стран – участниц Антигитлеровской коалиции счищает как раз с Японских островов, бакенбардами обрамляющих лицо планеты, освеженное гигиенической «процедурой»²⁹. (Рис. 7).

С этого момента тема воздаяния «японской военщине» сменяется иной политической актуальностью, размывая критическую монолитность этого образа вражды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Формы и механизмы отработки образа японца как врага в разные эпохи проанализированы в работах: Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М., 1996; Воробьева Э.А. Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы Русско-японской войны: сравнительный анализ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Том 6. Вып. 1: История. С. 159–163; Костылев Ю.С. Образ японца в советской массовой печати // Политическая лингвистика. Вып. (1)21. Екатеринбург, 2007. С. 44–45; Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании 1931–1939 гг. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2009.

2. В качестве основных источников по теме рассмотрен комплекс публикаций на тему Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также локальных конфликтов 1930-х и войны Советского Союза с Японией в 1945 г. в популярных юмористических изданиях «Осколки», «Будильник» (журналы были рассчитаны на городского обывателя; этим своим «среднестатистическим» адресатом они и представляют особый интерес, поскольку позволяют проникнуть в тематику и общие настроения сатиры для массового потребления), «Крокодил» (флагман идеологически выдержанной советской сатиры), «Бегемот», с привлечением материалов сатирических разделов газеты «Правда». Важным вспомогательным источником для данной работы стали частично уже откомментированные исследователями, но требующие, на наш взгляд, некоторого переосмысления плакаты на военную тему. В ряде работ дореволюционные плакаты называют «лубками», имея в виду художественные приемы стилизации под народный лубок, присущие изображениям на части подобных плакатов (см., к примеру: Yu. Mikhailova. Images of Enemy and Self: Russian Popular Prints of the Russo-Japanese War. Acta Slavica Iaponica. V. 16. 1998; S. Norris. Russian Images of War. The Lubok and Wartime Culture, 1812–1917. (Ph.D Thesis: Univ. of Virginia, 2002).
3. The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden – Boston. Brill., 2005.
4. См., к примеру, указанные выше работы Ю. Михайловой и С. Норриса, особо подчеркивающие расовый аспект формирования образа японца как врага, исходя из выборки использованных ими источников.
5. Осколки. 1904. № 28. С. 5.
6. Осколки. 1904. № 34. С. 5.
7. Подробнее см.: Филиппова Т.А. Враг с Востока. Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012. С. 40–100.
8. Осколки. 1904. № 25. С. 2.
9. Осколки. 1904. № 29. С. 1.
10. См. подробнее: Филиппова Т.А. Враг с Востока. Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. С. 62–77.
11. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск – Москва, 2008. С. 6–7.
12. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. С. 250.

13. Данный экспонат является частью коллекции аллегорических фигур «*Воюющие державы*», патриотической серии, созданной художником А.К. Денисовым-Уральским в Петрограде? В мастерской Карла Фаберже. Долгое время она считалась утерянной или вымыслом. В настоящее время хранится в Пермской государственной художественной галерее. (Подробнее см.: Мунтян Т.Н. Патриотическое искусство А.К. Денисова-Уральского // Антиквариат. 2006. № 6. Она же. Самоцветные богатства России. Фаберже и Денисов-Уральский // Карл Фаберже и мастера камнерезного дела. Самоцветные сокровища России. М., 2011.)
14. Бегемот. 1927. № 11. С. 8.
15. О закономерностях развития образа японца в тот период см.: Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании 1931–1939 гг. Автореф. ...канд. ист. наук. М., 2009.
16. Костылев Ю.С. Образ японца в советской массовой печати // Политическая лингвистика. Вып. (1)21. Екатеринбург, 2007. С. 44–45.
17. Правда. 12.08.1938.
18. Намекая на внезапное нападение японцев на Порт-Артур, положившее начало Русско-японской войне 1904 года, в газете «Правда» (3.09.1945) говорилось: «Через тридцать семь лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в конце сорок первого года напала на военно-морскую базу США в Пёрл-Харборе».
19. Крокодил. 1942. № 12.
20. Крокодил. 1944. № 18.
21. Крокодил. 1944. № 32.
22. Правда. 10.08.1945.
23. Правда. 13.08.1945.
24. Правда. 25.08.1945.
25. Крокодил. 1945. № 28.
26. Крокодил. 1945. № 30.
27. Правда. 25.08.1945.
28. Крокодил. 1945. № 29.
29. Крокодил. 1945. № 27.

Транзит через Африку. Репатриация бывших советских военнопленных в 1944 – начале 1945 г.

Вторая мировая война не обошла стороной и Африку. С 13 сентября 1940 г. по 13 мая 1943 г. на севере континента союзники по антигитлеровской коалиции вели военные действия против войск держав фашистской оси. Разгромив противника, Англия и США использовали затем Северную Африку как плацдарм для открытия второго фронта на юге Европы. В июле–августе 1943 г. союзники захватили итальянский остров Сицилия, а 3 сентября начали высадку десанта в континентальной Италии. К началу 1944 г. они освободили всю Южную Италию и остановились на хорошо укрепленном фашистами рубеже Кассино – Ортона, в 120 км южнее Рима.

По мере продвижения на север войска союзников освобождали военнопленных различных национальностей. Были среди них и советские люди. Поскольку отправить их на родину кратчайшим путем из-за продолжения военных действий было невозможно, британские власти приняли решение доставить бывших военнопленных сначала из Италии в Египет, а затем уже репатриировать их оттуда через страны Ближнего Востока и Иран. К середине 1944 г. накопился уже немалый опыт использования территории Египта в качестве перевалочной базы репатриации граждан СССР.

По данным советской дипломатической миссии в Каире¹, с октября 1943 г. по июнь 1944 г. из Египта в Иран и далее в Советский Союз были отправлены 610 человек². Откуда их доставили в Египет, из документа неясно. Первая группа в составе 63 человек отбыла на родину 12 октября 1943-го. Скорее всего, они прибыли в Египет из Туниса: освобожденные там в мае союзниками бывшие советские военнопленные, а также бойцы испанских интербригад, отступившие на территорию Франции после поражения республиканцев и сосланные вишистами в Алжир³. Последующие группы, отправленные в Иран (75 человек 5 февраля, 72 человека 23 марта и 400 человек 19 июля 1944 г.)⁴, почти наверняка были доставлены с юга Италии.

В конце мая 1944 г., после нескольких неудачных попыток союзники наконец прорвали оборону противника на линии Кассино – Ортона и начали продвигаться на север. 4 июня они освободили Рим. После этого бывшие советские военнопленные стали прибывать из Италии в Египет в массовом порядке. 8 июля 1944 г. в Порт-Саид из порта Таранто на юге Италии доставили группу бывших советских военнопленных в составе 1997 человек. Они находились во власовских частях и немецких трудовых батальонах, а затем были переброшены немцами на итальянский фронт. Все сдались союзникам добровольно и потребовали отправки в СССР⁵. Разместили эту группу в транзитном лагере № 307, расположенном в местечке Джинейфа (Гинейфа), на берегу Большого Горького озера в южной части Суэцкого канала, к которому примыкал лагерь с немецкими военнопленными. Поначалу английское командование отнеслось к вновь прибывшим так же, как и к их соседям. Это вызвало энергичные протесты бывших красноармейцев, которые потребовали от администрации лагеря немедленно снять часовых, отказались от формы одежды немецких военнопленных и вообще

протестовали против размещения их рядом и на одинаковых условиях с немецкими военнопленными, «подкрепив свои требования отказом от пищи и постельных принадлежностей», – сообщила в Москву советская дипмиссия в Каире⁶.

Протесты, поддержанные советскими дипломатами, возымели действие. Англичане стали относиться к нашим военнопленным как к освобожденным с помощью союзной армии. Охрана лагеря была снята, его обитателям выдали английскую военную форму. Они были разбиты на взводы, роты и батальоны и подчинены выделенным из их же среды командирам⁷. «За несколько дней до отправки военнопленных, якобы по указанию, полученному из Лондона, английские военные власти потребовали от военнопленных письменного заявления об их желании отправиться на родину, – сообщила в Москву советская миссия. – В результате такого опроса 14 человек из 1997 военнопленных отказались вернуться на Родину»⁸. Их оставили в немецком лагере. С 3 по 6 августа военнопленные тремя группами в числе 1980 человек (трое находились в госпитале) были отправлены в Тегеран⁹. Из документов неясно, каким маршрутом они следовали. Предыдущие, сравнительно небольшие, группы отправляли обычно грузовиками через Палестину в Багдад (иногда сначала по железной дороге до Яффы), а оттуда по железной дороге через Басру и Тегеран в Бендер-Шах на берегу Каспийского моря, где они ожидали отправки непосредственно на родину¹⁰.

В конце августа в лагерь № 307 прибыла из Италии еще одна большая группа бывших советских военнопленных в составе 2289 человек¹¹. 4 и 5 октября – еще 2061 человек. Примечательно, что в этой группе, согласно сообщению британского посольства, находились 80 человек, сражавшихся вместе с итальянскими партизанами¹². Поток репатриантов явно нарастал, и в Москве было принято решение направить

в советскую миссию в Каир офицера связи по делам репатриации майора Анисима Карасова. В середине октября он прибыл в Египет¹³. Азербайджанский писатель Сулейман Велиев, репатриированный из Италии через Египет, в своих воспоминаниях так характеризовал Карасова: «Он принадлежал к числу тех людей, которые сразу располагали к себе. В выражении лица, глаз удивительно сочетались сосредоточенность, строгость с приветливостью. С первого же знакомства Анисим Васильевич завоевал наши симпатии». Когда репатрианты покидали Египет, Карасов дал некоторым из них свой московский адрес. В 1955 г. Велиев во время поездки в Москву встречался с Карасовым, между ними завязалась переписка¹⁴.

С переходом Красной Армии границ СССР и переносом военных действий в Восточную Европу число освобожденных из плена стало расти как снежный ком. Их содержание и репатриация представляли собой отдельную задачу, которую действующая армия решить не могла. Поэтому 23 октября 1944 г. Совнарком принял решение о создании специального органа – Управления уполномоченного при СНК СССР по делам военнопленных и интернированных¹⁵. Управление, в свою очередь, сформировало несколько миссий по репатриации, направленных в государства, на территории которых военные действия уже кончились или подходили к концу. В Египет такая миссия прибыла лишь в январе 1945 г.

Тем временем военнопленных продолжали доставлять в Египет. Часть из них до октября 1944 г. размещали в транзитном лагере № 190 в местечке Сиди-Бишр в окрестностях Александрии. Через него прошли 650 человек¹⁶. Вероятно, это был тот же самый лагерь, состоявший из бараков, в котором в 1920–1922 гг. обитали русские беженцы¹⁷. Остальных направляли в палаточный лагерь № 307 в Джинейфе

и лагерь № 157, тоже палаточный, находившийся в 3 км западнее Суэца¹⁸. До конца 1944 г. в лагерь № 307 прибыли из Италии и частично из Франции 7273 человека, в лагерь № 157–2575 человек из Италии и Крита¹⁹. Таким образом, общее число прошедших через Египет начиная с июля 1944 г. составило почти 10,5 тыс. человек. Не обошлось и без потерь. 8 октября в главном британском госпитале скончался рядовой У. Зимберинг. Причина смерти: депрессия, помешательство, психоз, перелом большой берцовой кости²⁰. А 20 октября в том же госпитале умер сержант Е. Красин. Диагноз – закупорка мозговой артерии с размягчением мозга и кровоизлияние в боковой желудочек²¹. Оба похоронены на английском военном кладбище в Восточной Кантаре²². С. Велиев упомянул о том, что один человек в их лагере № 307 покончил жизнь самоубийством²³. Однако ни его имя, ни место захоронения неизвестны.

Воспоминания Сулеймана Велиева содержат интересные свидетельства того, какова была обстановка в транзитном лагере № 307. В день прибытия военнопленных в лагерь из них при участии майора Карасова был сформирован полк. 7 ноября личный состав полка устроил военный парад на плацу перед штабом по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Немцы из соседнего лагеря кричали и бросали в участников парада камнями. Карасов отправился к коменданту немецкого лагеря, и через несколько минут пленные успокоились. После парада состоялся концерт художественной самодеятельности. Такие концерты, как и литературные вечера, устраивались потом каждое воскресенье. Выпускалась и стенгазета²⁴. Поскольку военнопленным пришлось ждать транспорта на родину до трех месяцев и даже больше, то, как указывалось в письме советской миссии в Управление по репатриации от 16 декабря 1944 г., «встает вопрос о необходимости постоянного обслуживания

этих лагерей культурно-массовыми мероприятиями». Миссия попросила присылать хотя бы по 10 экз. газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», минимум по 5 экз. журналов «Война и рабочий класс», «Огонек», «Крокодил», а также по библиотечке в каждый лагерь. Предлагалось прислать еще и кинопередвижку, направить концертные бригады, которые можно было бы использовать и для выступлений перед египтянами. На письме стояла резолюция: «Исполнено 29.12»²⁵.

А вот любопытное свидетельство возникшей проблемы несколько иного характера. Из письма заместителя Наркоминдел С. Кавтарадзе председателю Комиссии по репатриации Ф. Голикову от 15 декабря 1944 г.: «Как известно, из Египта до Тегерана наши военнопленные сопровождаются представителями английского командования и обслуживающей командой. Члены этой команды, возвращаясь в Египет и общаясь здесь с новыми партиями наших военнопленных, рассказывают последним о том, как встречают военнопленных представители советского командования в Ираке. По имеющимся у нас сведениям, в то время как англичане на всем пути следования, а особенно в таких крупных пунктах, как Хайфа, Дамаск и Багдад, нарочно устраивают для наших военнопленных гостеприимные встречи, вплоть до устройства банкетов офицерскому составу, представители советского командования принимают наших военных несколько сухо, неприветливо, без наставительных речей; иногда же, сразу на виду у англичан окружают военнопленных конвойной командой и уводят их в наши лагеря как арестованных.

Эти факты используются англичанами для антисоветской агитации среди последующих групп военнопленных в целях вербовки на английскую службу наиболее податливых.

В связи с вышеизложенным было бы целесообразно дать соответствующие указания в Иран о необходимости несколько перестроить процедуру приема наших военнопленных». На письме резолюция: «Для срочного исполнения». Подпись неразборчива²⁶.

Союзники, в первую очередь офицеры из польской армии Андерса, вели среди наших военнослужащих агитацию, пугая ссылкой в Сибирь и убеждая отказаться от возвращения. Факты такой агитации документально засвидетельствованы. 17 февраля 1945 г. советская миссия в Каире даже направила в посольство Великобритании ноту протеста против действий агитаторов-поляков²⁷. Упомянул о таких попытках в своих воспоминаниях и Сулейман Велиев. По его словам, успеха они не имели²⁸. И все же среди тысяч наших соотечественников находились десятки, категорически отказывавшиеся возвращаться на родину. По-видимому, это были в основном люди, запятнавшие себя сотрудничеством с фашистами. Таких отправляли под конвоем. Иногда по пути им удавалось бежать. «При конвоировании особой группы людей из Каира в Баку (по списку, сообщенному т. Днепровым на 43 человека) бежало по вине англичан 12 человек (двое при следовании на Багдад и десять во время переброски поездом из Багдада в Басру)», – сообщила 30 октября 1944 г. в Москву советская миссия²⁹. Из 2500 человек, отправленных 16 декабря из Таранто в Порт-Саид, 20 человек находились под конвоем³⁰.

Военнопленные, отправлявшиеся из Египта как по суше, так и по морю, прибывали в иракский город Басра. Их встречали советские представители. Западнее Басры в конце 1944 г. был оборудован специальный лагерь под названием «Шайба». В этом лагере они задерживались на срок до 6 суток для регистрации, дообмундирования и санобработки. Лагерь был оборудован палатками на 10–12 человек.

Из Басры отправлялись по железной дороге в Бендер-Шах. В дороге англичане выдавали сухой паек. По пути в Тегеран делались остановки для приема горячей пищи. Типичное меню, по данным советских представителей, выглядело следующим образом. Завтрак: каша, копченая свиная грудинка, сосиски, хлеб, чай, масло, варенье. Обед: жареное мясо или тушенка, картофельное пюре и овощи, фрукты, чай и хлеб. Ужин: мясные оладьи, луковые и картофельные котлеты, тартинки с вареньем, чай, хлеб и сыр. В Тегеране поезд останавливался всего на 3–4 часа (обед, переучет и получение в генконсульстве виз на въезд в СССР). В Бендер-Шахе же, в специальном лагере, возвращавшиеся 5–6 суток ожидали паром на Баку³¹.

Всего на 24 января 1945 г. от английского командования были приняты в Басре 13527 человек, отправлены в СССР 13496. Один человек умер³², 6 человек не получили виз, 24 больных были оставлены в госпиталях³³. Разница с числом военнопленных, отправленных из Египта, образовалась из-за того, что часть их доставили в Басру морем непосредственно из Италии и Франции. 24 января 1945 г. в Каир прибыла советская миссия по репатриации в составе 10 человек, включая трех переводчиков. Начальник миссии – полковник Михаил Ставров; 11-м членом в нее был включен помощником начальника Анисим Карасов – уже в звании подполковника³⁴. Осмотрев лагерь, начальник миссии направил 8 февраля в Москву подробный доклад. Он сообщил, что 2 февраля из лагеря № 307 были отправлены в Иран 1089 человек, и в нем остались всего 89 репатриантов. Распорядок дня – как в войсковой части: подъем в 6.00, отбой в 22.30, два часа в день строевых занятий. Бывшие советские военнопленные размещались в палатках по 10–12 человек. Каждому из них были выданы по три одеяла; спали на земле. Качество обмундирования миссия нашла удовлетворительным³⁵.

Намного больше военнопленных содержалось в лагере № 157. Они образовали полк из 13 рот общей численностью 2575 человек. Распорядок дня такой же, как в лагере № 307. Те же палатки, то же отсутствие постелей – одни одеяла. Но в отличие от 307-го, этот лагерь не был огорожен и не имел нежелательных соседей. Питание, по оценкам членов миссии, было доброкачественное. Репатрианты получали денежное содержание: офицеры по 5 египетских фунтов в месяц, остальные – по 1 фунту³⁶. Вопрос о денежном содержании военнопленных советская миссия поднимала перед британским посольством еще осенью. В ноте от 18 октября отмечалось, что все они «на основании существующих соглашений» должны получать питание, обмундирование и денежное пособие «по нормам Ех.Р.В.»³⁷. С питанием и обмундированием проблем не было, выплата же денежного пособия задерживалась, о чем советская миссия уведомила англичан в ноте от 24 ноября³⁸. Видимо, с нового года, когда основная масса возвращающихся уже была отправлена на родину, британские власти и начали выплату денежного пособия.

В обоих лагерях кипела культурно-воспитательная работа. «Силами военнопленных делались доклады на различные политические темы, читались лекции о классиках русской литературы Горьком, Пушкине, Толстом, – отмечалось в докладе. – Лекции и доклады проводили имеющие специальное образование по данной отрасли. Конспекты докладов на политические темы составлялись коллективно. Большое место занимает художественная самодеятельность. В лагерях 157 и 307 организованы группы художественной самодеятельности по 20–25 человек в каждом батальоне. Кружки хоровые, драматические, струнные, декламаторы, физкультурные, гармонисты, фокусники. Имеются струнные оркестры (по 4–5 инструментов), причем один кавказский

и русский. В русском оркестре инструменты сделаны самими военнопленными. Выступления пользуются большим успехом»³⁹. О настроениях обитателей лагерей в докладе говорилось: «Вся масса, за исключением отдельных, выражает одно желание – “скорее на родину”». Некоторые предлагали даже отправиться пешком в Тегеран, другие – провести в Каире демонстрацию у английского штаба с требованием скорее отправить их из Египта». Интересно, что, как отмечалось в докладе, в лагере № 157 до 50% состава лиц, «принимавших то или иное участие на стороне немецкой армии. Отдельные из них награждены “железными крестами”»⁴⁰.

Лагерь № 157 не охранялся, его можно было свободно покидать. По данным доклада, в самовольную отлучку отправились в разное время 95 человек – то ли чтобы избежать репатриации, то ли, напротив, чтобы попытаться поскорее самостоятельно выбраться из Египта, а возможно, и чтобы просто «проветриться». 57 из них вернулись в лагерь⁴¹. Если лагерь № 157 более или менее соответствовал своему предназначению транзитного места для бывших советских военнопленных (если не считать отсутствия постелей), то лагерь № 307, как уже отмечалось, сразу вызвал нарекания. 24 ноября 1944 г. советская дипломатическая миссия поставила перед британским посольством вопрос об устройстве специального лагеря для репатриантов, поскольку лагерь № 307 «по своему внутреннему техническому устройству и режиму предназначен для содержания военнопленных вражеских армий»⁴².

В феврале 1945 г. организация такого лагеря была закончена. Он располагался в местечке Бени-Юсеф, в 10 км к юго-западу от Каира. Туда были переведены обитатели обоих лагерей – всего 2658 человек. Больше половины из них размещались в бараках, остальные – в палатках. Лагерь был добротнo оборудован кухнями, столовыми,

душевыми. В нем был открытый театр на 1200 мест, кинозал на 850 мест, волейбольные площадки, футбольное поле⁴³. Но функционировал лагерь в Бени-Юсеф недолго. 24 марта из Порт-Саида в Одессу отбыл пароход, на борту которого находились 2640 военнопленных⁴⁴. Что это был за пароход, в архивных документах не указано. В Египте остались лишь четверо – двое в госпитале и двое (шофер и повар) в распоряжении миссии по репатриации⁴⁵. «После отправки 24.3.45 последней транзитной партии в количестве 2640 человек в Советский Союз бывшие советские военнопленные больше транзитом в Египет не прибывали», – докладывал в Москву 29 сентября 1945 г. подполковник Карасов⁴⁶.

К началу 1945 г. Средиземное море стало безопасным для судов союзников, и начальник Управления по репатриации генерал-полковник Ф. И. Голиков поставил вопрос о том, что репатриацию из Южной Европы можно уже проводить нашими судами напрямую через Черное море, а не направлять бывших военнопленных сначала в Египет⁴⁷. В апреле 1945 г. британское командование сообщило, что на подконтрольной ему территории Ближнего Востока больше нет советских граждан, нуждающихся в возвращении на родину. И в мае Управление по репатриации закрыло приемные пункты в Тегеране и Баку и сборно-пересыльный пункт в Бендер-Шахе⁴⁸. Тем самым транзитный коридор для возвращения на родину из Европы бывших советских военнопленных через Африку и Азию, которым воспользовались тысячи наших соотечественников, перестал существовать.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Когда я знакомился с документами, на основе которых написана эта статья (дела из описи 6 фонда 9526 были рассекречены лишь в 2012 г.), то в первую очередь обратил внимание на практически единодушное стремление военнопленных поскорее вернуться на родину. А ведь среди них было немало тех, кто

Положение пленных.

Роль русской эмиграции во Второй мировой войне

входил во власовские части! Эти люди не могли не понимать, что родина не встретит их цветами, что за свое сотрудничество с врагом им придется отвечать по всей строгости законов военного времени. И все же они рвались в Советский Союз, возможно надеясь на то, что им удастся как-то объяснить свои поступки, что Родина-мать простит своих заблудших сыновей...

Английское военное кладбище в Восточной Кантаре. *Фото автора*

Могила В. Зимберинга. *Фото автора*

Могила Е. Красина. *Фото автора*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Согласно англо-египетскому договору 1936 г., только Великобритания имела право учредить в Египте свое посольство. Остальные государства должны были быть представлены лишь дипломатическими миссиями во главе с посланниками.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 9526. Опись 6. Дело 81. Л. 38.
3. О судьбе интербригадовцев и репатриации из Туниса см.: *Беляков В. Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945)*. М., 2010. С. 98–136.
4. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 81. Л. 38.
5. Там же. Дело 18. Л. 1.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. Л. 2–3.
9. Там же. Л. 2.
10. Беляков В. Указ. соч. С. 134–136.
11. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 18. Л. 22.
12. Там же. Л. 24.
13. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Фонд 087. Референтура по Египту. Опись 2. Папка 3. Дело 4. Л. 35.
14. Велиев С. Путь на родину. Воспоминания // Велиев С. Жемчужный дождь. М., 1963. С. 292, 302.
15. ГАРФ. Фонд 9526, обложка описи 1.
16. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 81. Л. 36.
17. См.: Беляков В.В. «Русский город» в Сиди-Бишр (1920–1922 гг.). По страницам журнала «На чужбине» // Восточный архив, № 13, 2005. С. 86–97; № 14–15, 2006. С. 113–121.
18. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 62. Л. 65.
19. Там же. Дело 81. Л. 37–38.
20. Там же. Дело 18. Л. 29.
21. Там же. Дело 81. Л. 8, 31.

22. На надгробии Красина ошибочно выбито: «Красси». Установить истинную фамилию автору удалось еще в 2002 г. благодаря архивным документам (АВПРФ. Фонд 087. Опись 2. Папка 5. Дело 31. Л. 23), о чем было сообщено в каирское представительство «Commonwealth War Graves Commission». Это учреждение отвечает за поддержание английских военных кладбищ по всему миру. Однако когда автор вновь побывал на этом кладбище в 2008 г., ошибка все еще не была исправлена.
23. Велиев С. Указ. соч. С. 298.
24. Там же. С. 291–303.
25. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 18. Л. 50.
26. Там же. Л. 19.
27. Там же. Дело 81. Л. 88–89.
28. Велиев С. Указ. соч. С. 296–298.
29. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 18. Л. 8.
30. Там же. Дело 62. Л. 22.
31. Там же. Дело 62. Л. 10, 16, 18, 29, 61.
32. По данным «Commonwealth War Graves Commission», на английском военном кладбище в Басре покоятся пять красноармейцев, самое позднее захоронение относится к январю 1944 г. Еще два красноармейца похоронены на военном кладбище Тегерана в феврале 1944 г. Список см.: Беляков, Владимир. Эль-Аламейн... С. 186.
33. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 62. Л. 22.
34. АВПРФ. Фонд 087. Опись 4. Папка 6. Дело 3. Л. 6; папка 8. Дело 47. Л. 5.
35. ГАРФ. Фонд 9526. Опись 6. Дело 62. Л. 65–69.
36. Там же. Л. 70–72.
37. Там же. Дело 18. Л. 39. Ex.P.W. (англ.) – бывшие военнопленные.
38. Там же. Л. 49.
39. Там же. Дело 62. Л. 72–73.
40. Там же. Л. 73–74.
41. Там же. Л. 76.
42. Там же. Дело 18. Л. 48.
43. Там же. Дело 81. Л. 105–106.
44. Там же. Л. 115.
45. Там же. Л. 118.
46. Там же. Л. 217.
47. Там же. Л. 12–13.
48. Там же. Л. 197.

Изменение настроений российской эмиграции в Китае после 22 июня 1941 г.

В Китае в первой половине XX в. наблюдалось совершенно уникальное явление – создание долгосрочного русского присутствия в стране. На территории чужого государства жило и работало большое число резидентов – граждан Российской империи, позднее – в течение и по окончании Гражданской войны – эмигрантов. Это были строители и инженеры Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), охранная стража и железнодорожная обслуга, жители городов и сел полосы отчуждения КВЖД, а также врачи, персонал госпиталей, учителя, преподаватели училищ, гимназий и профессора институтов. Здесь же оказались много служащих речного флота, казаков, военных, транспортных рабочих, большое число крестьян и сельскохозяйственных рабочих. После революции многие военные и гражданские лица, перейдя границу, оказались в пределах Маньчжурии, Монголии, а также в Китайском Туркестане (сегодня – Синьцзян-Уйгурском районе).

После заключения советско-китайского соглашения в 1924 г. многие бывшие российские подданные, в основном служащие КВЖД, вынуждены были перейти в советское гражданство, чтобы не потерять работу. Расселение русских после бегства из России осуществлялось по крупным городам и морским портам, весьма неравномерно, что имело

под собой исторические, культурные, религиозные основания. По различным оценкам, в Китае в разные годы проживало от 250 тыс. до 550 тыс. россиян. Китайский исследователь Александр Чжичэн Ван, автор книги «История русской эмиграции в Шанхае»¹, считает, что через Китай прошло от полумиллиона до 750 тыс. россиян, поскольку после Гражданской войны вплоть до начала 30-х гг. русско-китайская граница была на некоторых участках прозрачной. А владивостокский профессор Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) Владимир Федорович Печерица² считает, что Китай, скорее всего, с 1898 г. пережил за 30–35 лет еще более масштабное переселение россиян (до 950 тыс., то есть почти до 1 млн). Китай с этой точки зрения можно представить как огромную гигантскую воронку, через которую прибывали эмигрантские волны беженцев. Позднее появилась масса бежавших от советских колхозов крестьян и старообрядцев, а еще позднее – все несогласные с советской властью. Переждав опасности и голод, набравшись сил, беженцы оформляли визы в третьи страны и при малейшей возможности покидали Китай. Многие из живших здесь россиян избегали регистрации у властей либо принимали другое гражданство, переходили в китайское гражданство, некоторые принимали советское, от которого затем могли отказываться. Русские, как капли ртути, растекались по китайским городам и весям в поисках лучшей доли, предпочитая анклавные иностранные селтльментов и концессий, в которых легче было затеряться среди белого населения.

Многие из русских, находившихся в Маньчжурии, эмигрантами в полном смысле слова и не были, так как жили здесь с дореволюционных времен. Условно всю массу россиян можно разделить на эмигрантов и советских граждан, которые по договору 1924 г. по КВЖД имели право

служить на советской железной дороге в Китае или на кораблях Дальфлота, или в советских учреждениях – торговых, таможене, обслуживая консульства (не обязательно на дипломатической службе). Кроме того, в Китае было много промышленных добывающих предприятий, копей, деревообрабатывающих фабрик, типографий, транспортных средств того времени, маслобоен, обрабатывающей промышленности, поэтому всегда требовалась рабочая сила. И везде работу искали как советские граждане, так и эмигранты. На рынке труда они были конкурентами, а на идеологическом фронте – врагами. Политический спектр был весьма пестрым: одна часть поддерживала белое движение, надеясь на его скорую победу, другая симпатизировала советской власти, и как в любом нестабильном регионе, здесь скапливалось немало человеческого «материала» не самого высокого сорта. Не будем забывать, что Китай первой половины XX в. кишел шпионами разного толка, был наводнен агентурой разных разведок, и в идеологическом плане здесь имелось много партий, движений и групп, оппозиционных друг другу.

Белоэмигранты, найдя приют в Китае, опасались, что и к ним придет советская власть, о которой они знали из газет, в том числе через коммунистическую пропаганду. Эмигрантские газеты также добавляли масла в огонь, печатая как правду, так и всевозможные небывицы из советской жизни. Тем не менее, число советских граждан во второй половине 1920-х гг. возросло, к началу 1930-х гг. они составили уже условно около половины диаспоры. Впоследствии соотношение эмигрантов, граждан СССР и «китайцев» русского происхождения неоднократно менялось. Так, во время продажи КВЖД из 250-тысячной эмигрантско-советской колонии в СССР вернулись около 20 тыс. человек. Остальные предпочли выжидать.

Начало Второй мировой войны мало изменило жизнь россиян в Китае: активизировались военные кружки бывших военнослужащих, где разбирались ошибки и анализировались военные действия в Европе. Газеты помещали кричащие анонсы лекций военных «аналитиков», лучше других «знающих», как надо воевать. «Аналитиками» были в основном военные, проигравшие Гражданскую войну. Но вот наступило 22 июня 1941 г. Германия вероломно напала на СССР и целенаправленно продвигалась вглубь страны. Перед российской эмиграцией встал самый сложный выбор: необходимо было определить свою позицию по отношению к воюющим сторонам. Многочисленные партийные, политические, национально-конфессиональные группы русской эмиграции (грузинская, армянская, еврейская, тюрко-татарская и другие общины) условно разделились на оборонцев и пораженцев. Понятно, что перед всеми без исключения объединениями, союзами и кружками, общинами и диаспорами встал вопрос: как относиться к войне и что делать? Официозные газеты и военные, сотрудничающие с японской властью, считали поражение шагом к национальному возрождению былой России. В передовицах многих эмигрантских периодических изданий появились статьи, призывающие к поддержке фашистов: наконец, пришел благословенный день Великой кары небесной в лице героических защитников – гитлеровских войск, цель которых свергнуть коммунистический режим в Москве. И даже в современной эмигрантской литературе (в частности, в многочисленных публикациях в парижской газете «Русская мысль» в 1990-е гг.) весьма влиятельной была точка зрения исследователей (например, М.В. Назарова), которые отмечали, что большая часть занявших активную позицию эмигрантов встали на сторону Германии, надеясь на разгром большевиков и мечтали возвратиться на родину³. Эти голоса были первыми из обозначивших свою

позицию, они представляли собой как бы партию «взрослых», диктующих политические взгляды всей русской эмиграции.

Но были и те, кто считал своим священным долгом поддержать родину. Именно такую позицию заняли еженедельник «Шанхайский базар» Н. Ильиной и газета «Новая жизнь». Как ни странно, одним из первых «отрезвляющих» горячие головы членов партии войны стал голос А.Н. Вертинского. Именно в передовицах этих двух изданий прозвучали его слова о том, что это уже не теоретические изыски военных упражнений, а речь, между прочим, идет о нашей с вами Родине. Независимо от места происхождения Родина у человека одна, и предавать ее – все равно, что предавать могилы предков и землю праотцов. Он выступает в защиту Отечества, призывая быть активными, когда страна в опасности. Его слова «Что мы можем? Слать врагу проклятья» были наполнены патриотизмом и звали соотечественников встать на защиту родной земли. Вертинский участвует в радиопередачах ТАСС, «Голоса Родины», в «Клубе граждан СССР». Позднее он исполнит цикл песен на стихи П. Антокольского, А. Суркова и других советских поэтов.

Тогда резко активизировались именно советские граждане. В Шанхае и Харбине существовали «Клубы граждан СССР», кроме этого были созданы так называемые «Союзы возвращенцев». Примерно в это же время стали печататься газеты «На родину». С конца 1941 г. шанхайская журналистка и будущая писательница Н. Ильина сотрудничала с ТАСС, публиковала фельетоны и очерки в эмигрантской просоветской газете «Новая жизнь» (собраны в книге «Иными глазами: очерки шанхайской жизни», 1946), налаживала связи с «Союзом возвращенцев».

Этот почин было горячо поддержан молодежью. Большая часть эмигрантов мысленно была вместе с родиной, переживала войну как личную трагедию. Олег Лундстрем

рассказывал: «Для русских, кто жил в те годы за рубежом, нападение Германии на Советский Союз стало водоразделом. У одних это вызвало небывалое чувство патриотизма, у других – их было меньшинство – чувство злорадства. Большинство русских эмигрантов после начала Великой Отечественной войны целыми партиями приходили записываться в Советский клуб [“Клуб граждан СССР” и “Союз возвращенцев”. – Л.Ч.]. Тогда перелом в сознании произошел. – Все считали, что дело не в политических пристрастиях, а в том, что нужно защищать свою землю от врага».

В момент нападения Германии на СССР юные русские джазмены играли в Циндао в кафе и летних базах отдыха. В день трагических вестей с родины они немедленно отправились в Шанхай. Музыканты оркестра и другая молодежь в патриотическом порыве просились добровольцами на фронт. Собрались в «Клубе граждан СССР», написали заявления о желании идти на фронт. Заявления одно за другим приклеивали к другому заявлению, получился такой длинный-длинный свиток, огромный «папирус», под которым все подписались. Делегатом выбрали Олега Лундстрема (в Шанхае он уже был известным человеком), поехали в консульство. А там – очередь огромная от двери входной через мост до парка. Дождались приема. Консул Н.Г. Ерофеев, который музыкантам в 1937 г. отказал в просьбе вернуться в СССР, прочел бумагу: «Молодцы, патриоты! Только... скажи своим, что здесь вы нужней». Много позже О. Лундстрем и ребята-музыканты поймут, что отказ консульства отправить их на фронт спас им жизни, и они начали активно собирать средства для фронта. «Я не понял тогда, почему это так, – говорил Олег Леонидович, – но ничего не поделаешь. Раз Родине нужно, чтобы мы здесь были, – значит, так и надо». Началась активная работа по сбору средств для фронта⁴.

Так произошел настоящий раскол эмиграции не только на оборонцев и пораженцев, но и на консервативных «стариков» и «прогрессивную», стремящуюся помочь родине, молодежь. Почти каждого из эмигрантов мучил вопрос: «Возвращаться домой или остаться пока, повременить?». Не навсегда, на время. Для белоэмигрантов вопрос стоял жестче: навсегда отказаться от родины. Самые мудрые и дальновидные понимали, что вопрос стоит именно так. Но молодежь «горела» возвращением. Во время войны они распространяли газеты «На Родину» и «Новая жизнь». «Знаете, а ведь тогда, в августе сорок первого, я был в советском консульстве. Просился добровольцем на фронт», – признается Н. Ильиной ее старый друг Володя Кандауров⁵.

Когда стало понятно, что эмигрантов не будут посылать на фронт, многие решили: если нельзя на фронт, то тогда – хотя бы в знак солидарности с родиной – просить получения советского гражданства. Все хотели стать гражданами СССР. Оказывать посильную помощь родине. Обстановка была такова, что открыто выражать свое сочувствие было нельзя – в Шанхае установился прояпонский режим Ван Цзинвэя. Однако шить кисеты, вязать носки и варежки, мастерить подарки, помогать родине деньгами и вещами, – все это дозволялось, и сотрудники консульств вместе с советскими клубами организовали сбор средств и подарков в пользу Красной Армии. Не только рядовые граждане, но и крупные бизнесмены, бывшие военнослужащие, торговцы и служащие различных учреждений, – все принимали участие, чтобы поддержать СССР и героический советский народ. Многие тайно финансировали просоветские издания печати в Харбине и Шанхае. Средства поступали через Красный Крест. Известный эмигрантский исследователь П. Балакшин, автор двухтомной монографии «Финал в Китае»⁶, писал в своей книге, что дата начала

Великой Отечественной войны стала датой массового умопомешательства русской эмиграции в Китае, в особенности в Шанхае. Все от мала до велика, невзирая на свои заслуги или преступления перед родиной, осознали, что прежняя их жизнь, их существование закончились. Этой жизни пришел конец. Все хотели на фронт, все хотели помогать Родине.

Существуют разные точки зрения историков в отношении позиции эмиграции в период Великой Отечественной войны. Некоторые советские историки стремились доказать, что большая часть эмигрантов поддержали антигитлеровскую коалицию из патриотических соображений, считая, что необходимо выступить в защиту Родины. Но вот интересные данные дает эмигрантская периодика первых дней войны. Приведем основные положения статьи, сохранив стиль изложения.

«Русский вопрос. Ярко проявившуюся среди значительной части русской эмиграции горячую любовь к отчизне местные советские журналисты пытались исказить и провокационно писали, что “русская эмиграция стала просоветской” и русский патриотизм называли “советским” патриотизмом. Мы тогда же открыто выступили против подобного провокационного приема и в передовых статьях доказывали, что ни здесь за рубежом, ни там, на родной земле, никогда не было и нет никакого “советского” патриотизма, а был, есть и будет только один чистый патриотизм, русский. Значительная часть русских патриотов, именуемая не точно “оборонцами”, так же, как и все русские люди на родной земле, всегда отделяли интернационал от России и советскую власть никогда не считали русской властью. Но русский народ, конечно, не хочет разгрома России, не хотят этого и русские патриоты за рубежом. Она страдают при чтении известий об уничтожении русских городов, сел и деревень и тяжело переживают гибель миллионов

русской молодежи, своих братьев, и часто же своих сыновей и внуков...

Советские журналисты, конечно, понимают истинные чувства русских патриотов, но они сознательно старались исказить их с чисто провокационными целями...

Труднее эти чувства понять иностранцам, особенно трудно понять всю глубину разницы между русским и не существующим советским патриотизмом, т. к. с иностранной точки зрения СССР и Россия – синонимы. На самом деле этого нет: СССР это не Россия... Но так как географические границы СССР совпадают с Российскими, то иностранцам трудно отделить понятие России от СССР...

Но очень хорошо объясняет эту разницу факт, произошедший в Америке. По словам американской «Новой Зари», большая группа офицеров подала в советское консульство заявление следующего содержания: “Мы антикоммунисты, мы дрались против большевиков и по-вашему мы – “белобандиты”. Но мы любим родину и желаем защищать ее, поэтому просим командировать нас на боевой фронт с тем условием, что если мы останемся живы, вы можете нас расстрелять в конце войны”...

Об этом же говорит и знаменитый отряд генерала Рокоссовского, блестяще отражающий сейчас атаки немцев в районе Твери. Этот отряд набран из врагов советской власти, получивших от той власти только тюрьму, концлагеря и подневольные работы. Но эти люди любят родину больше своей жизни, больше всего на свете и сейчас героически бьются за нее...

Заявление офицеров-“белобандитов” и отряд Рокоссовского совершенно точно определяют те чувства, которыми охвачена сейчас большая часть русской эмиграции с начала войны. В этих чувствах, конечно, нет и тени какого-то несуществующего «советского» патриотизма, а есть только одна

жертвенная любовь к своей страдающей родине и искренняя готовность защищать ее от внешнего нападения даже при наличии там в данный момент интернациональной власти коммунистов...

Конечно, если бы сейчас сам народ мог бы совершить переворот и выдвинуть подлинно народную, национальную власть, то патриотическая “оборонческая” часть русской эмиграции первой приветствовала бы этот переворот, но русский народ предпочитает биться с внешним врагом за каждую пядь родной земли, почему и значительная часть русской эмиграции всей душой остается с русским народом, страдает его страданиями и особенно болеет душой о потоках крови, так доблестно бьющейся за родину, русской молодежи»⁷.

Напомним, что по долгу службы советскими гражданами должны были заниматься советские консульства и посольство СССР. Дипломаты и советские служащие при консульствах давали оценки как самой белой эмиграции, ее национальным группам, так и советской эмиграции в Китае. Известно, что в ходе и сразу после Второй мировой войны произошло существенное изменение сознания белых эмигрантов в отношении СССР. Вот какую оценку давал аналитик советского консульства этим процессам в среде русских эмигрантов:

«...Начало Великой Отечественной войны изменило настроение различных кругов русской эмиграции. Как результат – рост симпатий к СССР, к братской семье его народов. Не бесследно прошла Великая Отечественная война и для многочисленной русской эмиграции в Китае... Значительная часть русского населения явно и тайно принимала участие в сборе средств и подарков для советской армии. Многие эмигранты в Маньчжурии обращались в советские консульства с просьбой отправить их на фронт

с тем, чтобы они смогли искупить вину перед родиной. Русское духовенство, отражая поворот в умах верующих, проводило молебны за победу русского оружия. Бóльшая часть эмигрантской молодежи помогала советским воинам в борьбе с японцами, оказывая помощь в охране вражеского промышленного оборудования, так как боялась, что оккупанты могут его взорвать и причинить вред населению. Женщины помогали раненым, собирали средства в фонд борьбы с захватчиками. В советские консульства и на имя командования Красной Армии за годы войны обратились несколько десятков тысяч граждан с просьбой получения советского гражданства. В результате победы в Великой Отечественной войне Советского Союза изменилось политическое лицо русской эмиграции в Китае»⁸.

Смена настроений большей части эмиграции привела к тому, что значительная часть бывших граждан Российской империи в конце войны заявили о желании вернуться на родину. За этим последовал Указ Президиума ВС СССР, предоставивший бывшим подданным царской России возможность получить советское гражданство, а лицам, потерявшим гражданство СССР, восстановить его. В результате на 30 сентября 1946 г. в Китае от русских эмигрантов было подано всего 155090 заявлений о приеме и восстановлении в гражданстве Советского Союза⁹. Началось постепенное возвращение людей на родину. В 1947 г. в СССР вернулись 5 тыс. человек. Своей победой над оккупантами в Великой Отечественной войне СССР не только вызвал уважение мирового сообщества, но и помог русским эмигрантам в Китае пересмотреть свое отношение к родине, которую они когда-то покинули.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ван Чжичэн. Жизнь русской эмиграции в современном Шанхае. Шанхайское издательство научных справочных пособий, 2008; Он же: История русской эмиграции в Китае. Шанхай, 1993. (переведена и издана на русском языке в Москве в 2008 г.); Он же: История русской эмиграции в Харбине. Харбин, 2003.
2. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999; Дубинина Н. И., Ципкин Ю. М. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции // Отечественная история. 1996. № 1. С. 70–84; Русская диаспора в Китае: история и современность. Стенограмма Круглого стола, состоявшегося 6 октября 2002 года в г. Шанхае, КНР. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.russianshanghai.com/blog/post407>
3. Русский мир. 1939–1953. http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/4_1939-1953/
4. Источник: Запись беседы с Олегом Леонидовичем Лундстремом 19 июля 2000 года; Тогда в Шанхае.; см. также: http://www.hrono.ru/text/2004/chernik09_04.html; см. также: <http://www.lundstrem-jazz.ru/arhiv.html>
5. Ильина Н. И. Дороги и судьбы. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=101696&pages=95>
6. Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. В 2 т.; 2-е изд. / Биограф. очерк, коммент., биограф. указ. имен. А. А. Хисамутдинова.
7. Русский вопрос // Слово. № 4527. Вторник, 28 октября 1941. С. 1.
8. Местные советские граждане в Китае (включая Синьцзян и Маньчжурию) / АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. 1947 г. Л. 57–68.
9. Там же.

Жизнь русских эмигрантов в Марокко

События Второй мировой войны не могли не отразиться на судьбе русской эмиграции в Марокко. Ее первая волна в этой североафриканской стране сформировалась в основном в период с 1922 по 1933 г. Перед Второй мировой войной, а именно в 1938–1939 гг., произошел еще один всплеск эмиграции русских из Европы в Марокко. География расселения русских на территории Шерифской империи, на начальном этапе определялась прежде всего наличием рабочих мест, предоставленных администрацией французского протектората. Это были в первую очередь портовые и промышленные города. Более половины персонально известных нам сегодня выходцев из России, проживавших в Марокко к 1940 г., были представителями мужского пола. Многие приехали в страну целыми семьями.

Семья для приехавших в чужую страну оставалась одной из главных жизненных опор. Более половины «русских марокканцев» к началу войны находились в возрастном диапазоне от 30 до 60 лет. Эмигранты из России смогли в большинстве своем адаптироваться к жизни в Марокко и в разной степени интегрироваться в европейское общество протектората первой половины XX в. Как духовное, так и физическое существование русских эмигрантов во многом обеспечивали их самостоятельно организованные структуры, в первую очередь приходская община, а также

воинские и гражданские общественные организации. Социальная и идеологическая разнородность русской эмиграции в Марокко приводила, судя по имеющимся документам, к различным разногласиям и конфликтам внутри этих объединений, в том числе и на политической почве.

3 сентября 1939 г. Франция объявила войну фашистской Германии. Боевые действия развернулись и на территории Северной Африки. Многие члены русской эмигрантской общины, находившиеся на французской военной службе, приняли участие в боевых действиях против фашистов на территории Марокко, которые здесь начались 2 сентября 1939 г. и продолжались почти два месяца после капитуляции Франции 22 июня 1940 г. Типичной для русских эмигрантов, проживавших в этой стране, стала история краткого участия в этой войне Михаила Владимировича Подгаецкого¹. В 1939 г. французское правительство обратилось к бывшим легионерам призывного возраста встать в ряды армии. Михаил Владимирович вновь надел военную форму, но в июле 1940 г. он был демобилизован в связи с капитуляцией Франции. Всю оставшуюся жизнь, до 1977 г., он мирно прожил с семьей в Марокко. Не таков был капитан Зиновий Пешков², командир батальона Иностранного легиона. В некрологе, опубликованном после его смерти, сообщается: «После поражения 1940 года он отказался принять перемирие с фашистами и бежал ночью на пароходе, прибыв в Лондон одним из первых». В Лондоне Зиновий Пешков стал ближайшим соратником генерала де Голля³.

18 июня 1940 г. по лондонскому радио было передано историческое воззвание де Голля: *«От имени Франции я твердо заявляю следующее: абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение сопротивления... В данный момент я говорю, прежде всего, обращаясь к французской Северной Африке, не захваченной*

*врагом... Прямой долг всех честных людей – отказаться выполнять условия противника... Пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет»*⁴. Среди тех, кто откликнулся на этот призыв, были и русские эмигранты. Во французских частях генерала де Голля в Северной Африке воевало много русских, которые отличились в боях против фашистов в Тунисе. Об этом писал В.И. Алексинский⁵ в своих мемуарах, изданных уже в послевоенном Париже. Сам Владимир Иванович стал «русским марокканцем» лишь в 1940 г. после бегства из Франции. В 1942-м он вступил в Африканский вольный отряд, а затем примкнул к войскам «Свободной Франции», в чьих рядах он участвовал в боях в Северной Африке, Италии и Франции.

Среди 1056 человек, награжденных орденом Освобождения⁶, есть имена подполковника Д. Амилахвари, Н. Румянцева, командира 1-го марокканского кавалерийского полка, капитана А. Тер-Саркисова и еще семерых русских добровольцев⁷. Выдающийся представитель российской эмиграции первой волны князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари, который жил с семьей в Марокко с 1931 по 1940 г., стал легендарной фигурой в войсках «Свободной Франции»⁸. После начала Второй мировой войны, в апреле 1940 г., легион, в котором служил Д.Г. Амилахвари, был переброшен в Норвегию и вошел в состав англо-французского экспедиционного корпуса. За героизм в Норвегии Дмитрия наградили орденом Боевого креста и присвоили звание майора. После призыва Шарля де Голля Амилахвари вместе со своими соратниками без колебания примкнул к генералу.

Профашистское французское правительство в Виши позднее заочно приговорило Д. Амилахвари к смертной казни. Однако в сентябре 1941 г. в рядах армии де Голля ему присвоили звание подполковника, и он стал командовать

13-й бригадой Иностранного легиона в Северной Африке. Вскоре эту часть перебросили в Ливию. За проявленный на ливийском театре боевых действий героизм Шарль де Голль лично наградил Д. Амилахвари орденом Освобождения. В октябре 1942 г. Амилахвари участвовал в боях при Эль-Аламейне, вошедшем в историю как «второй Сталинград». Утром 24 октября осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен. Ему оказали помощь, но еще две пули попали ему в голову. Амилахвари похоронили с почестями в Эль-Аламейне на французском военном кладбище. Таким образом его слова стали пророческими, когда он их произнес еще во время кампании 1921–1926 гг., сражаясь с берберами Рифа на севере Марокко: *«У нас, иностранцев, есть только один способ доказать Франции свою благодарность: умереть за нее»*. По инициативе Шарля де Голля Амилахвари посмертно был награжден орденом Почетного легиона. В 2006 г. во Франции широко отметили 100-летие со дня его рождения и одной из улиц Парижа присвоили его имя.

«Русские марокканцы» были мобилизованы на разных этапах войны. Например, внук Льва Толстого после высадки союзных войск в Марокко в 1942 г. работал сначала в военном госпитале в Рабате, а затем – главным врачом госпиталя в Мекнесе⁹. Некоторые оставались аполитичными и продолжали служить во французской администрации протектората, как при вишистском правительстве, так и при де Голле¹⁰. Были среди государственных служащих и принципиальные люди, отказавшиеся оставаться на службе у марионеточного правительства Виши до победы во Франции. Большинство эмигрантов из России оставались патриотами своей родины. Об их настроениях свидетельствует ветеран французского Сопротивления, участник боевых действий в Северной Африке, Н.В. Вырубов: *«После 1941 г. все изменилось: Родина подверглась нападению, само*

ее существование было под угрозой. Для тех, кто был воспитан в русском духе, жил в русской среде, главным мотивом участия в войне, безусловно, стала Россия. Они боролись за победу на стороне союзников... Многие из них сочувствовали победам русских войск, гордились ими»¹¹.

О своем отце, жившем с начала 30-х годов в Марокко, вспоминает его сын С.М. Толстой: *«Каждый вечер в семь часов он слушал новости, это стало ритуалом, и ничто на свете не могло оторвать его от радио. Он раздобыл карту России, смастерил красные и белые флажки и передвигал их, радуясь успехам русских и огорчаясь их неудачам. Он вспоминал первую мировую войну, в которой сам участвовал, и все войны, которые пережила Россия за свою историю. Коммунизм был забыт! Он снова гордился, что был русским».* Приблизительно о том же рассказывали автору Прасковья Петровна Шереметева и Владимир Иванович Ус, делясь воспоминаниями о своем детстве в Марокко в период войны. Такая моральная атмосфера преобладала среди русских в Марокко и в послевоенные годы, когда в страну из Европы «пришла» вторая сравнительно массовая волна российской эмиграции, которая стала одним из важнейших факторов как для дальнейшей судьбы русской общины, так и для истории этой североафриканской страны в целом.

Основным и единственным побудительным мотивом эмигрантов из России и Советского Союза к переезду из Европы в Марокко после окончания Второй мировой войны было стремление выжить. Причины, по которым в Германии, где сконцентрировалась их основная масса, выжить было почти невозможно, объяснялись следующими обстоятельствами: голод в стране и в перспективе репатриация в СССР с суровыми репрессиями. *«...Остаться в Германии никто не хотел – страна была не только разорена, но и разрушена. Голод, холод, разруха,*

безработица, безнадежность – а за океаном манит благополучие, сытость, чистота и стабильность... Интересно, что во время войны был еще какой-то порядок. Были карточки, их каким-то чудом отоваривали, был хороший шанс выжить – несмотря на бомбежки и обстрелы. А в 1945, 1946, даже 1947 году вполне можно было умереть от голода, не говоря уже о болезни»¹².

Часть из прибывших в Марокко в 1946–1950 гг. (28%, по расчетам автора)¹³ представляли собой Ди-Пи, или перемещенных лиц, освобожденных военнопленных, иностранцев, насильно вывезенных во время войны на работы в Германию и Австрию с оккупированных территорий или добровольно покинувших их вместе с отступавшими частями вермахта¹⁴. Среди них было много тех, кто состоял в антисоветских организациях, по разным причинам служил в частях Русской освободительной армии (РОА) под командованием генерала Власова. Обработка биографических данных эмигрантов второй волны в Марокко позволила сделать вывод, что 69% из них, то есть большинство¹⁵, были эмигрантами первой волны, осевшие в странах, освобожденных Советским Союзом (Албания, Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия, и др.) и Восточной Германии. Они были вынуждены бежать от Красной Армии и присоединились ко второй волне эмиграции, справедливо опасаясь репрессий¹⁶. *«У Марокко вообще не было дипломатических связей с Советским Союзом, так что русские Ди-Пи там были в безопасности»¹⁷.*

Другой весомый довод «за» переезд в Марокко сформулировала в своем выступлении одна из участниц событий Ирина Шимановская, известная нам сегодня как Ирина фон Шлиппе: *«... в Европе нужны были шахтеры и прислуга, в США и Австралии – сельхозрабочие, и люди уезжали, хотя и зная, что несколько лет они будут фактически*

крепостными рабами. А маму никто не брал... Только Австралия, Канада и Марокко брали почти всех подряд – им нужны были ЛЮДИ, как таковые. Мама решила так: Австралия слишком далеко, оттуда мы уже не вернемся в Европу, а культура – это Европа. В Канаде холодно, а за войну мы натерпелись холода. Марокко – страна французской культуры, дает всем детям стандартное французское образование, оттуда недалеко до Европы – едем в Марокко»¹⁸. В Марокко к тому же «брали быстро, без квоты, даже молодых вдов без профессиональной квалификации», подтверждают мемуары другого эмигранта¹⁹.

Местом сбора для тех, кто впоследствии попал в Марокко, стал германский лагерь Менхегоф, находившийся в ведении администрации Объединенных Наций по ликвидации последствий войны и восстановлению (ЮНРРА)²⁰. Менхегоф объединял несколько окрестных лагерей, начальником которых был Константин Васильевич Болдырев²¹, а в Менхегофе и в каждом лагере-филиале были свои начальники. Одним из них был будущий создатель русского театра в Касабланке Венедикт Александрович Коссовский (Абданк-Коссовский)²². В феврале 1946 г. К.В. Болдырев поставил перед Исполнительным бюро Народно-трудового союза (НТС) – известной антикоммунистической эмигрантской организации – вопрос об отъезде группы членов НТС и бывших служащих РОА в Марокко, страну, где была возможность трудоустроить достаточно большое число переселенцев²³.

В условиях начинавшейся холодной войны Северо-Западная Африка вызывала большой интерес со стороны наиболее политически активной части эмигрантов. Как свидетельствуют источники, этому региону отводилась важная роль в разработанной НТС стратегии антисоветской деятельности. Не случайно, например, в 1948 г. рассматривался

вопрос о том, чтобы наладить выпуск знаменитого антисоветского журнала «Посев» в Алжире. Обосновывая это предложение, один из лидеров французского отдела НТС Р.П. Рончевский²⁴ объяснял: «Место совпадает со стратегическим планом на случай драки»²⁵. Речь шла, конечно, не столько об Алжире, сколько о Марокко. В фондах Архива Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (Германия) хранится составленная членами НТС информационная справка о Танжере, факт появления которой ясно указывает на намерение некоторых деятелей НТС организовать переезд туда русских эмигрантов из Европы²⁶. Как мы видим, намерение это было вскоре претворено в жизнь.

Итак, 14 мая 1946 г. К.В. Болдырев оставил пост администратора лагерей и посвятил себя деятельности по устройству русских Ди-Пи на работы в Бельгию, Марокко и другие страны. При его участии была открыта фирма СОМЕП, под которую был получен заем и пожертвования для устройства переехавших в другие страны перемещенных лиц²⁷. В результате К.В. Болдыреву удалось достигнуть предварительных договоренностей с заинтересованными фирмами-работодателями в Марокко и собрать необходимые для переезда и обустройства на новом месте массы людей финансовые средства. *«...На первое время, а главное на обеспечение жилья, необходимы были деньги. По моей просьбе фирма получила в заем от князя С.С. Белосельского-Белозерского 1000 долларов, а через Д.Н. Федченко, жившего в Париже, еще 5000 от вдовы и от дочери С.В. Рахманинова, Т.С. Кнюс. Оба эти займа были в срок и сполна возвращены»*²⁸.

Данные о численности перемещенных лиц, прибывших в Марокко и составивших вторую волну русской эмиграции в этой стране, довольно разноречивы. Поэтому приходится полагаться на оценки участников и свидетелей событий. По информации издания НТС в США *«первая группа*

в 134 человек была не из Менхегофа, но вторая группа, выехавшая в августе 1947 г. была из Менхегофа. В ней было 272 человека, в том числе 26 землемеров, а за ней в конце 1947 г. из Менхегофа отбыло еще примерно 150 человек и с ними о. Митрофан Зноско и регент Е. Евец с семьями»²⁹. Согласно другим свидетельствам, первая группа Ди-Пи, отправившаяся в Марокко, состояла из 80 человек. Это были «молодые парни, вывезенные немцами из СССР подростками на работы. Они шесть лет провели в различных лагерях, нормальной жизни не знали и не очень по ней тосковали. Образования не имели, но на здоровье жаловаться никак не могли и работали хорошо. Группу возглавил некий Копытов, и парней так и называли “копытовцами”. Они начали приводить в порядок ту территорию, которая нам была выделена под лагерь»³⁰.

Вторая группа – 320 человек, в основном интеллигенция. В ее составе были регент церковного хора Евгений Иванович Евец с женой и четырьмя детьми, сестрами и другими родственниками. В этой партии был и бывший режиссер Малого театра, и профессор истории Ульянов³¹. В третьей группе было 230 человек, и после нее группы были уже не столь многочисленны. Всего – 630 человек. Итог этому перечню подводит фраза очевидца: «И многие другие – люди, ...которые превратили Марокко в ценнейший очаг русской культуры»³². Один из российских исследователей приводит несколько иную информацию. «Первая группа (120 человек), состоявшая из бывших курсантов при 2-й дивизии РОА (власовских кадет), была отправлена под руководством К.В. Болдырева в июне 1947 г. К концу 1947 г. в Марокко переселилось около 600 человек»³³. По данным другого российского историка, с мая 1947 г. по 1952 г. из западных зон Германии и Австрии в Марокко попало 355 человек³⁴. Можно предположить, что в данном случае речь не идет об обитателях лагеря Менхегоф. Деятельность по переселению обитателей

лагерей Ди-Пи из Германии и устройству их на работы в Марокко, Бельгию, Францию и другие страны продолжалась практически до начала 1950-х гг.³⁵

В силу того, что весомую долю среди людей, получивших статус беженца, составляли «предатели советской Родины», которых структуры НТС обеспечили фальшивыми документами, советская разведка, а затем заграничные учреждения Советского Союза продолжали следить за их перемещениями по миру. Информация о колонии так называемых перемещенных советских граждан в Марокко, собранная сотрудниками МИД СССР, подтверждает прибытие в 1946 и 1947 гг. двух партий в составе 400 и 250 человек³⁶. Таким образом, численность организованной второй волны русской эмиграции в Марокко можно оценить приблизительно в семьсот-восемьсот человек. Одна из участниц этого переселения, бывшая в то время еще ребенком, Ирина Короленко в своих воспоминаниях о Марокко говорит, что из Германии в декабре 1947 г. их перевозили партиями через Италию и Алжир. Лично она была в группе из 93 человек. Она также отмечает, что *«на первую Пасху... у нас собралось со всего Марокко около пятисот человек»*³⁷.

При этом следует принимать во внимание, что прибывавшие в этот же период «неорганизованные» беженцы из Европы не поддаются учету. Данные, почерпнутые в мемуарах и архивных документах середины 1950-х годов, свидетельствуют о том, что приток русских в Марокко после Второй мировой войны превысил две тысячи человек³⁸. Результаты статистической обработки имеющихся в нашем распоряжении сведений показывают, что более 75% эмигрантов второй волны переехали в Марокко в 1946 и 1947 гг., и только 17% – в 1948 и 1949 гг., остальные – в период до 1954 г. Информация о том, где и как поселились вновь прибывшие на Северо-Западной оконечности

Африки, сохранилась в их собственных воспоминаниях. Один из лидеров марокканского отдела НТС, многолетний корреспондент парижской газеты «Русская мысль» под псевдонимом Рей-Лохмач, Евгений Васильевич Калинин так характеризовал первые годы существования этой волны эмиграции: *«Русская публика, как приехала и поселилась в барачном пригороде Бурназель (Bournazel), так там, в большинстве случаев и застряла, ютясь в условиях... со всякими их недостатками, ценя, главным образом, то, что живешь среди своих...»*³⁹

К счастью, до сих пор живы люди, которые могут описать виденное своими глазами, то, что представляло их повседневный быт на протяжении многих лет. *«И вот мои первые воспоминания детства о жизни нашей: поместили нас, значит, в бараках. Бараки эти, домики такие, особнячки. И жило в одном таком домике несколько семейств. Отделялись друг от друга просто: вешали жалюзи из бамбука или же просто какую-то материю тяжелую. И абсолютно все было слышно, что происходило у соседа... Не всех поместили в Бурназель. Вот, например, моя тетья, Елизавета Семеновна Евец, им дали в Касабланке дома уже получше»*⁴⁰. Условия жизни в лагере Бурназель первоначально были очень суровыми. Жили в длинных бараках без элементарных удобств. Вода была в колодце, а деревянный туалет построили на улице между бараками. *«А нам утолить жажду нечем – в лагере Бурназель нет воды. Ее провели только через несколько дней. Копытовцам пришлось еще хуже. Да и вторая группа страдала больше нас, но первое впечатление и для нас было страшное. Крыши покрыли, двери повесили, окна вставили – хотя стекла в них заменяла мельчайшая сетка, опыленная каким-то полупрозрачным раствором, который высыпался при малейшей попытке навести чистоту. Представители ООН выдали хоть и крохотные, но все же реальные деньги*

на покупку самого необходимого – матрас, кастрюля, примус, ведро. Остальную мебель мастерили сами из деревянных ящиков из-под апельсинов»⁴¹. Таким запомнила лагерь Бурназель Ирина Шимановская, попавшая туда подростком вместе с матерью. Позже французская администрация построила в Бурназеле шестиэтажные многоквартирные дома для беженцев. *«Значит, после этих особнячков, где мы жили все вместе, через занавески, мы переехали в эти блоки, и русские, каждый выбирал себе свой блок»*⁴².

Русские эмигранты второй волны жили изолированно от окружающего их европейского и арабского общества. *«Еще я помню то, что мы делились на три группы в этом Бурназеле. Французы от всех нас были отдельно. Они были европейской колонией. Они были господами, они заведовали всем, значит, и доступа нам к ним не было. Или если и было, то совсем немножко. Потом была испанская колония, довольно такая красочная и интересная. И были мы, беженцы, эмигранты несчастные, у которых ничего не было»*⁴³. Почти никто из вновь прибывших не знал местного языка – ни французского, ни тем более марокканского диалекта арабского. Но все постепенно научились, потому что, только освоив местные языки, подавляющее большинство эмиграции могло выжить в условиях Марокко. Со временем те, кто смог заработать достаточно денег, а главное – стремился улучшить условия своего существования, переезжали в Касабланку, снимая или приобретая квартиры и дома.

Зинаида Колтовская вспоминала, будучи уже в Париже, что *«... в Касабланку мы перебрались, когда мне было 12 лет или 13 лет. Потому что папа купил виллу, и мы жили в этой трехэтажной вилле. На первом этаже были эти бюро у него, а мы жили на последнем, на третьем. И подвальные были помещения»*⁴⁴. Других заставил покинуть тесный круг друзей, родственников и единомышленников поиск работы.

Многие мужчины занимались на геодезические съемки – измеряли земельные угодья, строили плотины и дороги. Они выполняли работу, на которую никто из европейцев не соглашался – ведь никто не хотел жить «на террене», то есть на изучаемом объекте, в пустыне, в армейской палатке без каких-либо удобств. Так русские второй волны, холостые и семейные, постепенно проникали вглубь страны, оседали в удаленных от побережья городах, что составляло известную проблему и для окормлявшего их священника Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). *«Две трети каждого месяца приходилось проводить в разъездах по Марокко, чтобы собрать в одну семью в 22-х пунктах, по всей стране разбросанных русских людей»*⁴⁵.

К середине 1950-х годов, когда уже можно говорить о сложившейся схеме расселения русских, прибывших из послевоенной Европы, она имела следующий вид: Агадир – 1,7%, Азру (в горах над Фесом) – 0,6%, Бурназель (пригород Касабланки) – 40,5%, Мазаган (эль-Джадида) – 1,2%, Марракеш – 7,5%, Касабланка – 23,1%, другие пригороды Касабланки – 1,7%, Кенитра (Порт-Лиоте) – 1,7%, Ужда – 2,3%. Остальные проживали там, где была работа – в местечках, которые не всегда можно найти на карте современного Марокко. Массив данных, почерпнутый из архивных документов, устных и письменных воспоминаний и даже фотографий, сделал возможной попытку анализа социального и профессионального состава русской послевоенной эмиграции в Марокко. В дальнейшем это позволит нам с определенной долей объективности исследовать вопросы взаимодействия представителей двух волн эмиграции в Марокко, определить положительные и отрицательные факторы, повлиявшие на взаимоотношения с принимающим обществом, европейским и арабским. Роль этого контингента в российско-марокканских гуманитарных и межкультурных

связях также было бы сложно оценить без понимания его места в социальной структуре местного общества.

Представители первой волны были прежде всего интеллигенцией по своему социальному происхождению. Большинство эмигрантского корпуса составляли офицеры белой армии, лица свободных профессий, известные музыканты, художники, писатели и поэты. Оказавшись за границей, они сохраняли прежние фамилии и, за редким исключением, жили и работали вполне легально. В отличие от первой волны, вторая была народной, а не элитарной эмиграцией, хотя там и были известные представители научно-технической и художественной интеллигенции. Спасаясь от принудительной репатриации в СССР, они были вынуждены менять фамилию, национальность, место проживания и профиль работы⁴⁶. *«Между прочим, очень многие меняли у нас фамилии. У нас, например, был в Марокко такой Гнедич, богач, из “нашей” эмиграции. Так это была не его фамилия. Он ее поменял. Потому что люди так боялись, что их потом будут вылавливать, поймают и переведут, перешлют в Советскую Россию...»*⁴⁷ На личные документы Г.В. Гнедича автор натолкнулся в 2010 г. среди бумаг, оставленных навсегда их прежними владельцами в Успенском храме в Касабланке. Существует два варианта удостоверений личности Григория Гнедича и его жены Марии Васильевны, где даты рождений совпадают, а места рождения отличаются даже странами: Латвия – Литва – СССР⁴⁸. В Марокко Гнедич работал инженером в строительной фирме СОМЕП, созданной К.В. Болдыревым, затем организовал собственное строительное предприятие в Касабланке. С 1978 до 1985 г., то есть до отъезда семьи во Францию, офис фирмы на основании разрешения Синода РПЦЗ в США находился в пристройке на территории Успенского храма, обеспечивая его содержание⁴⁹. Г.В. Гнедич активно занимался благотворительной

и церковно-общественной деятельностью, пользовался уважением и авторитетом в обществе. Судя по найденным членским карточкам, он состоял в различных местных привилегированных организациях⁵⁰.

На самом деле его фамилия была Яропуд. Происходя из крестьян Винницкой губернии, Григорий Яропуд получил инженерно-строительную специальность, служил в РККА. В 1941 г. был призван в Красную Армию. Приказом ГУК МВО № 01006 от 17 апреля 1945 г. объявлен пропавшим без вести в 1941 г. В плену с лета 1941 г. он содержался в Офлаге XIII-Д в Хаммельбурне, а уже в 1942 г. окончил курсы пропагандистов в Вульгайде. В 1943 г. Яропуд направлен в Дабендорфскую школу РОА, по окончании которой работал пропагандистом в одном из лагерей военнопленных. С 1944 г. был назначен начальником группы пропагандистов РОА и старшим инспектором Южной группы войск в Румынии, активно занимался вербовкой в РОА. В конце 1944 г. решением аттестационной комиссии командного штаба ВС КОНР Яропуд был произведен в чин полковника⁵¹. В апреле 1945 г. вместе со штабом находился в Южной группе ВС КОНР генерал-майора Ф.И. Трухина. 9 мая 1945 г. в составе группы сдался в районе Каплице-Крумау представителям 26-й пехотной дивизии 3-й американской армии. Содержался в американских лагерях: Кладенска-Ровна и Фридберг, где смог избежать репатриации. В 1948 г. уехал в Марокко⁵².

Загадка личности Гнедичей заключается не только в разных фамилиях, разночтениях биографических данных. По воспоминаниям современников, Григорий неплохо знал французский язык и благодаря этому смог сразу в Марокко устроиться на хорошую работу. Трансформация Яропуд – Гнедич достаточно понятна: воевал на стороне фашистской Германии, боялся расправы, поменял фамилию и постарался

скрыться подальше от СССР и Европы. Но французский язык? Официальная биография Яропуда говорит о том, что он был по советским меркам очень образованным человеком: в 1925 г. он окончил строительный техникум, в 1931 г. – строительный институт, в 1934 г. – гидротехнический институт в Киеве. В те годы учили немецкий язык, который он хорошо знал. Французский у мальчика из крестьянской украинской семьи? Невероятно! В Марокко Гнедич принимал очень активное участие в организации церковной жизни, можно предположить, что был верующим. Это также странно для советского человека той эпохи. Есть еще один факт, который не объясняет другие факты ни одной из версий его биографии. По данным российского исследователя С.В. Волкова, на могиле Григория Гнедича на кладбище Сан-Женевьев-де-Буа изображен Андреевский флаг, который обычно присутствует на могилах русских моряков. Так кто же вы, господин Гнедич? Возможно, эмигрант первой волны, служивший в армии Власова и взявший документы реально существовавшего человека Григория Яропуда для дальнейшей работы на территории СССР. Наверняка мы это уже никогда не узнаем...

Приведенный пример, а он далеко не единственный, не оставляет нам сомнений, что послевоенная эмиграция находилась в сознательном противостоянии советскому режиму. В 1940-х годах положение эмигрантов объективно осложнялось и такими факторами, как связи с Германией (пусть даже в ряде случаев они возникли против воли самих изгнанников), статус перемещенных лиц или клеймо предателей страны-союзницы⁵³. Это во многом объясняет заметные различия гражданских и профессиональных судеб представителей двух встретившихся в Марокко эмиграционных волн.

Большое значение, на наш взгляд, для адаптации на чужбине оказывало внутреннее психологическое состояние

части эмигрантов – бывших военнопленных. Проблемы, типичные для такой категории соотечественников, описаны в рассказе о судьбе одного из прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате, которого застала в живых представительница следующей эмигрантской волны, состоявшей из советских женщин, вышедших замуж за марокканских студентов⁵⁴. Сдавшись добровольно в плен, Андрей Симонов записался в РОА. Измену родине объяснял страхом за свою жизнь, отсутствием жизненного опыта, слабостью характера. В Советском Союзе у него остались жена и дочь, с которыми он состоял в переписке. Мечтал вернуться на Родину, но думал, что *«не пустят – грех большой за мной»*. В конце концов, преодолев страх и сомнения, оформил себе советское гражданство и получил паспорт, которым не смог воспользоваться, так как погиб в автокатастрофе⁵⁵. Чувство вины, пронесенное через всю жизнь, объективно, на наш взгляд, препятствовало подобным людям занять сколько-нибудь заметное место и в русской общине, и в принимающем обществе. Возможно, поэтому русские жили в Бурназеле замкнуто, закрыто от внешнего мира.

После всего пережитого в Советском Союзе (многие происходили из присоединенных территорий в 1939 и 1940 гг.) люди боялись всего и всех, старались в первую очередь сохранить самих себя. В этом прослеживается сходство с особенностями эмиграции первой волны, как, например, стремление воссоздать привычную духовную и бытовую обстановку, напоминающую покинутую родину: создать свою церковь, свой двор, русскую школу, всё, что помогало сохранить психологическое равновесие. Соприкасаясь с французами и арабами по работе, они не вступали с ними в плотное общение, при первой возможности замыкались в своей среде. Вспоминает отец Анатолий (Ракович)⁵⁶: *«... Просто, я повторяю, люди просто жили. Потому, что мы*

пережили (наши родители пережили в Советском Союзе), куда бы нас судьба ни ставила, старались, в первую очередь, сохранить себя больше всего. Церковь была наша, был наш двор, наша школа русская, все это нас сохраняло и охраняло. Мы не так даже с французами были в таком полном общении, мы довольно замкнуты были, наша компания, наша русская среда»⁵⁷.

Социальный состав второй волны эмиграции был неоднороден. Здесь было много инженеров, геодезистов, с одной стороны, а с другой – представители творческих профессий – музыканты, режиссеры, актрисы, балерины, ученые-гуманитарии⁵⁸. Им было трудно физически и морально, потому что люди работали, как правило, не по специальности, так как человеку, который был инженером в Югославии, быть простым чернорабочим в Марокко (то есть в протекторате Франции), наверное, было трудно в 40 лет⁵⁹. Не менее тяжело в моральном плане было боевому офицеру работать ночным сторожем⁶⁰, а одному из выдающихся певцов русского зарубежья осваивать профессию чертежника, чтобы содержать семью⁶¹. В то же время было много людей со средним образованием, без особой квалификации. Им доставался соответствующий труд. *«Моя мама, которая работала за гроши у местной дамы, изготавливала шелковые абажуры...»⁶²* Кто-то обслуживал американскую военную базу, кому-то удалось поступить служащим в американскую телеграфную компанию, молодежь подрабатывала летом в различных французских и американских заведениях. Об уровне жизни этой категории русских эмигрантов второй волны свидетельствуют слова Ирины Шимановской: *«...в 15 лет я стала зарабатывать – давала уроки русского и французского. Мы с мамой жили настолько скромно, что денег за мои 4 урока в неделю едва хватало нам с мамой на питание»⁶³.*

Но, самое главное, что отмечали сами эмигранты, в Марокко им удалось создать ту стабильность, которой они лишились в результате исторических катаклизмов, выпавших на их долю. После очень трудных первых месяцев определился быт в лагере Бурназель. Дети распределились по школам, взрослые, кто смог, нашли себе работу. Бабушки готовили пищу (на мангалах и примусах), присматривали за детьми, шили, стирали. Им за это платили те, кто учился или работал. Женщины, владевшие французским языком, зарабатывали на жизнь, преподавая его всем желающим. Врачи работали по специальности, хотя их диплом не признавали, и они вынуждены были числиться только средним медицинским персоналом. Характерной чертой этих людей была борьба за жизнь, никто не сдавался, хотя многие умирали. *«...Особенно среди копытовцев. У них не было того стержня, который держал семейных наших людей... Парни жили не так, как семьи, они не отгораживались друг от друга. Вдоль барака стояло два ряда коек, около каждой койки стул, на каждой койке копытовец – и арабка-наложница... Мало кто уделял копытовцам внимание, и понятно, что они стояли на земле менее прочно, чем большинство нашей эмиграции»⁶⁴.*

В результате Второй мировой войны Марокко стало прибежищем еще одной довольно многочисленной группы выходцев из царской России и СССР, состоявшей из военных, сражавшихся против Красной Армии в составе РОА, Русского охранного корпуса и других соединений⁶⁵, а также гражданских лиц, угнанных фашистами с территории СССР⁶⁶, так и добровольно покинувшими ее вместе с отступающими частями вермахта. В составе этого контингента выделялась группа эмигрантов из России первой волны, которые до 1940 г. оставались в Югославии и других странах Европы. Те из них, кто остался в живых, участвуя во Второй

мировой войне в составе Русского охранного корпуса, в партизанских отрядах или находясь в концентрационных лагерях, так или иначе к концу войны оказались в лагерях для перемещенных лиц в Германии. Поскольку все эти люди прибыли в Марокко в 1947–1949 гг., мы относим их ко второй волне русской эмиграции в этой стране. Таким образом, на одной территории произошло смешение и даже столкновение воевавших «за» и «против» фашистской Германии, «за» и «против» «Свободной Франции». В дальнейшем эти противоречия приводили к конфликтным ситуациям внутри русской эмигрантской общины в Марокко.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подгаецкий Михаил Владимирович (? – 05.07.1977, Рабат (Марокко). Гражданин Франции // Из списка захоронений христианского кладбища в г. Рабат (Марокко), не опубликовано; из бесед Н. В. Сухова с Кулаковой-Эль-Кинани Н. А. Полевые материалы автора, 2005–2011. Рабат (Марокко); по материалам краеведческого сайта.
2. Крестный сын А. М. Горького.
3. См.: Пархомовский, М. А.: Сын России, генерал Франции: об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова. М., 1989.
4. Шарль де Голль, Воспоминания о войне, речи 1940–1942. Париж, 1954. С. 69–71.
5. Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопrotивления во Франции. Париж. 1947. № 2; использованы материалы сайтов: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=10745>; <http://www.hubara-rus.ru/heroes.html>
6. Орден Освобождения учрежден генералом де Голлем в 1940 г., им награждали за особые отличия.
7. Сологубовский, Н. А.: <http://interaffairs.ru/read.php?item=7633>

8. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биограф. слов.: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М, 2008; Беляков В.В.: Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945): Неизвестные страницы войны. М., 2010; по материалам сайта <http://www.georgianpress.ru/tbilisi-week/our-past/5732-knyaz-amilahvari-geroy-francuzskogo-soprotivleniya.html>
9. По материалам сайта семьи Толстых: <http://tolstoys.ru/tree/descendants/42-tolstaya-a-m/>; Луконин Ю.В.: Марокканские будни изгнанников. Российская диаспора в Африке 20–50- годы. Москва, 2001. С. 62, 63; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 6–2. М., 2006; Pauline de Mazières: Histoires de Russes au Maroc. Fragment I. Tangier. 2010. С. 26.
10. Полевые материалы автора, 2009–2010. Рабат.
11. Вырубов Н.В. В память павших воинов. (Имена русских, павших в рядах французской армии и Сопротивления 1939–1945 гг.). Париж, 1991. С. 5.
12. Шлиппе, Ирина, фон: 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. Выступление в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 24 сентября 2012 г., Москва // http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf
13. Расчеты автора основываются на статистической обработке выявленных в процессе исследования биографических данных эмигрантов второй волны.
14. Перемещенные лица – DP – Displaced Persons – Ди-Пи – иностранцы, насильно вывезенных на работы в Германию и Австрию. Летом 1945 таковых насчитывалось от шести с половиной до семи миллионов. Подавляющее большинство к лету 1946 г. вернулось на родину, но около миллиона отказалось репатриироваться // *Enciclopedia Britannica*, 1960, v. 19. С. 59.
15. Полевые материалы автора. Рабат – Москва. 2010–2012.
16. См.: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996.
17. Шлиппе, Ирина, фон: 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. Выступление в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 24 сентября 2012 г., Москва // http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf
18. Там же.
19. Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 131.

20. UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА – создана в ноябре 1943 г. при финансовом и организационном участии 44 государств. Все страны согласились пожертвовать для этой цели 1% национального дохода, что составило около миллиарда долларов США. После прекращения деятельности этой организации 30 июня 1947 г. ее сменила IRO – International Refugee Organization – Международная организация помощи беженцам, предназначенная для опеки и расселения Ди-Пи, отказавшихся возвращаться на родину по политическим причинам, и получивших статус беженцев. Переезд русских в Марокко, организованный НТС, был осуществлен не только без помощи, но даже вопреки UNRRA/ IRO. // ЗА СВОБОДНУЮ РОССИЮ, Сообщения местной организации НТС на Востоке США, № 29 (58), февраль 2005 г., R. Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY, USA.
21. Болдырев Константин Васильевич, младший сын генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева, родился в 1909 г. В 1920 г. К.В. Болдырев вместе с братом Василием был вывезен матерью Любовью Витальевной Болдыревой в Китай, а оттуда – в Сербию, где он окончил Кадетский корпус, затем – Белградский университет. Таким образом, хронологически он относится к группе эмигрантов первой волны. Был одним из основоположников и руководителей Народно-трудового союза (НТС), организации, созданной в 1930-х годах молодым поколением эмигрантов, которые поставили перед собой цель – свержение коммунизма. В 1942 г. он вместе с другими членами НТС проникает на оккупированную территорию России, где обеспечивает себе легальный статус и право передвижения с помощью организации небольшой строительной фирмы «Эрбауэр». В 1944 г. перебирается в Вену, а затем в Тюрингию. С приходом американцев К.В. Болдырев назначается организатором и администратором перемещенных лиц в районе ландкрейса Хохенштейн и вводится в состав Военного управления американских оккупационных войск. Практическая работа К.В. Болдырева включала в себя организацию быта, работы и досуга подведомственных ему лагерей Ди-Пи: Менхегоф, Фюрстенвальд, Ротвестен и Циренберг. Контингент лагерей состоял из русских эмигрантов 1-й волны, имевших иностранное подданство или апатридов, остовцев из бывших советских граждан, военнослужащих РОА и иных добровольческих формирований и др. Значительное число среди них составляли члены НТС. (Попов А.В. Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции, Кемерово, 1999. С. 48–54; Елена Болдырева-Семлер, Дань отцу – Константину Болдыреву // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 66–71.)

22. Абданк-Коссовский Венедикт Александрович (01.02.1918 г., Москва – 10.12.1994 г., США). Общественный и политический деятель. Отец – потомственный дворянин, офицер императорской армии. В.А. Коссовский лишился отца, когда ему был один год. В 1921 г. вместе с матерью выехал в Литву, где поселился в Ковно. Учился в русской гимназии. Служил в литовской армии. Подвергался преследованиям в периоды советской и фашистской оккупации Литвы. В 1944 г. выехал на Запад. Находился в рабочем лагере «Берг» в Австрии, где окончил курсы геодезистов. Возглавлял после окончания войны лагерь Менхегоф. В 1947 г. переехал в Марокко вместе с семьей Сазонова Ростислава Дмитриевича. Работал чертежником в техническом бюро в Агадире. Затем жил в Бурназеле, где работал землемером. Основал русский театр в Касабланке. Сотрудничал с журналом «Посев». До 1956 г. был членом НТС. В 1956-м порвал с этой организацией. С 1961 г. – в городе Сиракузы (США, штат Нью-Йорк). С 1976 г. – председатель Сиракузского отдела Конгресса русских американцев. В 1982 г. организовал и провел Всеамериканское совещание русских организаций. В 1993 г. первый раз посетил Россию // Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 1. М., 1999; К.В. Болдырев, Менхегоф – лагерь перемещённых лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 123; по материалам сайтов: «Русское зарубежье» – <http://russians.rin.ru>, <http://www.mochola.org/russiaabroad/popov/index.htm>, <http://www.whiterussia1.narod.ru/EMI/LIETUVA.htm>
23. Болдырев К.В.: Менхегоф – лагерь перемещённых лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 124.
24. Рончевский Ростислав Петрович – участник Белого движения. В составе частей полковника М.Г. Дроздовского совершил переход из Румынии на Дон. Воевал в рядах Дроздовской артиллерийской бригады. В эмиграции – во Франции, организатор и лидер Лионского отделения НТС. В 1940-е гг. жил в Париже.
25. Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98. Папка «Переписка с Французским отделом». Р.П. Рончевский – В.Д. Поремскому. 01.11.1948.
26. Там же. Танжер (Информация).
27. Попов А.В. Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции. Кемерово, 1999. С. 48–54.
28. Там же. С. 138.

29. Итого 556 человек // ЗА СВОБОДНУЮ РОССИЮ, Сообщения местной организации НТС на Востоке США. № 78, октябрь 2006 г., R. Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY 11040–3909 USA.
30. Шлиппе, Ирина, фон: 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. Выступление в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 24 сентября 2012 г., Москва // http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf
31. Вскоре он был приглашен в Канаду, где успешно проработал по специальности и на своем уровне – редчайший случай!
32. Шлиппе И., фон. Указ. соч.
33. Попов А.В. Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции. Кемерово, 1999. С. 48–54.
34. Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 21.
35. Попов А.В. Указ. соч.
36. Справка о перемещенных советских гражданах, проживающих в Марокко. Посольство СССР в Марокко, г. Рабат, 13 марта 1972 г.
37. Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 72, 77, 131.
38. Например, не учтенный остается поток, направлявшийся в международную зону Танжер, а он был относительно многочисленным // Вейцман Ф. Без отечества. История жизни русского еврея. Тель-Авив, 1981; Ирина фон Шлиппе говорит о двух с половиной тысячах человек только в Касабланке // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 131.
39. Рей-Лохмач. У подножья Атласа. От нашего корреспондента. Русская Мысль. 1952. № 415. С. 4.
40. Зинаида Митрофановна Колтовская родилась 16.08.1947 в лагере Бурназель, за что получила прозвище «мадемуазель Бурназель» (Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.)
41. Шлиппе И., фон. Указ. соч.
42. Там же.
43. Там же.
44. Интервью с З. Колтовской (Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.)
45. Епископ Митрофан (Зноско). Светлой памяти христоролюбивого воина-пастыря. Нью-Йорк, 1965.

46. Корнилов А.А. Об историческом значении русской послевоенной эмиграции в США // Актуальные проблемы американистики. Материалы международного научного семинара «Российско-американские отношения в контексте глобальных изменений». Нижний Новгород, 1998. С. 72–76.
47. Из воспоминаний З. Колтовской (Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.)
48. Латвийское удостоверение личности М.В. Гнедич от 04.09.1945, марокканское удостоверение личности от 28.05.1956 // Архив Успенского храма. Фонд не описан, не опубликовано.
49. Письма митрополита Филарета Г.В. Гнедичу от 05.06.1978 г. и 29.09.1978 г. (на французском языке); письмо митрополита Митрофана (Зноско) митрополиту Фларету, главе Синода РПЦЗ, 28.09–11.10.1985 г. Нью-Йорк. Архив Синода РПЦЗ в США. Не опубликовано.
50. Архив Успенского храма в Касабланке, фонд не описан. Не опубликовано.
51. ВС КОНР – Вооруженные силы Комитета освобождения народов России.
52. Информация составлена на основании документов из германских и советских архивов, опубликованных на сайтах: http://echo.msk.ru/pda/blog/kosmopletov_aristarhh/898721-echo/, <http://coollib.net/b/148403/read>
53. Шлиппе И., фон. Кризис изгнания: поиски социальных и духовных решений в эмиграции. Текст доклада см.: <http://www.religare.ru/article29963.htm>
54. Аудиозапись рассказа Н.А. Эль-Кинани-Кулаковой // Полевые материалы автора. 2010. Рабат. Марокко. Не опубликовано.
55. Симонов Андрей Васильевич (19.03.1903 г., Миллерово – 1979 г., Рабат (Марокко). Апатрид. Гражданин СССР с 1979 г. Родители – Симоновы Василий и Матрена, урожденная Федорова. Власовец. Приехал в Марокко в 1946 г. Занимался пчеловодством. Арендовал пасеку в пригороде Рабата. Основной источник дохода – продажа меда. Был инвалид (без одной ноги). Вместе с братом хотели вернуться в СССР в 1979 г., но не успели, Андрей Васильевич погиб на дороге под колесами военного грузовика.
56. Отец Анатолий (Анатолий Ракович) родился в СССР в 1937 г. После войны и скитаний с родителями по Германии переехал в Марокко. Во Францию его семья эмигрировала в 1958 г. В 1964 г. рукоположен во диакона, в 1976 г. – в священника. В настоящее

время Настоятель Свято-Александро-Невского кафедрального собора в Париже.

57. Из интервью Н.Л. Крыловой с о. Анатолием (Раковичем). Церковь Александра Невского на Рю Дарю. Париж, апрель 2006 г. Не опубликовано.
58. Данные, полученные путем статистической обработки биографических сведений эмигрантов второй волны, собранных из архивных документов.
59. Из воспоминаний З. Колтовской (Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.)
60. Например, Тихонравов Михаил Иванович (23.01.1891, Москва – 04.05.1970, США). Во время Первой мировой войны офицер 20-го драгунского полка. Кавалер Ордена Св. Георгия 4-й степени. В составе Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1918 г. Полковник. Галлиполиец. Эмигрировал в Югославию. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Во время Второй мировой войны воевал в составе Русского корпуса. Участвовал в боевых действиях против партизан в Югославии. После войны был в лагере для перемещенных лиц в г. Шляйсхайм (Германия), где организовал вокруг себя группу из бывших белых офицеров. В декабре 1948 г. вместе с ними покинул лагерь, а в январе 1949-го прибыл в Марокко.
61. Бартош Яков Михайлович (23.11.1912 г.,? – 17.01.1979 г., Нью-Йорк). Певец, музыкант. Выехал из России в детстве. Учился в Югославии в Крымском кадетском корпусе в 1924 г. По окончании кадетского корпуса поступает в музыкальную школу Станкевича по классу вокала. С 1945 г. играл в Большом оркестре радио Белграда и в оркестре Белградской консерватории. В 1950 г. с женой выехал в Марокко, где выступал на радио в сопровождении оркестра. Окончил курсы чертежников, чтобы обеспечить жизнь своей семье. Видя, что в Марокко нет музыкального будущего, в 1956 г. переселился с женой и сыном в США. Считался одним из выдающихся певцов русского зарубежья // Епископ Митрофан (Зноско), Хроника одной жизни. К 60-летию пастырского служения. Нью-Йорк, 1995. С. 183; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008; по материалам сайта: http://xxl3.ru/kadeti/kp20_25.htm.
62. Шлиппе И., фон. Указ. соч.
63. Там же.
64. Там же.

65. Русский охранный корпус (с 12 сентября 1941 г. Отдельный русский корпус, с 2 октября 1941 г. Русский охранный корпус, с 18 ноября 1941 г. Русская охранная группа, с 30 ноября 1942 г. Русский охранный корпус в составе вермахта, с 10 октября 1944 г. Русский корпус в Сербии, с 31 декабря 1944 г. Русский корпус (официально использовалось написание в русской дореформенной орфографии: Русскій Корпусъ) – воинское соединение, сформировано из русских эмигрантов, воевавших против коммунистических партизан Тито в Югославии во время Второй мировой войны. Всего через службу в корпусе прошло 17090 человек, из которых около 11,5 тысяч составляли эмигранты, а остальные были советскими гражданами // Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М., 2010. С. 446–480; Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 97.
66. «Остарбайтеры» по окончании Второй мировой войны получили статус «перемещенных лиц». Перемещенные лица – лица, насильственно вывезенные в ходе Второй мировой войны гитлеровцами и их пособниками с оккупированных ими территорий для использования в различного рода работах. После окончания войны СССР заключил с рядом государств соглашения о репатриации перемещенных лиц из числа советских граждан // Большой юридический словарь. М., 2006.

**Служить России.
Жизнь Вячеслава Ивановича Пентковского**

Великая Отечественная война высветила истинное отношение русских и советских людей к своей Родине и к своему государству. Но как повлияла Вторая мировая война, а в особенности – Великая Отечественная, на судьбы русской эмиграции? Ведь для всех, кто считал себя русским, встала дилемма: что важнее – верность политическим убеждениям, или верность Родине? Что есть защита Родины – борьба с большевиками или борьба с напавшим на Родину внешним врагом?

Рассмотрим этот вопрос на примере судеб конкретных людей, представлявших русскую эмигрантскую диаспору на Дальнем Востоке. Точнее, в Китае – Харбине и Шанхае.

Несмотря на значительную разнородность, русская диаспора в предвоенные годы, особенно в Шанхае, жила в достаточно спокойной экономической и культурной обстановке. Начало японо-китайской войны 1937 г. не внесло особых изменений в положение русских шанхайцев. Однако нападение Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 г. все изменило. Для иностранцев, в том числе и русских, наступили тяжелые времена. Японские оккупационные власти в Китае ужесточили административный контроль над европейцами и американцами, создавали всевозможные препоны для их

экономической деятельности, усилили идеологическое давление на шанхайскую прессу.

Начало Великой Отечественной войны внесло раскол в ряды русской эмиграции. Несколько эмигрантских организаций – «Союз монархистов», «Союз русских военных инвалидов в Шанхае» – заявили о своей готовности сражаться на стороне Германии. Как и представители европейской диаспоры, русские в Китае разделились на «пораженцев» и «оборонцев», причем последних, желавших победы Советского Союза, было значительно больше (в их числе Вс. Иванов, А. Вертинский, Н. Ильина, О. Лундстрем). Так, известный музыкант Олег Лундстрем вспоминает, что «в 1941 году всем оркестром мы подали заявление в Генконсульство СССР – хотели ехать добровольцами на фронт». Свою положительную роль в появлении в Шанхае большого числа симпатизирующих СССР людей сыграл «Союз возвращения на Родину» («Союз возвращенцев»), действовавший в Шанхае с конца тридцатых годов, а также просоветская газета «Родина», называвшаяся с лета 1941 г. «Новая жизнь», и радиостанция «Голос Родины». Все они пропагандировали советский образ жизни и оказывали значительное влияние на настроение многих представителей русской эмиграции.

В своих работах некоторые исследователи осветили судьбы и отношение к войне известных деятелей белой эмиграции в Европе – генерала Деникина и Маркова, а также воевавших в рядах партизан Броз Тито потомка Голенищева-Кутузова, родственников князей Оболенских и Юсуповых. Эти русские поддержали, несмотря на идеологическое противостояние, СССР в его борьбе с оккупантами. Известна судьба и тех, кто под лозунгом «Хоть с чертом, только против большевиков» встали под знамена гитлеровских войск (Шкуро, Краснов и другие). Однако мы мало знаем о судьбах тех, кто не был в лидерах движений,

но кто действительно был основным представителем русской эмиграции.

Активным участником многих событий в Шанхае и Харбине, касавшихся Великой Отечественной войны, был Вячеслав Иванович Пентковский (24/11 мая 1886 г. – 15 февраля 1968 г.), востоковед (китаевед), юрист и путешественник. Он родился в Севастополе в семье, принадлежавшей к старинному польскому роду Пентковских (Pętkowski). В 1904 г. поступает в Петербургское училище Дальнего плавания Императора Петра Первого, которое блестяще оканчивает в 1909-м со званием капитана судна (командира судна). За годы обучения Вячеслав Иванович побывал практически во всех морях и океанах. Совершил несколько кругосветных путешествий, в совершенстве овладел английским и французским языками, буквально влюбился в Китай, «заболев» его культурой и историей. Стал самостоятельно изучать китайский язык.

В 1909 г. он успешно сдает вступительные экзамены и поступает в Практическую Восточную академию Императорского общества востоковедения. (Президент – акад. Н.К. Шведов,

г. С.-Петербург.) Преддипломную практику Пентковский проходил в 1910–1911 гг. в Российском генеральном консульстве в Тяньцзине. В 1914 г. он назначается Управляющим переселенческими участками на реке Зее под Благовещенском, где его и застаёт Первая мировая война. С октября 1916 г. по июль 1917-го он служит на судах Амурской военной флотилии в звании подпоручика по Адмиралтейству (аналог звания лейтенанта флота).

1917 г. резко меняет судьбу этого человека, разделив его семью, оставшуюся в революционном Петрограде, и его самого на долгие-долгие годы. В конце 1918-го Пентковский В.И. появляется в Харбине. Блестящий аристократ и бывший морской офицер принимает китайское подданство и открывает собственную юридическую контору, обслуживавшую клиентов и в Харбине, и в Шанхае.

Но вернемся к началу Великой Отечественной. 23 июня 1941 г. руководство советской внешней разведки получило следующее сообщение: «Ввиду провокационного нападения германских фашистов на мою Родину – СССР – прошу

считать меня мобилизованным для выполнения боевого задания. Готов немедленно отправиться на фронт в качестве рядового бойца или матроса». С такой просьбой к руководству обратился один из ценнейших агентов внешней разведки в Китае, работавший с ИНО ОГПУ с 1924 г. – шанхайский адвокат Пэнкоци. Он же – Пентковский Вячеслав Иванович. Такую просьбу Вячеслав Иванович отправил, прекрасно понимая, насколько важна его работа и работа возглавляемой им группы эмигрантов по сбору информации о противнике – милитаристской Японии, о ее вооруженных силах на Дальнем Востоке и о ее планах вступления в войну.

Известный в эмигрантских и китайских деловых кругах, блестяще образованный ученый-востоковед, совершавший многочисленные научные экспедиции по северным районам Китая, В.И. Пентковский (Пэнкоци) имел связи в самых влиятельных и информированных слоях китайского общества, был вхож в среду политических деятелей, дипломатов, священнослужителей Русской православной церкви за рубежом.

Будучи известным адвокатом и официальным переводчиком, имел знакомство с работниками правоохранительных органов Китая (полиции, жандармерии и суда). Такое положение позволило В.И. Пентковскому предоставлять советской внешней разведке исключительно важные сведения, подтверждавшие отказ Японии от быстрого вступления в войну, что, наравне с сообщениями таких разведчиков, как легендарный Рихард Зорге, позволило советскому руководству и командованию правильно оценить перспективы и перераспределить силы на фронтах.

Вот отрывок из сообщения В.И. Пентковского от 11 мая 1942 г.:

«Известный вам человек после встречи с вернувшимся из Японии начальником политического отдела

жандармского управления 20 апреля заявил, что вопрос о войне Японии с Советским Союзом отложен в “долгий ящик”, так как перед японцами стоит задача наступления на Австралию и Индию. В связи с этим в Шанхае намечается открыть целый ряд японских фирм, организация которых была отложена на неопределенный срок ввиду ожидавшегося военного конфликта с СССР».

В июне 1942 г., работая в качестве адвоката по одному из уголовных дел, он установил, что японская разведка при помощи провокаторов и агентов китайской полиции, внедренных в среду арестованных русских эмигрантов, намерена представить дело как «раскрытие» якобы действовавшей в Шанхае советской разведывательно-диверсионной организации. Принятыми им мерами данная провокация была сорвана. Помощь и поддержку Пентковский оказывал не только далекой Родине и службе разведки. Обладая весомым положением в обществе и большим состоянием, он оказывал поддержку всем соотечественникам, как советским гражданам, так и эмигрантам, помогая им защитой их правовых и имущественных интересов в китайском суде, покрытием судебных издержек за тех, кто был не в состоянии это сделать самостоятельно.

Значительную помощь, в том числе финансовую, он и его супруга – Анна Филипповна – оказывали «Союзу возвращения на Родину». Огромную работу Пентковский осуществлял и по поддержке издания газеты «Родина» («Новая жизнь»), защищал и помогал организационно и финансово радиостанции ТАСС – «Голос Родины». Большую роль, уже после окончания Великой Отечественной, он сыграл в установлении контактов Русской православной церкви с представителями Русской православной церкви за рубежом в Китае (Харбин и Шанхай). Будучи весьма состоятельным человеком, В.И. Пентковский в годы войны неоднократно

предлагал Советскому Союзу помощь в виде передачи имущества и денег в фонд борьбы с фашизмом. Так, в апреле 1942 г. он писал в Москву: «У меня есть прекрасный автомобиль кадиллак «La Salle». Это очень сильная, восьмицилиндровая машина с радиоаппаратурой, с запасными колесами и камерами. Эта машина выдержит какие угодно дороги. Я хочу передать ее в дар Красной Армии. Изыщите возможность переправить ее в Советский Союз». По неполным сведениям из его личного архива, за время войны он передал в фонд борьбы с фашизмом более 5 млн долл. (в золоте).

Автомобиль кадиллак «La Salle», предназначенный В.И. Пентковским для передачи в дар Советскому Союзу.

Конечно, такая активная работа, даже при внешне нейтральной линии поведения, не осталась незамеченной представителями японского командования. Последовали меры репрессивного характера. У Вячеслава Ивановича арестовали и реквизировали недвижимое имущество – «для нужд японской армии», всячески мешали его адвокатской и научной работе. Он был выселен из своего дома, лишен офиса и большей части научной коллекции и библиотеки (что

упоминается им и подтверждается свидетелями в обращении о компенсации потерь от действий японской военщины в 1946 г.). В сороковых годах на него и его дом было совершено три нападения (китайцами и японцами).

...Вряд ли кто-то из студентов или преподавателей Московского института востоковедения в начале 50-х годов прошлого века мог догадаться, что за внешностью невысокого пожилого человека, полноватого, всегда чуть чопорно и аккуратно одетого, со смешинкой в глазах и страстно влюбленного в Китай, скрывается судьба, вобравшая в себя все лучшее, что было в русской эмиграции, все те душевные и патриотические силы, которые позволили русским и за пределами Родины оставаться РУССКИМИ. Служить РОССИИ и, если надо, отдать ей все, включая свою жизнь, даже если Родина и не всегда понимала и достойно оценивала деятельность этих людей.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что при всей разнородности взглядов и политических убеждений для многих русских в Китае Великая Отечественная война стала сильнейшим патриотическим стимулом и возможностью служить своей, пусть и до конца не понятой Родине. Массовая советизация и репатриация китайской диаспоры русской эмиграции в СССР по окончании войны только подтвердила истинное отношение этих людей к своей стране и к своему народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Личный архив В.И. Пентковского.
- Данные, предоставленные Службой внешней разведки РФ.
- Статья «Разведчик-эмигрант» // Советская Сибирь. 1989, 20 декабря.
- Выдержки из книги священника Дионисия Поздняева «Православие в Китае».

Об авторах

1. **Бабкин Сергей Эдуардович** – д.полит.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН
2. **Безугольный Алексей Юрьевич** – к.и.н., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ
3. **Беляков Владимир Владимирович** – д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН
4. **Бойкова Елена Владимировна** – к.и.н., старший научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии ИВ РАН
5. **Болдырев Андрей Викторович** – к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН
6. **Васильев Александр Дмитриевич** – к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН
7. **Васильев Дмитрий Дмитриевич** – к.и.н., профессор, руководитель Отдела истории Востока ИВ РАН
8. **Гагагова Людмила Султановна** – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН
9. **Ибрагимова Зарема Хасановна** – к.и.н., Алма-Ата

-
10. **Кадырбаев Александр Шайдатович** – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН
  11. **Карасова Татьяна Анисимовна** – к.и.н., руководитель Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН
  12. **Катасонова Елена Леонидовна** – д.и.н., руководитель Центра японских исследований ИВ РАН
  13. **Мамедова Нина Михайловна** – к.э.н., ведущий научный сотрудник, заведующая сектором Ирана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН
  14. **Милеев Дмитрий Александрович** – научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН
  15. **Миняжетдинов Ильдар Харрясович** – к.и.н., заведующий аспирантурой ИВ РАН
  16. **Овчинникова Любовь Всеволодовна** – к.и.н., доц. кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
  17. **Панин-Пентковский Кирилл Викторович** – независимый исследователь, Москва
  18. **Сарабьев Алексей Викторович** – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН
  19. **Скоробогатых Наталья Сергеевна** – к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН
  20. **Сухов Николай Вадимович** – к.и.н., научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН

-
21. **Тахнаева Патимат Ибрагимовна** – к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН
  22. **Тихонов Юрий Николаевич** – д.и.н., профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета
  23. **Филиппова Татьяна Александровна** – к.и.н., старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН
  24. **Черникова Лариса Петровна** – к.и.н., старший научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН
  25. **Чудодеев Юрий Владимирович** – к.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН
  26. **Шеремет Виталий Иванович** – д.и.н., главный научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН
  27. **Щербаков Николай Георгиевич** – к.и.н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Научное издание

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВОСТОК

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор М. С. Баландина
Корректор М. Я. Колесник
Верстка И. В. Федулов

Подписано 21.12.2018
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 21,0.
Тираж 500 экз. Зак. № 345

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зв. отделом Федулов И. В.
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5